

Прогулки с Вольфом

Кей Чорнук
Вольф Гиндон

Жизнь в заповедных местах
Коста-Рики

Предисловие

1982 год, 4.30 утра. Путь из Монтеверде в долину Пеньяс-Бланкас казался далеким, утомительным и долгим. Пассат завывал и бросал в лицо какую-то смесь тумана с дождем. Чтобы поверить в возможность совершить подъем в гору с большим количеством туристской поклажи обязательно необходим был кофе с кахета — местным липким карамелизированным нектаром. Нас так сильно искушала возможность увидеть восход солнца с континентального водораздела, меньшая вероятность дождя в ранние часы на атлантической стороне и, если повезет, даже перспектива солнечного дня. Нет ничего более великолепного, чем прогулка в лучах солнца в Пеньяс-Бланкас, когда коршуны с ласточкиными хвостами парят над хребтами нехоженых туманных тропических лесов.

Дорога через заповедник туманного леса «Монтеверде» была жуткой. В те дни в верховьях реки Пеньяс-Бланкас еще паслись коровы, и передвижение копытных было достаточно интенсивным, чтобы превратить дорогу в бугристую мешанину скользких комьев глины, вкрапленных в жидкую грязь. Идти стало легче, когда за вырубками начался лес и путь наш пошел вниз. Земное притяжение становилось союзником, но вскоре тропа стала более каменистой. Носки быстро протерлись в наших дешевых резиновых сапогах, а затем обувь стала натирать ноги.

Перед нами вставал вопрос, где пересечь реку Пеньяс-Бланкас. Выбор зависел от многого: от веса и содержания наших рюкзаков, глубины, на которую были погружены в воду скользкие валуны, от того, насколько хорошо мы владели техникой перехода вброд. Глубина «по пояс» этой быстрой реки говорила, что поток воды может свалить с ног любого из нас. Русло реки было явно ненадежным, так что переход вброд представлялся непредсказуемым мероприятием. С утра начался дождь с мелкой изморосью, и мы были насквозь мокрые к тому моменту, когда днем увидели домик-приют.

Как бы то ни было, но в доме, принадлежавшем Эладио Крузу, практически всегда находилось местечко для путника. Это была такая деревенская гавань. На огне разогревались рис и бобы, а немного погодя появился кувшин с ароматным освежающим напитком вкуса кислого апельсина. На грубом деревянном столе были разложены образцы горбатов и жуков. После захода солнца зажигались свечи, пламя их мерцало и разбрызгивалось, когда на этот свет летели мотыльки и ручейники.

Вдруг с темного хребта в отдалении послышался крик. Чуть погодя мы услышали его снова. Так кричать мог только один человек. Через полчаса мы увидели свет тусклого фонарика, пробивающийся из чащи леса. Вольф Гиндон, мокрый, улыбающийся, с искрящимися глазами, размахивающий видавшим виды мачете, поднимался по ступенькам в дом, требуя кофе. Он поведал нам о своем походе. Как обычно его вояж состоял из нескольких переходов, подобных тому, что проделан нами. Мы услышали о походе по тропе тапира, затем по хребту в отдаленный город. А потом он спустился вниз через жуткое бездорожье и, наконец, добрался до дома Эладио.

Дождь то шел, то затихал, и шум капель, стучавших по металлической крыше, заглушал нашу беседу. К восьми вечера все почувствовали, что на сегодня хватит. Мокрые, грязные, с натертыми ногами, мы уснули благословенным сном биологов, попавших в края биологических чудес.

За час перед рассветом мы услышали глухой посвист голошейной зонтичной птицы. Вольф ушел с первыми лучами солнца. Я смотрел, как он уходит. Стройный человек — сами мускулы и сердце, могучее сердце — возвращается в тихий, мрачный лес.

Никогда в своей жизни — ни до, ни после этой встречи — я не сталкивался с человеком более целеустремленным и веселым, чем Вольф Гиндон. Он всегда шел куда-то с

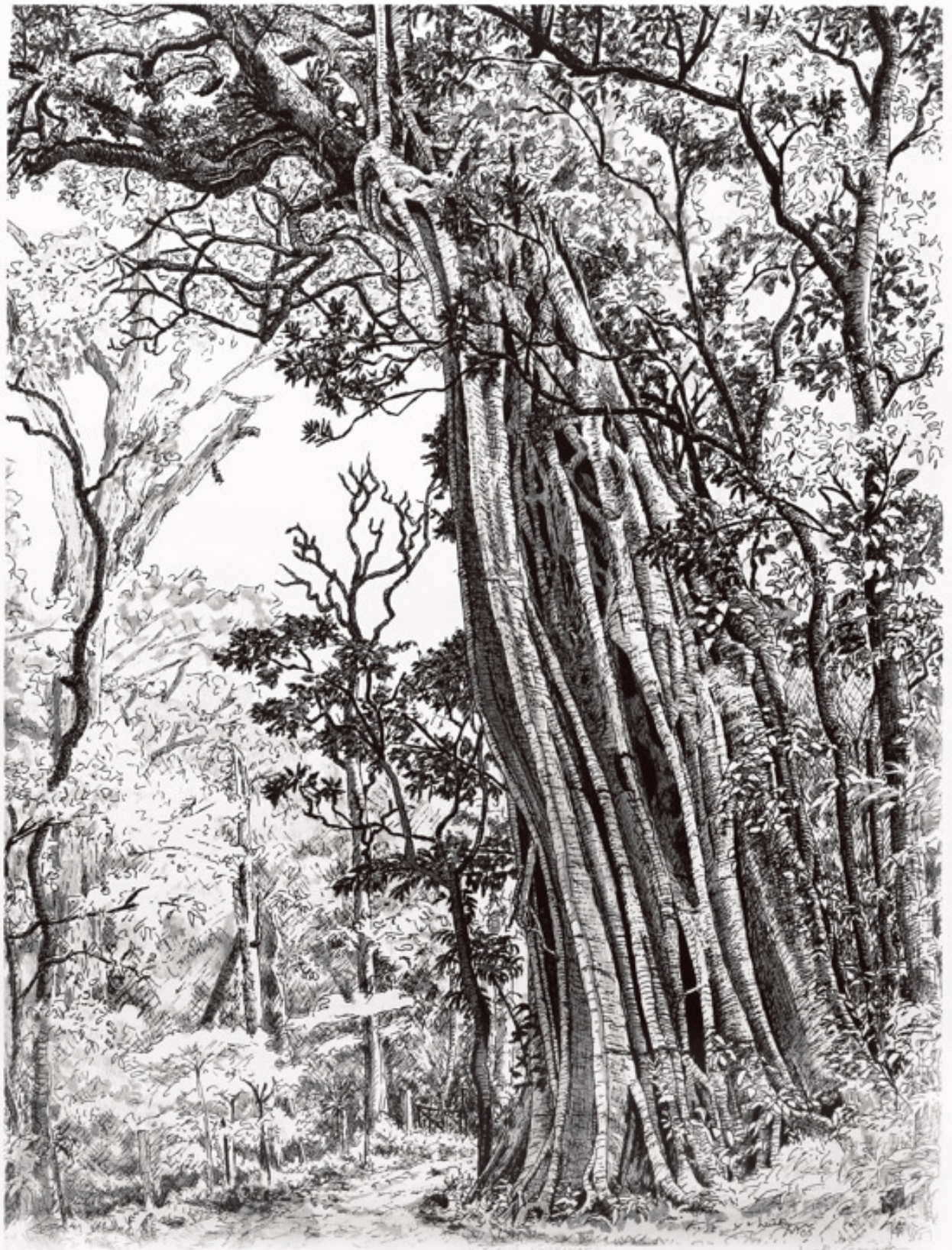
определенной целью. Он любил и по-прежнему любит тропические леса Монтеверде. Более трех десятилетий он был главным хранителем и неутомимым защитником дикой природы Монтеверде и Пеньяс-Бланкас. Только он знал, что происходит в самых отдаленных местах: где кто охотится, что едят тапиры, где оползень накрыл тропу. Вольф сыграл потрясающую роль, вдохновив многих на защиту одного из самых больших тропических лесов, оставшихся в Центральной Америке. Он часть этого пейзажа. Его судьба и судьба этих пышных лесов переплелись навсегда.

Я глубоко благодарен Кей Чорнук за создание замечательного повествования о хорошем человеке, оказавшемся в замечательном месте в критический момент его истории. Вольф и его многочисленные соратники, подробно описанные в этой книге, могут гордиться тем, что они сохранили. Без них там ничего бы не осталось. Лишь коровы и поросшие сорняками пастбища. За время кампании по спасению этих лесов мы научились многому. Лично я узнал и понял, что необходимы деньги и знания, но их недостаточно для достижения цели по сохранению природы. В конечном итоге, ничего нельзя сберечь без страстных, преданных делу людей, таких как Вольф. Его дух и его любовь к лесу были основными ресурсами. Для меня этот поход был бесконечным удовольствием, и я считал за честь возможность пройти тропами Вольфа вместе с ним.

Адриан Форсайт, доктор философии, Вице-президент программ Фонда Blue Moon

Посвящение

Эта книга посвящается Ви Чорнук, которая с открытым сердцем делилась с другими своей страстной любовью к лесу. Ви поддерживала мечту Вольфа о создании длинной туристической тропы, учила Кей любить природу, часто смеялась и призывала ее писать эту книгу. Она написала бы и свою книгу, если бы прожила достаточно долго.

«Проход Джуди». Лаки Гиндон, 2005 г.

1. Если выйти в лес сегодня...

«Ну вот я тут. Я смотрю поверх верхушек деревьев через старые пустоши и далее — на хребет и континентальный водораздел, размышляя о предыдущих годах. Со мной такое всегда — мне нравится мечтать в пути. Когда вы достигли определенного возраста и физически начинаете все делать медленнее, у вас появляется больше времени, чтобы мечтать. Теперь я могу оглянуться назад и заглянуть в будущее.

Если говорить о мечтах, самое забавное в них то, как они меняются. Такие же изменения мы можем видеть в лесу. Когда-то мы приходили сюда с бензопилами, чтобы свалить деревья, создать пространства для пастбищ, и нам нравилась наша работа. Нынче доставляет удовольствие прийти сюда и увидеть, что та же земля в основном покрыта вторичным лесом. Мы поместили все это в банк, который называем заповедник туманного леса «Монтеверде». Теперь можно просто сидеть и смотреть, что с этим будет делать следующее поколение».

Вольф нажал кнопку «стоп» на своем маленьком черном диктофоне. Он закинул аппарат в рюкзак и соскользнул с пня, на котором сидел, с усилием передвигая онемевшие ноги. Мягкий туман, рассеиваясь, будто сползал из мимолетных облаков вниз к нему. Вольф колебался, застыл на минуту, размышляя, следует ли ему двинуть назад, к дому. Мгновение спустя сияющий луч солнца на короткий момент пробился сквозь лиственный навес, поднимая пар от сырой земли. Внезапно безмолвие этой минуты было нарушено песней дрозда, переливающейся металлическими оттенками. Вольф поднял лицо к небу, ответил протяжным воем и прислушался, как его крик унес внезапный порыв ветра. Заметив упавшую ветвь дерева, Вольф взялся за мачете, оттягивая принятие решения. Он снова тронулся в путь, чавкая по грязной тропе, в поисках следов животного или человека, по мере продвижения подрубая растительность.

Вокруг него были изумрудные джунгли, ставшие его любовью на несколько десятков лет, пока его жена хлопотала по дому в Монтеверде. На очередном изгибе тропы он вспомнил еще одну историю, потянулся к сумке, достал диктофон и начал рассказ: «Ну вот, Кей, я тут подумал...»

Я встретила Вольфа в 1990 году на пышном зеленом плато, называемом Монтеверде, расположенном в горах Тиларан на северо-западе Коста-Рики. Наша дружба началась в феврале, во время потрясающего шестидневного похода сквозь живой, спутанный массив дикой природы, называемый долиной Пеньяс-Бланкас. Мы шли тропами, которые Вольф с товарищами прорубали и поддерживали проходимыми более сорока лет. Это был мой первый поход через такой чрезвычайно влажный мир. Мы прошли семнадцать километров от заповедника туманного леса «Монтеверде» через территорию Детского вечного тропического леса к восточной границе заповедника, местечко Поко-Сол, где долина плавно переходит в регион Сан-Карлос.

Деятельность по сохранению природы Коста-Рики привела меня в эту крошечную центральноамериканскую страну. Родилась и выросла я в небогатом городе Южном Онтарии, но я дитя природы по своему внутреннему ощущению, и свою взрослую жизнь мне удалось провести в самых красивых диких местах Канады. Хотя я выходец из однородного пригорода, каждое общество, частью которого мне довелось быть, подарило мне знания о мозаике ценностей и философий, являющихся основой нашего общественного существования. Я всегда очень уважала увлеченных людей, которые трудятся ради здоровой и гармоничной планеты, и оказывала поддержку множеству начинаний, связанных с проблемой сохранения природы. Моей мечтой было посещение сообщества, в котором есть коллективная общественная сознательность.

Красота Монтеверде легко соблазнила меня. По мере того, как облака туманного леса окутывали меня, я всеми своими фибрами ощущала влажность тропиков и размышляла о нашей планете. Постепенно я познакомилась с сообществом, которое там существует. Выяснилось, что Вольф и его жена Лаки жили в Монтеверде с 1951 года, когда они прибыли сюда в составе небольшой группы американских квакеров. Они переехали в Коста-Рику в поисках мирной жизни, разочаровавшись в разгуле милитаризма в их родной стране. Когда эти первопроходцы расчищали пространство для своих ферм, они решили оставить нетронутыми 554 гектара леса для обеспечения сохранности их водосборного бассейна. В 1960-е годы Монтеверде начали посещать биологи, а с ними возрос и интерес к невероятному биологическому разнообразию региона. В 1970-е годы заповедник «Монтеверде» взял под свою защиту лесистые склоны местных гор. Сегодня он входит в состав комплекса охраняемых территорий, раскинувшихся более чем на 60 000 гектаров.

Когда я шла тропами Монтеверде в тот первый визит, стало понятно: все, что я вижу и чем наслаждаюсь, — результат предвидения тех молодых поселенцев. Курс, которым они следовали по мере продвижения — от консервации небольшого леса до консервации такого огромного участка дикой природы — был столь же непростым и запутанным, как и тропа, по которой мы шли от Монтеверде через долину Пеньяс-Бланкас до Поко-Сол. Была только вторая неделя моего пребывания в стране, когда я наивно предприняла поход с Вольфом, который не только помог создать заповедник, но и провел остаток своей жизни, заботясь о нем. Тогда у меня не было понятия, что моя жизнь вот-вот преобразится под влиянием магии этих лесов в компании Вольфа Гиндона.

В общей сложности более миллиона человек прошли по центральным тропам заповедника с момента его появления маршрутом под названием «Треугольник». Мало кто отваживался на поход глубже, в джунгли. Но мы направились именно туда. Нас было трое: Марийка Михайлович, канадка, которая познакомила меня с Монтеверде, техасец Арт Педерсен, профессиональный походный гид, консультант по паркам, и я. Нам сказали отправляться в поход без Вольфа. Его я встретила несколькими днями ранее, во время волонтерства в Монтевердской лиге сохранения природы. На протяжении всей своей жизни Вольф ходил быстрее, чем большинство обычных людей, поэтому он мог выйти на день позже и легко догнать нас.

Покинув приемную зону заповедника, мы погрузились в капельную массу хлорофилла. Мы шли по старой дороге Эль-Камино, проторенной десятилетия назад переселенцами на лошадях. Теперь грязная колея привела нас через лес на тропу, идущую по гребню континентального водораздела. Мы вышли из чащи деревьев, и перед нами предстало огромное зеленое лоскутное одеяло леса, который простирается на восток, через долину, в направлении Карибской низменности, и на запад — к заливу Никоя на тихоокеанском побережье. Нам повезло — мы смогли полюбоваться этими видами. А когда облака идут низко, невозможно что-либо увидеть дальше, чем на расстоянии трех футов перед собой.

Проходимость троп здесь поддерживается рабочими, которые все время машут мачете, подрубая непрерывно ползущие лианы и разрастающиеся кусты. Если эти дорожки оставить без присмотра, то спустя несколько недель их трудно будет найти. Здесь — на высоте 1600 метров — много теплых и ясных дней. В такие дни можно буквально услышать, как растения лезут вверх, устремляясь к палящему над плотным куполом листвы солнцу. Обычно лес укутан облаками тумана. Часто дует сильный ветер и гонит туман сквозь заросли деревьев. Порой случается безветрие, и земля вбирает влагу от проливного дождя подобно губке, оказавшейся в воде. Дождь и стабильно умеренные температуры создают особый климат для роста, который никогда не прекращается.

Мы шли вперед, и дорога становилась все уже, пока не превратилась в петляющую тропинку,

которая, в конце концов, привела нас к реке Пеньяс-Бланкас. По бокам тропы цвели бальзамины. Эти африканские растения, завезенные сюда на европейских судах, в Америке почувствовали себя вполне хорошо. Местами они доходили нам до плеч. В стремлении отвоевать любой кусочек невостребованного никем пространства между лесом и тропой, они переплетались друг с другом, и, казалось, стремились ввысь, чтобы там заполучить на свои влажные листья поцелуй солнца. Здешний климат по нраву и темно-розово-лиловому агератуму. И нежные бегонии стараются быть заметными в зеленых кущах. Помимо этих знакомых всем растений, я наблюдала здесь такое разнообразие природы, что биологи в этих краях буквально встают на колени в понятном стремлении постичь тайны, спрятанные в лаборатории под открытым небом. Тысячи растений живут в деликатной гармонии этой микропланеты зеленого мира: тут тебе и миниатюрные орхидеи, соседствующие с огромными листьями-зонтиками, и трепещущие бромелии, и многочисленные побеги лозы с лианами.

Осторожно ступая среди всей этой роскоши, я была потрясена, почти напугана могуществом вегетативного роста. И, вместе с тем, в тени древесных гигантов таилось спокойствие. Их перекрученные стволы терпеливо стремились ввысь, сквозь густую листву, сквозь облака тумана, туда — к многообещающему голубому небу. Эти деревья наверняка были родственниками энтам Толкина, своей непокорностью веками противившиеся силам, желавшим их падения.

По мере снижения на спуске мы начали ощущать, как тепло и влага буквально охватывают нас. Хотя все вокруг указывало на сильную влажность, которая поддерживает жизнь в горах, наш первый день был жарким и солнечным, и было приятно оказаться в прохладном тропическом лесу. Мы шли по тропе около пяти часов под аккомпанемент хора насекомых. Пройдя девять километров, достигли одного из основных приютов, убежищ для путников, в этой местности. Здешние приюты носят имена известных или недавних жителей. Один назван Эль-Алеман, «Немецкий», в переводе с испанского, в честь Клауса Штайна. Он продал свой дом заповеднику в конце 1980-х годов. Разбросанные по всему лесу, такие дома обеспечивают сухой и относительно комфортный ночной отдых для лесничих и рабочих. Они также являются своего рода сухим оазисом для уставших туристов и студентов, изучающих тропическую биологию.

Наш поход был трудным, и я падала от усталости. Тропа извивалась вниз и вверх, и снова вниз, через спутанные корни и упавшие деревья. Это была хорошая тренировка для наших ног и легких. Мы спустились на более низкую отметку 900 метров возле реки. Воздух был теплым и влажным, а вода постоянно капала нам на кожу. Мы никогда не были уверены: вода ли это, капающая на нас с листового покрова, туман ли, дождь, пот. А может быть, это обезьяны испражняются на нас, что они, как известно, делают, если вы находитесь под ними.

Звуки вокруг нас можно было тоже назвать атмосферными джунглями: были слышны попискивания и трели, воркование и кудахтанье, капель и нашептывание, шорохи и гул. Трудно было отвести взгляд от огромного массива листьев всевозможных форм, ветвей, покрытых мхом, ярких миниатюрных цветов, от захватывающих дух видов, внезапно открывающихся нашим взорам. Сверкающее оперение ярких птиц и всевозможные цвета блестящих жуков приковывали наше внимание. Но нам приходилось постоянно следить за дорогой перед собой, в ожидании встречи со скользкими камнями, опасаясь закрученных петель лоз, которые, казалось, хотят схватить нас за лодыжки и утянуть к себе в свои зеленые ловушки. Нам говорили, что, если повезет, можно заметить следы пумы или тапира Бэйрда, редко встречающихся обитателей этих лесов. Еще нам приходилось быть все время начеку из-за змей.

Это был край змей, о которых ходили легенды. Тут обитали ядовитые ферделансы, красочные

коралловые змеи, реснитчатые гадюки и агрессивные черные змеи. Вероятность увидеть ядовитую змею была низкой, как и вероятность быть укушенным. Но нам рекомендовали быть настороже. Боязнь змей имеет гораздо больше шансов испортить настроение людям, чем доставить неприятность самим змеям.

Мы отыскивали Немецкий приют по запаху дыма и мужским голосам. Войдя в избушку, представились находившейся там группе работников. Мое понимание беседы было ограничено, поскольку мой испанский был практически на нуле, а эти люди знали лишь несколько слов по-английски. В последующие годы многие из этих молодых ребят стали моими друзьями, но на тот момент они были, в большинстве своем, типичными застенчивыми тикос — таково расхожее прозвище костариканцев. Они были такими же робкими со мной, как и я в общении с ними. Человека, резавшего кусочки мяса и бросавшего их на горячую сковородку, звали Эладио Круз. Казалось, что он тут главный. Его добрые глаза и учтивые манеры способствовали тому, что мы почувствовали себя желанными гостями.

С улыбкой он предложил мне кусочек мортаделлы. Я умирала от голода, и до сих пор помню, как этот кусок вареной колбасы показался мне столь же великолепным, как если бы это был стейк из ребрышек. Эладио за свою жизнь накормил сотни студентов, проходивших практику в тропическом лесу, и знал, как могут быть голодны путешественники, особенно когда они входят в дом, где готовится пища. Я не сомневаюсь, что мы выглядели голодными и усталыми, потому что мы и были именно голодными и усталыми. Я буду всегда благодарна Эладио за тот простой дар бесхитростной еды.

Темнеет в этих краях где-то между 6 и 6.30 вечера. В одно и то же время круглый год, по причине близости к экватору. Поскольку мы находились в низине, темнело и того раньше. Изнемогшие, мы готовы были рухнуть спать, но именно в это время ночные твари начали свою репетицию. Мы расположились в спальне под аккомпанемент криков и рева обезьян, под стаккато лягушек динк и шум реки, бегущей со скал. Моей кроватью была твердая деревянная плаха, едва смягченная пенопластом. Несмотря на отсутствие комфорта, звуки этой «колыбельной» доносились до меня не дольше одной минуты.

Кажется, лишь только я заснула, тут же и проснулась от какофонии воплей. Мои глаза открылись, и я попыталась сфокусировать свое зрение в предрассветной мгле.

— Что это такое было? — спросила Марийка с койки надо мной.

Мы услышали, как рабочие двигаются на кухне. Сквозь тонкие деревянные стены до нас доносилось бормотание их голосов. Кто-то рубил дрова. Затем «ку-ка-ре-ку», за которым слышен смех из соседней комнаты. Я не знала, как мне поступить: то ли спрыгнуть с кровати, то ли спрятаться под ней.

— Эй, что вы там делаете, спите что ли? — раздался дружественный голос. — Вы, ребята, уже должны были быть одеты и на полпути до Сан-Хосе.

— Наверное, это Вольф, — предположил Арт, выползая из постели. — Это, должно быть, призыв к пробуждению для нас.

— Который час? — спросила я, потягиваясь всем своим ноющим телом.

— Пять тридцать по моим часам, — ответил Арт, подходя к двери.

— Боже праведный! Откуда он только взялся? — застонала Марийка. Мы не совсем еще проснулись, но было ясно, что заснуть уже не удастся, поэтому мы встали с постелей и начали натягивать на себя одежду. Запах свежего кофе и дыма проникал сквозь трещины в стене, пробуждая чувство голода.

Спустя несколько мгновений Вольф поднялся по ступенькам. Дверь распахнулась.

— Ну, девушки, доброе утро! Я думал, что вы уже давно встали. Эти кровати, должно быть, оказались слишком удобными для вас.

В раннем утреннем свете было видно, что лицо Вольфа покрыто бусинками пота. Густые седые волосы прилипли к черепу после того, как он вытер пот со лба своей большой и грубой рукой. Улыбка, искрящаяся в его глазах, вторила его словам: «Я решил сделать все, чтобы сегодня мы хорошенько стартовали».

— Долго ли вы шли в темноте? — спросила Марийка, вытряхивая мусор из своих носков. — Там ведь едва забрезжил рассвет.

— Я вышел из дома около половины четвертого. Я мог бы прийти сюда быстрее, но подумал, что надо немного расчистить тропу. Нет смысла просто идти, всегда надо что-то делать по дороге, — ответил Вольф. Он сел на деревянную скамейку и стянул с ног резиновые сапоги. На свет божий появились его грязные ноги без носков. Мозолистые ноги, сморщенные от долгих часов, проведенных внутри в сырой тьме.

Вольф в свои молодые годы, наверное, был сильным, как горный лев, потому что теперь в свои шестьдесят он был словно одна длинная живая мышца — ни больше, ни меньше. У него был типичный фермерский загар: шея и предплечья красно-коричневого цвета контрастировали с бледным торсом и волосатыми белыми ногами, которые мы увидели, когда он без тени смущения сменял при нас свою потную футболку и брюки на слегка более сухую и чистую одежду, предусмотрительно прихваченную с собой. Спутанные клоки волос на его лице — шерстяные бакенбарды. Густые брови служили выразительным глазам защитой от струящихся порой по лбу капель пота и дождя. Скулы слегка выдавались, что было еще более заметно, когда он смеялся. Лицо постоянно выражало его эмоции, сменявшиеся так же быстро, как и байки, коих он знал множество. Я замечала, что слезы с легкостью наворачивались на его глаза, когда Вольф делился подчас болезненными для него воспоминаниями или демонстрировал вспышку гнева. Но лицо его так же быстро озарялось широкой улыбкой, ироничной и объяснявшей все. Как я поняла за время этого похода, большое сердце и мягкая душа Вольфа проявлялись буквально во всех чертах его лица и в каждой истории, рассказанной нам.

После завтрака наша четверка прошла восемь километров до приюта Поко-Сол [*росо сол* — (*исп.*) мало солнца]. Небольшое озеро служит здесь водоемом для крупного рогатого скота и белых цапель, которые его обычно сопровождают. Мы поняли, что для нас там было очень даже *мучо сол* [*mucho sol* — (*исп.*) много солнца]. Мы любовались многочисленной популяцией птиц и обильной растительной жизнью. Мы были очарованы тем, что увидели. Я чувствовала себя не в форме гораздо в большей степени, чем могла бы предположить. И Вольф всегда возвращался ко мне, когда я отставала. Он вынул из моего вещевого мешка все, что мог, и иногда даже нес весь мой рюкзак, чтобы я могла преодолевать затяжные подъемы, не задерживая остальных. Я совершенно не понимала, почему я такая медленная. Я росла походным ребенком. Мы ходили тропой Брюса с переходами через неровные откосы Южного Онтарио. Как правило, я не отставала от своей группы. А теперь — нате вам. Мне всего тридцать один год, и кто-то вдвое старше меня, легко уходит вперед! И только несколько месяцев спустя я поняла, что мешало мне в тот день.

Вольф влюбился в эти наполненные испарениями джунгли в свой самый первый поход через них, в 1952 году. С тех пор он намерил колоссальное количество миль, часто один в этой тропической чаще, в поисках следов сквоттеров, охотников, браконьеров, расчищая пограничные линии и следуя тропами диких животных, забираясь на отдаленные хребты. Вооруженный своим верным мачете, он никогда не упускал шанс сдерживать невероятный

рост растений, расчищать бурелом, перегородивший тропу, подрубать бальзамины, таким образом, чтобы всякий путник, обходя эти растения, не слишком промок.

Вольф ловко орудует своим мачете, и на ум приходит сравнение с дирижером некоего лесного симфонического оркестра. Вот дирижер махнул рукой, и острый металлический инструмент поддерживает стремительный темп, и при этом наш дирижер добавляет свои собственные синкопы. Тональность и ритм его рубки меняются по мере того, как он срубает деревянные стебли все ближе к земле — чок! А затем он добавляет новую тональность своей музыке тем, что отсечена лоза повыше — пинг! Стрекочащие насекомые, дрожащие листья и посвистывающие птицы дополняют мелодию. Время от времени Вольф замирает и прислушивается, и его довольная улыбка тогда говорит, что, конечно, нет ничего милее, чем акустическая гармония леса, полного жизни.

В самом начале нашего похода с Вольфом я старалась идти за ним, потому что мне не нравилось ощущать мачете позади меня, и все равно я не могла опередить нашего проводника. Вскоре я приноровилась держать дистанцию хотя бы на расстоянии взмаха мачете. Когда Вольф идет и раскачивается, он часто оборачивается, и его мачете просто-таки летает в воздухе. После того, как мы провели много лет в совместных путешествиях, я переменяла свою позицию в движущейся группе, чтобы быть уже перед ним, и все же находясь на безопасном расстоянии. Так что я научилась определять нужную скорость передвижения и смогла отчетливо слышать его комментарии.

Одновременно с ходьбой и рубкой Вольф постоянно разговаривает на своей уникальной языковой смеси алабамского английского и местного испанского. Истории из него так и сыпятся, подобно манне небесной. Вольф говорит таким же образом, как и ходит: часто кругами, часто меняя направление разговора. Если вы в состоянии разобраться в его бормотании и следовать его сюжетной линии, то вас будут бесконечно развлекать его рассказы о встречах со старыми охотниками, походах вдоль бушующих рек и отслеживании неуловимого тапира. Он знает дикую природу Коста-Рики так, что едва ли кто может с ним сравниться. Он готов неустанно идти по тропам в течение нескольких часов, часто в темноте, при свете луны, или с небольшим фонариком, обливаясь потом, с рюкзаком на спине, полным провизии. Он сопровождал известных биологов, часами искал пропавших туристов и уходил на много километров в лес, а потом снова возвращался в Монтеверде, чтобы провести еще одно совещание, посвященное сохранению земли и ее богатств. Вольф известен не только политикам Коста-Рики, международным экологами и профессиональным ученым, но и всем обитателям округи, в том числе тем, кто живет в самой отдаленной части этой местности.

К концу нашего похода Арт, Марийка и я договорились убедить Вольфа записывать свои рассказы. Мы подумали, что портативный диктофон будет идеальным для этого случая, поскольку Вольф редко сидит неподвижно, а в джунглях страсть к историям буквально овладевает им. Я решила, что смогу расшифровать записи с диктофона, перенеся их на бумагу, если он согласится с нашим предложением. Вначале Вольф отказался от затеи с диктофоном, но вскоре сказал, что попробует. К тому времени я помогала биологу Налини Надкарни и смогла позаимствовать диктофон у ее ассистента. Я отдала аппарат Вольфу, сказав: «Если ты будешь рассказывать свои истории, я облечу твой вольфский язык в письменную форму».

Эта книга — результат всего, что было произнесено во время путешествий. Семнадцать лет прошло с момента нашего первого совместного похода. За монологами Вольфа и нашими беседами мы исходили множество извилистых троп. Ниже в основном приводятся продиктованные рассказы Вольфа. В других случаях изложенное на этих страницах — результат кропотливого просеивания его потока сознания. Истории, как золото, были отобраны из руды болтовни, выслушанной в совместных походах. Я расшифровала и

отсортировала все художественные отступления, переписанные с лент, и обсудила с Вольфом каждый наш диалог. Сложность задачи состояла в том, что хотелось все-таки сохранить его своеобразный диалект и при этом сделать его мысли понятными. Моя жизнь и мой опыт не стояли на месте в это время, и этот факт тоже отражается на страницах. Я описала, как росла наша дружба, и как наше упорство заставляло нас двигаться вперед. За эти годы я собрала еще больше рассказов семейства Гиндон и всех, кто тоже захотел поделиться своим опытом прогулок с Вольфом. Все вместе мы представляем на суд публики жизненный путь уникального человека, который переехал из Алабамы в Коста-Рику и который никогда не прекращал учиться, любить и смеяться во время восхождений по дорогам этого горного тропического рая.

2. Откуда мы пришли

«Я посвящаю этот день отцу и матери, которые задумали мое появление на свет. Они — единственные, кому я обязан присутствием здесь. Мои дети, когда были маленькими и еще учились в школе, где-то позаимствовали идею, что они были лишь тенями в очах Божьих, до того как родиться. Там был и я до наступления своего первого дня.

Так что благодарение моим родителям за данную мне возможность оказаться там, где я теперь, за то, что я мог проложить свой путь к берегу реки. Я пришел сюда около полуночи, без четверти двенадцать. Горит свет. Я отдохну. Кофе у меня уже в кружке, и через час-другой я продолжу свой путь, чтоб достичь цели, когда пропоют петухи».

Вольф в Пеньяс-Бланкас

С того момента, когда в 1990 году наши жизненные пути пересеклись, я несомненно обогатилась от знакомства с этим застенчивым человеком, которому удастся шутить практически в любой ситуации. Одним из первых впечатлений о Вольфе было то, что передо мной очень самокритичный человек. Это при его образованности и богатом опыте путешественника, при том, что он был лидером в своей коммуне, защитником природы, признанным на национальном и международном уровне. Прежде всего, он очень скромнен. Его воспитывали как квакера, с такой жизненной философией, при которой разум открыт для познания, а сердце — для других людей с их идеями.

Религиозное общество Друзей (квакеров) появилось в Англии в середине семнадцатого века в период активного религиозного и политического брожения. В те годы английский перевод Библии стал широко доступен общественности. Многие начали искать альтернативные практики богослужения, выходящие за рамки, очерченные традиционными церквями. Джордж Фокс основал Общество Друзей Истины и впервые собрал людей в молчаливой молитве для осознания присутствия Бога. Многие Друзья, как они себя называли, подвергались преследованиям за свое инакомыслие. Для них обычным делом было предстать перед судом и оказаться в тюрьме. Однажды, давая показания перед судом, Фокс заявил, что судьи и присутствующие должны трепетать пред именем Господа, за что получил унижительную кличку «квакер» [quaker — (англ.) трепещущий]. Затем это язвительное определение стали использовать в отношении последователей Фокса. Впоследствии оно стало признано и самими Друзьями.

Для приверженцев этой религии квакерство — образ жизни. Это недогматическое движение основано на определенных взглядах, таких как открытость и прощение. Эти жизненные принципы реализуются на практике как каждым индивидуумом в отдельности, так и всеми адептами этой церкви. Фундаментальные принципы у квакеров, в частности, включают в

себя готовность к принятию новых взглядов, терпимость к разным мнениям и готовность работать для примирения всюду, где есть конфликт. Ненасилие в мыслях, словах и делах — основа квакерства, и поэтому Общество Друзей общепризнанно считается одной из традиционных «мирных церквей». Квакеры, как правило, живут скромно, но не по-пуритански. На их молитвенных собраниях можно высказываться, молиться, петь или цитировать Писание. Все идет от сердца любого участника собрания, чувствующего порыв к тому, чтобы поделиться. Порой собрания проходят в полном молчании. Для квакеров ни церковь, ни организация, ни даже слова Библии не имеют высшего авторитета. Друзья не настаивают на том, что их путь — единственно правильный. Они открывают двери всем интересующимся, не принуждая их вступать в Общество Друзей.

Вольф верил, что родители и квакерское образование заложили надежную основу в его жизни. Он пережил много бурь. Этого человека можно сравнить с ивой, чья корневая система уходит вглубь, а гибкие ветви грациозно развеваются под дуновением ветров перемен. Чувство юмора Вольфа не только увеличило число морщин на его добром лице, но, несомненно, помогало ему в трудные времена и даже вызывало симпатии у его оппонентов.

Начало жизненного пути Уилфорда Фрэнсиса Гиндона совпало с тяжелыми годами депрессии в США. Он родился в Барнсвилле, маленьком городке в восточной части штата Огайо, 17 августа 1930 года, в семье Альберта и Берты (Холл) Гиндон. В течение первых пяти лет его жизни семья оставалась в этом городе, чтобы быть рядом с родственниками матери. Родня его отца, когда-то жившая в Вермонте, переехала в Фэрхоуп, штат Алабама.

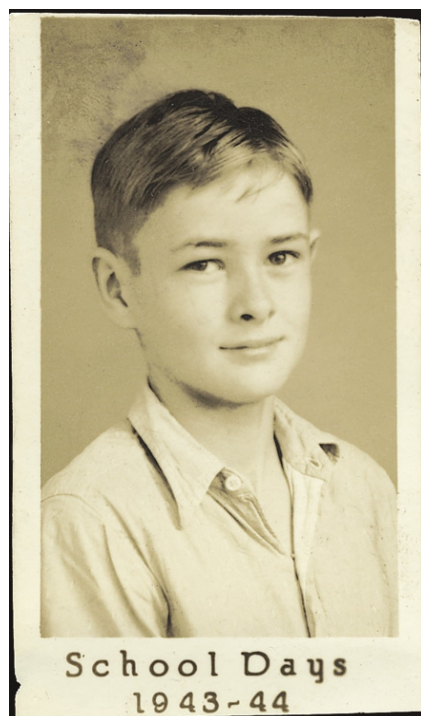
Родственники с обеих сторон являлись квакерами. Уилфорд, его братья и сестры получили образование в квакерских школах. Он был четвертым из пятерых детей, после братьев Уильяма и Клиффорда и сестры Мэри Евы; младшую сестру звали Сара. Детей отправили в квакерскую Школу Друзей, где обучение проходило в одной единственной классной комнате. В год, когда Уилфорду исполнилось шесть лет, семья переехала в Фэрхоуп, потому что отец должен был помогать своим больным родителям. Тяготы распада семьи стали ощутимее, когда выяснилось, что им придется расстаться с матерью.

«Одна из первых бед, с которой мне пришлось столкнуться в молодости, — сообщение отца о том, что нашей маме придется отправиться в психиатрическую лечебницу штата Огайо. Там, о ней могли бы заботиться и лечить ее, потому что она не могла справляться с ведением домашнего хозяйства. По-детски мы задавались вопросом, за что она была наказана и отослана прочь от нас. Я не понимал эту ситуацию. Прошли годы, а я всегда помнил эту печальную страницу в истории моего взросления — мамы нет с нами дома. Я много раз размышлял об этом — и юношей, и взрослым.

Позже отец объяснял случившееся тем, что моя мама была очень хрупкой. Он говорил про ее слабое здоровье и про то, что старшая сестра матери, женщина сильная и уверенная, командовала ею. Мама находилась в лечебнице, начиная с 1935 года. Позже она покинула больницу и жила со своими родителями около Барнсвилла. Побывав в Фэрхоупе за несколько лет до этого, она приобрела твердое убеждение, что жить там никогда не сможет, поэтому так и не вернулась в Алабаму. Она жила в Огайо, и мы приезжали к ней, когда у нас бывала такая возможность. Мы с ней стали ближе лишь в мои школьные годы, когда я вернулся в Огайо для учебы в школе-интернате».

В Фэрхоупе Уилфорд продолжил свое обучение, сначала в квакерской школе, а затем в Школе органичного образования. Это было частное учебное заведение, основанное Мариеттой Джонсон, считавшей, что образование должно быть органичным, а обучение — делом, не прекращающимся на протяжении всей жизни. В школе давали обычные уроки, но важной частью образовательного процесса было овладение навыками через обучение ремеслам: деревообработке, кожевенному производству и керамике. Студенты упражнялись в народных

танцах и устраивали выставки для родителей и местных жителей. Это была школа практических навыков, в ней делалось все, чтобы молодые и бойкие мальчики, такие как Уилфорд, были вовлечены в учебу, и им было бы интересно.

Уилфорд Гиндон в школьные годы

«У нас были недлинные уроки, и оценки выставлялись как за поведение, так и за академические успехи. Упор делался на том, чтобы научить нас быть *леди и джентльменами*, как говорил наш учитель. В этой школе экзаменовали только раз в год, что сильно отличалось от опыта, полученного мной в школе-интернате с обучением в отрыве от жизни. Большую часть учебной программы в Школе органического образования занимали семейные мероприятия. Именно в те времена мне особенно сильно не хватало мамы. Мне хотелось, чтобы она увидела мои выступления.

Я думаю, что именно там были заложены основы моей философии с принципами, почерпнутыми у квакеров, когда вам не указывают, что надо делать, а чего не надо. Вместо этого, скорее, направляют и показывают примеры, способствуя осознанию ценности быть честным, необходимости заботы о своем теле и здоровье, ненасилия во всех аспектах жизни. Я понял, какова награда жить порядочным человеком. Мы получали представление о ценности доброго отношения друг к другу. Мы осознавали, что надо жить, делая лишь то, что правильно, а не повиноваться стадному чувству и тупо следовать за другими».

В 1945 году Уилфорд вернулся в Огайо, где пошел в квакерскую школу-интернат, расположенную на окраине Барнсвилла. Школа была известна под неофициальным названием Олни. Это название позаимствовано из стихотворения «Олни Грин», написанного бывшим учителем и священником Луи Табером, и утверждено студенческим советом в 1876 году. Величественные здания из красного кирпича с классными комнатами и общежитиями были окружены гигантскими старыми деревьями. В студенческом городке к услугам его обитателей имелись спортивные поля. Там же было молочное стадо, фруктовый сад и небольшое озеро, окруженное лесом.

В школу Олни (она называется Школа Друзей Олни) и теперь приезжает молодежь из

Северной Америки и даже из более удаленных частей света. Едут для того, чтобы получить образование, в основе своей базирующееся на квакерских ценностях. Зеленые волнистые склоны этих мест отличаются от равнинных районов западного штата Огайо. Фермерские хозяйства разделены лесополосами, и узкие дороги петляют, огибая роскошные старинные усадьбы. Однако преобладают в этих краях небольшие скромные жилища. Кроме квакеров здесь живут амиши. Их лошадиные повозки, замедляющие темп движения автомобилей, видны тут и там.

Родственники Уилфорда по материнской линии, семейство Холл, все еще жили в этих краях, также как его брат Клиффорд и две сестры, которые в свое время вернулись в Огайо. Его кузены учились в Олни, они-то и помогли Уилфорду приспособиться к жизни в общежитии и к обучению в учебном заведении, где придерживались формальной системы выставления оценок.

«Мы должны были сдавать ежегодные государственные экзамены и получать оценку. В течение всего года сложно было выйти, по крайней мере, в среднем, на оценку *си с минусом*. В противном случае предстояла дополнительная работа или неуд. Мне удалось удержаться чуть-чуть выше линии отсечения. Если бы я учился усерднее, то, вероятно, мог бы получить оценку лучше, но большая часть времени моей учебы была потрачена на общение. Многочисленные встречи с девушками и парнями, тусовка с соседями по комнате, познание того, как делиться и как ладить, как дразнить и каково это — самому быть объектом насмешек, а после этого никогда никого не дразнить. Именно тогда я сформировал основу своих взглядов на политику и на людей. Я понял, что такое жизнь, и научился отличать важное от второстепенного.

Это были четыре года учебы под присмотром лучших учителей, о которых можно было бы только мечтать. Они были морально выше всех нас и полностью посвятили себя своему делу. Они научили нас самим решать все проблемы, вместо вымещения зла на учителях, или на соседе по комнате, или еще на ком-то.

Прозвище у меня появилось в школе-интернате. На собраниях мальчики сидели с одной стороны зала, а девочки — с другой. Будучи квакером из южных штатов, я не выносил никакой сегрегации, поэтому на каком-то собрании я сел в той половине зала, где были девушки. Некоторые ребята начали обзывать меня, исказив мое имя Уилфорд на Вольфорд. В те времена солдаты, пытавшиеся флиртовать с молодыми женщинами, пытались привлечь их внимание свистом. Таких свистунов называли «волками». Из-за того, что я всегда был против правил, разделяющих мужчин и женщин, я стал зваться «волком», то есть Вольфом. Похоже, именно с той поры эта кличка и пристала ко мне».

Школа-интернат была для Вольфа местом личного прозрения, формирования его личности. Он сделал несколько великих открытий, которые остались с ним на всю жизнь. Первое из них было связано с его участием в спортивных мероприятиях, обязательных для школьников. Он пристрастился к командным видам спорта и особенно полюбил баскетбол. Однако ничто не могло сравниться с тем чувством свободы, которое он испытывал, когда ходил по окрестным холмам и лесам.

«В Олни, играя в баскетбол, футбол и бейсбол, я понял, что такое командная работа. Мы стремились к высоким спортивным достижениям и знали, что игра имеет смысл, если ты выкладываешься полностью. При наличии системы начисления очков в школе каждый старался зарабатывать оценки за спорт. Особенно мы стремились получить то, что называлось в нашей школе большое О — максимальная оценка, которую каждый год получали всего пять или шесть человек. Помимо командных видов спорта, у нас была еще и походная программа. Нам начисляли балл за каждую милю, которую мы проходили. Тогда я и узнал о том, что такое поход. Вот из-за походов и других видов спорта, в которых я

участвовал, мне удалось за четыре года заработать отличную оценку, выраженную в виде большой буквы О.

Стоит еще рассказать о походах. Мы ходили по уже проложенным маршрутам, которые покрывали большую часть нашей округи, и довольно подолгу, до завтрака. Хотя нам нельзя было покидать школу до 5 утра, вернуться нужно было не позже 8 часов. Если мы опаздывали на завтрак, то теряли очки, но все равно старались пройти восемь или девять миль до утреннего приема пищи.

Путешествия по тропам и дорогам в редко посещаемых и менее населенных местах помогли мне ближе познакомиться с природой. Мы наведывались в небольшие перелески, стояли лагерем на берегах рек вблизи Барнсвилля. Я тогда не осознавал, как все это помогло мне влюбиться в природу и приучило к хождению пешком, что, в свою очередь, привило любовь к тем краям, где я прошагал столько миль. Тогда я, конечно, не знал, что это будет одним из ценных качеств, приобретенных мной до приезда в Монтеверде. С первых дней в Коста-Рике я передвигался только пешком или верхом. Мне всегда нравилось путешествовать куда-то и знакомиться с людьми.

За четыре года моего пребывания в школе-интернате своими пешими походами я покрыл расстояние, равное пути из Огайо в Алабаму и обратно. Этот маршрут — туда и обратно — составляет около 2430 миль. Скажем прямо, это хороший результат».

В Олни бурлила активная общественная жизнь, но Вольф, парень из южных штатов, не ожидал, что в школе ему кто-то может понравиться. Кто может сравниться с красотками Юга? Ему повезло, что в старших классах он встретил Эмму Люсиль Стэндинг, девушку из семейства квакеров из Эрлема, штат Айова. Она привлекла его внимание. Впоследствии Эмма стала его женой.

«Учеба в школе-интернате имела еще одно преимущество среди прочих. Школы такого типа назывались *фабрикой знакомств*, и это было правдой. Моя школа и в самом деле была такой фабрикой. Сведите подростков вместе на четыре года, и, как правило, они быстро смекнут, что к чему, и за этаким срок найдут себе приятеля. Мне потребовалось три года, чтобы въехать во все, и через три года я встретил девушку, которая теперь стала моей женой. Лаки была одной из этих высоких, вскормленных кукурузой барышень из Айовы. Она отличный человек, и я ни разу не пожалел о том, что отправился на Север в поисках своей половинки.

У Эстона Роквелла, моего доброго друга и нашего старосты в старших классах, был автомобиль *Ford Model T*. Он, старшеклассник, пригнал эту машину в школу из штата Айова просто для того, чтоб доказать, что он на это способен. Эстон должен был поставить машину на хранение еще до начала занятий, но прежде чем поставить ее на прикол, мы захотели прокатиться в последний раз. Едем мы, значит, по дороге, и вдруг видим двух девушек, идущих по шоссе. Ну, мы их подобрали. На удачу в его машине не хватило сидений для всех нас, поэтому одной из них пришлось сесть мне на колени. Мы добрались до школы и высадили девушек, потому что все, что было у нас на уме, — ах, это последняя поездка на Model T. Мы думали только о машине, не сомневайтесь.

Позже я узнал, что девушка, сидевшая у меня на коленях, Люсиль Стэндинг, была младшей сестрой Флоренс, жены моего двоюродного брата Кэрола Гиндона. Я к тому моменту уже заметил, что брак заставил его остепениться, и решил, что женитьба, наверное, неплохая затея. И хотя в старших классах я не был настроен на постоянные отношения ни с одной девушкой, я отправил Лаки записку, чтобы посмотреть, сможем ли мы пообщаться на каком-нибудь мероприятии. Мой хороший друг Херб Смит из Айовы рассказал мне, какая Лаки необычный и замечательный человек. Ну а потом я и сам узнал уже на личном опыте, что она была исключительно милой. Другой нашей попутчицей в Model T была Мэри Чамнесс,

которая позже стала женой Эстона. Так что, получается, что в той «последней» поездке дело было не только в том, чтоб покататься.

Недавно Лаки напомнила мне, что на первом мероприятии в том году кто-то запустил фейерверк и прокричал: «Этот грохот должен нас развлечь».

Ответственными за то мероприятие были старшеклассники, и я, наверное, был единственным человеком, у кого мог быть фейер, потому что в Алабаме они продаются круглый год. Лаки тогда спросила, кто этот запускатель фейерверков, и ей ответили: «Это Гиндон». Она сказала: «А, Гиндон! Моя сестра замужем за Гиндоном». Она быстро свела разрозненные факты вместе. Хотя мы и состояли в некотором родстве, я не думаю, что мы знали друг друга до того момента.

Когда мы познакомились, Лаки была на втором курсе. А когда она была уже на последнем курсе, я сделал ей предложение, но не давал ей кольцо, пока она не закончила школу».

Учеба в Олни оказала глубокое влияние на Вольфа. Именно оттуда берет начало его интерес к биологии, а также к химии и физике. У него были отличные учителя, которые не только сделали эти сложные предметы понятными, но и обучили умению применять научные знания в повседневной жизни. Эти базовые знания обеспечили Вольфа ценной информацией, на которую он мог опираться, когда позже работал с учеными в различных лесах Коста-Рики.

«Только потом, будучи взрослым человеком, я понял, насколько было важно надлежащее образование, которое Олни дал мне. Когда я оглядываюсь назад и думаю о том, что узнал из разных источников, и кто действительно повлиял на мою жизнь, я вижу, что очень много было получено в школе. Именно там я узнал, как ладить с людьми, и именно там я решил, в каком направлении я хотел бы двигаться дальше. Я думал, что важнее быть хорошим знатоком в какой-то узкой специальности, чем быть звездой в более многопрофильной профессии. В отказе от курения и выпивки тоже есть ценность. А еще важно следовать жестким правилам, вроде тех, что на нас накладывала моя бабушка. Не делай то и это, и еще много чего.

Не имея контактов с матерью, я научился еще больше дорожить влиянием, которое на меня и мое поведение оказывал отец. Он был рабочим человеком, я видел его нечасто, а любовь его сестры заменила мне материнскую любовь. Мой отец и моя тетя Мэри познакомили меня с тем, что такое дисциплина, и это помогло мне двигаться в правильном направлении. Они были отличными учителями, равно как и мои братья и сестры. Думаю, я не осознавал, что такое урожденный квакер, пока не стал взрослым. Тогда я понял, откуда у меня появились мои убеждения и мои ценности.

Во время учебы в школе-интернате часто доводилось общаться с родственниками по материнской линии. Мои дедушка и бабушка жили на взгорье, всего в пятнадцати минутах ходьбы от Олни, стоило лишь пересечь долину. Я добирался туда, проходя по пересеченной местности через пару пастбищ и небольшой ручей. Я приходил к ним по субботам в свободное от занятий время. Мне всего лишь надо было сделать соответствующую запись в школьной книге регистрации отсутствующих: «Я пошел к старикам».

В то время моя мать как раз жила там, в родительском доме. Общение с ней было для меня в новинку. Мама в основном проводила время в своей комнате наверху, но иногда спускалась вниз запустить руку в сахарницу, чтобы порадовать себя сладеньким. Когда я учился на третьем курсе в Олни, здоровье моей бабушки ухудшилось, ей нужен был постоянно присутствующий помощник. Однако моя мать не разрешила бы постороннему человеку находиться в доме. Именно тогда ее перевели в лечебницу в Кембридж, штат Огайо, и там поставили диагноз депрессия. Мама страдала от нее на протяжении большей части своей жизни. Еще у нее нашли диабет.

Я неоднократно навещал маму, и она всегда была весела и рада видеть меня. Она помнила всякие даты: наши дни рождения и день ее свадьбы. Хотя мама никогда не проявляла насилия, но однажды почему-то сожгла наши свидетельства о рождении. Ее поведение было, вероятно, иррациональным, и она не понимала важности документов. Путаница в ее голове, возможно, шла от принципа квакеров противостоять политике властей. Ее лечили электричеством, и я все думал, что ее замкнутость, возможно, объяснялась именно этим лечением. Пока мама жила со своими родителями, она писала письма моему отцу в Фэрхоуп и все время беспокоилась о том, чтобы папа вернулся в их старое домашнее гнездо в Огайо.

Я помню маму как любящего человека. Я всегда думал, что современный уровень медицины и сегодняшнее лечение могли бы исцелить душевные раны моей матери. Ее лечили от диабета, и это продлило ее жизнь. Она умерла в лечебнице в 1969 году от осложнений после диабета. Мой брат Клифф и его жена Дотти были у ее смертного одра, поэтому мама, по крайней мере, не умерла в одиночестве».

В первый год учебы Вольфа в школе-интернате в мире произошли события, которые оказали глубокое влияние на все человечество: самоубийство Гитлера, казнь Муссолини, создание Организации Объединенных Наций, атомная бомбардировка Соединенными Штатами Хиросимы и Нагасаки и День Победы — конец Второй мировой войны. Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт скончался от кровоизлияния в мозг, и в Овальный кабинет въехал Гарри Трумэн.

Трумэн — сторонник реформ в области социального обеспечения и поборник изменений в законах о гражданских правах — столкнулся с сильной оппозицией даже в рядах своей собственной Демократической партии. Фракция партии на Юге решительно противостояла его попыткам покончить с сегрегацией в школах. Рост военного комплекса в Соединенных Штатах все чаще отражался на принятии политических решений. Несмотря на свою несколько более мягкую внутреннюю политику, во внешней политике именно президент Трумэн санкционировал использование атомных бомб против Японии. Недоверие ко всему, исходящему от Советов, подтолкнуло Трумэна к холодной войне, которая продолжалась почти пятьдесят лет. В 1950 году он бросил американских солдат в горнило Корейской войны. В то же время Трумэну удалось найти компромисс между своими противоречивыми стремлениями, когда в 1948 году он отменил сегрегацию в вооруженных силах США.

Вторая половина 1940-х годов была беспокойным временем для Соединенных Штатов, когда страх Америки перед коммунизмом повлиял на многие политические решения. Росла активность людей, защищающих гражданские права. Профсоюзы боролись за права рабочих, повсюду шли забастовки. Послевоенная экономика способствовала росту благосостояния, и в то же время в стране не хватало основных продуктов, что доставляло беспокойство населению. Закон о выборочной подготовке и службе 1940 года, который регулировал призыв молодых людей на военную службу, также подвергся изменению.

В 1948 году, на последнем году обучения Вольфа в школе, произошли два события, которые обострили региональные конфликты и беспокоили пацифистов во всем мире. Недавно созданная Организация Объединенных Наций санкционировала разделение Палестины для создания еврейского государства под названием Израиль, а в новой независимой Индии был убит Махатма Ганди. В Олни студенты-квакеры постоянно обсуждали события в мире и с неустанным интересом следили, в частности, за тем, в каком направлении движется политика призыва в армию своей страны.

После окончания учебы Вольф вернулся в Фэрхоуп. Лаки оставалась в школе, ей нужно было отучиться еще два курса. Она и Вольф уже договорились, что после завершения ее обучения, они вместе будут строить свое будущее. Тем временем Вольф стал помогать отцу на его молочной ферме. Когда отец узнал, что Вольф и Лаки намерены пожениться, он купил

еще двадцать акров земли, расширив семейные владения. Предполагалось, что все они будут жить и работать вместе.

К концу 1948 года американское правительство восстановило призыв в армию. Вольф и его друзья из Фэрхоупского месячного собрания квакеров, Марвин Роквелл с племянниками Говардом-младшим и Леонардом Роквеллом, должны были принять решение, как им следует реагировать на призыв стать под ружье в мирное время. Будучи квакерами, они в соответствии со своими убеждениями оказались отказниками.

«Все знали о том, что происходит в мире. Во время Второй мировой войны мой брат Клифф был призван в армию и отправлен в лагерь общественной гражданской службы (ОГС). Квакеры на своих собраниях собирали деньги для поддержки людей, несущих службу в этих лагерях. Отказники считались годными для альтернативной службы, для работы в проектах по сохранению ресурсов или как сотрудники психиатрических больниц. Кроме того, некоторые молодые люди из числа отказников добровольно участвовали в экспериментах, финансируемых правительством в качестве подопытных. После того как Клифф поработал лесником в лагере ОГС, он пожелал стать подопытным. В этом качестве он провел два года на Стейтен-Айленде, участвуя в экспериментах с разбавителями крови, например, варфарином, добровольно подвергался обморожению с использованием сухого льда.

Еще в Олни я думал, что же буду делать, если война по-прежнему будет продолжаться. К моменту окончания учебы я достигал призывного возраста. Окончание войны было большим облегчением, мне не пришлось регистрироваться в военкомате. А потом нас ожидал большой сюрприз. В 1947–1948 годах в призыве был перерыв, после чего было объявлено, что вводится немного модифицированная выборочная служба, а чуть позже призыв будет восстановлен. В 1948 году был принят Закон о всеобщем военном обучении. После окончания школы летом 1948 года мне сразу надо было принимать решение, как реагировать на этот закон, призывающий молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати шести лет на службу в армию.

В это время американцы могли и должны были участвовать в программах помощи в обедневших странах мира. Я полагал: те из нас, кто принадлежал к мирным церквям, могли быть уверены, если зарегистрироваться в военкомате в период, когда войны нет, то нам, гражданам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, будет предложена подобная программа. Однако ничего конкретного не планировалось. Мы ждали, что нам будет предоставлена какая-то гражданская служба. А потом выяснилось: если мы не отметимся в военкомате, будем подвергнуты соответствующей правовой процедуре и тюремному заключению. Максимальным наказанием был штраф в размере 5000 долларов США или пять лет тюрьмы.

Четверо из квакерского собрания в Фэрхоупе — трое Роквеллов и я — решили не регистрироваться для призыва в мирное время. Каждый из нас написал письмо в призывную комиссию, разъясняющее причины такого решения, и после этого мы ожидали «надлежащего процесса». В декабре 1948 года нас арестовали, а 26 октября 1949 года мы были приговорены к одному году и одному дню тюрьмы. Нас этапировали в Федеральное исправительное учреждение в Таллахасси, штат Флорида.

По прибытии в пенитенциарное учреждение мы смогли подать заявления с просьбой об условно-досрочном освобождении. Комиссия по УДО заседала каждые четыре месяца, и, можно сказать, нам повезло предстать перед советом в первый же месяц. Так нам удалось провести в тюрьме всего четыре месяца.

Эти четыре месяца были действительно школой жизни для меня. Я узнал, что другие заключенные сидели в основном за подделку алкоголя и изготовление фальшивых чеков, и

понемногу начинал понимать, что было у них в голове. В тюрьме ко всем относятся одинаково, ты всего лишь номер на тюремной робе. Нас вызывали по нашим номерам шесть раз в день для досмотра. Мне удалось получить хорошую работу на тюремной молочной ферме, что позволяло жить без постоянного ожидания вызова на проверку. Я до сих пор помню наизусть мой номер — 7310. Это имя, каким вся зона называла меня, пока я находился под стражей».

Все четверо освободились 27 февраля 1950 года. Вольф вернулся в Фэрхоуп, намереваясь продолжить работу с отцом на семейной ферме. Но, пока он сидел четыре месяца в тюрьме, с отцом произошел, как это представлялось поначалу, незначительный инцидент. Семье Гиндонов вскоре предстояло понести огромную утрату.

«Я был особенно близок к отцу, поскольку мы много работали вместе. У него было шестьдесят акров земли в Фэрхоупе. Он выращивал картофель и кукурузу, взрастил молочное стадо. Поскольку часто отец бывал в отлучке, я с самого раннего возраста взял на себя ответственность в молочной части его бизнеса. Иногда он работал на нашем тракторе, помогал соседям. В те годы трактора были еще не очень распространены. У него уже в 1929 году был самый первый трактор в округе Бельмонт, штат Огайо. Это был трактор CASE на стальных колесах с лопатками — первый соперник лошадям. Когда мы переехали, он перевез его в Фэрхоуп. Приходилось много пахать на полях южной Алабамы, готовить землю для посевной. Трактор также использовался в уборочную страду и для наполнения силосных башен.

Папе никогда не приходило в голову что-то диктовать нам или читать морали. Я осознал: когда мы ремонтируем трактор, занимаемся фермерской работой или путешествуем вместе, мы не должны задавать много вопросов. А когда речь шла о чем-то, что было очень интересно отцу, он делал все так, чтобы мы видели, что он делает, чтобы увиденное шло нам впрок. Теперь эта привычка стала частью моей натуры — не задавать вопросы, а самому пытаться уяснить все мелочи, слушая и наблюдая.

Бывало, мой отец, распахивая почву на соседних участках, зачастую нанимал молодых трактористов-негров, что для той поры было необычно. Наша семья нанимала их работать на нас во время сбора урожая, и они всегда ели за одним столом вместе с нами. Мы считали за честь обедать вместе с ними, в то время как наши соседи смотрели на это хмуро. Если бы мы принадлежали к какой-то другой вере или были бы приверженцами иной религии, то мы в полной мере ощутили бы на себе негодование наших соседей и, может быть, даже акцию Ку-клукс-клана. Но среди Друзей так было принято — работать с неграми и сидеть с ними за одним столом.

Единственным исключением из этого правила для нашего обеденного стола, которое я помню, был случай, когда квакер из группы по сбору урожая, приехавшей из Северной Каролины, сказал, что он не будет чувствовать себя комфортно, если ему придется сидеть за столом с неграми. Тогда тетя Мэри сказала, что это не проблема, и она сейчас же посадит его за столом в подсобном помещении.

Фэрхоуп был коммуной открытого типа, наполненной поселенцами, имеющими разные и весьма продвинутое знания, полученные в Школе органичного образования и в Колонии единого налога имени Генри Джорджа. Это такая налоговая структура, в которой организация взимает налог от стоимости земли как единственного источника доходов, а производственные действия освобождаются от налогообложения. Поскольку эта система способствует эффективному использованию земли, ее поддерживают многие альтернативные пользователи. Квакеры прибыли в Фэрхоуп приблизительно в 1918 году с целью создания своего собственного собрания в этом регионе, возможно, потому что тут уже находилась Колония единого налога, но, может быть, в большей степени из-за открытости местной

коммуны.

Но даже в этой обстановке просвещенности все еще существовало отдельное негритянское поселение. Негры жили обособленно. У них было особое место, где они должны были жить, и все тут. «Знай свое место в городе Фэрхоуп», если ты негр. В самом Фэрхоупе общество было более терпимым по причине разного происхождения самих поселенцев, но расизм был всегда. Для негров все еще существовали ограничения. Например, они имели право сидеть только на двух рядах сидений в задней части автобуса. У них была своя школа в поселке. Там проводили ежегодный концерт, куда приглашали и нас. Белые люди, как правило, не заходили в эту часть поселения, но члены собрания Друзей всегда присутствовали на выпускных церемониях школы. Важно то, что мы могли выступать против расизма, с которым часто сталкивались, и в то же время нам часто приходилось смиряться с этим.

Когда я был в талахасской тюрьме, с моим отцом произошел несчастный случай. Он был высоким человеком, и в тот день работал с двумя другими мужчинами на рычаге, используя шест для поднятия и поворота большого бака для смачивания цемента. Рычаг соскользнул с точки опоры и упал ему на голову. Отец не потерял сознание и позже, когда у него случались головные боли, никак не связывал их с тем несчастным случаем. Боли усиливались, главным образом болела шея. Ему назначали различные процедуры, но хиропрактик и врачи, обследовавшие его, никак не могли понять, что же было не так. Они отправили его к другому специалисту, который обнаружил тромб, и тогда хирург из Бирмингема сделал ему операцию. Она прошла успешно, сгусток крови был удален. В его возрасте — отцу было пятьдесят шесть — он не казался мне очень старым. Однако вместо исцеления работа мозга продолжала ухудшаться. Отец умер спустя несколько дней после операции.

Я только вернулся из Огайо, куда ездил, чтобы отдать кольцо Лаки. Моим родственникам и мне сказали, что отцу потребовалось интенсивное хирургическое вмешательство, и позже сообщили, что операция прошла успешно. Мы думали тогда, что папа будет в порядке. Он умер всего через пару месяцев после моего выхода из тюрьмы весной 1950 года.

Мне было очень тяжело вернуться к выполнению обязанностей, которые мы делили с отцом до его смерти. Когда наша группа решила поехать в Коста-Рику, мне было невыносимо покидать Фэрхоуп. По крайней мере, одним из моих утешений было то, что мне уже не придется оставлять отца одного».

Хьюберт и Милдред Менденхолл, как и Вольф, были членами месячного собрания Друзей в Фэрхоупе. С большим трудом при всей своей квакерской чувствительности — они были вынуждены терпеть безудержный рост расходов денег налогоплательщиков на военные цели, и это при колоссальном уровне бедности и голода в мире. Они общались с другими фермерами-квакерами по всей стране, пытаясь понять, как можно использовать беспрецедентные по объему излишки продуктов питания в США для удовлетворения международных потребностей. В мае 1950 года они присоединились к сельскохозяйственному турне по Центральной Америке. Они уже подумывали о том, чтобы покинуть Соединенные Штаты, потому что несогласие с властями своей страны возникало все чаще и чаще. Когда Хьюберт и Милдред приехали в Коста-Рику, их сразу же поразило дружелюбие людей и общая обстановка удовлетворенности в этой стране. Армия здесь была недавно упразднена, и правительство стремилось к дальнейшему развитию сельскохозяйственных угодий. Уже когда Менденхоллы сидели в самолете на пути домой, они знали, что в этой крошечной стране определилась «их судьба». Хьюберт и Милдред привезли свой энтузиазм в Фэрхоупское собрание.

«Когда мы с Роквеллами вышли из тюрьмы, мы обязаны были работать в рамках программы условно-досрочного освобождения до истечения срока наказания. Теперь, когда мы решили отправиться в Коста-Рику, это стало преградой для нас. Никто из имеющих условно-

досрочное освобождение не имел права покидать свой регион без разрешения. И нам, конечно, не разрешили уехать из США. Мы должны были дожидаться окончания срока УДО. К счастью, это задержало нас ненадолго.

После того, как Менденхоллы вернулись из Коста-Рики и рассказали нам обо всем, квакеры из собрания Друзей в Фэрхоупе — человек двадцать пять или около того — решили переехать в Коста-Рику. Мы отправили сначала туда троих, чтобы наладить побольше контактов. У оставшихся было время подучить испанский язык и подготовиться к отъезду из страны.

Самым важным для меня прежнего было выступление против того, что, как мы знали, было неправильным. Речь шла о введении властями США обязательной воинской повинности в мирное время, что случилось впервые в истории этой страны. Мы выступили против этого, не поддерживая саму идею войны. Наше сопротивление выражалось тем, что мы не регистрировались в военкоматах, и нашим последующим шагом — отъездом в Коста-Рику».

3. В поисках мира

«Если говорить о решении приехать сюда и о том, как мы стали теми, кто мы есть сейчас, то, наверно, превращение — правильный термин... Ну, в общем, если говорить о том, как мы довели до конца то, что делали по-своему. Самым трудным решением для некоторых из наших самых молодых Друзей было решение не регистрироваться для призыва в армию в мирное время. Поддержка, которую мы получили от квакерского собрания в Фэрхоупе, была очень важна для нас и тогда, и потом, когда мы уже рассматривали возможность отъезда в Коста-Рику группой. Понятно, что в пользу Коста-Рики говорила новая конституция этой страны, отменившая армию. Это был дополнительный плюс в списке причин для отъезда в эту страну.

Для нас с Лаки и отъезд, и вообще начало всей этой эпопеи стало возможным лишь благодаря финансовой поддержке Хьюберта и Милдред, предложенной ими после кончины отца. Моего наследства хватало только для начала работы на месте, для покупки лошади и скота. Но переезд нам самим был не по карману».

Вольф на привале на Речной Тропе

Коста-Рика — небольшая развивающаяся страна в Центральной Америке. Расположенная между Никарагуа и Панамой, она как мост между мощной Северной Америкой и напористой Южной Америкой. Коста-Рика хлебнула горя: она пережила и вторжения, и социальные волнения, ее раздирала политическая борьба. Гражданская война 1940-х годов привела к переменам. Были проведены прогрессивные социальные реформы, среди которых — отмена армии в 1948 году. С той поры Коста-Рика приняла сторонников демилитаризованного общества со всего мира, тех, кому нравилось жить в стране пышных тропических лесов и мягких песков южных пляжей.

Местное население — тикос — теплы и приветливы, как чашка свежесваренного кофе. Наряду с сахарным тростником и разнообразными фруктами и овощами, кофе является одной из культур, выращиваемых на волнистых холмах, характерных для большей части ландшафта. Хотя Коста-Рика была и остается образцом для подражания в экологической политике и в политической стабильности, в последние годы, как это часто бывает, некоторые негативные аспекты прогресса и развития в этой стране отразились на ее репутации и подпортили некогда чистую окружающую среду.

Я очень мало знала о Коста-Рике в январе 1990 года, когда решила расторгнуть свой неудачный брак. За несколько месяцев до этого решения я встретила Марию Михайлович. Мы познакомились во время протестного блокирования строительства лесозаготовительной дороги в Темагами, Онтарио. Мария тогда только что вернулась из Монтеверде, где она трудилась как волонтер. Она часто рассказывала мне о красоте этого региона и об интересной коммуне квакеров, которые активно занимались сохранением природы и миротворчеством.

Когда я, наконец, решила расстаться со своим мужем, мысль о том, что сейчас самое время для отъезда и для исцеления в Монтеверде, показалась мне привлекательной. Мария возвращалась туда для продолжения своей волонтерской деятельности, и я тоже решила отправиться на юг вместе с ней. Когда я прочитала о Коста-Рике, то была поражена тем, что в этой маленькой стране не было постоянной армии, хотя находилась она в окружении стран, где военный хаос и социальные волнения — обычное дело. Окончательное решение пришло с пониманием того, что тамошние власти можно считать вполне «зелеными». А моя любовь к латиноамериканским ритмам стала последней соломинкой. Поскольку я искала успокоения своей душе, подумала, что Коста-Рика, возможно, то самое место, где этот покой можно обрести.

Решение Вольфа, Лаки и других квакеров из Фэрхоупа о переезде в Коста-Рику был схож с моим. Они тоже были в поисках мира и успокоения. Соединенные Штаты в 1940-е годы наращивали свою мощь милитаристской державы. Невозможно было жить в Америке, работать как обычный гражданин и при этом не платить налоги, идущие на насыщение растущих аппетитов военной машины. Квакеры понимали, что им надо будет всерьез рассматривать вариант переезда в другую страну. Окружной судья США Джон Макдаффи, председательствующий на суде над четырьмя молодыми людьми из Фэрхоупа, отказавшимися от призыва, оказался в трудной ситуации. Не желая вынесением слишком сурового наказания делать из них мучеников и, в то же время, полностью оправдать их, он четко определил свою позицию словами, которые были приняты близко к сердцу всеми, кто их услышал: «...Это правительство законов, а не людей, и пока вы здесь живете, вы должны соблюдать законы этой страны... Те же, кто выступает против законов этой страны и этой формы правления, даже если они приведут к войне, должны покинуть эту страну и жить вне ее».

В поисках новой жизни группа квакеров составила список требований к тому месту, куда они были бы готовы переехать. Это должна была быть страна с природной средой и политическим климатом, в которых они могли бы жить. В этой стране должна быть земля, которую они могли бы купить и работать на ней, чтобы получать урожай. Они рассматривали Канаду как вариант, но идея переезда в более холодную страну им не понравилась. Решение было принято, когда Хьюберт и Милдред Менденхоллы вернулись из своей поездки в Центральную Америку. Они находились под сильным впечатлением, полагая, что Коста-Рика — страна их мечты. Пришло время реализовывать намеченные планы.

«Я ничего не знал о Коста-Рике. На наших уроках природоведения в Олни мы изучали историю — события, которые происходили в Латинской Америке. Но я никогда не слышал об этой стране до той поры, пока не прочитал статью в Reader's Digest. В ней цитировался Пеппе Фигерес, один из основных лидеров революции 1948 года. Именно Фигерес пригласил людей из развитых стран приезжать в Коста-Рику, инвестировать в эту республику. Он просил помощи в деле превращения преимущественно покрытой лесами местности в плодородные сельскохозяйственные земли. Леса занимали более пятидесяти процентов от общей площади территории страны. Это подвигло меня к мечте о преобразовании земель, покрытых лесом. Такие земли были гораздо дешевле».

В ноябре 1950 года квакеры начали переезжать семьями в Коста-Рику. Одна группа передвигалась по суше на машинах, загруженных личными вещами. Это была поездка, богатая событиями, и длилась она три месяца. Другая группа переселенцев отправилась самолетом, отправив свой скарб по морю. Вольф и Лаки были частью того контингента, который отправился в свой будущий дом по воздуху.

«Это были тяжелые времена для нас, много стресса. Умер мой отец, и в двадцать лет на меня легла ответственность за сбор урожая и контроль над нашей молочной фермой. А еще мы готовились к нашей свадьбе и сразу после этого планировали отъезд в Коста-Рику. Мы с Лаки сыграли свадьбу 14 октября 1950 года. С того момента, когда решили переехать, прошло лишь несколько месяцев. Решение было принято еще до свадьбы. И вот мы уже едем. Хлопотливое это было время, необычное. Мало кто мог похвалиться такой насыщенной жизнью.

Мы вылетели из Нового Орлеана на большом четырехмоторном самолете Pan American Airlines 21 ноября. Приземлились в городе Гватемала-сити, где пересели на самолет меньшего размера, который мог сесть в аэропорту Ла Сабана близ Сан-Хосе, столицы Коста-Рики. Мы были очень рады, что Эштон и Мэри также решили переехать в Коста-Рику. Переселение в новые края вместе с этими двумя хорошими друзьями, которых мы знали еще со школы-интерната, способствовало облегчению стресса от переезда.

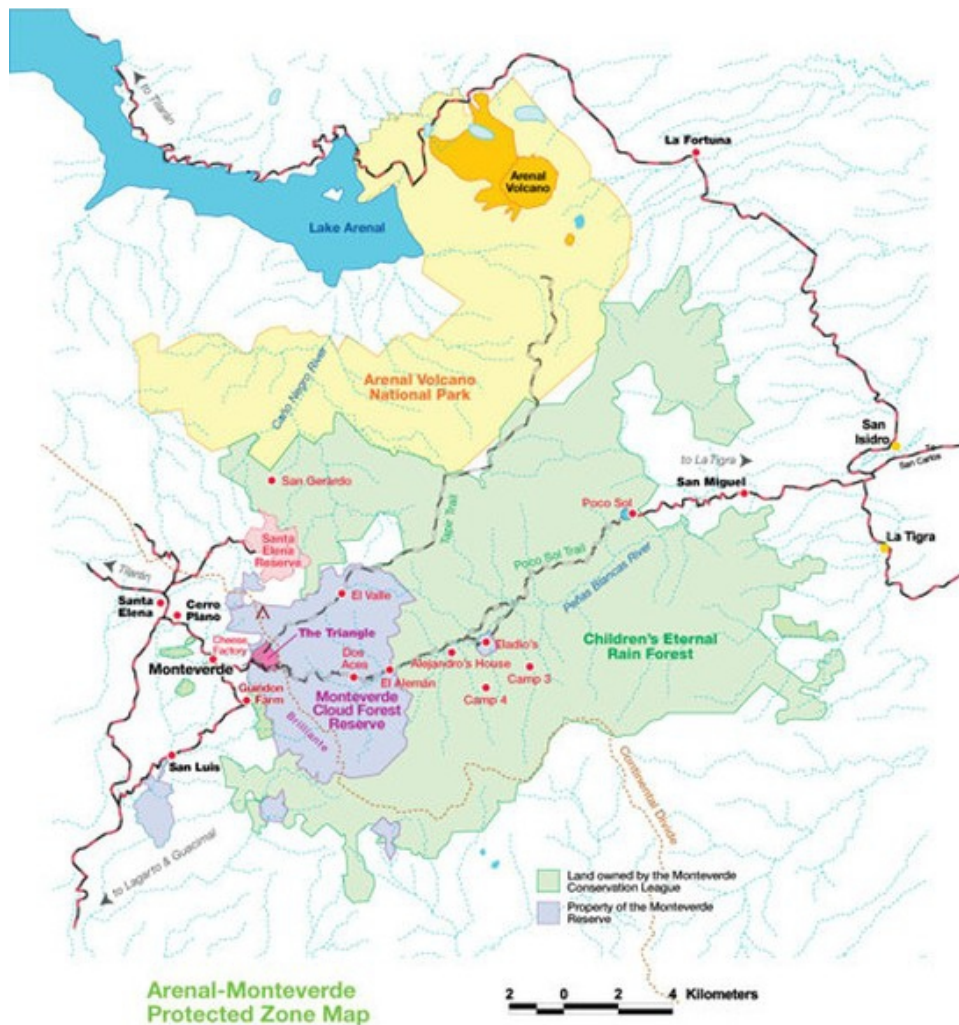
Все семьи переселившихся квакеров разместились в домах в районе Сан-Хосе. В первую неделю нашего пребывания в стране группа из переселенцев съездила на юг страны, в тот район, который теперь известен как Сан-Вито. Это место оказалось совершенно непригодным для нас. После той поездки аналогичные команды совершали визиты в разные части страны в поисках участков земли, которые бы подошли для трудовой деятельности.

Нам было очень полезно сначала увидеть местные земли в сезон, когда почва была еще сухой и выглядела вполне подходящей для проживания на ней, а затем снова посмотреть на эту же землю уже в конце необычайно дождливого периода, когда доставить свой скарб казалось невозможным даже на самолете. Я говорю о вещах, самых необходимых для повседневной жизни, привезенных из Штатов. Чтоб продавать наш урожай, нам нужен был доступ к рынку.

Сразу стало ясно, что какие-то районы страны даже нет смысла рассматривать как возможное место для поселения. Мы начали налаживать контакты с костариканцами и с теми американцами, которые уже жили здесь и могли рассказать нам о погодных условиях в течение года. Кроме того, они могли посоветовать нам разные регионы, где лучше приобретать земли. Из-за отсутствия дорог в те годы изучать Коста-Рику было гораздо сложнее, чем в наши дни.

Во время наших визитов на фермы перевод обеспечивал Эстон, чей испанский был достаточно хорош для общения. Я изучал испанский язык постепенно, выхватывая то или иное слово из бесед Эстона. Постепенно я обретал уверенность, достаточную уже для самостоятельного ведения беседы. Я изучал язык слово за словом, подражая звукам, мною услышанным, уподобившись попугаю.

Тогда у нас, казалось, было много свободного времени, и поэтому мы немного попутешествовали в окрестностях Сан-Хосе. Мы развлекались тем, что ходили в кино, побывали в музеях и в зоопарке, а то и просто сидели в городских парках и наблюдали за фланирующими мужчинами и женщинами, рассматривающими друг друга. Нам тогда особо нечего было делать, кроме как ждать момента, когда мы, наконец, найдем место, куда могли бы переехать и обосноваться, построить свои дома и приступить к созданию своей общины».

Карта Коста-Рики. Зеленым отмечены заповедники и национальные парки.

Поиски идеального места для жизни стали активнее. На разведку квакеры-переселенцы отправлялись небольшими группами. Они исследовали земли вдоль границы с Панамой, в Центральной долине на юго-западе Коста-Рики, в районе Сан-Карлос на севере. Везде, где они побывали, земля была слишком грубой для земледелия или слишком раскаленной, слишком влажной или слишком дорогой. Тем временем, скудные сбережения Гиндона подходили к концу, и Вольфу нужно было начать зарабатывать. Оставив свою молодую жену в Эредии, он подыскал работу в Турриальбе, на исследовательском объекте.

«Я узнал, что есть временная работа в Межамериканском институте сельскохозяйственных исследований. Теперь он называется САПЕ. Большим недостатком в этой работе была ее удаленность. Я отрывался от коллектива на целую неделю, а иногда и на две недели подряд. Хуже всего было то, что я оказался вдали от моей жены, которая только-только смекнула, о чем свидетельствует тошнота по утрам. Но деньги, которые я зарабатывал, были существенным аргументом в пользу продолжения такой работы. Меня обеспечивали жильем и питанием, а за работу я получал около 60 долларов за шесть недель.

Наиболее интересным аспектом исследований была работа с крупным рогатым скотом. У них для изучения был взят его особый тип — гибрид с исходной породой, поступившей из Испании. Возле никарагуанской границы была такая небольшая территория, где содержали чистую породу. Коровы этой породы представляли интерес для института, потому что они давали больше молока. Опыты показали, что в жарких, сухих низинах Коста-Рики эти коровы

давали лучшие удои по сравнению с джерсейской породой, которая импортировалась из США и была скрещена с крупным рогатым скотом породы Брахман. Я ведь уже работал на молочной ферме, и мне действительно нравилось этим заниматься.

У нас там было специальное оборудование для поддержания определенных климатических условий для скота. В помещении находились холодильные и отопительные приборы, которые могли бы усиливать вдвое влажность, температуру и модулировать какой-нибудь определенный климат. Там-то я и узнал из экспериментов, что крупный рогатый скот породы Брахман меняет свое поведение, когда его помещают в холод. Животные становятся более нервными и буйными. В этой лаборатории было четко видно, как резко менялся их характер. Много лет спустя нанятый нами работник работал на ферме, расположенной на возвышенности с прохладной погодой. Там были пятнадцать голов Брахманов — мясная порода. Он с ними не мог справиться. Некоторые из животных были готовы затоптать его копытами, если б им представился такой случай. Они были нервными, плохо паслись и похудели. Мне было интересно убедиться на практике, что крупный рогатый скот реагирует в полях точно так же, как это прогнозировали исследования в контрольной лаборатории.

Мне разрешили пользоваться библиотекой. И еще там я познакомился со многими профессорами, например, с доктором Лесли Холдриджем, который уже до этого приезжал к нам в Сан-Хосе. Он прочитал в газете о группе квакеров, поселившихся в стране, и захотел встретиться с нами. Холдридж занимался лесами в Соединенных Штатах, а в Коста-Рике он переключился на тропическую биологию. Его бабушка была квакером, и это тоже повлияло на его интерес к нашей группе Друзей.

В 1954 году доктор Холдридж создал исследовательскую станцию «Ла Сельва» на территории своей фермы какао в восточной части Коста-Рики. В 1962 году, спустя десять лет после нашей первой встречи, он стал одним из основателей Тропического научного центра, который мы называем TSC, организации, созданной для поддержки и развития биологических исследований в тропиках. Спустя десять лет этот центр вел всю работу в заповеднике туманного леса «Монтеверде». Доктор Холдридж также разработал систему классификаций природных сообществ, основанную на корреляции между климатом и растительностью. Эта схема Холдриджа по-прежнему широко используется во всем мире. С самого начала он оказывал большую помощь нашей группе, описывая типы лесов в разных частях страны, а также рассказывал нам, где климат наиболее подходящий для сельского хозяйства.

Настали очень тяжелые времена для Лаки. Ей поставили диагноз амебная дизентерия. Лекарства не спасали ее от болей. Вероятно, это был ранний признак проблемы с яичниками. В подростковом возрасте она ощущала схожую боль в течение одной зимы и подумала тогда, что это, наверно, связано с холодным временем года. Как бы то ни было, в конечном итоге у нее развилась киста, которую обнаружили только во время пятой беременности. А в тот год она была беременна нашим первым ребенком. Я работал в Турриальбе, поэтому заботиться о ней должны были друзья в нашей общине. Жить вдали друг от друга было очень трудно. Я чувствовал себя нерадивым мужем, и ревновал!»

Их брак начинался непросто. В свои восемнадцать лет Лаки понятия не имела, с чем она связывала свою жизнь. Ее рассказ о тех годах показывает ход событий с точки зрения молодой женщины.

«На последнем курсе обучения в Олни Вольф написал мне письмо, в котором спросил, не хочу ли я поехать в Коста-Рику. Ну, я ничего не знала о Коста-Рике. Как и многие другие, путала ее с Пуэрто-Рико. Я не была особенно склонна к приключениям, но решила, что если туда отправляется Вольф, то тогда и я туда поеду. Все это было затеяно не мной, но я решила ехать. И я никогда, никогда не пожалела об этом. Я не знала других — Менденхоллов и

Роквеллов, кроме Эстона и Мэри, которую я называла Лу. Они тоже решили ехать, поэтому мы все вместе и отправились в путь. Все, конечно, выглядело очень забавно, но для начала совместной жизни в браке это было нелегко.

Сейчас я бы не захотела повторить тот первый год семейной жизни. Сначала мы отправились в новую страну, с непривычным питанием, а еще потом я сразу забеременела, что вообще-то не входило в мои планы. Я, помнится, все никак не могла понять, почему меня постоянно тошнит. Думала, что это из-за непривычной пищи. Мы собирались предохраняться от беременности по календарю моих месячных, но от переезда месячные сдвинулись по срокам.

Когда мы приехали в Коста-Рику, то жили все вместе в одном доме: Лу, Эстон, Вольф и я. Готовили мы раздельно. Каждый считал своим долгом сказать мне, что я должна делать и что не должна, будучи в положении. Так что давление было со всех сторон. Кроме этого, были и иные эмоциональные моменты. Только что начавшийся брак был довольно-таки богатым на эмоции. Нет, я бы никогда не захотела повторить тот первый год».

К концу первого полугодия, когда стало ясно, что ни одна из тех областей, которые Друзья посетили, не удовлетворяла их потребностям в полной мере, в коллективе назрел кризис. Они всерьез обсуждали разделение на две группы, которые бы действовали и жили по-разному. В конечном итоге, это решение было отклонено, поскольку более обеспеченные финансами члены группы оставались приверженными идее оказания помощи молодым. Не менее важна была уверенность группы в том, что для будущего общины было важно оставаться вместе — для богослужений и для обучения.

Группа пыталась прийти к трудному решению с выбором места, причем варианты были далеки от совершенства. И вот именно тогда к ним пришел человек, который показал им землю, ставшую впоследствии их домом. Инго Калиновский и его партнер выложили перед ними вариант выкупа земли у сквоттеров, живущих в отдаленной местности на тихоокеанском склоне горы Тиларан. Земля принадлежала компании Guacimal Land. Трое квакеров поехали с Калиновским на лошадях в крошечную горную общину Серро-Плано. Девственные тропические леса покрывали высокие склоны, а кайма леса была достаточно ровной. На частично очищенном рельефе там и сям виднелись дома. Приехавшие на разведку квакеры поняли, что это лучшее из всего, увиденного ими до сих пор.

По возвращении назад эти трое пылали таким энтузиазмом, что вся группа согласилась купить землю, основываясь только лишь на рекомендации съездивших туда. Затем последовали переговоры, и 1400 гектаров были куплены за 50 000 американских долларов. Квакерам пришлось купить титул у Guacimal Land Company и оплатить отъезд сквоттеров, которые расчистили в тех краях небольшие земельные участки от леса. Многие из сквоттеров остались в этих же местах, просто перевезя свой скарб на близлежащие земли, где они расчистили клочки земли от растительности. Местные тикос всегда играли важную роль в развитии сообщества. Помимо продажи земли квакерам, тикос приветливо встретили вновь приехавших и делились с ними своими знаниями и опытом.

Буйная растительность на пастбищах и в лесах, представшая перед очами квакеров, объяснялась обильными осадками и частыми туманами. Было ясно, что выращивание сельскохозяйственных культур вполне реально при обилии солнечного света и наличии умеренных температур. Эти обстоятельства навели группу Друзей на мысль назвать их новое сообщество Монтеверде, в переводе с испанского — зеленая гора. На тот момент к вершине горы вела лишь колея, проторенная повозками. Понятно, что первой задачей новых поселенцев стало строительство нормальной дороги для перевозки скарба и провизии в свой новый дом.

«В первый раз я поднялся на гору с Сесил Роквелл и Хьюбертом Менденхоллом. Мы хотели

получить представление о том, как мы будем управляться с имуществом и как сможем доставить сюда наши семьи. В пути нам пришлось убирать с дороги большие камни и протискиваться через ворота, предназначенные для воловьих повозок, а не для джипа. Зачастую приходилось срезать лопатами центральный горб колеи, потому что местами он был столь высок, что оси колес нашего джипа скребли по нему. Когда мы добрались до угодий, то пересели на лошадей. Обскакав наше новое землевладение верхом, мы увидели поля, уже расчищенные жившими тут ранее костариканцами.

Потом я приехал сюда еще раз и тогда уже смог осмотреть большее пространство. Мне помогал Эстон, который на тот момент уже прожил тут пару недель. Все это было как большое приключение. Мы ходили, общались с людьми, у которых мы выкупили земли и которые теперь были нашими новыми соседями. Мы прикидывали, какими постройками мы хотели бы владеть, и еще я купил корову у одной костариканской семьи, уезжавшей из этих мест. Все для нас было внове. Мы думали и говорили только о будущем. Хорошее было время».

Первые семьи переехали на гору уже по новой, расширенной дороге 29 мая 1951 года. Набитые скарбом до самого верха джипы и прицепы, белокурые и светлокожие иностранцы — это интересное зрелище порадовало местных жителей, которые точно никогда до этого не видели такого парада. После двух ходок перегруженного транспорта Вольфа дорогу надо было снова приводить в порядок, а джип требовал ремонта. Первое знакомство квакеров с горами случилось еще в конце сухого сезона, но теперь наступал сезон дождей. Сильные дожди сначала превращают дорогу в грязное месиво, а потом просто смывают ее напрочь. Местами из земли начинают бить ключи. Там возникают бездонные ямы, подобные болотным трясинам. Такие перемены в окружающей среде вынудили переселенцев натянуть цепи на каждое из четырех колес машин. Иначе джипу было невозможно даже сдвинуться с места.

В июле перебравшиеся на место квакеры расчистили землю, построили палаточные площадки для временного проживания, перенаправили воду из ручьев и помогли друг другу перевезти по грязной дороге все пожитки. Именно в июле Вольф и Лаки отправились в Огайо. Они ждали появления на свет первенца. Сестра Лаки и ее муж — Хелен и Лоуренс Стригал — предоставили свой дом для будущих родителей. Вольф работал на молочной ферме зятя, зарабатывая на обратный путь в Коста-Рику. Альберто Гиндон родился 17 августа, в день рождения его папы. В декабре 1951 года молодая семья, полная надежд и мечтаний, вернулась в Монтеверде, чтобы начать там свою новую жизнь.

4. По камушкам

«Я слышал такое выражение: если вы ищете мосты, и их не найти, то ищите камушки. Давеча я переходил через ручей и подумал, что это тот самый принцип, который нам помогал, когда мы выстраивали наши взаимоотношения с костариканцами. У нас не очень-то много было возможностей сотворить большие изменения или стать первыми в какой-либо области, будь то образование, или дороги, или что-то еще. Но мы старались устанавливать высокие стандарты в наших школах и содействовать лучшему образованию людей в этом регионе. То же самое можно сказать и о тех случаях, когда мы были готовы поделиться нашими медицинскими знаниями или пытались улучшить дорогу, начиная с самых трудных участков. Небольшие такие шаги, направленные на улучшение чего-то большего».

Вольф при пересечении Кебрада Куэча

Монтеверде часто служил чем-то вроде хосписа для меня. В первый раз я туда приехала с разбитым сердцем, вся — в переживаниях после развода. Я думала, что двух месяцев в Коста-Рике мне будет достаточно для исцеления. Однако жизнь там была настолько хорошей, что я задержалась еще на полгода. Я поработала с биологом Налини Надкарни, которая занималась анализом состава лесного покрова. Я провела несколько недель, ползая по лесу, вместе с ее помощником Родриго Солано. Мы подготавливали участки для проведения исследований и собирали данные. Я работала неполный рабочий день и как-то раз в свое свободное время забралась на одно из гигантских деревьев в Заповеднике тропического леса. Помню — вынырнула я над поверхностью океана зеленой листвы, увидела белые мордочки обезьян, кричавших на меня с соседних ветвей, и у меня возникло ощущение, что я попала в мечту.

Я пошла работать волонтером в офис Монтевердской лиги сохранения природы и помогала разрабатывать программу для волонтеров Института Монтеверде. Жила с университетской группой в деревенском доме в заповеднике и была связующим звеном между институтом и сотрудниками заповедника, а также опекала приезжавших на практику студентов.

Пока я жила в заповеднике, помогала координировать утренние прогулки на природе, познакомилась с гидами и стала ориентироваться в тропах. Моя дружба с Вольфом крепла по мере того, как мы ходили по долине Пеньяс-Бланкас и я расшифровывала его аудиозаписи. Я жила на горе, где было прохладно, но при всякой возможности спускалась в низину, в жару. Я познала не только красоты тропических лесов Коста-Рики, прелести ее пляжей, но и смирение, искренность и юмор людей, живущих там. До сих пор поддерживаю дружеские отношения с многими из них и тем дорожу. Я воспряла духом, а душа моя обрела почву, ускользавшую доселе по причине несчастного замужества.

И в то же время я теряла вес, мне было трудно дышать, и моя физическая энергия шла на спад. Сначала я игнорировала эти метаморфозы своего организма, но в сентябре, после того как я упала в обморок прямо в заросли гибискуса около местного ресторанчика, я купила билет домой. Сердце мое было теперь на месте, но вот тело приходило в негодность. Больше всего по возвращении в Канаду я скучала по костариканцам, и именно они, люди, населявшие эту страну, влекли меня назад.

После трех месяцев хождения по врачам и сдачи анализов, в самый канун Рождества 1990 года мне поставили диагноз болезнь Ходжкина, лимфатический рак. И тогда я шаг за шагом начала свой долгий путь обратно к здоровью и целостности.

Шаг за шагом цивилизация пришла в горы Тиларан. Квакеры из Фэрхоупа были здесь не первыми поселенцами, назвавшими эти края своим домом. Артефакты показывают, что когда-то тут жили коренные жители, местные аборигены, хотя о них мало что известно. Современная история этой области ведет отсчет с начала 1900-х годов, с открытия золотого рудника в Гуасимале в низинах к юго-западу от Монтеверде. В свободное от основной работы время местные шахтеры охотились на лесистых холмах. Постепенно этот край был заселен. Люди расчищали поляны для выращивания сельскохозяйственных культур и для выпаса скота. К моменту переселения сюда квакеров в регионе уже жили и трудились около 175 фермеров.

Соседнее с Монтеверде поселение к западу — Серро-Плано. На момент основания квакерской общины там уже было несколько домов, была и школа на два класса, и церковь. Пастбища в этих краях были расчищены и застолблены через систему прав сквоттеров. С другой стороны от Серро-Плано располагалась Санта-Елена, небольшое поселение, где находились местные власти. Центр деревни первоначально был ближе к дороге, ведущей из Лас-Хунтас, шахтерского городка. Туда раньше ездили за провизией. На каком-то этапе там построили католическую церковь, ближе к Серро-Плано. И тогда центр Санта-Елены

сместился уже к церкви.

Жители Серро-Плано и Санта-Елены приветствовали вновь прибывших квакеров с типичной для костариканцев теплотой. Конечно, для местных тикос эти иностранцы казались любопытными персонажами, но соседствовали все мирно. Вольф и Лаки с младенцем были рады вернуться в столь гостеприимную среду. Тогда-то они и очертили границы участка, который и теперь, пятьдесят пять лет спустя, называется семейной фермой Гиндон.

«С самого первого дня, с тех первых походов в Монтеверде, меня привлекал лес и заповедные тропы, и я отправлялся в поход, чтобы только посмотреть, что же там — в конце тропы. Частично моя задача была в том, чтобы в лесу создать ферму и выращивать на ней разнообразные культуры — на земле, где раньше ничего не выращивалось для потребления человеком. Здесь были дикие леса, пригодные для жизни обезьян. Я должен был объяснить обезьянам, чтобы они слегка подвинулись и освободили место для меня и моей семьи. Хотя, конечно, нас вполне устраивала земля. На деревья мы не претендовали.

К нашему возвращению из США с малышом Берто земля, которую приобрела группа, была поделена. Большинство семей уже переехали на свои участки, поэтому мы могли выбирать, кто будет нашими соседями. Оставались еще три участка, которые были достаточно большими для нашего семейства, для того чтобы там обосноваться и разрабатывать их дальше. Оказалось, что одним из этих участков был как раз такой, какой мы и искали: прекрасная делянка, почти полностью покрытая девственным лесом. Это было хорошее начало. Тропа, которую я прорубил к нашему участку, была достаточно широкой для нашего джипа с прицепом. На нем мы перевезли все свое имущество. Эта вручную прорубленная просека была нашим началом начал.

Участок имел две небольшие поляны. Нам важно было определиться с местом, где можно было бы разбить сад и что-то посадить. Айоте, мускатная тыква, уже росла на одной из полян, и мы ели ее в изобилии. А еще нам нужно было решить, где же мы разместим наш дом, поскольку на нашем участке не было никакого жилья.

Мы расчистили место для первого временного дома-палатки. Мы заранее договорились съездить и купить такие огромные и тяжелые полотняные тенты. Каждая семья еще прикупила дровяные печи в магазине «Сирс энд Робак». Мы распилили бревна и построили платформы с разделительными стенами, чтобы натянуть тенты, и чтобы в наших временных жилищах было достаточно пространства.

Нам надо было выкопать колодец. Непростая была задача, но и с ней мы, в конце концов, справились. Я считаю, что у каждого есть ангелы-хранители. Выкопав яму, мы увидели, что на дне ее выступило немного воды. Вроде как тут естественный источник. Я выкопал колодец глубиной девять метров, и в сезон дождей в нем было достаточно воды, но в сухой сезон она высыхала. Поэтому я стал копать дальше — теперь до пятнадцати метров — и наткнулся на подземный источник воды, которая уже никуда не девалась. Мне повезло, что я копал в том месте, которое тут называют каскахо — выход пластов песчаника. Только копай и отбрасывай, никакой опалубки не требуется. Как только колодец был вырыт, мы взяли то же самое ведро, которым вычерпывали грязь при рытье, и с этого момента уже использовали его как ведро для воды. Рытье колодца было огромной работой, но зато он снабжал нас водой в течение нескольких первых лет нашей здешней жизни.

Мы установили свою палатку в лесу. Прямо над нами, по деревьям скакали обезьяны. А еще тут водились коати (млекопитающее из рода носух семейства енотовых), на местном наречии — *пизотэ*. Они питались кукурузой с нашей делянки. Мы сразу завели свиней и кормили их тыквами. Тыква также была кормом для коати и кинкажу (хищное млекопитающее из семейства енотовых). Лесная живность была активна в основном по ночам. Жили мы на

сравнительно небольшом участке земли. Было приятно наблюдать за дикой природой: будь то лесная белка или кошка, притащившая ласку. Неплохой такой мини-зоопарк на дому.

Вот так мы и жили, — в самом конце дороги, чуть ли не нависшей над краем скалы. Я тогда начал расчищать земли для наших пастбищ. Лаки в те годы, наверно, чувствовала себя одинокой. Жизнь посреди леса — и в гости не к кому сходить. Большая перемена в ее жизни. Теперь ей надо было привыкать к самостоятельности.

В 1952 году несколько человек из нашей общины, включая Лаки и меня, подхватили гепатит, хотя и не в тяжелой форме. Лаки тогда была беременна нашим вторым ребенком. К сожалению, из-за желтухи мы потеряли нашу дочку. Она умерла 25 мая 1952 года. Мы назвали ее Ребекка Джейн, по именам наших матерей. Похоронили мы ее на следующий после смерти день. Наша девочка была первой, кого похоронили на кладбище Монтеверде. Я помню, что Марвин, Клара и Артур Роквелл дали нам каллу, чтобы мы посадили ее на могиле. К сожалению, этот участок потом сильно зарос, и теперь могилку не найти.

В мае 1953 года, после того как мы прожили в палатке уже более года, крыша дала течь. Мы сообразили, что, если нам хочется выжить в мокрый и ветреный сезон, то нужно попробовать как-то обработать холст. Чтобы сделать палатку водонепроницаемой, ее надо было обработать смесью скипидара и парафина, продававшегося большими кусками. Как-то утром, когда наш Берто играл на улице, мы решили отремонтировать полотняную кровлю.

Смесь должна была быть достаточно горячей, чтобы ее можно было аккуратно наносить. Парафин не желал таять, и мы стали нервничать. Вдобавок ко всему еще и начинался дождь. Мы решили ускорить процесс расплавления, сняли заслонку с дровяной печи и поставили бак прямо на огонь. Закипевшая часть смеси убежала из бака и загорелась. Мы кинулись заливать все это водой, но, вместо того чтобы погаснуть, огонь перекинулся на пол и стены, и наша палатка загорелась.

Наши шмотки были разложены на полках, сделанных из деревянных ящиков, в которых мы перевозили свой скарб. Понятно, что одежда и прочие тряпки местами свисали с полок. Огонь накинута на все это, сжег нашу одежду, скатерти и много еще чего. В палатке были только я и Лаки. Мы пытались загасить пламя. Моя жена была на седьмом месяце беременности нашим сыном Томасом. Лаки оказалась в ловушке в углу кухни, и ей ничего не оставалось, кроме как рвануть на выход сквозь пламя. Она очень сильно тогда обожгла руку.

Мы выбрасывали изнутри все, что могли. В результате потеряли много вещей, даже из тех, которые выбросили. Мы думали, что они перестали тлеть. Но, уже чуть подпаленные, уже снаружи наши пожитки занялись и сгорели, пока мы сражались с огнем внутри. Некоторые из вещей только слегка обуглились местами, поэтому их можно было использовать. Лаки потом сшивала кусочки полотенец так, чтобы получились пригодные для употребления полотенца нормального размера.

В общем, мы просто не продумали процесс ремонта крыши заранее, иначе бы действовали по-другому. Слава богу, что Берто в это время играл на улице. Единственное преимущество от пожара было в том, что на обед у нас получился вкусный хорошо запеченный бекон, который висел над плитой. Соседи пустили нас к себе и делили с нами кров до тех пор, пока мы ни купили новый брезент и ни натянули его на обугленные рамки. Тогда мы снова смогли вернуться в свой дом. Позже мы вообще сделали металлическую крышу для всей конструкции.

Потом мы поняли, что нам нужно переместить наш дом в другое место, чтобы поблизости был источник воды лучше того, что был у нас. Мы переехали на площадку, которая была ближе к источнику воды нашего соседа Джона Кэмпбелла. На протяжении многих лет мы таскали воду молочными бидонами, взвалив их себе на плечи. Позже провели водопровод,

используя пластиковые трубы. Наш водопровод брал воду из источника Джона, что было хорошо до тех пор, пока там хватало воды на всех.

В 1962 году мы построили себе постоянный дом на куске земли, расположенном в центре нашего собственного участка, и вскоре подключились к общей системе водоснабжения. По мере того как в этом районе увеличивалось число домов, потребление воды увеличивалось тоже. Появилась потребность в лучшем источнике, который нашелся в горах. В течение многих лет этой воды хватало, и к нему подключились еще несколько семей. Но доступ к воде всегда был серьезной проблемой. Мы всегда ждали и надеялись, что у нас будет собственный источник на нашей собственной земле.

У нас в общине был небольшой гидрогенератор, дававший ограниченное количество электричества. В конце концов, Хьюберт привез большой генератор, который обеспечивал электроэнергией его дом, дом для молитвенных собраний, дома соседей и еще наш цех по производству сыра. Генератор вырабатывал электричество для нас только ночью, а днем вся его мощность шла исключительно на лесопильный завод. К остальным обитателям нашей общины электричество пришло в 1957 году, когда Рубен Роквелл построил гидроэлектростанцию в Линдоре, в нескольких милях от Монтеверде, и провел линии электропередач в нашу коммуну. Были времена, когда электричество вдруг отключалось из-за оползня или других проблем, но по большей части источник тока был надежный. А это значило, что мы теперь могли купить холодильник, что для нас имело большое значение. Мы, в самом деле, это высоко ценили. Гидроэлектростанция в Линдоре обслуживала население, проживающее вплоть до Санта-Елены, и работала на всех до тех пор, пока потребности не стали слишком уж большими. У людей появлялись холодильники и титаны. Наша община переключилась на общественное снабжение электроэнергией в 1990 году».

Квакеры всегда считали важным наличие надежного источника воды. Хотя в этих краях выпадает большое количество осадков, на практике это мало помогает. В сезон дождей, с мая по ноябрь, льет практически каждый день. Иногда это просто брызги с неба, но бывает и проливной дождь. По мере приближения тропической зимы погода по утрам становится тихой, с безоблачными небесами. После обеда может пойти дождь различной интенсивности. По мере приближения зимы бывает, что от обильных дождей вода буквально повсюду: дороги превращаются в грязное месиво, в котором ноги утопают в жижу сантиметров на тридцать. В такие дни зонтик практически бесполезен. Прочные резиновые сапоги — вот что нужно.

В середине ноября или в начале декабря появляются первые признаки перехода одного времени года в другое. С северо-востока задувают пассаты, уменьшается количество осадков. Монтеверде тогда превращается в аэродинамическую трубу, и ветры настолько сильны, что пешеходы чуть ли не летают, передвигаясь, едва касаясь земли. Со временем сухой сезон претерпевает изменения: ветры нагоняют облака и туман в верхние части Монтеверде. Облака рассеиваются, перемещаясь на запад, принося к тихоокеанскому склону все меньше и меньше влаги. И только на самом верху, в тропическом лесу, имеется круглогодичный запас влаги.

Комбинация тумана с ветром приводит к тому, что по цинковым крышам Монтеверде начинают бить горошины града. При этом, если взглянуть на небо, будет видно, что оно синее, а солнечный свет несет тепло. Ветры начинают утихать в марте. В один прекрасный день по всей округе наступает оглушительная тишина. Для меня это знак — зима не за горами. В Северной Америке таким сигналом служат фантастические краски осенних листьев на деревьях. Готовьтесь к дождям!

Несмотря на обильно выпадающие осадки, регион по-прежнему испытывает нехватку воды. Дождевая вода стекает вниз по крутым склонам. Да и вырубка лесов способствует этому.

Оставшийся лес потребляет свою долю воды. Деревья, необходимые для предотвращения эрозии почвы, получают влагу из тумана и собирают потоки воды из ручьев. Довольно часто около ферм и предприятий происходит загрязнение воды.

С самого начала обитатели Монтеверде договорились о плане разделения земли. Какие-то участки выделялись для потребностей общины. В то же время существует необходимость сохранения природы — ради будущего.

«Землю мы делили в соответствии с потребностями. В то же самое время этот процесс зависел от стоимости, которую некоторым семьям приходилось платить за более крупные объекты владения или за земли, на которых уже шла работа. Первые участки земли находились в центральной части общины, там, где заканчивалась главная дорога. Те из нас, у кого денег для вложений было меньше, или те, кто был не против работы на землях, покрытых лесом, или же те члены нашей общины, которым близость к дороге не была важна, выбирали владения подальше от центра. Земля, которую на тот момент никто не взял, была разделена на две части. Одну часть было решено продать позже: или вновь приехавшим, или кому-то из нас, кто пожелает добавить кусок к своему участку. Эта земля должна была находиться рядом с дорогой.

Другая часть была непригодна для развития по причине расположения этого участка и из-за того, что там была горная гряда. Это была покрытая лесом территория, к которой по дороге было невозможно проехать. Мы отложили эту часть земель как резерв коммуны, и назвали ее Водораздел Монтеверде. Мы руководствовались стремлением защитить лес, в котором находились природные родники, а также понимали, что уход за Водоразделом очень важен, поскольку нужна чистая вода для наших нужд в коммуне, хорошее водоснабжение для выработки электроэнергии и стабильной работы лесопилки. Хотя на тот момент нехватка воды не была проблемой, нам было понятно, что разработка земель, расположенных над нашей общиной, поставит под угрозу этот источник воды.

Некоторые из нас были людьми весьма практичными, но уже в самом начале жизни в Монтеверде нам запали в душу слова Милдред Менденхолл. Она сказала, что мы должны беречь лес. Она всегда беспокоилась о том, чтобы мы не срубили «последнее дерево». Даже когда мы рубили деревья для строительства наших домов, она хотела быть абсолютно уверенной в том, что мы не продолжим расчистку лесов, игнорируя ценность леса как такового. Так что мы сконцентрировались на одном участке площадью 554 гектара. У каждого из нас на этом участке была своя доля, пропорциональная площади первоначально приобретенного куска земли.

В течение двадцати пяти лет наша коммуна защищала эту землю. Мы строго придерживались установленных границ, а в трех случаях мы сотрудничали с властями, чтобы противостоять сквоттерам, которые решили начать вырубку. Эта земля теперь известна как *Bosqueterno S.A.*, что в переводе с испанского означает *Вечный лес*. В 1975 году мы сдали его в аренду на девяносто лет Тропическому научному центру как часть Заповедника туманных лесов «Монтеверде».

Еще до приезда на место группа понимала, что потребности нового сообщества надо реализовывать с умом и высоким уровнем осознанности.

Конечно, достигается все это трудом в поте лица своего. Не успев еще распаковать привезенный скарб, квакеры приступили к вырубке деревьев и транспортировке бревен. Вскоре были готовы пиломатериалы на лесопилке, построенной на одном из ручьев. Сделали деревообрабатывающий цех, потом сахарный заводик, требующий много дров, чтобы варить тростниковый сок. Многие из зданий, построенных тогда, стоят и сегодня. Точно так же промышленная деятельность, у истоков которой стояли квакеры, продолжает процветать.

Деревянные дома, весьма напоминающие фермы Новой Англии, сформировали характерную теперь для Коста-Рики особенность.

«В первые годы мы много работали всей общиной. По мере того как у нас с Лаки рождались дети, мы все больше и больше вовлекались в образование. До 1957 года школа Друзей Монтеверде располагалась в домике с одной единственной комнатой. Так было до тех пор, пока мы, наконец, не построили настоящее здание. У нас был квакерский комитет, который руководил школой и реализовывал наши идеи. Наша философия состоит в том, что квакерское образование не только интеллектуальное, но также физическое и духовное. Эти три вещи лежат в основе того, чему мы пытаемся научить.

Нашим детям повезло, что они учились у очень хорошего учителя Мэри Менденхолл, сестры Хьюберта. Мэри внесла большой вклад в наше сообщество. Она была главой школы в большей части того периода, когда учились наши дети: от начального уровня до средней школы. Она способствовала созданию у своих учеников такого потенциала и такой самодисциплины, что те, кто потом пошел в университет или в технические заведения, не испытывали трудностей, связанных с обучением даже на более высоком уровне. Наша школа уделяла особое внимание тому, чтобы мы были членами хорошей, сильной части общества независимо от места проживания.

Детям полезно, когда в образовании принимают участие и их родители, и сообщество в целом. Нам это было важно, и мы старались проводить развлекательные и общественно полезные мероприятия. Это способствовало поддержанию стабильности в сообществе. Одним из таких мероприятий был семейный вечер. Раз в месяц какая-нибудь семья организовывала развлечения для всего коллектива. Лаки и я, например, познакомили всех со сквэр-дансом — народным танцем, привезенным нами в Коста-Рику. В тот вечер он объединил людей всех возрастов. Кроме того, люди создавали разные кружки по интересам. Мы использовали индивидуальные способности каждого человека.

Многие молодые люди, поступившие в школу Друзей, приходили из Сан-Луиса — другой общины, расположенной в долине ниже Монтеверде. Каждый день ребяташки поднимались по длинному холму, а вечером спускались по нему обратно. Хосе Луис Варгас Лейтон, Эудженио и Карлос Варгас и некоторые другие ученики нашей школы стали очень известными людьми в обществе. Для них и других детей из Сан-Луиса, которые были успешными учениками как здесь, так и за пределами этого района, школа помогла стать двуязычными. Дети изучили английский в нашей школе. В настоящее время, хотя основные предметы повсюду одинаковы, все больше и больше занятий в школе Друзей ведутся на испанском языке. В районе Монтеверде есть три частных двуязычные школы: школа Друзей, школа тропического леса и школа адвентистов седьмого дня. Все привержены принципу органичного метода обучения, который способствует умножению знаний на протяжении всей жизни. Новым и очень важным было введение экологического образования, включающего в себя изучение защиты природных заповедников. Это одно из отличий в системе обучения, характерное для этого региона.

Нам приходилось многому учиться в первые годы пребывания здесь. И мы, на самом деле, зависели от местных жителей. Наши соседи костариканцы любезно научили нас вещам, о которых мы и знать не знали, например, как выращивать урожай в укрытых местах, менее подверженных воздействию ветра. В Монтеверде мы могли проводить посевную в любое время года, но знать, что нужно сажать и в каком месяце, было очень важно при работе со всеми сельскохозяйственными культурами. В свою очередь я надеялся поделиться чем-то полезным, по моему мнению, для них. Например, убедить их в пользе хороших школ и важности отказа от курения и употребления алкоголя.

Мы создали кредитный союз, потому что беспокоились о наших соседях. Выяснилось, что

когда костариканцы брали займы, они были вынуждены выплачивать высокую процентную ставку — пять процентов в месяц. Поэтому они практически никогда не брали займы, за исключением чрезвычайных ситуаций, связанных с медициной, например, когда женщина нуждалась в особом уходе во время беременности, или когда кто-то в семье нуждался в операции. Если у человека возникали проблемы с возвратом кредита, он мог потерять все, что у него было, что давало ему доход и позволяло кормить семью. Сначала конфисковывались коровы, свиньи и лошади, а затем и земля. В результате ситуация становилась еще в более чрезвычайной. И все это по причине взятого займа.

Отец Эстона Роквелла Абнер был членом кредитного союза в США. Идея создания кредитного союза в Коста-Рике шла от него. Он предложил нам скооперироваться и собрать некоторую сумму денег, чтобы в случае нужды можно было бы выдавать кредиты.

В 1953 году Эстон, Дэвид Роквелл, Говард Роквелл-младший, Фермин Аргедас и я дали старт кредитному бизнесу. Это была первая организация в округе Санта-Елена, в которую я вошел. Мы называли ее *Coopesima*, а в народе она была известна как *La Cima*. Дела шли очень успешно в течение нескольких лет. Потом мы потерпели неудачу, потому что люди не возвращали свои кредиты добросовестно. В нашем комитете, увы, не было сотрудника, который бы проверял, каковы шансы на возврат кредита заемщиками.

Нашим спонсором являлся Кооперативный отдел Национального банка в Сан-Хосе. *La Cima* работала до тех пор, пока банки не начали кредитовать и поощрять личные сбережения. Сам Национальный банк появился в Санта-Елене в начале 1980-х годов».

Фермин Аргедас — костариканец, чей дед был среди первых поселенцев в районе Серро-Плано. Он и его братья были фермерами и владельцами одного из первых молочных заводов в этом районе. Всю свою жизнь Фермин работал на благо местной общины. Ему было двенадцать лет, когда квакеры появились в Монтеверде. По словам Фермина, их прибытие принесло позитивные изменения в регион.

«Для нас приезд квакеров был большим благом, потому что они принесли с собой новые идеи. Но и это еще не все. Квакеры не пили. А многие из тех, чью землю выкупили квакеры, были сильно пьющими, и мы сильно страдали от их выпивок. Некоторые из них были бедны, у них не было никаких жизненных планов. Эти бедолаги были просто счастливы, получив деньги за свою землю. Когда они ушли, в округе воцарилось спокойствие. Как будто солнце вновь взошло и засверкало своими лучами. Это было замечательно. Те из нас, кто остались, очень сильно подружились с квакерами. С ними в наши горы пришел мир».

Опыт и личные идеи каждого члена общины в Монтеверде «вбрасывались в общий котел». Собрания коммуны проходили в духе консенсуса, что побуждало всех участвовать в принятии решений. Обретение консенсуса — это достижение решения с учетом основных забот каждого заинтересованного лица посредством переговоров, добросовестного отношения, понимания и готовности идти на компромисс. Это все квакерские идеалы. Дискуссии у нас продолжаются до тех пор, пока все не согласится, что их устраивает окончательное решение.

С самого начала члены группы понимали, что каждая семья должна получать какой-то доход. Стали думать, какой бизнес был бы полезен для региона, в том числе и для соседей костариканцев. Понимая, что живут они удаленно, а дороги в Монтеверде плохие, надо было подыскать такой продукт, чтобы его ценность была высокой и перекрывала стоимость транспортных расходов. Да еще продукт не должен быть скоропортящимся. В Коста-Рике в то время не было развито сыроварение. Эти обстоятельства и привели к созданию сырной фабрики, известной как *la fábrica* или *la lechería*. Вольф охотно присоединился к своим соседям в этом амбициозном проекте.

«В первый год у нас возникла идея создать завод по переработке молока в сыр. На это были направлены огромные усилия нашей общины. Многие посвятили себя этому делу, особенно в первые десять лет. Семьи объединили свои усилия и финансы и решили купить молодняк крупного рогатого скота. Мы вырастили годовалых телок, стремясь обеспечить себя молоком на будущее. Случилось познакомиться с Альфредо Волио, который интересовался улучшением пород в Коста-Рике и импортировал чистокровных гернзейских телок из США. Он был готов помочь нам, продавая их по невысокой цене.

Оскар Монтейн, у которого уже был опыт работы на молокозаводе, согласился стать нашим первым производителем сыра, с энтузиазмом взявшись за решение этой задачи. Сначала он изучил основы производства сыра и потом изо всех сил старался реализовать полученные знания на практике. Я работал с ним время от времени, что-то там делал, начиная от стерилизации банок и заканчивая собственно процессом изготовления сыра. Приходилось работать в особых условиях. Лишь тогда, когда не работала лесопилка, электричество, вырабатываемое гидроэлектростанцией, поступало в сыроварню. Для Оскара это была головная боль.

Молочный завод работал как костариканская корпорация, акционерами которой были все производители молока. Вначале нас было всего семь человек, и большинство из нас были еще и членами правления. На собраниях правления мы должны были решать, как управлять заводом и как справляться со многими проблемами, возникавшими по мере продвижения бизнеса. Мы часто не знали, как решать разные проблемы, будь то плесень, транспортировка или качество молока. В те годы, как члены правления, мы сталкивались с уймой препятствий, конечно, не будучи такими же информированными и рациональными, как члены правления сегодня. Но мы искренне старались.

В те дни нам не очень-то хотелось иметь в правлении испаноязычных членов. Нам и так хватало хлопот, помимо того, чтобы еще иметь дело с проведением собрания на двух языках. Мы встречались вечером после дойки и прочих дел. Встреча шла допоздна, до тех пор, пока мы еще что-то могли соображать и принимать эффективные решения. Вначале встречались в школе, в центре Монтеверде. После этого надо было еще пешком идти домой, в моем случае — около двух километров.

Завод требовал значительной суммы денег. У каких-то семей было достаточно денег, чтобы инвестировать в дело самый большой процент. У тех, кто не имел денег для инвестиций, вычитали двадцать пять процентов прибыли от производства молока. Таким образом, мы могли участвовать в этом бизнесе. Ни у кого из участников проекта не было намерений разбогатеть. Только бы получить хоть какой-то доход. Это было нашей главной заботой. Первое молоко было получено 8 апреля 1954 года, что дало старт всему предприятию. Прошло не менее четырех лет, прежде чем завод стал приносить достаточно денег, и мы смогли покрыть наши собственные расходы на ферме.

Когда мы начинали, акции были доступны только для производителей молока, и голосование проходило не пропорционально числу акций, которые у вас имелись. Система голосования была иная: один член — один голос. Это была корпорация, в которой имелись ограничения. В конечном итоге мы разрешили одному учителю местной школы, который не являлся производителем, купить акции, и это создало прецедент. После того как Хьюберт Менденхолл покинул Монтеверде в конце 1960-х годов, его акции были предложены некоторым производителям молока в Коста-Рике.

Интересно, что костариканцы доят только один раз в день и позволяют телятам находиться вместе с коровами все утро. Мы же доили два раза в день и сами кормили телят. Чтобы сохранить молоко в прохладе, мы помещали банки в холодную воду на ночь. А утром мы отвозили молоко на молокозавод. Сохранить молоко чистым и хорошего качества было

непросто. Тогдашнее молоко вряд ли бы отвечало сегодняшним требованиям, но мы изо всех сил пытались производить его, несмотря на трудные условия. На протяжении многих лет приходилось хранить молочные банки в охлажденной воде.

Вначале мы не покупали молоко у костариканцев из-за низкого качества. А как только начали покупать его у местных жителей, поняли, что нужно проверять их процесс доения, чтобы обеспечить высокое качество. Я уже на ранних этапах принимал участие в некоторых проверках. Это был еще один способ познакомиться с семьями костариканцев и повысить качество производства сыра. Проверки проходили рано утром. Мы должны были успевать на молочные фермы ко времени дойки в 4.30 или в 5 часов утра. Местные фермеры запускали к коровам телят, чтобы те насытились молоком от своих матерей. Там было на что посмотреть. На ферме бывало от тридцати до шестидесяти коров с телятами. Фермеры должны были убедиться, что телята получили достаточно молока для своего роста. В наши дни на больших молочных заводах теперь есть электрические доильные аппараты. Но у нас электричество отключали так часто, что требовался дополнительный источник питания. Мы использовали дизельный генератор. Иначе доить приходилось вручную.

Мы всегда помогали нашим соседям и отвозили их молоко. Сначала я сделал волокуши, потом соорудил приспособление для перевозки молока прямо на лошадях. По мере увеличения объемов продукции нам требовались уже две лошади для доставки молока. Наконец, пришлось приделать короб к задней части колесного трактора. Железный конь пришел на смену лошадям. На одной ферме по-прежнему есть телега для доставки молока. Но нынче доставка осуществляется, главным образом, большими грузовиками. А для сбора молока используются автоцистерны.

Я был членом правления почти 20 лет. Именно тогда я начал работать в заповеднике. Наши дети взяли на себя эстафету управления молочным бизнесом, вместе с нашим работником Диньо Арсе. В конце концов, наш сын Бенито взял на себя всю ответственность за молочную ферму. Я больше не имею дела с молочными коровами и не занимался этим много лет. К счастью, у меня все еще достаточно акций в этом бизнесе, чтобы проявлять к нему живой интерес. Бенито умеет получать больше молока, чем я когда-либо, от меньшего количества коров! Я доволен этим и горжусь, что он сохранил нашу семейную ферму в добром здравии, и что она весьма продуктивна».

В 2003 году молокозавод и сыроварня, известные тут под именем Productores de Monteverde S.A., отметили свой пятидесятилетний юбилей. Это впечатляющая современная фирма с популярным магазином розничной торговли в Монтеверде и на Панамериканском шоссе вблизи Хомеса. На фабрике ежедневно проводятся экскурсии и устраиваются сырные дегустации для посетителей. Разнообразие производимых твердых сыров выросло с единственного первоначально выпускаемого сорта эдам до целого списка, в который входят чеддер, монтерико, пармезан, гауда и многие другие. Там также производят мягкие сыры, сметану и знаменитую кахету — вкусную сливочную карамельную помадку, местный аналог стученки. Решение о расширении предприятия для производства мороженого было встречено с большим энтузиазмом. Теперь выпускается несколько видов этого лакомства, начиная с классического шоколадного и клубничного до кокосового, манго, макадамии и кофейного. Везде используются натуральные ароматизаторы Коста-Рики. Всегда имеется в продаже свежее молоко.

В этот молочный бизнес сейчас в большей степени вовлечены костариканцы. Этому и желали квакеры, стоявшие у его истоков. К 1995 году только шесть из 226 производителей молока находились в Монтеверде. Остальные — костариканские семьи, проживающие по соседству. Завод по переработке молока и сыроварня, расположенные в центре Монтеверде, выросли в несколько раз по сравнению с тем, что было. С 1999 года на самом заводе работает более 100

человек, а еще 50 заняты подсобными работами.

В 1997 году Productores de Monteverde S.A. открыли свиноферму по соседству, ниже по течению реки, на расстоянии около километра от молочного завода. На первый взгляд это выглядело не совсем логично, но в реальности так было сделано, чтобы решить проблему с сывороткой — побочным продуктом сыроварения, а также обработкой воды, сбрасываемой молокозаводом. По мере укрупнения и роста молочного завода у нас вырабатывалось все больше и больше сыворотки. А кроме того была еще проблема моющих средств, используемых при мытье полов и резервуаров. Все это сбрасывалось в соседнюю реку Гукамаль, тем самым снижая уровень кислорода в реке. Теперь же сыворотка поступает на свиноферму, а система удерживающих прудов принимает сточные воды. Химические отходы там выпадают в осадок. Это стало решением многих проблем, и компания продолжает заниматься исследованиями, как и дальше совершенствовать свои экологические стандарты. Сейчас на заводе в Хомесе производят свиные колбасы, ветчину и много других продуктов.

На протяжении десятилетий этим предприятиям приходилось бороться с проблемой снижения производства молока, падением его качества, инвазией насекомых, проблемой отходов и недовольством местных жителей, которые жаловались на ароматы свинофермы. Благодаря новым методам выгула скота и добросовестному ведению сельского хозяйства в течение последних тридцати лет в районе Монтеверде не было случаев вырубki лесов для коровьих пастбищ. Однако теперь фермеры сталкиваются с ростом цен на землю и застройщиками, которые давят на землевладельцев в стремлении построить еще больше гостиниц.

Хотя Productores de Monteverde S.A. является корпорацией, она скорее напоминает кооператив, в котором ни один человек не может иметь более пяти процентов акций. К 2005 году из 500 акционеров 45 процентов держателей акций были производителями молока, пять процентов были работниками, остальная же часть акций принадлежала местным жителям. Благодаря участию сообщества и постоянному обновлению практических знаний и теории завод по производству сыров и дальше модернизируется, тем самым способствуя росту производства молочных продуктов и сыра. Развитие молокозавода, его расширение реализовало мечты квакеров об обеспечении устойчивого развития и повышения уровня жизни жителей этого региона.

«Молочный завод — моя гордость. Я помню, как мы начинали это предприятие, помню, что это было деянием веры. Можно много чего рассказать о том, как мы учились работать плечом к плечу. И это тоже неотъемлемая часть истории. Вот что такое Монтеверде. Мы не пороли горячку, мы стремились к тому, чтобы услышать голос каждого, хотя казалось, что нет никаких возможностей затягивать процесс. А ведь этого не избежать при поисках консенсуса.

Когда мы начинали, мне было двадцать с небольшим. Я был полон энергии. В течение первых десяти лет, когда не было никакой реальной прибыли, нам было важно работать вместе: строить свои дома и создавать наш бизнес. Вполне возможно, что наша семья получила больше, чем отдала. Мы зависели от других членов нашей общины, потому что здесь у нас не было родственников. Среди тех, кто никогда не сомневался в необходимости взаимопомощи и всегда был готов подставить плечо, были Милдред Менденхолл, Дороти Роквелл, Эльва и Сесил Роквелл и другие. Мы всегда знали, что они рядом. Когда возвращаешься мыслями в прошлое, вспоминаются те молодые годы. Это же потрясающе, совершенно потрясающе! Сколько мы вкалывали. Сколько нам помогали. Сколько времени было затрачено на преодоление различий.

В Монтеверде мы с самого начала почувствовали, что здесь наш дом. И это чувство никогда нас не покидало. С экономической точки зрения ситуация для нас всегда была пограничной. И ведь была возможность заняться чем-то более прибыльным. Но мы сделали свой выбор. И

очень даже довольны этим выбором. Помнится, я думал: «Ну, если наш молокозавод потерпит неудачу, и если Монтеверде тоже обломится»... А тогда это вполне могло бы произойти. Я чувствовал, что все равно не пожалел бы о проделанном, и всегда мог бы начать все заново, и выжил бы. Ну и, кроме того, тогда для меня это была не работа. Это была часть проекта коммуны, в которой мы жили».

5. Меня направление

«Работа по расширению пастбищ для растущей молочной промышленности была действительно колоссальной. Мне она нравилась: люблю я работать с бензопилой. Осознавая опасность этой работы — а мне случалось бывать на волоске от беды — при всем при этом я получал большое удовольствие. Мне нравился шум падающего дерева. Тикос бывало, кричат мне: *Al suelo!* или *Бревно!*, как в таких случаях кричал мой отец. Надо сказать, что вырубki нынче не всем нравятся. Теперь мы знаем, что леса надо оберегать. Но дело в том, что тогда вырубка была необходима как часть выполнения планов по развитию сельского хозяйства».

Вольф, шагающий по пастбищам Монтеверде

Жизненный путь чаще сравнивают со взлетами, падениями и зигзагами горного маршрута, нежели с ровной прямой магистралью, пронизывающей прерии. Путь, по которому шла моя жизнь в Канаде после восьми месяцев, проведенных в Коста-Рике, был полон эмоциональной неопределенности, какая часто сопутствует борьбе. Я переехала к родителям, живущим в своем доме в Южном Онтарио, чтобы быть поближе к моему врачу в Гамильтоне, доктору Ральфу Майерсу. Сеансы химиотерапии начались в тот самый январский день в 1991 году, когда разразилась война в Персидском заливе. Подобно многим, я была в ужасе от телевизионных передач, показывающих первые бомбежки мирных жителей Багдада. Я чувствовала, как будто безумие всего мира пронизывает мои вены вместе с токсичными лекарствами.

В течение следующих месяцев я видела только пациентов онкологической клиники с облысевшими головами, обессиленно сидящих в креслах приемной. Кто-то из них выживал, а кто-то исчезал, потерпев поражение в борьбе с болезнью. Мой врач знал, что я хотела вернуться на север, чтобы восстанавливать свое здоровье и набираться силы там — среди скал и сосен. На пятом месяце химиотерапии он организовал продолжение курса моего лечения в клинике на севере страны, и я, заручившись его благословением, отправилась работать в лодочный лагерь на прекрасном озере Тэмагами в северо-восточном Онтарио. Когда-то, в далеких 1980-х, я довольно долго жила тут и занималась вопросами экологии и социальной справедливости. Теперь, когда мне была так необходима положительная энергия, эти края были для меня лучшим местом.

После девяти месяцев медицинских процедур анализы показали, что я победила болезнь. Три месяца спустя я почувствовала, что что-то идет не так. Когда мне сказали, что в моем теле снова появились патогены, я была напугана сильнее, чем после вынесения первого диагноза. Теперь мне было намного сложнее собрать всю свою внутреннюю силу. Наконец, после завершения двух месяцев химиотерапии и еще одного месяца каждодневного облучения мои тело и дух обрели уверенность, уже закаленную более глубоким пониманием моей собственной уязвимости. Я начала новую жизнь выжившего человека, сильно желающего, чтобы скорее уж наступил день, когда ощущения слабости исчезнут, и моя жизнь станет похожей на нормальную жизнь. Я с нетерпением ждала возвращения в Коста-Рику, восхождения на зеленую гору и нового похода с Вольфом по новой тропе.

В Монтеверде ведет дорога, покрытая гравием. Она берет свое начало от Панамериканской автомагистрали, проложенной чуть выше уровня моря. Кто-то скажет, что сегодня этот путь немного длиннее, чем та грязная колея, которая существовала в 1950 году. И в самом деле, люди постоянно улучшали дорогу с того самого дня, как сюда прибыли квакеры. Указатель на повороте с шоссе у Лагарто утверждает, что до Монтеверде тридцать пять километров, но это обманчивая цифра. Многие из добравшихся до Санта-Елены — въезда в муниципалитет Монтеверде — заявляют, что они покрыли, как минимум, вдвое большее расстояние.

Поначалу ваш путь лежит по сухой дороге, пыльной и раскаленной. Но по мере того как тракт начинает петлять в гору, пыль превращается в грязь, а зелень становится все более яркой. Исключением является сухой сезон, когда до самого Монтеверде все в пыли, включая и все придорожные дома. В большинстве мест дорога в колдобинах, выбитых колесами или вымытых дождями. Как сказал мой друг Джим Оук, когда ехал по этой дороге: «В прериях мы бы сказали, что это высохшее русло реки».

В жару в низине медленно переступает копытами крупный рогатый скот, шустро шелестят игуаны. Дверные проемы укрыты кустами гибискуса и бугенвиллей в теплых оттенках пурпурного, оранжевого и розового. Дорога вздымается выше, петляет между крутыми холмами, где растительность сожжена или вырублена под пастбища. Путь лежит меж небольших усадеб, тракт ныряет в тень изящных растений тропических лиственных пород, победивших в естественном отборе. С увеличением высоты на смену желтизне вырубок постепенно приходит здоровый цвет перелесков, которые, наконец, становятся лесом, обрамляющим горную вершину глубокой и яркой зеленью. По мере подъема в гору ощущаются перемены запахов. Сладкие и кислые ароматы цветущих деревьев и плодов, гниющих на солнце, уступают место тяжелой органической плесени и затхлости. Этот запах пронизывает каждый угол и щель Монтеверде.

По мере приближения к вершине перед вами открываются все новые пейзажи. Видна панорама обширных равнин Гуанакасте на северо-западе. Пастбища и апельсиновые рощи долины реки Гуакамаль протянулись на юг, а воды залива Никоя сверкают на западе. Куда ни кинь свой взор — захватывает дух. По обеим сторонам дороги — по мере подъема — отвесные стены, от вида которых ахают впервые приехавшие в эти края. Этот злополучный маршрут был надежной, хотя порой и нестабильной артерией, связывающей с внешним миром. Он привлекал к себе авантюристов и толкал бизнес на изготовление футболок со слоганами «Я выжил на Монтеверде-Роуд». В течение многих лет машины периодически сваливались с обочины. Удивительно, что число смертей было невелико, а травмы — несерьезны. Санта-Елена, Серро-Плано и Монтеверде как всегда ждут путешественников возле вершины горы, часто окутанной облаками и украшенной радугами.

К дороге, берущей начало в Лагарто, подходят несколько других дорог. Та, по которой первоначально ездили квакеры, начинается в Чоме. Чуть подальше есть более новая дорога. Поскольку довольно большой участок ее недавно был вымощен, многие предпочитают этот путь. Он начинается от шоссе близ Сардинала и проходит через поселение Гуасимал, прежде чем сливается с дорогой из Лагарто. Несколько километров дальше — и перед нами еще одна грунтовая дорога, которая идет вниз, в зеленую долину Сан-Луис. Это крошечное фермерское сообщество защищено крутым откосом, на котором находится Монтеверде и, в частности, ферма Гиндонов.

Поездка с горы из Монтеверде до Панамериканского шоссе и далее всегда была приключением. Шоссе — это главный транспортный коридор, простирающийся от Никарагуа до Панамы. Большая часть шоссе проложена по равнинам на тихоокеанской стороне страны. К югу от портового города Пунтаренас шоссе огибает внутренние районы и перебирается по горам в центральную долину Коста-Рики и в ее столицу Сан-Хосе. В старое

время люди из Монтеверде, которым надо было съездить в Сан-Хосе и обратно, тратили на вояж несколько дней, даже если поездка проходила гладко. Теперь туда и обратно можно съездить менее чем за двадцать четыре часа, если на пути не возникнет никаких проблем. Ежедневно из Монтеверде в Пунтаренас и Сан-Хосе ходят автобусы. Это является большим прогрессом по сравнению с годами, когда до общины не доходил ни один автобус. Путешественники должны были спускаться в Гуасимал, чтобы там сесть на автобус, направляющийся на юг, в цивилизацию. Они не гнушались никаким видом транспорта, ехали на том, что только могли найти, поскольку в те годы мало кто мог позволить себе роскошь владения личным автомобилем.

«В начале нашей костариканской жизни мое семейство передвигалось только пешком или верхом. Нам повезло, что у нас был настоящий сильный конь из табуна в Гуанакасте. Коня звали Сэм, и его привезли в Монтеверде, где я его и купил. Среди всего прочего у Сэма было ценное свойство: он мог сделать поворот, проходя через проволочные ворота. Он знал, как повернуть, пока я наклонялся, чтобы открыть и закрыть щеколду, поэтому мне не приходилось спешиваться. Сэм также позволял мне спешиться и идти рядом с ним, а затем снова вскочить в седло. Это было очень удобно при длительной поездке.

Семья Гиндонов и конь Сэм, 1957 г.

Много часов я провел в седле, разъезжая по округе по своим делам. В 1955 году, после периода сильных ураганов, нам пришлось проехать двадцать километров до района Лас-Хунтас, чтобы забрать провизию. В тех краях была шахта по добыче золота. Дело было в сезон дождей, и у нас было очень мало времени, чтобы успеть добраться до места, пока непогода не накроет нас. Пришлось сделать несколько поездок с караваном лошадей, чтобы подвезти запасы. Сэм участвовал в каждой поездке, и он был единственным конем, который оказался способен на это. Он умел восстанавливать свои силы после долгого путешествия.

В конце концов, мы были вынуждены отправить его на покой. К этому моменту он был уже довольно старым. Однажды утром я наткнулся на него, когда он крутился, упав на

подогнувшиеся задние ноги, провалившиеся в недавно выкопанную яму. Я видел, что он истощен. Было ясно, что он не сможет снова встать на задние ноги. Мне было очень жаль старину Сэма. Я знал, что усыпить его было бы актом милосердия, но я не мог стрелять в него, поэтому я попросил сделать это кого-то другого.

Мы назвали нашу ферму в честь нашей лучшей молочной коровы, Ла Маргарита. Она тоже умерла при очень странных обстоятельствах. Однажды утром я пошел в сарай и увидел, что корова стояла, упершись головой в пень. Было очевидно, что у нее страшная головная боль. И вот так вот она и умерла. Должно быть, страдала всю ночь. Никогда не видел, чтобы животное умирало таким образом».

Дорога, которая поднимается в гору, приведет вас сначала в Санта-Елену, деловой и коммерческий центр этого района. Отсюда можно отправиться по грунтовым дорогам на север в города Лас-Хунтас и Тиларан или продолжить свой путь на юго-восток. Через семь километров пути в гору вы доедете до заповедника туманного леса «Монтеверде». Границы между общинами Санта-Елена, Серро-Плано и Монтеверде не отмечены на земле, но местные люди инстинктивно чувствуют разницу. Приезжим обычно хватает нескольких дней для того, чтобы понимать, в каком районе они находятся. В 2007 году главную дорогу, проходящую через центр Санта-Елены и Серро-Плано, заасфальтировали, что привело к неоднозначным последствиям. С одной стороны, значительно уменьшилось вздымание пыли, некогда покрывавшей все дома вдоль дороги, но с другой стороны, увеличилась скорость проезжающих автомобилей.

Новое покрытие заканчивается там, где начинается община Монтеверде. Многие из зданий, построенных квакерами, все еще существуют, но пространство между ними быстро заполняется домами, гостиницами, ресторанами и магазинами. Улочки поменьше ведут к строениям ферм, а тропинки, пересекаясь друг с другом, идут через лес и пастбища. Они связывают дома с остальной частью общины. В течение первых нескольких десятилетий лошади, телеги, джипы и тракторы способствовали тому, что жизнь шла в удобном темпе. С 1990-х годов мотоциклы, квадроциклы и полноприводные транспортные средства заполнили дороги. Но ходьба всегда была важной формой транспортировки и остается таковой.

Многие из детей, обучающихся в школах Монтеверде, теперь могут добираться туда на автобусе, но до недавнего времени большинство детей приходили в школу пешком. Невероятное увеличение числа транспортных средств по всей Коста-Рике, включая Монтеверде, затруднило движение по дорогам. Теперь такие прогулки не так приятны, как это было несколько лет назад. И, тем не менее, и по сей день существует группа энтузиастов — любителей ходить пешком — многие из них туристы, которые так и снуют вверх и вниз по горе.

Вольфа устраивала любая форма транспортировки, когда речь шла о передвижениях по сельской местности. Но для беспокойного, подвижного и опытного ходока не было лучшего способа добраться до места назначения, чем на своих двоих. Вольф известен в Монтеверде и во всей округе, до самого региона Сан-Карлос, как человек, который может появиться на вашем пороге в любой момент, без предупреждения. Вы только услышите его радостный клич, когда он приближается к месту назначения. Местные тикос нежно кличут его Эль Лобос, т.е. «волк». В этой кличке больше от сравнения с животным, нежели какое-то кокетство. Легенды о нем ходят по всей округе, и даже когда он протянет ноги, легенды не исчезнут, они еще долго будут жить.

«Мы всегда много ходили пешком: шли вниз до Санта-Елены и далее или вверх, к арендованным мной пастбищам, на которых паслись телки. Вопрос был только в том, чтобы спускаться по дороге или идти вверх по тропе.

Я помню, как я начал подниматься вверх, в гору, по шоссе. Это было в Сан-Хосе. Мне нужно было в посольство, поскольку мы тогда готовились к поездке. У нас было четверо детей, которых мы нигде не регистрировали. А тут мне надо было получить на них паспорта. Документы были готовы в конце дня, и я знал, что автобус отправляется в 18.15 вечера. Это значило, что в Лагарто я приехал бы около 21.30. Поэтому я подумал, что автобус меня нагонит, а я пока пойду по шоссе. И вот иду я по дороге. Вечер нежаркий. Любуюсь силуэтами деревьев, звездами на небе. Вот так эта прогулка положила начало пониманию, что пеший вояж — это тоже вариант, который всегда, что называется, со мной. И неплохой вариант. Я потом в других поездках задействовал этот способ передвижения, как правило, не реже одного раза в год, а то и два раза.

В конце концов, мы смогли сесть на автобус, направляющийся в Тиларан из Сан-Хосе, с которого можно сойти у основания горы как раз вовремя, чтобы успеть на дневной автобус, идущий до Санта-Елены из Пунтаренаса. Так было удобнее. Автобусный маршрут в Сан-Хосе и обратно два раза в день существенно изменил ситуацию. Теперь не надо подниматься пешком в гору. Это, наверное, хорошо, потому что теперь мне может понадобиться два дня, чтобы пешком дойти до Монтеверде.

Дело в том, что меня часто подбрасывала попутка, когда я шел пешком, поэтому на самом деле такой поход не мог считаться чисто пешим. Некоторые из этих поездок на попутках были довольно необычными, например, как-то раз, я ехал на грузовике, везшим около ста мешков с сахаром. Это была довольно приятная поездка. А вот в другой раз мне пришлось всю дорогу висеть снаружи джипа, поскольку внутри не было места. Но все равно я оказался на месте назначения раньше, чем, если бы я прошел весь путь пешком».

Гэри Диллер О'Делл прибыл в Коста-Рику из Калифорнии в 1971 году. Он тогда приехал в Монтеверде и почувствовал себя там, как дома. Так что он остался и в 1977 году обрел гражданство Коста-Рики. Гэри уже более двадцати лет работает проводником-гидом в этом районе. Как и Вольф, он многие годы жизни здесь провел в хождении по тропам через тропический лес, часто вслед за старшим, но не менее энергичным человеком.

«Я слышал такую историю о Вольфе. Не знаю, правдивая она или нет, хотя я уверен, что все это правда. Как-то раз он решил отправиться в Пунтаренас. По-видимому, он пошел прямо из своего дома, через перевал, все вверх и вверх, через холмы, неумолимый, как ураган. И он может подняться этим путем. Он это делал уже много раз. Он мне напоминает змею, которая ползет без остановки — вперед и только вперед. Однажды и я пошел тем же маршрутом. Мне на этот поход потребовалось восемь с половиной часов, и у меня потом дрожали ноги. Я нес тяжеленный рюкзак. В пути однажды я остановился, чтобы попить воды, и местные жители спросили меня — не хочу ли я сделать тут привал? Я, наверно, довольно неважно выглядел. Нет, — отвечаю, — я дальше пойду. Я шел, шел, шел и довольно скоро почувствовал, что жутко устал, поэтому лег прямо у дороги и попытался уснуть. В те времена по этой дороге проезжали от силы две машины в день и то не всегда. Утром меня чуть не переехал человек на коне. Я тут же встал и опять продолжил свой путь. Когда я уже приближался к вершине, ноги просто больше не могли идти. А Вольф всегда проходил этот маршрут одним броском. У него другая конституция.

Он всегда был намного сильнее меня, несмотря на то, что я был худой, крепкий и намного моложе. Знаете, я помню, он как-то переносил толстые доски. Их хватило бы на строительство дома приличного размера. Доски были большими, длиной три или четыре метра. Он один из самых трудолюбивых людей, которых я встречал в своей жизни.

Один раз у нас случилось соревнование. Несмотря на то, что я был в лучшей форме, устраивать состязание с Уилфордом Гиндоном, самым быстрым ходоком в мире, было, конечно, глупой затеей. Мы были в тропическом лесу. Он говорит: «Я дам тебе фору

пятнадцать или двадцать минут, ты можешь выбрать кратчайший путь — твое дело. Мы идем на полевую станцию». Ну, я решил идти по тропе Чомого. Весьма крутой путь. Но я знал, что как только доберусь до верха, помчусь уже как на всех парусах. Я поднялся на вершину холма и подумал: «Ага, в первый раз в моей жизни я наверняка буду победителем в состязании с этим чуваком». Я торжествовал и предвосхищал победу. Спускаюсь с холма, и что же я слышу? Откуда-то издали доносится: «Хоп, хоп, хоп». Я понял, что горю, как сосиска на пожаре. Я не верил своим ушам! Думаю, в этот миг темп ходьбы, наверно, упал — от моих рыданий. Когда я добрался до станции, он уже был там: ровное дыхание, в своей обычной позе — нога на ногу — с большой чашкой кофе в руках. «Где тебя носило? — спросил он строго глядя мне в лицо. — Я уже двадцать минут тут сижу». Он просто сделал меня, как младенца.

Ходьба у Вольфа была талантом от Бога. На тропе он был поэзией в движении. Он всегда был готов к пешему походу, но особенно счастлив он был, когда его хобби можно было оценивать как деловое мероприятие.

«Однажды ходьба принесла прибыль. Я позвал Эстона Роквелла, попросив помочь мне с кастрированием поросят для Гектора Маклана, нашего друга из Эсказу. Ну, мы увидели одного подвинка, который был предназначен для того, чтобы стать кабаном. Поэтому я попросил этого поросенка в качестве вознаграждения за труд, и Гектор согласился. Я мог взять его себе. Это была честная сделка, поскольку я ничего не брал за услугу.

Итак, это, конечно, хорошо, что я могу взять поросенка, но как я его доставлю в Монтеверде? Эстон к этому моменту уже уехал домой на грузовике. Мне была знакома одна женщина, владевшая пансионом в Сан-Хосе. Вот я и подумал, что если у меня будет хороший короб для хрюшки, то хозяйка не станет возражать против того, чтобы я поместил короб в винный погреб на одну ночь. «Хорошо, — подумал я, — посмотрим, как оно получится». Рано утром я сел на первый автобус из города, поросенок сидел в коробке, которая стояла на полу, за моими ногами. Где-то уже в середине утра я вышел из автобуса в Лагарто.

Я пошел, неся поросенка на руках. Животное было маленькое, ему еще нравилось обниматься, поэтому оно спокойно находилось у меня под рукой, никаких проблем. Я просто быстро шагал, пытаюсь сохранить спокойствие поросенка. Если бы я его снял с рук, он бы завизжал. Но время от времени я все-таки должен был ставить его на землю и велел следовать за мной, а он по мере продвижения визжал. К вечеру я уже был возле молокозавода, что у моста. Почти дома! В те дни свинью оценивали исходя из того, сколько банок сала можно получить с животного, а банка была объемом около четырех с половиной галлонов. Свинья, дававшая две банки сала, считалась хорошей свиньей. Ее можно было продать за отличную цену. Перспектива для моего поросенка была многообещающей, вот я и назвал этого поросенка Гризи, «сальный». Он вырос и стал весить более 200 фунтов.

Одной из моих многочисленных идей был проект перевозок на пикапе. На том этапе на перевозку грузов на молочный завод или в пульперию (магазин) был спрос, а иногда еще были пассажиры или попутный груз, который нужно было доставить в Сан-Хосе. Сыры из сыроварни уже развозил большой грузовик. Так что я понял: если хочу заниматься грузовыми перевозками, мне надо искать своих клиентов. Приобретение свиней и доставка их на рынок было хорошим вариантом. Я занялся этим, и хотя не зарабатывал много денег, мне нравилось общение с костариканцами и с другими людьми, живущими за пределами нашей коммуны. Это была интересная работа, и она приносила дополнительный доход.

Самая длинная часть путешествия пролегла от Монтеверде до шоссе. Обычно на этот участок пути уходит три-четыре часа, но иногда мы застревали на этом отрезке на всю ночь. Мы тогда забирались в грузовик, если замерзали, и там кемарили или же работали лопатами до утра, пытаюсь высвободить забуксовавший автомобиль. Если это случалось в сезон

дождей, и мы возвращались ночью, тогда мы останавливались на Чало Заморе в Ла-Пите близ Лагарто. Мы ждали до утра, надеясь, что солнце выйдет и подсушит дорогу. В противном случае обратный путь мог бы занять до десяти часов. Если вблизи был чей-то дом, можно было быть абсолютно уверенным в гостеприимстве, но нередко поблизости не было никакого жилища.

Обычно я подбирал голосующих на дороге между нашим поселением и шоссе. Я их подвозил. Часто вылезая из машины, они говорили: «Dios paga», что означает «Господь заплатит». И они, кстати, говорили это совершенно серьезно и искренне. Вот и вся их плата — пожелать вам всего наилучшего и еще, чтобы Бог позаботился о вас. Я это всегда ценил. Я думал, что это искреннее напоминание о том, что все мы на попечении высшей силы. Позже, с появлением общественного транспорта, люди привыкли к тому, что за автобус надо платить, и они начали предлагать плату за проезд и мне.

Было много разных вещей, которые мне давали в качестве оплаты за предоставленные услуги — очень важные, очень личные и очень ценимые мной. Часто люди давали мне что-то, что сами сделали или вырастили, иногда они благодарили тем, что помогали мне с каким-нибудь одним из моих проектов на ферме».

Люди, работающие с домашним скотом или работающие на полях, выращивающие продукты, которые мы едим, не склонны к романтизации своих отношений с землей. Сельское хозяйство — это пахота, зависимость от погоды, это когда делаешь то, что надо сделать, и это призвание не для брезгливых. Если у вас есть животные, то рано или поздно вам придется их убить, часто из сострадания. Если вы хотите выращивать сельскохозяйственные культуры, то вам нужно вырубать деревья для того, чтобы у вас были поля для посева. У фермеров непростые взаимоотношения с природой, а также со всем миром в целом. Общество нуждается в фермерах, но их пот и тяжкий труд редко получают адекватную оценку и никогда не компенсируются в полной мере.

Когда квакеры взяли на себя управление местностью, которую они назвали Монтеверде, их цель, невзирая на удаленность их региона, заключалась в создании такого образа жизни, который приносил бы пользу не только им самим. Они были провидцами, готовыми упорно трудиться, чтобы в диких местах создать сообщество, культивирующее благо. В деле принятия решений они руководствовались заботой о будущем своих детей. Они гордились своей миссией и относились к ней с энтузиазмом.

По большей части обитатели Монтеверде и теперь продолжают жить деревенской жизнью. Некоторые из них по-прежнему работают на земле, доят коров, выращивают свиней и цыплят. Благодаря усилиям этих людей и их соседей на местном рынке и по сей день можно купить дары их садов, пить молоко местного молокозавода, наслаждаться кофе, выращенном здесь же, завтракать яичницей с беконом — все от местных производителей.

Будучи выходцем из североамериканской фермерской семьи, Вольф был знаком с молочным животноводством. Методы ведения сельского хозяйства в Коста-Рике отличались от североамериканских, как отличались и многие другие стороны жизни.

«После того как я закупил свиней, Говард Роквелл-старший научил меня, как их резать, какую часть туши выбирать для сала и что с ним делать. У нас всегда было много свинины — и мясо, и обрезки, и мы еще делали чичарроне и скрапл — буханку из мяса, которое соскребли с костей и запекли с кукурузной мукой. Разведение свиней было хорошим способом обеспечить себя свининой и деньгами, пусть и небольшими. Еще в юности отец научил меня, как кастрировать свиней и телят, и эти знания пригодились, поскольку в те годы в Монтеверде и всей округе не было ветеринаров. Мы все учились понемногу — все больше узнавали о болезнях и о том, какое снадобье при лечении будет работать, а какое — нет.

Наши соседи костариканцы рассказали нам о народной медицине. Мы набирались опыта и у них.

Когда наш кабанчик Гризи подрос, в очередь выстроились люди, желающие получить его услуги по оплодотворению свинок. Для меня это было новое дело, еще один проект. Обычно за труды нашего хряка мне предлагали или деньги, или поросенка. Я выбирал поросенка. Потом стал замечать, что мне дают каких-то мелких поросят. Они не подрастали в той мере, как должны были бы. Поэтому я стал просить деньги в качестве вознаграждения — по двадцать костариканских колонов. Если можно получить немного денег, тогда, по крайней мере, мне не надо было пытаться откармливать свиной-недоростков.

У меня были свиноматки, и еще потом подросли свиньи, но в основном меня всегда интересовал хороший кабан для улучшения породы. С Гризи я получал свиной, которые шли на сало. Он прожил у меня около двух лет, а потом я его продал. Я купил йоркшира и хряк этой породы жил у меня некоторое время. Позже я приобрел хэмпшира. Эти породы шли на рынки, где был спрос на постных свиной, поэтому мы производили свиной, которые быстро росли и не нагуливали жира. В конце концов, я купил ландрейс. У свиной этой породы якобы тринадцать ребер — значит, добавочная свиная отбивная с поросенка. Они и в самом деле быстрорастущие свиньи. Некоторое время у меня был хряк этой породы, так как люди желали получить для своих свиноматок именно его услуги.

Когда перевозить свиной, то лучше всего выезжать ночью — из-за жары в низинах. Несмотря на то, что свиньи выживали в жару, они всегда теряли несколько килограммов за время между загрузкой в грузовик и продажей их на рынке. Я не мог позволить себе такую потерю прибыли. Конечно, и продажа свиной была та еще работа. Я неважный специалист по переговорам с перекупщиками. Здесь все совсем не похоже на торги в США, где покупатели соревнуются друг с другом. Тут была такая традиция, что если кто-то предлагал низкую цену, то другие перекупщики изображали дело так, как будто это и в самом деле была хорошая цена, и не повышали ставку. Может быть, можно было бы заставить человека поднять цену, но только если бы вы действительно уперлись. Случались у меня и удачные деньки, когда я продавал свиной по цене более высокой, чем средне-рыночные расценки. Такое если и случалось, то главным образом, потому что мои свиньи были лучшего качества.

Все это казалось привлекательным, но было делом хлопотным. Приходилось ездить верхом, находить и покупать свиной или иногда брать еще и других свиной на комиссию, забирать их в город, продавать свиной, а потом еще загружать покупки и возвращаться домой. У меня было много причин, чтобы бросить это занятие. По мере того как дети становились старше, они могли больше помогать, а еще и молокозавод производил больше продукции, поэтому не было такой уж потребности в дополнительном доходе. В этих новых обстоятельствах я был доволен тем, что теперь я могу уделять больше времени походам в лес за приключениями. Не буду врать, самая приятная для меня работа — в полях и в лесу.

В те годы много было работы для лесорубов: расчистка земли шла вовсю. Мой отец был лесорубом в Вермонте. У нас дома всегда был топор, и именно тогда я научился пользоваться этим инструментом. Я привез с собой в Южную Америку свой типичный североамериканский топор с коротким топорщиком. Вскоре выяснилось, что в этих краях люди используют инструмент с более длинной ручкой и гораздо более легким металлическим топором. Для здешних деревьев такие топоры гораздо лучше — порой надо рубануть по стволу выше ребер, столь характерных для тропических деревьев.

Многие виды деревьев в тропиках имеют продольные ребра, напоминающие стабилизаторы у ракет, и рубить эти деревья топором очень сложно. Лесорубы подпирали дерево деревянными столбами так, чтобы сделать своего рода платформу. Стоять приходилось на ней, а не на земле, достаточно высоко, над этими самыми ребрами-стабилизаторами. Вот когда

совершенно необходим топор с более длинной рукояткой. Как только дерево падает, лесорубы забираются на бревно и подрубают ствол так, чтобы с одной стороны получилась плоская поверхность, что упрощает погрузку на телегу. И в этой операции не обойтись без длинного топорщика.

Тропические деревья, даже гигантские, часто имеют отходящие от дерева корни длиной около одного метра. Во время своих походов по лесу я видел много повалившихся деревьев, у которых корневая система не уходила глубоко в землю, а распространялась по поверхности. Удивительно, как они вообще стоят с такими поверхностными корнями. У некоторых видов деревьев корни, естественно, длиннее, но я никогда еще не видел корней, схожих с теми, какие мы видим в Соединенных Штатах. Я узнал, как опасно оставлять деревья, стоящие в одиночку, открытым ветрам. Я оставлял какие-то деревья по причине их красоты. В результате они падали, да так, что у меня, например, погибли три коровы. Они стали жертвами падающих стволов. Некоторые из этих деревьев не были срублены, потому что я их оставил про запас, чтобы потом срубить на распиловку или на дрова. Это был еще один урок, полученный в первые годы, и цена его была ощутимой.

Сначала я сам занимался вырубкой, расчищая пространства от лесов. Но в первые два года у меня было очень мало времени на это. В конце концов, большая часть этой работы была сделана молодым человеком по имени Умберто Солано, который был более искусным, чем я. У меня было недостаточно денег, чтобы оплатить всю проделанную им работу, но его очень заинтересовало мое ружье. Поэтому я обменял его на три участка — чуть более двух гектаров вырубленного леса. Но мне все равно надо было платить ему наличные деньги, потому что он и его семья должны были что-то есть, пока он отрабатывал ружье. Пока он вырубал деревья, я сначала занимался тем, что разбрасывал травы на пастбище и начинал доить коров. Затем я подключался к Умберто и начинал работать бензопилой.

Понятно, что в наше время мы заботимся об удобстве в работе. Меня с бензопилой познакомил мой тесть в Айове. У него была своя лесопилка. Тесть был обладателем одной из первых бензопил Homelite с поплавковым карбюратором. Это был потрясающий новый вид пилы. Когда мы переехали сюда, стало ясно, что вырубка топором будет очень долгой историей.

Конечно, наличие бензопилы было необходимо, и это был не просто гаджет. Наши соседи костариканцы, помнится, в первый раз услышали шум пиления и пришли посмотреть, что происходит. Они тоже захотели себе такую же пилу. После покупки пилы для себя я продолжал поддерживать контакт с фирмой Homelite в Нью-Йорке, поэтому стал первым дилером бензопил в Коста-Рике. Здесь считалось, что если у тебя есть бензопила, то ты человек. Я стал широко известен, поскольку торговал пилами и учил людей пользоваться ими и тому, как ухаживать за этими инструментами.

Я и сам многому научился, пока занимался бензопилами. Когда я продавал пилу, кроме товара, я давал покупателю два или три дня учебных курсов. Я думал, что буду учить костариканцев, как валить деревья. Мне было понятно, что большинство из них всю свою жизнь деревья рубили. В конце концов, получилось так, что это я был тем, кто учился больше всех. Я узнал много нового о разных древесных породах, о том, как их лучше использовать: для топки, в качестве столбов или пиломатериалов. Очень много еще я узнал о работе в разных погодных условиях: в ветреный день, сухой или дождливый.

Я работал с бензопилой в нашей коммуне и работал с ней для соседей-костариканцев. Я начал ездить в отдаленные поселения в развивающихся районах и познакомился с новыми регионами и новыми людьми. Работа с костариканцами была полезным опытом, будь то расчистка участков, или обучение людей использованию бензопил, или когда я сам работал по найму на кого-то. Параллельно с работой я изучал культуру костариканцев, их веру и

убеждения, знакомился с проблемами простого люда. Я подружился со многими, и эти дружеские отношения продолжались на протяжении долгих лет. Много было выпито чашек кофе. Хотя, наверно, не так и много, если сравнивать с более поздним периодом, когда я начал работать в заповеднике, путешествуя по еще большему участку в качестве лесника и выкупая землю под заповедник, для консервации.

Когда я занимался вырубкой и расчисткой земли, то оставил нетронутыми несколько деревьев, в том числе одно историческое, которое мы назвали четвероногим фикусом-душителем. Я не думал, что это дерево простоит больше года или двух, не говоря уже о более длительном сроке. Но вот прошло пятьдесят лет, а дерево все стоит. Что-то необычное в его лапах-побегах, которые удержали его, несмотря на ветры. У этого дерева теперь потрясающая роскошная верхушка, но я уверен, что и она когда-то падет под воздействием ветра. Остальные деревья из тех, что я когда-то оставил, теперь уж все упали.

Рубка деревьев для расчистки земли под сельскохозяйственные угодья была одной из самых опасных работ, которые я когда-либо делал. Всякий, кто рубил деревья, знает, что это довольно сложное занятие. Когда работаешь топором, у вас больше времени для того, чтобы судить о последствиях того или иного действия — подрубания, насечек, зарубок, сделанных для направленного заваливания дерева. Когда работаешь бензопилой, все может произойти очень быстро. Вы просто не в состоянии слышать все и наблюдать за всем, и опасность как раз таится в том, что вы не полностью в курсе всего, что происходит. Пару раз я смотрел смерти прямо в лицо и едва успевал отскочить на несколько футов в сторону, чтобы избежать падения дерева на меня. Огромный ствол, падающий вниз, может убить. Падающие деревья рвали мои резиновые сапоги и однажды угробили мою пилу. Разветвляющиеся деревья всегда реально опасны. В первый раз, когда я испытал это на себе, я не осознавал, что происходит, пока ствол не треснул мне прямо по голове.

Я как-то раз пилил деревья, и со мной был приятель, приехавший из Штатов. Он смотрел, как я работаю, и фотографировал. Там стояло одно дерево, и я думал, что срежу его очень быстро. Я видел, что дерево клонится, но даже и не задумался, что это был за вид растений. Когда я приложил пилу к дереву, оно треснуло, и ствол взлетел метра на четыре в воздух. Я видел, что он падает точно на меня. Я едва успел отскочить и, пока делал этот кульбит, краем глаза заметил, что моя бензопила тоже взлетела и делает воздушное сальто. Приятель мой подбежал, полагая, что я, наверно, убит или ранен. А я встаю и говорю: «Ну, не в этот раз. Хотя, сказать по правде, у меня мелькнула мысль, что, похоже, этим утром я доил свою корову в последний раз».

Такие случаи заставляют нас держать ухо востро. Разумеется, я извлек урок из случившегося. Больше мне никогда не приходилось сталкиваться с каким-нибудь расщеплением ствола дерева без того, чтобы я не предугадывал последствий. И я всегда держал ситуацию под контролем. Тот первый случай был для меня большим сюрпризом. Как говорил мой отец, промахнуться на дюйм так же плохо, как промахнуться на милю. У меня было много возможностей проверить отцовскую мудрость.

Я всегда полагал, что при рубке леса самое первое дерево и последнее до наступления темноты были самыми опасными. Первое — потому что вы еще легкомысленны с утра; а последнее — потому что к тому времени вы уже можете быть невнимательным, и тогда несчастный случай весьма вероятен. Еще одна байка о бензопилах — история о фермере-квакере, который продавал мула. Покупатель спросил, не лягал ли мул когда-либо своего хозяина. Квакер, который всегда говорит только правду, на это ответил: «Нет, меня лично этот мул никогда не лягал, но он часто лягал то место, где я стоял мгновением раньше». Это похоже на то, что случалось иногда со мной во время вырубки деревьев. Порой дерево падало там, где я находился только что. И я был благодарен за то, что остался живой и

оставался честным».

Мужчины работали на земле, а женщины рожали детей, поэтому все большее значение для нашей коммуны приобретало хорошее здравоохранение. Сначала мы обходились познаниями Марвина Роквелла, который прошел курс обучения в Корпусе медицинской службы в армии США во время Второй мировой войны. Он был у нас человеком, которого можно было позвать в случае травм или когда были нужны фармацевтические препараты. Он смог пополнять запасы и покупал необходимые лекарства через свои контакты в Сан-Хосе. Но с течением времени появлялись люди, способные взять на себя ответственность за оказание медицинской помощи. Среди таких энтузиастов была Ирма Роквелл, которая делилась своими знаниями и гомеопатическими препаратами.

Костариканцы также щедро делились своими знаниями, хотя не все их народные средства были с готовностью приняты нами. Ежедневное использование мачете для всего — от расчистки земли до нарезки овощей — часто приводило к случайным порезам. Для того чтобы остановить кровотечение, местные жители намазывают на рану смесь паутины с кофейной гущей или мукой. Эта смесь затвердевала, создавая цементное покрытие для раны, делая ее недоступной для обработки.

Милдред Менденхолл, Эльва Роквелл и другие женщины в квакерской общине приняли большую часть родившихся в Монтеверде младенцев. Гораздо безопаснее иметь акушерок поблизости, нежели пытаться добраться до роддома по ухабистой дороге. В начале 1970-х годов в Монтеверде переехала на постоянное проживание медсестра Сильвия Смит. Она ухаживала не только за людьми в нашем регионе, но заботилась и о многих больных животных. Именно с приходом Сильвии в коммуне родилась идея создать настоящую клинику.

«К 1960-м годам мы договорились с Департаментом здравоохранения о медицинских услугах, но врачи посещали наши края только раз в месяц. Местные жители, которые могли себе это позволить, ездили в Пунтаренас или Сан-Хосе для получения медицинской и стоматологической помощи. Клиники имелись даже в Лас-Хунтас и Тиларане, еще задолго до того, как мы создали свою амбулаторию. Наша официально зарегистрированная медсестра Сильвия Смит, бывало, верхом отправлялась в путь, чтобы помочь женщинам при родах и чтобы оказать помощь при несчастных случаях. Мы понимали, что Сильвия могла работать более эффективно в здании с соответствующим оснащением. Медицинскую клинику построили в Санта-Елене на участке, который пожертвовал для этих целей Мигель Вальверде.

Я присоединился к комитету, когда строительство шло полным ходом. Клиника была открыта в 1975 году. Основная финансовая помощь шла от Министерства здравоохранения, но деньги также поступали от канадских квакеров. Программа помощи CARE из США предоставила большую часть оборудования для здания. Я перевез много предметов оборудования из Сан-Хосе на своем транспорте.

Сильвия работала в клинике, пока не поняла, что она слишком квалифицирована, а ее зарплата не соответствует ее квалификации. Клиника продолжала работать с небольшим числом сотрудников, главным там был человек, который поддерживал контакты с людьми из района, регистрировал членов коммуны и делал прививки.

Этот человек, Боб Лоу, бывало, ехал в Чомус, чтобы забрать врачей, готовых приехать на один день к нам. Он использовал единственный автомобиль, который был в клинике. Такая схема работала достаточно хорошо, пока мы не получили скорую помощь. Я оставался в комитете до тех пор, пока не оказался так сильно занят заповедником, что мне пришлось выйти из правления.

Лаки и я окидываем взором прошлое и понимаем: так или иначе мы вырастили семью и прошли через несчастные случаи и болезни. Борьба с чрезвычайными ситуациями была в значительной степени общественным делом, в результате чего проблемы никогда не казались нам непреодолимыми».

Постоянной заботой для всех в процессе развития Монтеверде была ситуация с окружающей дикой природой. Поселенцы считали важным защиту водосбора, поэтому в самый первый год они оставили нетронутыми 554 гектара земель. Однако более широкие концепции экологической осведомленности и защиты исчезающих видов были применены лишь тогда, когда к изучению региона приступили биологи.

В 1963 году на побережье Тихого океана был создан первый природный заповедник в Коста-Рике — Кабо-Бланко. В том же году была проведена первая биологическая работа в Монтеверде. Для изучения муравьев-кочевников приехал Карл Реттенмайер с помощниками. Тогда же двоюродный брат Вольфа Джерри Джеймс рассказал, что он увидел замечательных оранжевых жаб в тропическом лесу над Монтеверде. Организация по тропическим исследованиям до 1968 года привозила в этот регион студентов для прохождения курсов. Это была лучшая классная комната, какую только можно придумать для целеустремленных биологов.

То было началом нового периода в Монтеверде. В апреле 1970 года в общину приехали Джордж и Харриетт Пауэллы для проведения исследований в рамках их аспирантской работы. Они были сильно встревожены темпами исчезновения леса в этом районе и в 1971 году начали покупать землю для защиты лесов. Решимость Пауэлла стала движущей силой, создавшей заповедник туманного леса «Монтеверде». В самой общине этим делом занялся Вольф Гиндон — торговец бензопилами, молочный фермер и землеустроитель. Союз молодых, энергичных аспирантов и предприимчивого, энергичного квакера оказался той силой, которая сотрясла горы, словно подземный толчок. Начиная с 1971 года, Вольф реже бывает в Монтеверде, предпочитая этому фермерство и заботу о своей семье.

Вольф и его восемь детей, 1969 г.

«К этому времени мы произвели на свет и воспитали восьмерых детей. Лаки проводила полный рабочий день в хлопотах о детях и по дому. Я был членом правления в школе и помогал с различными проектами. Это были годы, которыми я наслаждался больше всего. Я был активен в общественной работе и думать не думал, как все переменится. Молочная ферма, вырубка под расчистку земель, кредитный союз и другие проекты в нашей общине — основные занятия, которые заполняли все мое время. Так что идея о создании заповедника способствовала большим переменам в моей деятельности.

В ранние годы в Монтеверде я смело развивал отношения с костариканцами. Я получил знания и опыт, которые пригодились мне после 1972 года, когда я стал работать в заповеднике туманного леса «Монтеверде» и Тропическом научном центре, который управлял заповедником.

Думаю, я что-то мог бы сделать лучше, наверное, над чем-то поработать еще больше. Я говорю о внесении своего собственного вклада в коммуну и в семью. Я шел на компромисс. Когда я занялся этим делом и ввязался в кампанию Джорджа Пауэлла, то и подумать не мог, что беру на себя долгосрочное обязательство. Я думал, что это года на три или около того. Эти три года превратились в тридцать, но они текли размеренно, год за годом».

6. Как происходит вымирание

«Еще один поход — una más — посвящается доктору Алану Паундсу и его прыгающим лесным субъектам. День денской мы с Аланом искали этих золотых жаб. Мы перевернули вверх дном буквально каждый водоем. Этот поход будет последним официальным походом в текущем году. Посмотрим, удастся ли нам разыскать его жаб. В верховьях было достаточно сухо. Хотя были такие места, где в водоемах еще оставалось много воды. Все это очень хорошо, но нигде не было никаких признаков икры или головастиков».

Вольф в Бриллианте, июнь 1990

В мае 1986 года, в том же самом месяце, когда во влажном тропическом лесу над Монтеверде велись наблюдения за популяцией золотых жаб, я стояла под великолепным деревом в древнем сосновом лесу Темагами в северо-восточном Онтарио. Крона именно этой белой сосны сияла как сигнальная башня над остальными кронами деревьев, словно маяк-дерево, указующий дорогу в порт. Я работала там с друзьями. Мы пересчитывали и переписывали древние сосны в этом районе. А это дерево было самым грандиозным из всех. Высотой оно было не менее двадцати четырех метров, с пятиметровым диаметром у основания. Мы подсчитали, что эта колоссальная сосна пережила ветры, болезни, пожары и избегала пилы лесников в последние как минимум лет триста.

Мы собирали доказательства, необходимые, чтобы убедить мир — в лесу Темагами сохранились сокровища, которые нуждаются в защите. Это дерево было нашим талисманом. Мы были поражены его размерами. А тот факт, что сосна пережила столетия, нас сильно воодушевлял. Три года спустя сосна исчезла с горизонта. Мы обнаружили это и поняли, что природа приняла ее обратно. Рухнувший, должно быть, от порыва сильного ветра, теперь уже труп дерева разлагался, став компостом для будущих поколений растительного мира. Представляю, как, наверно, содрогнулась земля, когда эта сосна рухнула! Надеюсь, эта местность будет по-прежнему защищена от вырубки под посевы, но, независимо от политического ландшафта, последнее слово всегда останется за тобой, Мать-природа.

Над Монтеверде, весь укутанный облаками, расположен участок джунглей, называемый

Бриллианте. Раскученный дождями и сильными ветрами, лес здесь, на высоте 1500 метров, как будто испытывает давление со стороны сил природы. Искривленные, цепляющиеся за все, что попадет на их пути, корни вжимаются в скалистые горы. Повсюду виден свисающий мох, а влажная почва покрыта завалами из переломанных веток, стволов и прочего лесного мусора. Практически весь год этот мрачный, готический пейзаж укутан облаками и туманом. Рост деревьев тут замедляется по причине тяжелых условий существования, и поэтому это скопище бородатых, карликовых деревьев зовется эльфийским лесом.

В мае 1964 года двоюродный брат Вольфа, Джерри Джеймс, привез в Бриллианте двух биологов из Организации по тропическим исследованиям. Привезены ученые были для того, чтобы засвидетельствовать нечто, ранее виденное только немногими смельчаками, кто добирался до этого влажного высокогорного леса. Полчища мужских особей оранжевых жаб собирались вокруг водоемов в предвкушении появления женских особей. Один из приехавших биологов, Джей Сэвидж, впервые задокументировал наличие этого вида в статье 1966 года «Необычная новая жаба (*Bufo*) из Коста-Рики» и назвал ее *Bufo periglenes*, что можно перевести как «жаба яркая».

После первых обильных ливней в апреле и мае многочисленные впадины вдоль редко используемых троп наполняются водой. В эти дни к водоемам подтягивались мужские особи золотых жаб. Под таким именем они известны в всем мире. Жабы-самцы поджидали самок — больших, темно-оливковых, в алых пятнах. Когда появились женские особи, жабы мужского пола начинали сражаться друг с другом в стремлении обладать самкой. Победивший самец замирал и блокировался своей самкой, в то время как его проигравшие соперники издевались над этой связкой. В конечном итоге самки откладывали икру, и самцы ее оплодотворяли. В течение следующих двадцати пяти лет Вольф был одним из немногих счастливицков, которым доводилось наблюдать за этими оргиями земноводных.

«Мужские особи появляются за день до выхода самок или чуть раньше, в зависимости от погоды и от количества воды, заполняющей водоемы. Такие дни — практически единственная возможность увидеть оранжевых жаб. Все остальное время они прячутся, наверное, скрываются под слоем упавших листьев. Там есть сотни проделанных туннелей. Жабы так же могут прятаться внутри корневых систем деревьев. Мы предполагаем, что они, скорее всего, должны быть в этих своих схронах в дни, когда еще не пришла пора собираться у водоемов для продолжения рода.

У жаб тусклый золотой цвет, но в сезон размножения они становились ярче, почти красно-оранжевыми. Все остальное время года найти их трудно, но совсем не трудно услышать. Мягкий звук, издаваемый жабой, похожий на трель, помогает определить ее местоположение. Но чтобы услышать эту трель, надо находиться очень близко к источнику звука. Мужские особи подают звуки только во время ритуала спаривания. Так они предлагают другому самцу уходить: «Вали отсюда, она моя». Это, пожалуй, единственная причина для подачи голоса. Науке не известны случаи привлечения внимания самок мужскими особями этого вида жаб.

Я помог Джерри собрать образцы для отправки их авиапочтой герпетологу Джею Сэвиджу, сходил в Бриллианте и набрал около двадцати пяти пар этих земноводных. Мы должны были их собрать, заморозить и доставить в аэропорт в целости и сохранности. Это был мой первый опыт работы со знаменитыми золотыми жабами».

Эти жабы, *Sapos dorados* — на испанском языке, стали первым видом живого мира в Монтеверде, сделавшим этот регион заметным. Тонко организованные, необычные и привлекательные, они привнесли своеобразие этому региону. Когда Джордж и Харриетт Пауэллы отправились сюда в начале 1970-х для создания заповедника, то именно существование и наличие золотых жаб стало ключевым фактором в деле получения

поддержки со стороны научного сообщества и привлечения международного внимания. Интерес к сохранению мест обитания жаб принес пользу всей большой экосистеме и другим видам местного живого мира. Эти исключительно фотогеничные земноводные станут первыми знаменитостями в Заповеднике тропического леса.

«Важно было побудить людей задуматься о золотых жабах. К 1972 году мы с Джорджем и Джерри уже идентифицировали те места в Бриллианте, где видели этих земноводных, а теперь мы приступали к организации защиты этой местности. Жабы водились на территории эльфийского леса, расположенного на обнаженном гребне континентального водораздела. Местность, которую мы поместили как место их размножения, тянулась предположительно на пять миль вдоль Кордильера-де-Тиларан, а ширина этого участка брачных игр редко превышала четверть мили. У моего дяди Уолтера был кусок земли в Бриллианте. Джерри, мои сыновья и я были партнерами на этом участке. Вообще-то у нас были планы по разработке пастбищ в этих краях. Но мы прекратили вырубку и расчистку и добавили эту нашу собственность к тем участкам, которые выкупались с целью защиты мест обитания жаб.

С Джерри связана трагическая история. Это он обнаружил золотых жаб, первым увидел их. Джерри был усыновлен моими тетей Мэри и дядей Уолтером. Они приехали в Монтеверде в середине 1950-х годов. В 1960-е годы Джерри работал водителем и ассистентом в Организации по тропическим исследованиям. Хотя он жил в Сан-Хосе, по выходным часто приезжал к нам. Как-то раз он ехал к нам в Монтеверде со своей женой Вики. В Куатро Крусес, на Панамериканском шоссе, они не заметили грузовик, который сворачивал с дороги и был скрыт другим грузовиком большего размера. Жена Джерри погибла сразу. Сам он оставался без сознания около месяца. Был поврежден головной мозг, и врачи сказали, что мало шансов на то, что он не останется беспомощным инвалидом. Он по-прежнему живет в Коста-Рике, хотя больше никогда не приезжает в Монтеверде после смерти его приемных родителей. У него была непростая жизнь. Авария случилась в апреле 1971 года, всего за год до создания заповедника. Уже к тому времени Джерри внес колоссальный вклад в будущее Монтеверде.

Когда мы начали работу по созданию заповедника, и стали поступать деньги от знакомых и от международных организаций, мы поняли, что нужно создавать еще и инфраструктуру, пускай несложную, но надо. Джордж занялся приобретением пограничных участков, чтобы ограничить доступ граждан в глубину леса и тем самым предотвратить разрушение среды обитания золотых жаб. Любопытствующие стали приходить смотреть, что же там происходит в Монтеверде. Пришлось нанять охранника Оскара Ривьеру и уже имевшееся в наличии маленькое здание использовать как сторожку.

Одну жабу, мужскую особь, мы держали в террариуме в сторожке. Нам не хотелось, чтобы граждане расхаживали по местности, где происходит размножение этих земноводных. Предполагалось, что важным образовательным элементом будет наличие образчика жабы для обозрения. Оскар отвечал за наш маленький террариум. Как-то раз я получил выговор. Пришли какие-то люди и спросили, могут ли они сфотографировать жабу, которая была в нашем распоряжении. Обычно работа с такими просьбами была ответственностью Оскара. Он с радостью демонстрировал нашего самца. Но в тот день его не было на месте. Я разрешил провести фотосессию, но сам не остался, чтобы проконтролировать процесс. Такая моя доверчивость была обоснована тем, что визитеры представились зоологами из Англии и гарантировали полную ответственность за свои действия. Я им поверил. А получилось так: приходит доктор Джозеф Този и обнаруживает, что драгоценный образец исчез. Мистер Този был директором Тропического научного центра, который управляет заповедником. В общем, у меня были большие неприятности. Директор приказал мне идти разыскать жабу и вернуть ее на место! Так что мне пришлось бежать за этими англичанами. Это были Майкл и

Патриша Фогден. Они не захотели фотографировать жабу в заточении, поэтому решили отнести земноводное в его естественную среду обитания. Я должен был обеспечить возвращение жабы в террариум. Англичане оказались сознательными людьми, и я не пожалел, что дал им разрешение на съемку. Позже Фогдены поселились на территории, примыкающей к заповеднику, и стали всемирно известными профессиональными фотографами. Их фотографии, открытки, книжки с картинками и доклады привлекли больше всего внимания к золотой жабе, чем, пожалуй, к чему-либо другому».

Хотя золотые жабы и вызвали большой интерес к недавно созданному заповеднику, однако, к сожалению, исследований этих земноводных было проведено очень мало. Вольф гордился тем, что он участвовал в большинстве исследований, проведенных в заповеднике. Он знал о местонахождении водоемов, работал и гидом, и помощником нескольких биологов, которые пытались собирать информацию в 1970-х и 1980-х годах. В течение этих лет Вольф два срока прослужил администратором, а затем и директором заповедника. Его личная озабоченность будущим жаб и среды их обитания заставляла его принимать живое участие в защите земноводных и искать новую информацию, которая обеспечивала бы их выживание.

«Альваро Угалде был директором расширенной недавно системы национальных парков в Коста-Рике. В середине 1970-х годов, когда я был администратором заповедника, я связался с Альваро и попросил, чтобы он приехал в Монтеверде. Мы прошагали два часа до места размножения жаб. Очень беспокоила перспектива посягательства на тот участок, где водились золотые жабы. Сами земли с известными нам резервуарами находились под защитой, но участок, прилегающий к заповеднику, уже был заложен под будущую вырубку. Если расчистка леса будет продолжаться, то это приведет к высыханию водоемов и поставит под угрозу места обитания жаб.

В момент нашего восхождения сезон размножения еще не наступил, а в этом месте ветер почти постоянно нагоняет туман, и потому этот участок остается влажным круглый год. Мы нашли тогда мужскую особь жабы, притаившуюся между ребрами эльфийского дерева. Это событие помогло нам. Альваро заверил меня, что если кто-то попытается расширить свои вырубки, то власти издадут указ о создании буферной зоны. Правительство может выдать защитную классификацию для региона такой особой важности. К счастью, вырубки остановились до того, как нам пришлось бы вмешаться. В те годы у меня был прямой контакт с администрацией национальных парков, и я мог рассчитывать на ее поддержку. Эти воспоминания много значат для меня сегодня, хотя, похоже, что мы никогда больше не услышим и не увидим этих жаб.

Примерно в 1972 году в наши края приехал Джон Ванденбург, аспирант, проводивший исследование под руководством доктора Дуга Робинсона из Университета Коста-Рики. Суть его исследования заключалась в сравнительном анализе вида жаб *Bufo periglenes* с другим видом *Bufo holdridgei*, живших в одинаковой среде обитания, а именно — в искусственных канавах на склоне вулкана Поас в центральной части Коста-Рики. Доктор Робинсон наравне с Джемом Сэвиджем занимался идентификацией золотых жаб. Те из нас, кто работал в заповеднике, помогали Джону, выискивая водоемы, в которых происходило спаривание. Тогда-то мы и обнаружили жаб возле района Эль-Валле, покрытого девственным лесом, откуда все ручьи бегут в сторону Карибского моря. Это были не эльфийские леса или обнаженный хребет. Здесь было больше дождей и меньше ветра, поэтому мы были удивлены, когда нашли несколько водоемов с небольшой популяцией.

Мы начали мониторить земноводных там, а также в Бриллианте. Я подсчитывал соотношение мужских особей с женскими, причем под моим наблюдением была обширная территория. Соотношение тогда было приблизительно восемнадцать к одному. Это действительно резкий контраст в численности между двумя полами.

Другие виды, которые изучал Джон, описать было сложнее, но в целом оба вида имели весьма схожие характеристики. Они размножались в небольших водоемах и канавах со стоячей дождевой водой, не с водой из ручьев. Жабы *Bufo holdridgii* (жабы Холдриджа) теперь также считаются вымершими.

Джон пытался исследовать два вида в двух районах, которые географически находились далеко друг от друга. Понятное дело, что нам не дано предугадать, когда жабы выйдут из своих укрытий и предстанут перед нами. Бывали такие дни, когда он работал в дальнем районе, а на самом деле было бы правильнее проводить исследования здесь. Естественно, жабы появлялись тогда, когда он был в другом месте.

Он изучал сравнительные изменения во время роста жаб до тех пор, пока не начинался процесс метаморфоза. Им были сделаны хорошие описания, но в итоге у нас не набралось достаточно данных из его заметок. В те дни было уже хорошо то, что такие исследования проводились.

В конце 1970-х годов мы взяли на работу в заповедник нового администратора, Уолтера Тиммермана, герпетолога, интересующегося ядовитыми змеями. В сезон размножения он отлично справился с маркировкой водоемов в Бриллианте, отмечая их местоположение и количество жаб в них. В 1979 году Уолтер отправился со мной в Эль-Валле, потому что мы видели, что в этом регионе популяция жаб росла. Приехав туда, мы обнаружили, что вода пришла из родника, в результате чего образовался небольшой водоем. В нем было много икры. Я никогда не видел такое количество икры. Но, однако, водоем высыхал, что усложняло ситуацию. Мы взяли около семидесяти процентов икры, положили ее в полиэтиленовый пакет и привезли на полевую станцию. Там мы не увидели собственно жаб, предположив, что они уже ушли в подполье.

Уолтер провел большую часть следующего дня, подсчитывая эти икринки. Каждая самка давала два шнура икры, в среднем около 100 икринок на каждую гирлянду, в общей сложности около 200 икринок на одну женскую особь. Они плавали, и их можно было разделить. Тиммерман предположил, что там было около 10 000 икринок, что давало возможность надеяться на наличие пятидесяти женских особей. Мы вернулись к водоему и обнаружили, что он полностью высох. Никаких шансов, что хоть одна из оставшихся икринок выживет. Мы надеялись, что некоторые из тех икринок, которые мы собрали, раскроются, а изучив головастики, мы вернем их в тот же район. Но никто из жабьих яиц не вылупился. Вся работа в этом году пошла насмарку.

На протяжении многих лет были попытки содержать сколько-то жаб в неволе. После того как в конце 1970-х в заповеднике было построено здание, мы стали хранить одну или две мужские особи в террариуме в качестве учебного экспоната. Бывало, мы держали их там в течение сезона, а затем отпускали и брали новых. Ловили для жаб насекомых, чтобы они могли есть: кузнечиков или что-то другое. Предполагалось, что жабы могут содержаться в неволе, но в нашем случае мы столкнулись с проблемами — они умирали. Позже мы с Джорджем попытались взять двух самцов в мой дом, поместили их в другой контейнер. Но от этого им не стало лучше. Все, что с ними происходило, те воздействия, которые эти жабы испытали на себе, казалось, были довольно универсальными. Проблема была не в самом террариуме, как я думал. Мне самому было любопытно, что же их убивало. Я рассказал об этом некоторым биологам, но никто не заинтересовался этой проблемой настолько, чтобы заняться ею.

Первый самец, выбранный для террариума, был из региона, где до этого я не бывал. Это случилось во время нашей первой попытки пройти к вулкану Ареналь. Мы с любителем пеших походов из Англии, Леонардом Бердом, наткнулись на несколько водоемов за Эль-Валле. Это было севернее владений заповедника, и эти места были известны только

охотникам. Можно подумать, что вся Коста-Рика была исхожена охотниками и исследователями.

Большой интерес к поискам действующих водоемов для размножения в соответствующие сезоны проявил Джованни Белло, выпускник лесного хозяйства Коста-Рики, ставший со-директором заповедника в 1984 году. Один год некоторые водоемы служили такими очагами размножения, а на следующий год — уже нет. Обычно мы находили активный водоем неподалеку от других подобных луж. За это время мы видели много подрастающих золотых жаб. Даже маленьких, длиной немного меньше, чем один дюйм, было легко идентифицировать. Если их перевернуть, то были видны их животы, покрытые черно-белыми точками.

Мы работали над расширением заповедника, проводили пограничные линии и занимались геодезической работой на территории, которую приобрели. Работали юго-восточнее всех известных нам районов с водоемами размножений, на континентальном водоразделе, на расстоянии дневного перехода от Бриллианте, где ручьи несут свои воды на юг, в реку Аранхуэс. Но даже в наших краях мы нашли заметную популяцию золотых жаб. Это оказалось последним местом, где несколько лет спустя двумя лесными охранниками заповедника были замечены несколько чудом оставшихся особей.

В 1985 году зоопарк Торонто выразил заинтересованность в проведении исследования по селекционной экологии. Сотрудники зоопарка попросили разрешения взять, по крайней мере, три пары жаб для того, чтобы заняться их разведением в неволе в канадском Торонто. Они также хотели создать свой отдел, который находился бы вдали от Монтеверде, и в котором они смогли бы продемонстрировать цикл размножения с использованием информации, уже полученной ими. Им надо было сделать более обширный террариум, который можно назвать своеобразной выставкой на самообеспечение. Этому не суждено было случиться, потому что никто из Тропического научного центра не согласился бы на то, чтобы хоть одна жаба была экспортирована в Канаду.

Я часто размышлял об этом. Мне приходилось бывать в Торонто и в их зоопарке тоже. У них были различные виды жаб из Африки, и научные сотрудники зоопарка успешно разводили этих земноводных в неволе, выпуская потом молодых особей на волю, в дикую природу. Кто знает, ведь золотые жабы могли бы и не исчезнуть, если бы где-то в неволе удалось бы вырастить несколько особей. Ни для кого не секрет, что многие животные, содержащиеся в неволе, воспроизводятся. И уже доказано, что это приемлемый метод для поддержания существования небольшой популяции, а иногда и для спасения какого-то вида. Конечно, мы понимали, что передача вида из одной страны в другую может привести к заражению вирусом, грибком или другим заболеваниями.

О золотых жабах можно рассказывать бесконечно. Единственным нарушителем, пытавшимся похитить жабу-самца, которого мы поймали за все это время, оказалась маленькая девочка. Она приехала с родителями в заповедник и рыдала, умоляя отдать ей одного из ярких земноводных. Они только добрались до кабинета Ирмы Роквелл, а Ирма уже сообщила нам о них. Мы договорились с похитителями, что они вернут жабу и поместят в наш террариум, чтобы и другие дети могли смотреть на нее и радоваться. Не было никаких шансов, что они смогут сохранить в живых это земноводное, взяв его домой. То был единственный случай, когда мы кого-либо ловили. Но кто знает об успехах профессиональных или даже непрофессиональных браконьеров?»

Последнее исследование, до того как эти обреченные жабы исчезли, было проведено доктором Марти Крамп, профессором и герпетологом из Университета Флориды в Гейнсвилле. В 1987 году она приехала в Монтеверде для проведения исследования древесных лягушек, но изменила свой план, когда к ней пришел Вольф и сообщил, что именно теперь

идет процесс размножения у золотых жаб. Он повел Марту в холод и дождь по длинной, грязной тропе, чтобы она увидела то, что ранее удавалось увидеть лишь несколькими счастливыми.

«Когда Марти Крамп отважилась провести тщательное исследование экологии разведения золотых жаб, мы очень сильно надеялись, что герпетолог ее класса сможет собрать более полные данные об этих земноводных. Исследование планировалось на два года. Трое из нас — Марти, ее помощник и я — намеревались осмотреть шесть водоемов. Каждый из нас должен был взять на себя по два водоема, определить популяцию в этом районе, и следить за жабами с того момента, как появятся самки, до того, как они отложат икру и произойдет процесс метаморфоза головастиков. У Марти было много вопросов и столько же гипотез. Мы надеялись узнать раз и навсегда, откуда жабы появляются, куда они уходят в период своей неактивности. А еще больше мы надеялись пополнить свои знания об их экологии размножения и о хищниках в окружающей их среде.

Мы знали, что вокруг них есть хищники. Каждый год мы видели нескольких взрослых мужских особей, которые были убиты. У них было либо разорвано брюхо, либо вспорота спина. Казалось, что на коже имелись ядовитые железы, и хищники инстинктивно понимали, что это несъедобно. Мы с Джорджем Пауэллом нашли нечто подобное. Но мы не знали, какая тварь это сотворила. Мы даже грешили на коати. Марти заметила, что основными хищниками были пресноводные крабы, которых можно встретить, идя вдоль тропы. Когда наступало время откладывания икры, крабы уже были в водоемах.

Год, когда Марти впервые увидела жаб, был обычным годом для водоемов, где происходило размножение. Она начала получать финансирование в 1988 году и тогда же приступила к исследованию, рассчитанному на два года. В то же время у Марти была еще и другая работа, и она не могла сидеть здесь две или три недели в ожидании. Поэтому мы договорились, что я буду следить за водоемами и позвоню ей, как только появится первый самец. Тропический научный центр, в котором я состоял на службе и получал зарплату, позволил мне уделить какое-то время для участия в исследовании. Я был очень рад этому проекту!

1988 год был годом Эль-Ниньо, или годом Южной осцилляции. Когда жабы не появились в первые недели мая, мы уже и не знали, увидим ли мы их позже. Затем пошли дожди, кругом было много воды, а жабы все не появлялись. На второй год, когда уже нужно было всю работу по проекту, нам попала только одна мужская особь и лишь в одном месте. Мы искали там, где, как мы думали, жабы должны были быть. Но нам уже не суждено было их найти. Мы искали повсюду: в протоках, под старой листвой. Тщетно. Вот так все и закончилось».

В 1987 году персонал заповедника насчитал более 1500 золотых жаб. В 1988 году было замечено лишь десять золотых жаб, и только одна из них — в основной области исследований в Бриллианте. Следующий год был более влажным, что давало повод для оптимизма, но когда Марти вернулась, мы нашли лишь одну единственную жабу. В том же году Эладио Круз и Эрик Белло, патрулируя тропы на расстоянии дневного перехода от Бриллианта, в районе Мирамар, сообщили, что они видели десять взрослых особей. Это были последние золотые жабы, которые кто-либо когда-либо видел.

Столь быстрое исчезновение *Bufo periglenes* буквально шокировал всех, кто мониторил ситуацию. Исследователи задавали себе вопросы, не из-за них ли такое случилось. Не впустили ли они какой-то патогенный микроорганизм, который порастил выбранную популяцию? Не нарушили ли они естественную среду обитания или, может быть, каким-то образом нанесли ей вред загрязнением? Ученые были очень аккуратны, но, может, они собирали больше образцов, чем надо, и тем самым способствовали сокращению популяции?

«Когда происходит нечто подобное, нельзя не задаваться вопросом, не мы ли ответственны за случившееся. Все эти годы мы не уставали повторять: «Не трогай, будь осторожным». Но единственный способ понять, что же случилось, проводить исследования. По моему опыту профессиональные исследователи предпринимают все меры предосторожности, они предусмотрительны и работают осторожно. Я не ощущаю личной ответственности за потерю, но сожалею о том, что не настаивал на большем числе исследований. Может сложиться впечатление, что мы собирали много жаб, но это не так. С учетом того, что в течение многих лет мы видели тысячи жаб, мы собрали очень мало, а самый обильный сбор пришелся на 1960–1970-е годы. Кажется, что, по-видимому, это была здоровая популяция, которая только за один сезон исчезла с лица нашей планеты. Мы не знаем, что же послужило причиной исчезновения. Они исчезли оттого, что мы что-то делали, или наоборот — оттого, что мы чего-то не делали?»

Есть такая теория или, по крайней мере, так говорили, что случившийся контакт с человеком привел к падению численности популяции. Это маловероятно. Жабы обитали в отдаленных районах и были открыты для обозрения в течение одной или двух недель в году. Кроме того, популяция была настолько рассеяна, что в один какой-то сезон люди не смогли бы собрать всех жаб, что привело бы к вымиранию.

Нет никаких сомнений в том, что наблюдение за жабами или исследование их жизнедеятельности требовало настойчивости и удачи, потому что их сезон размножения был очень коротким и очень сильно зависел от погодных условий. Когда молва о нашей находке достигла туристских толп, мы увидели, что люди приезжают сюда нарочно чтоб полюбоваться золотыми земноводными. Нам приходилось следить за тем, что происходит, заниматься патрулированием и принимать меры, чтобы люди не сходили с тропы и не причиняли вреда. Иногда даже приходилось проверять рюкзаки у туристов перед тем, как они покидали заповедник. Я знаю, что люди прихватывали что-то с собой, но по большей части это были растения для садов и для домашних коллекций. У нас нет избытка ярких орхидей, поэтому главной привлекательностью была золотая жаба. Коллекционерам сложно было оказаться тут в нужное время.

Мне говорили, что торговцы экзотическими лягушками рекламировали их для продажи — как в Германии, так и в Соединенных Штатах. Видимо, можно было действительно купить жабу за пять долларов. Ну, конечно, сегодня уже никто не предлагает жаб на продажу, когда мы действительно хотели бы заполучить их. У нас, по крайней мере, был бы тогда еще один шанс понять, сможем ли мы сохранить живыми представителей этого вида».

Проблема исчезновения популяций земноводных во всем мире была признана реальной угрозой многими исследователями после того, как в 1989 году Марти обсудила полученные ею данные с коллегами на конференции. Реакция ученых способствовала созданию Международной целевой группы по проблеме снижения численности и деформации земноводных. Это было сделано для продолжения изучения опасного явления. Сегодня потеря популяций земноводных во всем мире считается тревожным сигналом и признаком экологической деградации. Биологи во всем мире теперь изучают деликатный характер влияния изменения климата на земноводных.

В течение нескольких лет после того, как в 1989 году золотых жаб увидели в последний раз, Вольф и другие, в том числе местный герпетолог Алан Паундс, совершали регулярные поездки по известным местам размножения в поисках неуловимых жаб. И сегодня есть люди, которые верят, что жабы могут снова появиться. Особи, выжившие каким-то чудом в небольшом количестве и умудрившиеся ускользнуть от поисковиков. Но, как это было со многими другими исчезнувшими видами, все, что осталось нам от них, это рассказы и фотографии.

Алан Паундс продолжает искать ответ на проблему сокращения популяций земноводных. Уменьшение численности или исчезновение были зарегистрированы у десятков видов лягушек по всей Центральной Америке с начала 1970-х годов, когда популяции поставили на учет. В некоторых районах исчезла половина известных видов земноводных. Большая часть этого процесса случилась в нетронутых лесах на высотах более 800 метров, согласно статистике, имеющейся с конца 1980-х годов.

Возможными причинами сокращения числа земноводных являются изменение климата, изменение среды обитания из-за снижения площадей лесов и роста строительства, фрагментация среды обитания, вновь привнесенные виды, оказавшие влияние на местные виды, чрезмерное воздействие ультрафиолетового излучения, химическое загрязнение, кислотные дожди, перепроизводство, заболевания или сочетание каких-то факторов. Общим знаменателем для многих областей, где происходит потеря видов, по-видимому, является наличие грибов-хитридиомицетов, которые изучаются в настоящее время.

Доктор Паундс в Монтеверде дал одно из возможных объяснений таинственному исчезновению золотых жаб. Глобальное изменение климата могло привести к тому, что облачный покров над горным массивом Тиларан слегка приподнялся, обнажив участки, когда-то обильно орошаемые и защищенные своеобразным одеялом из влажных облаков. И теперь эта местность оказалось в более сухих, более теплых условиях. Этим можно объяснить и то, почему птицы и летучие мыши, обычно встречавшиеся на невысоких уровнях, в последнее время появляются в тропическом лесу. Понятно, что земные твари не могут взлететь, как птицы, а жабы обитали уже настолько высоко, насколько это было возможно. Как жертвы такого изменения климата, жабы могли оказаться и более уязвимыми для патогенов, паразитов, вирусов и грибов. В истории исчезновения золотой жабы у нас нет образцов для изучения, нет трупов для судебного анализа, нет свидетельств для получения четкого и ясного ответа.

Я осматривал водоемы на протяжении многих лет с тех пор, как жаб видели в последний раз, но мне не попался на глаза ни один след пребывания там этих земноводных. Знаете, у нас, лесников, есть такая поговорка: если вы не видите следа, вы наверняка не увидите и животное. Но люди все еще приезжают для поиска жаб, и им безразлично, есть ли они здесь или их нет. По большому счету, существование жаб способствовало тому, что организации по сохранению природы тратили свое время и деньги на спасение и сохранение этой области и на то, чтобы обратить внимание на проблему будущего всех обитателей тропических лесов. Как же нам повезло, что мы стали свидетелями их уникальности и еще получили выгоду из их вклада в дело развития нашего заповедника. Я бы назвал это чудом, потому что, в конце концов, речь идет о явлении, которое мы не можем объяснить или повторить. Эти красивые, фотогеничные жабы появились в тот момент, когда мы нуждались в их появлении. Ведь у нас не было горилл или слонов, а нам нужно было хоть что-то, что могло бы вызвать интерес людей к спасению этого тропического леса».

7. Легкой походкой

«Ну, если мы собираемся посвятить этот день кому-либо, то, полагаю, посвятить его надо братьям Фонсека. Они приехали в конце 1960-х и приступили к работе на старых заброшенных вырубках. Потом начали расширять тропу в Эль-Валле, чтобы солнечный свет смог пробиться сквозь заросли и высушить грязь на тропе. Своими вырубками они навели шороху. Местность, где проходила тропа, принадлежала коммуне Монтеверде, и вырубки касались всех нас, поэтому мы подали против них *денунцию*, т.е. жалобу. Тогда Фонсеки прекратили рубить деревья, чтобы избежать каких-либо проблем с нами. Потом Джордж получил небольшое финансирование, которого хватило на то, чтобы сделать эту землю частью заповедника. Таким образом, вырубка братьев Фонсека облегчила жизнь тем из нас, кто пытался наблюдать и охранять эти тропы. Поэтому мы посвятим сей рассказ вам, друзья мои, сеньоры Эдвин „Запатилло“ и Боливар Фонсека».

Вольф пробирается по сухим тропам Эль-Валле

В 1989 году я была одним из организаторов блокады подъездного пути в Темагами, Онтарио. Эта акция собрала вместе в северных пустынных местах провинции сотни людей, протестующих против планов по строительству связующего пути между двумя уже существующими дорогами, по которым вывозили древесину. Если бы это было сделано, то новая промышленная магистраль способствовала бы уничтожению древних деревьев. Кроме того, дорога пролегла бы по земле аборигенов общины Теме-Аугама Анишнабай, которые пытались отстоять свои права в судах. В течение семи недель я представляла правление Общества дикой природы Темагами в лагере блокирующих, занималась медиацией дискуссий, давала интервью прессе, слушала местных жителей, поддерживала ненасильственное гражданское неповиновение и помогала поддерживать такое сильное своим единством противостояние машинам. В конце концов, проселочная дорога была-таки проделана, но постоянная оппозиция со стороны общины коренных народов и вполне сочувствующих нам властей, помешали завершению стройки и использованию пути для вывоза древесины.

Одним из посетителей лагеря был Боб Хантер, основатель «Гринпис» в Канаде, журналист-эколог, работавший в Торонто до самой своей смерти в 2005 году. В нашу первую ночь на природе мы собрались вокруг костра, и пламя его отражалось в наших глазах, полных страстной решимости и убежденности. В тот вечер Боб предложил свой план, который вдохновил присутствующих на бурную дискуссию. Мы и потом часто возвращались к этой теме в наших ночных разговорах. «Вообразите, — говорил Боб, — что вы в лодке, и перед вами последняя особь из находящихся под угрозой исчезновения видов китов. Вы с восхищением любуетесь красотой этого уязвимого представителя животного мира. И вдруг появляется китобойный корабль — гарпуны наготове. Что делать? Чем вы готовы жертвовать ради жизни животного, находящегося под угрозой исчезновения? Броситесь на спину кита, жертвуя собой, создавая заслон между ним и китобоем? Правое ли это дело — убийство потенциального убийцы в защиту беззащитных? Приемлете ли вы насилие как неизбежное зло в деле поиска лучшего мира? Веруете ли вы в силу слов, полагая, что обсуждение, дискуссия может изменить ход действия, уже начатого? Или вы просто уповаете на Бога и молитесь за нас за всех?»

Отвечали мы по-разному, часто меняя мнение, так что, бывало, позиция, высказанная в один вечер, отличалась от мнения у того же человека на завтра. Когда выступаешь в поддержку позитивных социальных изменений, нужен глубокий самоанализ и честность, чтобы заявить о своих принципах, а затем ведь надо еще и придерживаться этих принципов ненасильственных действий. Мы часто сталкиваемся с очень непростыми проблемами,

реакция на которые требует жертвовать нашей зоной комфорта так или иначе. Разве мы не откладываем неизбежное, если спасаем дерево, но не заботимся о том, чтобы поддержать общину, которая живет в тени этого дерева? Опыт и инстинкт подсказывают мне, что действенная активность должна быть всеобъемлющей и целостной.

Квакеры прибыли в Коста-Рику и основали Монтеверде как пацифистские активисты, полагая, что люди, как поодиночке, так и в коллективе, должны ходить по земле мягко и нежно. В течение первых двадцати лет суровые реалии первопроходцев на далекой тропической горе требовали от них прагматических решений — развития ферм, предприятий и общественных учреждений. Их политические, социальные и духовные убеждения всегда были как бы лакмусовой бумажкой, при помощи которой можно было замерить их прогресс. С момента своего создания Монтеверде привлекает постоянный поток любознательных, вдумчивых людей, многие из которых или оставались там, или делились своими талантами и особенностями, добавив новый оттенок этому социальному вареву. Результатом стал мощный, творческий дух внутри сообщества, который захватывает воображение тех, кто приезжает сюда. Еще одна особенность — процесс решения проблем, находящийся в развитии и включающий в работу всех членов коммуны. Как это часто бывает в маленьком поселении, сложные личности и разногласия между соседями иногда угрожают единству сообщества. Однако твердая приверженность квакеров миру, духовному росту и истине пришли в Монтеверде рука об руку с любопытством, четкой целью и восприимчивостью к меняющимся социологическим влияниям и эволюции научного знания.

Жители Монтеверде проводят феноменальное количество часов на собраниях. Существуют организации и комитеты, которые занимаются мониторингом воды, школ, дорог, молочного завода, экологических интересов и почти всех остальных аспектов жизни сообщества. Для того чтобы быть динамичным центром, которым является Монтеверде сегодня, в попытке сохранить свою душу в условиях изменений — стремительного роста населения, технологии и туризма — необходимо поддержание баланса упорства с гибкостью, удобства с индивидуализмом, энтузиазма с терпением.

Именно в этом богатом контексте и возник биологический заповедник туманного леса «Монтеверде». Известный в этих краях как Заповедник тропического леса или просто Заповедник (на испанском языке La Reserva), он никогда полностью не финансировался какой-либо крупной международной природоохранной организацией. Хотя Всемирный фонд дикой природы (WWF), «Охрана природы» и ряд других групп делали значительный вклад в течение многих лет.

Первые объекты недвижимости были приобретены в 1971 году на личные деньги Джорджа и Харриетт Пауэллов. Тем самым они дали толчок делу сбора фондов. С тех пор деньги поступали от посетителей заповедника, их собирали по всему миру для создания, поддержания и увеличения инфраструктуры и площадей заповедника, его ресурсов. Монтеверде — это показатель того, как люди, объединенные в коллектив, могут изменить ситуацию. В то время как многие вкладывали свою энергию, свое время и свои деньги в заповедник, вклад Вольфа, без сомнения, определяется потом, стекающим по его лицу.

Джерри Джеймс перед трагическим инцидентом сыграл еще одну роль в преобразовании Монтеверде. Когда он работал в Организации по тропическим исследованиям, то познакомился с американским аспирантом-биологом Биллом Бускирком и произвел на него сильное впечатление рассказами о Монтеверде. Билл и его жена Рут дружили с Джорджем Пауэллом и Харриетт МакКерди. Эти четверо встретились в колледже Эрлем, квакерском учебном заведении в Индиане, и поступили в аспирантуру в Калифорнийский университет в Дэвисе. Бускирки и Джордж провели небольшое исследование птичьих стай смешанных видов в Панаме. Джордж и Билл решили расширить эту работу для своих диссертаций и

искали новое место для исследования. Гэри Стайлз, профессор Университета Коста-Рики, который позже написал полевое руководство по птицам этого государства, настоятельно рекомендовал для этого исследования Монтеверде. Место это было неизведанное, и молодые биологи решили, что Монтеверде — лучший выбор для работы над их диссертациями.

Когда в 1970 году сюда приехали недавно вступившие в брак Пауэллы и Бускирки, они увидели скромную сельскую общину, окруженную просторами дикого леса, который постепенно вырубался для создания сельскохозяйственных угодий. Уже тогда в Монтеверде приезжало сравнительно много посетителей, в основном друзей и членов семей, но в числе приехавших были и ученые, и студенческие группы. Эти вновь приехавшие две пары попеременно по месяцу жили в тесной спальне в главном здании пансиона Ирмы или в небольшом, но уютном коттедже на территории. Вот такие неудобные условия проживания способствовали зарождению отношений между Джорджем и Вольфом.

«Первый раз я встретился с Джорджем Пауэллом на дороге. Они с Биллом Бускирком тащили за собой бамбуковые шесты, нужные для изготовления сетей в том месте, где они проводили исследования в лесу Джона Кэмпбелла, по соседству с моей собственной фермой. Джордж — очень общительный, худой молодой человек. У него было такое мальчишеское лицо, что людям трудно было поверить, что он работал над докторской степенью. Эти ребята были полны энтузиазма. Я думал, за каким лесом они тащат эти длинные бамбуковые палки, очевидно срубленные в низине. У нас не было бамбука на пятнадцать миль вокруг. В те дни мы не сильно обращали внимание на незнакомцев, в отличие от нынешнего времени, когда мы все-таки отмечаем для себя незнакомые лица, если они неподалеку от наших владений. Вот я и не обратил на них большого внимания тогда, и, конечно же, не предвидел, что это там по дороге моя шла судьба.

Их положение в пансионе было далеко от идеального. Джордж попросил у меня разрешения жить в маленьком домике на моей территории. Он готов был починить его взамен арендной платы. Домик был ближе к тому месту, где он работал по своему проекту, и такой переезд облегчил бы жизнь обоим парам. Лаки и я были только рады тому, что эта интересная молодая пара будет жить по соседству. На каком-то этапе мы пригласили их присоединиться к нашим воскресным вечерним семейным посиделкам. Вот тогда-то мы на самом деле познакомились с ними.

Мы были соседями на протяжении почти двух лет, пока они проводили свои исследования. Джордж и Билл были заняты в лесу, отлавливая и окольцовывая птиц. Они еще лучше узнали эти леса и еще лучше стали понимать их научную ценность, гораздо раньше, чем это осознали мы. Я знал о золотых жабах, потому что они были впервые обнаружены в Бриллианте, где мы с моим двоюродным братом Джерри занимались расширением пастбищ. Нас совсем как-то не удивляли великолепные кетцали в Монтеверде. Нам также было известно о голошейной зонтичной птице, обитавшей по соседству в Пеньясе. Мы и не задумывались над тем, что рубка леса может как-либо серьезно повлиять на выживание любого из этих видов. На самом деле, мы полагали, что это мы были видом, который старался выживать, расчищая места для пастбищ и поляны для домов.

В общем, Джордж как-то услышал звук работающей бензопилы. Он пришел к нам и начал на полном серьезе говорить о том, что можно сделать для защиты леса. Сначала я с ним не соглашался. Нам были совершенно необходимы рабочие фермы, пастбища и увеличение урожаев. Поскольку он говорил о защите всей местности, я думал, что он попал не в ту страну, ошибся адресом парень. Коста-Рика была неподходящей страной для создания охраняемых участков или районов. Это ведь очень маленькая страна, и трудно ожидать, что люди как-то смогут заработать на жизнь, если им нельзя валить лес, чтоб из него получить пиломатериалы, что им нельзя будет расчищать участки для ферм и строений. Я высказал

мнение, что эта идея может быть хороша для Бразилии или, скажем, в Африке, но не здесь. Многие говорили Джорджу, что он должен проваливать отсюда со своими идеями.

Если бы не Джордж и Харриетт, переехавшие на нашу землю, и если бы не частые встречи с ними на протяжении двух лет, то, возможно, я и не вписался бы в этот проект всей своей жизни».

Успех сыроварни Монтеверде побудил многих попробовать свои силы в молочном животноводстве. Высоко в горах Бриллианте, где были найдены золотые жабы, энтузиасты пытались вырубать леса под пастбища, чтобы было, где держать скот. Тем не менее, Бриллианте был бриллиантовым только в названии. Вольф уже знал, что мечта о плодородном пастбище на такой высоте над уровнем моря, где вершина горы часто окутана облаками, была просто сладкой мечтой, но при этом совсем нереальной.

«В конце шестидесятых мой дядя Уолтер дал денег своему сыну Джерри с тем, чтобы тот мог купить недвижимость в Бриллианте. Дядя предложил нам присоединиться к этому проекту, так что мои сыновья и я заинтересовались начинаниями Джерри. Мы договорились, что все леса, которые мы будем вырубать, будут принадлежать моей семье и мне. Вот так мы начали работать на территории, являвшейся собственностью Джерри, занимаясь вырубкой под почти постоянным облачным покровом.

Я рассматривал всю лесистую местность за пределами Монтеверде как большой потенциал для изучения и рубок под сельскохозяйственные культуры, которые мы не могли выращивать на нашей ферме. Однако вскоре я понял, что Бриллианте не то место, где это может стать реальностью.

Помню, как я работал вместе со своим сыном Томасом три дня. И все эти три дня мы не видели солнца. Только по вечерам, когда мы возвращались с гребня континентального водораздела, лучи небесного светила радовали нас. Вдобавок к этому трава по причине мощного облачного покрова была там неважной. Да и почва не была достаточно плодородной, чтобы выращивать здоровый урожай. Раздолье было лишь папоротникам. Вскоре я осознал, что это место не подходит для пастбищ. Поэтому мне было приятно отправиться в Пеньяс-Бланкас, ниже, в долину, где перспективы для создания нормального участка были гораздо лучше. Климат подходил для кукурузы и плодовых культур. Там было теплее, да и солнце виднелось чаще.

Мануэль Солис, который также владел землей в Бриллианте, предложил купить наши участки. Оказалось, что он был агентом двух человек из Сан-Хосе. Эти люди были заинтересованы в создании в тех краях большого молочного производства. Сам Мануэль уже продал свой участок и начал спрашивать у других владельцев, не хотят ли и они продать свою недвижимость. И все это было предназначено для крупного молочного проекта. Я сказал Джорджу, что кто-то хочет купить нашу собственность в Бриллианте. Когда же Джордж узнал, кто хочет купить и что они собираются сделать с этой землей, он решил, что купит эти владения первым, поскольку здесь было основное место обитания золотых жаб. Мы с Джерри тут же договорились продать нашу землю Джорджу. Затем он попросил меня пойти вместе с ним поговорить с Луисом Чаваррией, который был еще одним сквоттером в Бриллианте. Джордж хотел опередить Мануэля Солиса. То был 1971 год. И вот эти пять землевладений стали первыми участками земли в Бриллианте, приобретенными для заповедника. Вот так все и началось. Хотя Джордж, быть может, изложит ход событий по-другому».

В Коста-Рике существует такая система, что сквоттеры могут отхватить кусок национального леса размером не более 300 гектаров, там работать, окультурировать участок и затем потребовать его в свое пользование. Неважно, что ими руководит — порыв новатора или

бедность. Но тикос иногда еще вторгаются в неохраемые частные территории и подают иск незаконно. Сквоттеры, таким образом, могут предъявлять свои права владения на частные земли, покрытые лесом, если землевладельцы не смогли своевременно выкинуть захватчиков.

Сначала проводится граница и производится расчистка, после чего на этом месте строится что-то несложное, типа будочки. Год спустя сквоттер уже может заявить о своих правах на собственность. Через десять лет можно получить юридическое право собственности. Перед продажей частная собственность должна была быть оценена, а также должно было быть идентифицировано местоположение собственности, определена граница и соседи. В то время карты и результаты обследований для большинства лесных районов Коста-Рики были недоступны. В результате в определении пограничных линий часто возникали большие разногласия и расхождения. Наконец, когда все вышеперечисленное сделано, готовится юридический документ под названием *carta de venta*, который должен быть проштампован местным полицейским или адвокатом. Эта схема давала людям возможность владеть большими площадями, чем они могли бы позволить себе купить. Но в то же время схема способствовала развитию Коста-Рики. Шаг за шагом, постепенно.

«Решение Джорджа выкупить нашу недвижимость, чтобы остановить вырубку леса, помогало внедрению в этом районе совершенно новой идеи. Тогда в Коста-Рике только начала развиваться система национальных парков, и она давала возможность взглянуть по-другому на то, как можно использовать землю и как ее защищать. До того в стране применялась так называемая система мехорас, которая поощряла фермеров, «улучшивших» свою землю, вырубив на ней лес. Джордж теперь не только обращался к людям с просьбой продать ему свои участки земли, но и говорил о намерении превратить лес в заповедник. Вместо того чтобы «заниматься улучшениями», что попросту означало вырубку леса, в заповеднике улучшение означало бы оставить лес нетронутым.

Как это могло помочь людям? Как неприкосновенная древесина в заповедных лесах могла способствовать развитию местных общин? Многие люди были готовы продать Джорджу свои участки, чтоб пополнить деньги. Но потребовалось много времени, чтобы люди по-настоящему поняли ценность самой идеи заповедника.

Джорджу нужен был кто-то, кто помогал бы с прорубанием троп, кто связывался бы с землевладельцами и устанавливал пограничные линии вокруг того района, который он решил купить и защитить от вырубок. В то время я платил своему помощнику, Диньо Арсу, три колона в час. Джордж предложил платить пять колонов в час мне. Я знал, что наши ребята с компетентной помощью Диньо смогут справиться с молочной продукцией сами, без меня. Экономика этого предложенного расклада означала для меня дополнительные часы оплачиваемой работы. Так получилось, что существенная разница в заработной плате привела меня в эту жизнь.

Сознательность Пауэлла произвела на меня сильное впечатление, даже вне зависимости от того, согласен ли я был с ним или нет. В то время я сам вырубал лес. Я общался с Джорджем как сосед с соседом. Но, сказать по правде, я впрягся в эту работу из-за любви к работе в лесу, которую я все равно делал бесплатно. Ну, и из-за предложенных мне денег. Поэтому начало моей работы было непростым — я удалился от хлопот и от общины и перекинул все заботы о молочном производстве на свою семью и на Диньо».

Покупка всех прилегающих лесов казалась невозможной, поэтому Джордж сосредоточился на приобретении тех массивов, которые защитили бы известную среду обитания золотых жаб. Он также покупал пограничные куски леса, чтобы ограничить доступ к основному массиву леса. Вложив свои ресурсы в приобретение этих важных владений, Пауэлла смогли обеспечить защиту большей площади лесов, на которые у них попросту не хватило денег.

Джордж и Харриетт очень старались получить пожертвования, при помощи которых они смогли бы купить землю. Они вложили и свои собственные сбережения и убедили своих друзей также сделать свой вклад. Они стали писать повсюду и всем, начав кампанию для привлечения инвестиций международных организаций. Это была настоящая команда. Харриетт сочиняла и печатала письма на нашей старой антикварной пишущей машинке. Джордж бегал повсюду, общаясь со всеми и с каждым в отдельности. Они упорно работали для того, чтобы мысль о необходимости защиты этой области и сохранения природы в ее первозданном виде прочно укрепилась в умах граждан. Поистине удивительно, что они многого смогли достичь, но ведь так всегда бывает, когда люди не сторонятся тяжелой работы и полны самоотверженности и решимости.

Когда Джордж купил пять участков в Бриллианте, мы обнаружили, что у большинства из них границы определены только частично. Мы с этим сталкивались в течение последующих двадцати лет при покупке земель. Я стал разъезжать вместе с Джорджем. Мы находили владельцев недвижимости, вели с ними переговоры и затем уже проводили замеры внешних границ.

В Бриллианте право на землю принадлежало местной компании GLC, Guacimal Land Company. После того как деньги были уплачены прежним владельцам, и они уезжали, мы замеряли внешние границы. После чего нам уже надо было иметь дело с Хосе Пачеко, адвокатом, который наделен полномочиями компанией GLC. Он сказал, что если Джордж найдет некоммерческую организацию, которая будет готова владеть правом на землю, то GLC пожертвует это право. К радости Джорджа обнаружилось, что такая организация уже существует. Это был Тропический научный центр, базировавшийся в Сан-Хосе. Джордж, не откладывая это дело в долгий ящик, привлек к нему внимание директора, доктора Джозефа Този, который уже посещал леса Монтеверде в 1968 году и согласился с необходимостью их защиты. В апреле 1973 года все 328 гектаров, которые были записаны на имя Джорджа, были переданы Тропическому научному центру.

Джордж использовал следующую схему: сначала он покупал землю в свою собственность, а затем передавал ее в собственность Тропического научного центра, придавая тем самым ей больше легальности. Carta de venta (акт покупки), на самом деле, не делает покупку законной, если вы не занимались разработкой земли более десяти лет и не получили права на нее. А еще одна, дополнительная передача приобретения — от первоначального землевладельца Джорджу, а затем в Тропический центр — давала купленной земле более высокий статус официально признанной собственности.

К тому времени, когда все владения, купленные Пауэллами, были готовы для замеров, нам стал помогать Эладио Круз, трудолюбивый молодой человек из Сан-Луиса. Мы целыми днями работали на лесных вырубках, расчищая тропы, обследовали границы и отлавливали браконьеров. Нашей бригаде определенно требовалось какое-то укрытие в Бриллианте. Мы построили небольшой сарайчик, пустив на стройматериал несколько деревенских хижин, которые уже давно лишились своих хозяев. Получился довольно красивый домик. Но климат в Бриллианте всегда был холодным и влажным, потому что дрова тут были сырыми и абсорбирующими влагу. От них было больше дыма, чем тепла. В Бриллианте случались и довольно печальные истории. У нас были такие полаты, на которых могли спать четыре человека, хотя комфортнее там было бы троим. Как бы то ни было, мы все залезали на них и надеялись, что всем удалось поспать, что никто не будет ворочаться или страдать всю ночь от храпа.

Вот так мы и жили в течение большей части года, пока занимались замерами внешних границ. Джорджу очень не нравились такие условия, и он пытался убедить нас съехать. Ему не нравился густой дым и тлеющее пламя, постоянное ощущение влаги, толкотня на нарах,

когда пытаешься спать. Нам это тоже не нравилось, но мы были более привычны к подобным условиям. Поскольку двухчасовой поход домой каждый день нас не очень-то устраивал, мы часто настаивали на том, что на ночь надо оставаться, независимо от того, удобно тут или неудобно.

Описательная часть работы была сделана Джорджем, мною и другими членами нашей команды. Мы тщательно занимались измерением территории. Делали это при помощи компаса, поставленного на шест, рулетки, и астролябии для точности. Измерения проводились с помощью 30-метровой рулетки. Мы очень редко могли провести прямую линию длиннее, чем 30 метров. Мы собрали вместе все измерения и множество иных данных, которые Джордж очень добросовестно и умело свел вместе. Тогда для составления официальной карты он привлек сертифицированного инженера, а теперь это все легко делают с помощью компьютера. Но мы и сегодня по-прежнему пользуемся этой же картой.

Дела пошли еще лучше, как только к делу присоединился Тропический научный центр. Усилия Джорджа и Харриетт не прошли даром. С самого начала деньги жертвовали биологи, студенты и многие другие, имеющие отношение к Организации тропических исследований и к Национальному Одюбоновскому обществу. Затем, как только был вовлечен Тропический научный центр, Джордж написал заявку на финансирование биологического заповедника туманного леса «Монтеверде». Эта заявка принесла нам деньги из Всемирного фонда дикой природы, которые пошли на приобретение еще трех важных участков. И еще остались некоторые средства на покрытие административных расходов на ближайшие три года. Администратором стал Тропический научный центр. Кроме перечисленных источников финансирования стоит упомянуть еще Клуб исследователей из Нью-Йорка и Герпетологическое общество Германии. Все это дало нам возможность продолжать приобретение земли, которая затем попадала под наше попечение и защиту. С октября 1974 года я был официально нанят Тропическим научным центром в качестве сотрудника, занятого неполный рабочий день.

Начинали мы в Бриллианте с небольших площадей, и все выглядело довольно скромно. Через какое-то время мы смогли приобрести владения семейства Фонсека, когда они выставили их на продажу. Их земли находились на восточной стороне континентального водораздела. В то время эта часть местности была известна как Чомого, местное название, в переводе означающее болото. На самом же деле, Чомого — это большой водосборный бассейн, откуда ручьи вливаются в реку Гуасимал. А она несет свои воды на запад к Тихому океану. Однако в той местности, где располагались земли семейства Фонсеки, ручьи бегут в реку Пеньяс-Бланкас, которая течет на восток к Атлантике. Это другой водораздел, с другой территорией. Мы сочли, что называть весь регион Чомого было бы не вполне логично. Мы решили, что земли семейства Фонсека заслуживают лучшего имени. Джордж в состоянии воодушевления предложил назвать этот район Эль-Валле, и мы согласились.

В первые годы у нас с Джорджем случались всякие приключения во время путешествий по новому заповеднику. В первый поход, помнится, мы пошли с компасом и с нашими верными мачете. Планировалась легенькая послеобеденная экскурсия протяженностью два километра — от Эль-Валле и далее к тропе на реке Пеньяс-Бланкас. А потом надо было еще проехать три километра по конской тропе. Все шло хорошо, пока нам не потребовалось скользить вниз по крутому спуску, который привел нас к началу водопада. Сначала мы решили привязать лозу к маленькому дереву, чтобы спуститься вниз, но потом решили съехать как на салазках по земле в том направлении, в котором мы хотели двигаться дальше. Джордж сказал, что веревка не нужна, поскольку вокруг нас много растительности. Сначала мне это показалось логичным, так как на вершине был кустарник, но ниже были только невысокие папоротники, и у меня появились сомнения, до какой степени их можно считать надежной при сползании растительностью.

После скольжения вниз надо было пару часов просто идти напрямик через лес, а затем вдоль небольшого ручья. Примерно тогда и зашло солнце, и мы вытащили фонарики, которые прихватили с собой шутки ради, а не потому, что могли предвидеть, что они понадобятся. К счастью, вскоре стало легче идти и пробираться через растительность, и через час мы добрались до тропы Пеньяс.

Следующая наша задача заключалась в том, чтобы пройти по крутой грязной тропе до континентального водораздела. Там нам улыбнулась удача. Когда мы добрались до скромной избушки Марко Варгаса, то сквозь щели в стене увидели свет свечи, а легкий дымок наводил на мысль о еде и о кофе. После миски горячего супа и часа, проведенного в гостях, тропа уже не представлялась такой крутой. В 8.30 вечера мы довольные отправились домой и ровно в 10 часов были там. Конечно, наши жены уже прикидывали, не пора ли организовывать поисковую экспедицию, но, надо сказать, что у моей жены за годы нашей совместной жизни этот вопрос возникал не один раз».

После двух лет в Монтеверде Бускирки вернулись в Соединенные Штаты, где Билл — теперь он орнитолог — преподает биологию в колледже Эрлем. Он с удовольствием вспоминает походы с Вольфом в начале 1970-х годов, когда он едва поспевал за этим человеком, который был старше его в два раза.

«Как-то раз мы решили отправиться из Монтеверде посмотреть так называемые средние высоты на стороне Карибского моря. Для этого надо было перевалить через гору и миновать Пеньяс-Бланкас. В те годы практически не было никаких тропинок, ведущих вверх сразу за первыми пастбищами у подножия Вентаны. Нас вел Вольф. Он прорубал дорогу своим мачете, а мы тащились за ним. Что было совершенно непостижимо, так это его способность рассказывать истории всю дорогу, без остановки. Размахивая мачете, Вольф указывал нам, где кто-то когда-то охотился на тапира или где произошло то или это. Мы все молча тащили наши рюкзаки и пробирались вперед, утопая в глубокой грязи. Вольф тоже шел не налегке, но он в отличие от нас болтал и рубил ветки направо и налево. Мы потом начали отставать. В конце концов, мы, уставшие, уселись на верхушке хребта, отделяющего два ручья, в то время как Вольф был уже на самом верху следующего хребта. И вот он прет в джунглях, позади него прорубленная просека, мачете так и летает туда-сюда, а Вольф тараторит как пулемет в совершенном одиночестве. В пределах слышимости нет ни души! Потрясающая энергия у человека, выглядящего столь естественно в этих условиях».

В 1975 году, уже после того как было положено начало созданию заповедника, после того как финансирование на три года было обеспечено, и мы заручились международным интересом к проекту, Джордж и Харриет вернулись в Соединенные Штаты. В годы, когда они жили и трудились в Монтеверде, помимо своих расходов на обучение и на свою последипломную работу, они много потратили, чтобы заповедник туманного леса состоялся. Их вклад в будущее района Монтеверде был огромным, и их преданность этому делу вдохновляла.

С той поры за Джорджем закрепились слава признанного на международном уровне полевого биолога и защитника природы. На протяжении многих лет он вел многочисленные исследовательские проекты в Коста-Рике, в числе которых было замечательное изучение и отслеживание птиц с помощью мини-радиопередатчиков. Благодаря своим многочисленным проектам, он внес большой вклад в дело изучения великолепного кетцаля, трехусого звонаря и солдатского ара. У Джорджа все еще есть коттедж на ферме Вольфа по соседству с заповедником. И хотя он очень занят исследованиями по всему миру, обнаружение трех мертвых кетцалей в феврале 2004 года в Монтеверде не прошло мимо его внимания. Он, не откладывая, связался с директором заповедника, что еще раз подтверждает — его озабоченность окружающей средой Монтеверде сильна, как и прежде.

В Монтеверде Харриетт преподавала физику и биологию в квакерской школе, всячески

способствуя тому, чтобы учащихся всерьез увлекли эти предметы. После своего отъезда она продолжала преподавать во многих странах мира. И хотя ее теперь уже бывший муж Джордж считается основателем Заповедника тропического леса, Харриетт уважают и очень любят в общине за ее сильную увлеченность и активное участие в деле защиты местной дикой природы.

Небольшая команда преданных делу сотрудников, Вольф в их числе, после отъезда Пауэллов продолжала поддерживать просеки и следила за браконьерами и сквоттерами.

«В ранние годы работа шла на сравнительно небольшом куске земли. Но земля эта была очень важным участком, и нам было важно оставаться на высоте. Правление Тропического научного центра должно было обеспечивать менеджмент, потому что для найма профессионалов не было никаких средств. Жители Монтеверде были слишком заняты тем, что тратили свою энергию для нужд общины. У местных не было никакого интереса к созданию заповедника или управлению им. Было почти невозможно заполучить достаточное количество людей, готовых войти в правление, чтобы это правление было эффективным. В 1975 году в аренду Тропическому научному центру за номинальную сумму денег была передана часть общинных земель, известная как Боскетерно. Этот кусок земли должен был стать частью заповедника, в результате чего общая площадь заповедника увеличилась до 2000 гектаров.

Первым администратором заповедника после отъезда Джорджа стал Роджер Моралес, костариканский натуралист. Мой сын Томас, Эладио и я занимались прорубанием троп и поддержанием их в нормальном состоянии. Мы продолжали покупать землю. Роджер контролировал закупки, а я работал с людьми в этом регионе. Мы имели дело с Мигелем Лейтоном, когда хотели получить в нашу собственность водопад Сан-Луис, с Камбронерасами, чтобы заполучить большую часть земли в Пеньяс-Бланкас, на которой они уже работали, и с семьей Менденхолл, когда мы хотели купить землю, соседствующую с нашей. Она простиралась от коммуны Монтеверде до континентального водораздела. Много было разных участков. Я взял на себя инициативу и поехал в Вера-Крус, в удаленную от Сан-Луиса сторону, которая была довольно важной для нашего дела. Так постепенно рос мой интерес к этому региону. А еще с помощью Роджера мы защитили среду обитания тапира Бэрда. Мы проделали много исследований, выбираясь за пределы Бриллианте. По мере поступления средств мы проводили оценку земель, которые могли купить.

Были люди, которые хотели использовать заповедник как учебный участок для работы, например, над своей докторской диссертацией. Тропический научный центр получал небольшой доход от этого, поскольку они брали деньги за использование заповедника. Но денег было явно недостаточно, учитывая хотя бы ту сумму, которая требовалась для поддержания просек в порядке круглый год. И как только у нас появились туристы, нам потребовались тропы хорошего качества, нам требовались люди, присматривавшие за тем, что там делают туристы в лесу. И нельзя было забывать о расходах, необходимых для отслеживания сквоттеров и охотников, чье вторжение всегда было реальной опасностью. Защита природы в основном сводилась к затратам, без прямой финансовой выгоды. Поскольку мы расширили инфраструктуру для размещения администрации и студенческих групп, затрат было всегда больше, чем финансовых поступлений. Интерес международного сообщества к защите тропических лесов рос, и нам повезло стать лидерами в этой области, уже сделавшими серьезную заявку на будущее, чтобы получать помощь.

В наши края приезжало все больше людей, и мы начали взимать с них плату за походы по лесу. Именно тогда мы и наняли Оскара. Его задача заключалась в том, чтобы беседовать с людьми, рассказывать им о том, что мы делаем, и получать оплату. Вход стоил двадцать колонов, что тогда было равно приблизительно 2,5 долларам. Для иностранцев такие деньги

были сущей мелочью, но и эта входная плата помогла нам заработать немного денег и узнать число посетителей. Оскар стоял на входе, смотрел за нашим террариумом для золотых жаб, патрулировал лес, следя за тем, нет ли там браконьеров, и все ли тихо.

Тропический научный центр попросил Роджера Моралеса, прожившего в наших краях уже больше года, поехать на полуостров Оса на юге Коста-Рики для создания того, что сегодня является национальным парком «Корковадо». Я был назначен временным администратором заповедника на последние месяцы трехлетнего периода, в течение которого он финансировался Всемирным фондом дикой природы. В Корковадо было не все так просто. Там надо было защитить землю от шахтеров, намеревавшихся добывать золото в тех краях. У помощника Роджера, фермера из Оса, возникли серьезные проблемы с шахтерами, потому что он передал информацию о землях в Тропический научный центр. В своей записке он рекомендовал приобрести земли именно в этом районе. Этот человек получил недвусмысленные угрозы, и тогда Тропический научный центр решил перевезти его сюда до тех пор, пока страсти не остынут. Он стал администратором у нас, а я занял пост главы отдела бдительности. Так получилось, что довольно быстро у него возникли проблемы и здесь. Он высказал какие-то угрозы в адрес тракториста, который трудился на участке пути в Пеньяс. Так что теперь беда пришла со стороны людей нашего района, и ему рекомендовали больше не появляться в Санта-Елене. Он ушел посреди ночи во избежание конфликта.

Итак, я стал администратором на полном окладе жалования. Каждый месяц я ездил в Сан-Хосе, чтобы получить зарплату для всех здешних сотрудников, поскольку в Санта-Елене еще не было банка. И я был по-прежнему вовлечен в закупки земель. На ранних этапах при покупке земли достаточно было перевезти документы о праве на владение сюда, в Монтеверде. Но вскоре эта практика изменилась, и от нас требовали, чтобы бумаги были подписаны в Сан-Хосе. Адвокатом Тропического научного центра тогда был Оскар Эррера. Его офис находился рядом с офисом центра, так что именно в нем совершались все сделки. Поездка в Сан-Хосе для местных жителей было не пустяшным мероприятием. Им приходилось оставаться там на ночь. А мы ведь говорим о людях, многие из которых никогда даже не бывали в маленьком городке Пунтаренас. Для большинства людей процесс передачи собственности был непростым мероприятием.

В то время я состоял членом правления в пяти разных местах: медицинской клинике, заповеднике, молочном заводе, квакерском собрании и кооперативе, который был магазином. Я также был членом ASCONA — природоохранной организации, состоящей из молодых биологов и студентов. Мы были обеспокоены вопросами сохранения лесов. К тому времени я продвигал идею, что, несмотря ни на что, если земля арендована, то она должна оставаться нетронутой ради будущего. Даже если такой подход не приносит никаких финансовых выгод для кого-либо напрямую, земля и природа должны сохраняться для следующих поколений.

Именно этот период был самым непростым в наших отношениях с Лаки. Я был сильно связан работой в заповеднике, хотя мне всегда казалось, что есть другие люди, которые могут делать административную работу лучше, чем это делал я. Менеджмент не был моим коньком, я не организовывал бизнес и не занимался им, я не знал естественной истории. Я заступил на это место и думал, что моя служба на этом посту будет не очень долгой. Мы вообще тогда не думали, что заповедник будет более чем защитной буферной зоной вокруг Монтеверде. Мне тогда и в голову не могло прийти, что Пеньяс-Бланкас, который в то время все еще находился в процессе развития, тоже станет частью территории, находящейся под защитой».

Местные жители с трудом воспринимали саму идею создания заповедника. Они просто не могли понять, как все это может стать жизнеспособным в экономическом плане. А еще граждане подозревали, что все это затеяно ради выгоды Джорджа Пауэлла. Многие местные жители никак не могли взять в толк, как так получилось, что Вольф, который до недавнего

времени с энтузиазмом расчищал землю вырубками, теперь горячо выступал в защиту леса. Уж, коль скоро ты защищаешь землю, то тогда не должно было быть вообще никакой вырубки деревьев. Да и охоту следовало бы запретить. А какая польза от этого местной общине? Поскольку небольшой штат работников заповедника был занят покупкой земель и определением границ, при поиске земельных участков они высматривали хребты и ручьи, которые логически ограничивали бы приобретенные участки. Некоторые местные воспринимали это как попытку со стороны работников заповедника провести границы за пределами купленного ими участка, оттяпать побольше. Заповеднику пришлось потратить много сил, чтобы доказать свою правоту, прежде чем идея была принята большинством обычных людей, далеких от биологии и от природоохранных организаций.

«Постепенно границы начали вырисовываться. Мы проводили кампании по покупке земли, и это отнимало у нас много времени. Я думаю, что тогда-то я и пристрастился к походам по пересеченной местности. Здесь, и там, и везде, когда я искал некие логические места, какую-то натуральную разграничительную линию, помогающую провести разделение собственности.

Я получил большую помощь от биологов и других людей, интересующихся заповедником. Они делились своими соображениями на тему, что мы еще можем сделать, чтобы лучше защищать территорию. Нам также пригодились знания той информации, что собрали биологи о флоре и фауне в этом районе. Это помогло продвинуть заповедник, и позволило нам обеспечить защиту мест гнездования и других подобных нужных для науки районов. Сначала многие студенческие группы из Организации по тропическим исследованиям приезжали для изучения тропической биологии. Все это помогло привлечению большего внимания к заповеднику.

Первые студенческие группы прибыли из Университета Коста-Рики, и привез их Гэри Стайлз. У него было несколько проектов. Один из них был ежегодным, и в наши дни мог бы показаться слегка неуместным. Гэри отвез группу студентов в Пеньяс-Бланкас, срубил небольшое дерево, на котором были эпифиты и лозы, и срезал растительность. После чего студенты провели анализ, насколько это было возможно в лесу, а затем взяли эти растения с собой, чтобы изучить их в нашем здании школы. В те дни это было единственное большое здание у нас, куда все они могли поместиться. Я поехал с Гэри и его помощником в Пеньяс, чтобы собрать птичьи шкурки и яйца для Национального музея. То, как все делалось тогда, очень сильно отличается от того, что разрешено сейчас.

Именно биологи и студенты создавали и стимулировали настоящий интерес к этому району. Отчеты, написанные исследователями, работали как приманка для наблюдателей за птицами. Это дало толчок явлению, которое теперь известно как экотуризм. И вот в этом-то и заключалось основное экономическое преимущество заповедника».

В конце 1970-х годов Боб Лоу, житель Монтеверде, руководил строительством здания, которое возводилось для размещения офисов, полевой станции, столовой и общежития на втором этаже. Некоторое время Боб занимал должность администратора. В 1979 году администратором стал Уолтер Тиммерман, на год, а его жена Карен работала в приемной. К этому времени Вольф прорубал и поддерживал в должном состоянии тропы при помощи местного жителя Элизара Мехиаса. В то же время он продолжал заниматься закупками земли и патрулированием в заповеднике. Вольф также стал представителем в международном комитете квакеров. И иногда ему надо было выезжать за пределы страны.

В конце 1970-х заповедник столкнулся с рядом серьезных проблем. С 1960-х годов правительство Коста-Рики выдавало концессии на добычу полезных ископаемых для исследований в долине Пеньяс-Бланкас. В то же время местные землевладельцы в долине предпринимали некие совместные усилия, направленные на создание жизнеспособных ферм

в коммуне. Сын Вольфа Томас и его жена Линди намеревались жить в Пеньяс. Они обсуждали идею открытия школы для сообщества самодостаточных хозяйств. Тем не менее, Тропический научный центр оставался твердым в ограничении доступа к долине через заповедник, заявляя, что дорога, которая существовала на тот момент, не может быть расширена или улучшена. Это создавало известное трение между Тропическим научным центром и хозяйствами в Пеньяс.

Ближе к Монтеверде власти угрожали экспроприацией Боскетерно, на территории которого находился Серро-Амигос, самый высокий пик в этом районе. Там хотели установить коммуникационные мачты. В ноябре 1979 года в заповеднике было открыто вновь построенное здание, и вскоре после этого Тиммерман покинул свой пост. Вольф, продолжая работать в качестве главы отдела бдительности, вновь был вынужден взять управление заповедником на себя. В 1982 году он был официально назначен директором заповедника туманного леса в Монтеверде.

«В Пеньяс-Бланкас люди поняли, что, хотя они все еще использовали старую дорогу, продолжаться это будет недолго. Они становились более сознательными, когда речь шла о том, чтобы пройти через территорию заповедника к своим владениям. Мне это было тяжело, потому что я был полон сочувствия и симпатии по отношению к этим людям, которые пытались развивать небольшие участки своей земли. Наша семья работала в трех разных местах.

Мы занимались выявлением нарушений. Правительственные охранники, базирующиеся в Санта-Елене, начали патрулировать леса и применять законы против браконьерства и вырубки деревьев. Я обычно ходил с ними, когда им был нужен свидетель или кто-то, кто мог бы помочь от имени заповедника. Затем мы с Элизаром Мехиасом должны были ходить в Пунтаренас для дачи показаний в суде. Мы надеялись, что нарушители будут оштрафованы за их незаконные действия. Сумма штрафов сама по себе была незначительной. Но мы, в самом деле, надеялись, что и этого будет достаточно, чтобы убедить нарушителей в неприемлемости их действий и предотвратить подобное в будущем. На это уходило много времени и способствовало появлению негативных чувств у населения по отношению к заповеднику.

Примерно в то же время власти установили ретрансляторные мачты на Серро-Амигос. Наблюдение за бульдозерами, работавшими на этом участке, предотвращение в максимальной степени каких-либо разрушений — эти задачи лежали на нас и были непросты. Нам были понятны намерения властей по возможности экспроприировать землю. Но законы об экспроприации были сложными сами по себе. В конечном итоге, власти подписали контракт с Тропическим научным центром на субаренду земли от Боскетерно. Соглашение, которое мы заключили с Тропическим научным центром, заключалось в том, что они будут разбираться с контрактами аренды и получать финансовое вознаграждение за использование земли. Правда, одним из спорных вопросов был вопрос о том, кто же будет получать финансовую прибыль от этой субаренды. Походы вверх и вниз по крутой дороге к месту расположения мачты требовали затраты сил. Мой рекорд — два похода к вышке и обратно в один день.

В общем, это было конфликтное время, и я ожидал, что ситуация может обостриться. Некоторые из тех, кто ездил в Пеньяс, говорили, что они всегда держат нож в голенище сапога. Один или два человека были осуждены за какое-то нарушение, и ведь не знаешь, что они могут сделать в ответ. Уже много лет спустя, в конце 1980-х годов, после того, как семьи продали свои участки и переехали, заповедник, наконец, получил согласие Министерства общественных дорог на ограничение движения по дороге. После этого она и вовсе была перекрыта воротами с замком.

Каждому, кто не продал свою землю, давалось ограниченное право проезда через заповедник, чтоб люди могли добраться до своей собственности. Единственным человеком, у которого не была выкуплена земля, и кто активно использовал дорогу, был мой старый друг Эстон Роквелл. Отчасти причиной нежелания продать участок было его стремление к тому, чтобы дорога оставалась открытой. Соглашение с Дорожным департаментом обязывало нас выдать Эстону ключ от замка на воротах, чтобы он мог получить доступ к дороге. Но другие не имели права использовать этот маршрут. Замок и по сей день там. После всех этих лет Тропический научный центр так и не выкупил владение Эстона, которое много лет спустя перешло к его зятю, Тому Диксону. Мой друг Эстон скончался в 1999 году.

Единственной защитой земли от вторжения людей из-за разведки месторождений и разработки полезных ископаемых было придание ей статуса национального парка. Я всегда считал, что и частные заповедники должны были бы иметь такой же статус защиты. Однако я был уверен, что туманный тропический лес станет в один прекрасный день национальным парком и обретет полную защиту. В первоначальной заявке Джорджа на финансирование от Всемирного фонда дикой природы говорилось, что если система национальных парков будет развиваться так, как ожидалось, то заповедник может быть включен в нее. К концу периода финансирования у меня было понимание, что национальные парки Коста-Рики уже вполне развились и, безусловно, имели возможность финансировать заповедник и управлять им. Я также думал, что это положило бы конец подозрениям некоторых местных жителей, полагающих, что заповедник был просто еще одним бизнесом, которым управляют иностранцы. Однако Конгресс не одобрил выделение средств, необходимых для покупки земли. В общем, костариканцы гордятся своими национальными парками. Но у них никогда не было того же чувства собственности в отношении нашего частного заповедника в Монтеверде.

Заповедник разрастался, число сотрудников увеличивалось, и у нас становилось все больше посетителей, в том числе студенческих групп. Монтеверде нуждался в дополнительных местах для проживания. Первым приличным отелем был отель «Монтанья». Но и с ним связано начало еще одного конфликта. Возникал вопрос: должен ли заповедник зазывать людей отдыхать в отеле «Монтанья»? А с другой стороны, следует ли отелю взять на себя инициативу по выпуску брошюр, рекламирующих заповедник? Поскольку я бывал и там, и там, то слышал мнения с обеих сторон. Кроме того, некоторые люди в Монтеверде были вообще недовольны тем, что в их краях продвигается идея туризма».

Заповедник туманного леса «Монтеверде» разросся с площади 328 гектаров, купленных Пауэллами, до 10 500 гектаров в 1990-е годы. В начале у нас было менее 500 посетителей в год. В 2005 году заповедник посетили около 80 000 человек — самое большое количество на сегодняшний день. Заповедник на девяносто процентов состоит из древних лесов с богатым биологическим разнообразием: более 3000 видов растений, в том числе 900 видов эпифитов и 500 видов орхидей, 100 видов млекопитающих, 400 видов птиц, 120 видов рептилий и земноводных, несчетное число насекомых и бесчисленные оттенки зеленого.

Хотя Вольф и был ответственным за администрирование и координацию на местах в начале 1980-х годов, такого рода деятельность не была его сильной стороной. Этим занятиям он предпочел бы работу на свежем воздухе, заботу о тропах, поддержание их в нормальном состоянии. Его беспокойной душе больше подходили работы, требующие активности: расчистка пограничных линий и надзор за тем, что стало его лесным святилищем. Его участие на всех этапах развития заповедника в конечном итоге принесли свои плоды.

В те ранние годы заповедника Вольф часто раздражался на работе и реагировал на многие ситуации подчас иррационально. К 1982 году, по причине сильного стресса на своей работе, часто приводившего к конфликтам с властями, с его начальством, с членами общины и даже с

женой, здоровье Вольфа просто таяло на глазах. Лаки и Вольф понимали, что гиря, что называется, дошла до пола, и что нужно что-то делать. В 1983 году заповедник нанял Винсенте Уотсона временным директором, а Вольф взял пять месяцев отпуска, чтобы поправить здоровье.

В конце концов, Вольфу был поставлен диагноз биполярного расстройства и прописан литий, который надлежащим образом поправил химический дисбаланс в его организме и позволил ему вернуться на службу на полный рабочий день. В 1984 году Уотсон покинул заповедник. Директором был назначен Джованни Белло, а Вольф стал со-директором и советником заповедника. После окончания в 1988 году срока директорства Джованни директорами заповедника побывали несколько человек, включая Уильяма Аспинолла, Франциско Чемберлена, Боба Карлсона, Рафаэля Боланьоса, Рикардо Родригеса и Карлоса Эрнандеса. К 1990-м годам заповедник обеспечивал трудоустройством 50 местных жителей.

До самого своего ухода на пенсию в 2003 году Вольф давал рекомендации касательно развития и поддержания в должном состоянии более чем девяноста километров троп, пересекающих заповедник. Он также занимал должность начальника охраны, координируя безопасность леса, и все еще продолжал патрулировать маршруты. Хотя преданность Вольфа лесу стоила ему семейной жизни, источником вдохновения для него была непреходящая любовь к джунглям.

«У меня всегда было такое ощущение, что я помог многим людям осознать — может быть, в некотором роде без большой симпатии, но кто-то же должен был что-то сделать — и начать думать о спасении леса в позитивном свете. На самом деле, не бог весть, какие пространства, просто пятно на карте. Я этим занимался, когда защита леса не приносила никакого дохода, потому что тогда никто не думал, что заповедник стоит того, чтобы еще и платить кому-то за качественную работу по присмотру за лесом. И хотя я официально уже тут не работаю, я все еще чувствую свою ответственность за сохранность заповедника».

Из этих скромных начинаний идея защиты, сохранения природы распространилась по всей стране. В деле сохранения лесов росло участие и общины. В 1992 году на северной стороне холма Серро-Амигос, на котором теперь находятся мачты ретрансляторов связи, был заложен заповедник тропического леса «Санта-Елена». Этот заповедник находится в шести километрах к северо-востоку от города Санта-Елена. В задачи сотрудников входит забота о консервации, сохранении дикой природы, а также образовательный процесс. Неслучайно он управляется средней школой Санта-Елены.

«Деньги, получаемые за вход в заповедник «Санта-Елена», идут на поддержку проектов в общеобразовательной школе. Это еще один проект в этой местности, который получил непосредственную поддержку от Канады в форме волонтеров, собирающих средства и занимающихся в заповеднике расчисткой троп. Когда заповедник в Санта-Елене только начинался, он сильно напоминал мне Монтеверде, каким тот был 30 лет назад, когда туризм не был так развит — до тех времен, когда турист с рюкзаком стал важным фактором в этом районе. Вторичный, подростый лес в заповеднике «Санта-Елена», где бродят туристы, очень похож на то, что было в 1980-х годах в заповеднике «Монтеверде». Люди и не подозревают, что они ходят по старым коровьим пастбищам, где лес полностью обновлен. Теперь, вероятно, высота деревьев составляет метров девять.

В заповеднике «Санта-Елена» климат совершенно другой. Он расположен выше относительно уровня моря, там поменьше ветра по сравнению с нами, там совершенно другие ощущения. Вид на вулкан Ареналь отличается от того, как он видится из Монтеверде, но их красивый тропический лес схож с нашим. С моей точки зрения, чем больше лесов защищено, независимо от того, кто за это отвечает, тем лучше для всех нас».

8. В Пеньяс-Бланкас

«Ну, как же приятно здесь находиться! Мы у подножия водопада Эль-Сендеро-де-Мил-Мирадорес и направляемся прямо по хребту к реке Пеньяс-Бланкас. Теперь можно только догадываться, где среди возвышений и низин в долине есть небольшие полянки вырубок, некогда сделанных человеком. Ни коров, ни лошадей, которые в старое время белыми пятнышками виднелись тут и там. Вон там большая старая смоковница, которая выделяется и торчит над кронами деревьев на противоположном хребте. Если она когда-нибудь упадет, то в линии деревьев будет прогал, достаточно большой для того, чтобы увидеть значительную часть Коста-Рики».

Вольф на троне Катарата

После успешного курса лечения рака тело мое медленно восстановило свои силы, а ощущение уязвимости начало ослабевать. В конце концов, в 1994 году я смогла вернуться в Коста-Рику. Заразительный смех Вольфа и его теплое приветствие добавили мне крепости. Он передал мне более двадцати кассет, которые записал с 1990 года, с того дня, когда мы виделись в последний раз. Я возобновила расшифровку его историй. В последующие годы мы старались отправляться в поход как можно чаще, чтобы в пути обсудить наш проект рассказанной устно истории. Мы часто ходили в деревенский приют в Эль-Валле. Это несложная двухчасовая прогулка через заповедник. Сидя на крыльце с дымящейся чашкой кофе в руках, в клубах тумана, я опиралась спиной о влажную деревянную стену домика и слушала воспоминания Вольфа, которые уносили нас к прошлым дням, к его приключениям на фоне вечнозеленого пейзажа. Маленькая черная коробочка диктофона работала до тех пор, пока не садились батарейки. Уже и обезьяны-ревуны успокоились, и ночные твари оживились, а наш разговор и хохот не прекращались до тех самых пор, пока мы, уставшие, не заваливались на тонкие коврики-пенки, ждавшие нас внутри.

Именно из этой скромной обители Вольф привел меня к одной из самых драматических троп в данном районе, к тропе Катарата, названной так в честь водопада, который виден через высокий овраг. Водопад — мощная лента воды, выливающейся с горы и поглощаемой жаждущей растительностью несколькими метрами ниже. На каждом изгибе пути долина Пеньяс-Бланкас представляется изумленному путнику в новом облике, так что Вольф назвал этот путь Тропой тысячи видов. Довольно часто случается так, что вы восхищаетесь далекими хребтами, видимыми через прогалины в растительности, и вдруг появляются низко идущие облака, полностью заслоняющие вид и наполняющие лес мрачным светом.

Тропа Катарата тянется вдоль узкого, искривленного хребта. Земля резко уходит вниз с обеих сторон и там, ниже по склонам, она покрыта беспорядочно перепутанными древесными корнями, извивающимися под тенистой листвой. Пешие прогулки в этих влажных и скользких джунглях всегда требуют осторожности. Один неверный шаг — и вы навсегда исчезнете в глубинах леса. Поистине удивительно, что Вольф не раз прошел этой тропой в темноте ночи. Даже он вздрагивает, вспоминая об этом.

В тот день в 1995 году дождь поливал нас безостановочно, и надежда остаться хоть частично сухими была полностью оставлена. После трех часов медленного спуска по крутому склону мы вышли на тропу приблизительно уже на уровне реки. Когда мы были достаточно близко к реке Пеньяс-Бланкас, чтобы слышать ее шум, то сделали небольшой перерыв и подкрепились кофе. Вольф сразу убежал на встречу в Монтеверде, а я пошла дальше одна. До укрытия, известного как Немецкий приют, было еще часа два ходу. Я шла, вполне довольная собой, наслаждаясь одиночеством, как вдруг, приблизившись к травянистой части тропы, оказалась лицом к лицу с огромной змеей. Плоский нос — черный и блестящий; она грела свое длинное, толстое тело рядом с тропой на солнце, которое вдруг решило сиять. Испуганная

змея заняла атакующую позицию. Я сделала шаг с тропы, схватила самую большую палку, которую смогла найти, и осторожно повернулась к тому месту, где лежала змея, громко разговаривая с ней. Я не хотела ее беспокоить и не стала бы убивать ее, даже если бы у меня было с собой мачете. Я только хотела пройти дальше. К моему большому облегчению змея отползла, но после этой встречи я к каждой солнечной полянке уже подходила настороже, держа свою дубинку наготове. Я заметила, каждый раз, когда входила в мшистый, таинственный мир Пеньяс-Бланкас, его величайшая красота являлась в те же моменты, когда и его скрытые сокровища также решали продемонстрировать себя.

Доколумбовые цивилизации оставили в районе Ареналь, к северу и востоку от Монтеверде, достаточно доказательств, позволяющих с уверенностью предположить, что здесь по меньшей мере 10 000 лет до н.э. уже жило множество людей. Местные коренные народы занимались сельским хозяйством, охотой и сбором диких плодов. Эти традиционные занятия по-прежнему практиковались в середине XX века потомками испанских конкистадоров. Можно с уверенностью сказать, что долина Пеньяс-Бланкас, которая прорезает южную часть района Ареналь, делилась своими богатствами с охотниками, исследователями и обывателями на протяжении тысячелетий. Долина расположена на сотню с лишним метров ниже Монтеверде. Климат там более теплый, более подходящий для выращивания тропических культур, таких как бананы и сахарный тростник.

До того как появилась идея сохранения дикой природы, люди ходили в пышную долину, чтобы охотиться на тапира, диких свиней, оленей и прочую живность, которая обеспечивала их семьи белковой пищей. Они приходили из окрестных поселений Санта-Елена и Сан-Луис на западе, Пальмиталь и Сан-Рамон на юге, а также Сан-Мигель и Ла-Тигра на востоке. Многие из них вырубали небольшие поляны в этом лесу, изобилующем дичью и древесиной, чтобы поставить там лагеря, воспользовавшись костариканскими законами о хозяйстве. В 1980-х годах долина вступила в новую фазу. Нынешние охотники вооружены фотоаппаратами и собирают там материалы для научных трудов. В обозримом будущем пумы в Пеньяс-Бланкас могут спать спокойно.

Река Пеньяс-Бланкас, вероятно, была названа в честь белой глины, которая стоит на страже местных красот береговыми утесами в ее верховьях. Ручей вытекает из центрального карибского склона горы Тиларан на атлантической стороне континентального водораздела вблизи Бриллианте, и далее набирает силу. Воды его бегут на восток, опускаясь в общей сложности на 500 метров на дистанции свыше десяти километров. Это самая большая река в регионе. Десятки впадающих в нее ручьев и речушек сливаются с главной рекой, неся обильные дождевые воды со всего района в Карибское море. Притоки Ла-Леона и Ла-Мона были названы в честь представителей животного мира, а Эль-Портала, Гемелоса, Азуфра — в честь некоторых физических характеристик. Названия придуманы искателями приключений, построившими простые избушки, служившие до недавнего времени жилищами поселенцам этого региона.

Тропа, которая берет начало у входа в заповедник туманного леса «Монтеверде», кружит и петляет вниз до самой реки Пеньяс-Бланкас. Примерно на полпути, на плоском плато, заросшем растительностью, находится Дос-Асес — первый из немногих приютов, где лесные рабочие и путешественники могут передохнуть. Так ведется на протяжении многих лет. Тропа петляет дальше на восток к Немецкому приюту, и в этом месте земля уже принадлежит Детскому вечному тропическому лесу, который находится под опекой Монтевердской лиги сохранения природы. Тропа идет вдоль реки, пробегая мимо ряда владений с такими именами как Рохас, Алехандро, Эладио и недавно построенный Портлендский Одюбоновский центр. На восточной границе Детского леса находится Лагуна Поко-Сол, крошечное озеро, которое расположено к северу от реки Пеньяс-Бланкас и в 200 метрах над ней. От Поко-Сол грунтовая дорога идет на восток через деревню Сан-Мигель до шоссе. Это

недалеко от деревни Сан-Хосе-де-ла-Тигра в районе Сан-Карлос. Здесь можно сесть на автобус, идущий на север до Ла-Фортуны, неподалеку от основания вулкана Ареналь, или на юг — до городов Сан-Рамон и Сан-Хосе.

Немецкий приют в 1990 г.

К востоку от Поко-Сол воды реки перенаправлены каналом к гидроэлектрической турбине в нескольких километрах отсюда. И теперь мы видим реку, которая выглядит совершенно по-иному. Некогда полная каскадов, бегущая меж скал, пенная река усмирена и превратилась в водохранилище, где вода накапливается в ожидании превращения ее потенциала в гидроэнергетическую мощь, столь нужную стране. Как и в случае со многими крупными водными путями Коста-Рики, на этой реке вполне вероятно появление еще одной плотины. Защитники природы могут контролировать ее истоки, но будущее реки под контролем требований потребителя.

Первая поездка Вольфа в долину Пеньяс-Бланкас состоялась в 1952 году, когда река была в значительной степени еще не исследована. Как он с готовностью признает, это была «любовь с первого взгляда». Огромная пустошь, простирающаяся вниз по восточному склону той же горы, что разрабатывали колонисты Монтеверде, привлекала некоторых из молодых, ищущих приключений квакеров, стремящихся разведать ее глубины.

«Это небольшое пятнышко на гигантской картине творения считалось «страной чудес», которая должна была развиваться и заселяться первопроходцами. Кто бы отказался от посещения земли паукообразных обезьян и диких вепрей? Или от похода по следам тапира и ягуара до реки, где, согласно легенде, есть не только рыба, но и золото! Рассказы, которые мы слышали от нескольких охотников и искателей приключений, прошедших по тропам под крутой скалой, звучали очень увлекательно и достаточно таинственно для того, чтобы заманить молодежь на экскурсию.

Проселочная дорога с наезженными колеями вела нас в гору от самого центра общины мимо участков земли, расположенных на этой высоте, на пастбища братьев Мата. А потом широкая

колея и дорога обрывались. Там начинался дикий лес. Мы пошли по свежепрорубленной тропе, которая петляла вверх и вниз и, в конце концов, привела к гребню континентального водораздела. Я по сей день помню, как мы все время размышляли, шагая по этим тропам, без сомнения оставленным охотниками и исследователями, обрывавшимися внезапно. Куда же он делся, куда пошел дальше тот человек, который их создал!

Возвращались мы тем же путем, и когда поднялись, облака волшебным образом рассеялись. Мы устраивали привал у каждой прогалины между деревьями и смотрели на неровные, покрытые лесом хребты, окружавшие нас. Мы были едины во мнении, что эти виды были самым главным впечатлением экскурсии. А самым главным достижением этого похода было то, что мы повысили свой статус до уровня элиты — людей, посетивших Пеньяс-Бланкас. Я считаю, что мне посчастливилось успеть побывать в этой долине до того, как там произошли изменения.

Дон Рикардо Гонсалес был одним из старожилов-первооткрывателей в Пеньяс-Бланкас. Он и Рафаэль Варгас — первые сквоттеры, предъявившие свои заявки. Дон Рикардо также работал в коммуне у Губерта Менденхолла. Мы стали соседями в 1954 году. Я тогда купил заявку на участок, который мы теперь называем Дос-Асе, на последнем шельфе перед хребтом и спуском к реке. Когда я ходил в Пеньяс, то останавливался в ранчо, построенном Доном Рикардо. Я много чего узнал из его колоритных историй про первооткрывательскую деятельность. Он вырос около Сан-Рамона в кофейном крае. В молодости работал гуртовщиком, доставляя кофейные бобы в своей телеге в порт в Пунтаренасе и перевозя соль на обратном пути. Дон Рикардо был настоящим любителем приключений, который пришел в Пеньяс охотником и полюбил этот край за его красоту. Он научился ходить по всей долине без компаса, без каких-либо карт или чего-то там еще.

В те времена каждая поездка в Пеньяс давала повод осознать уникальность этого района и обширность джунглей. И каждую поездку можно было считать приключением, если не уходить с гребня, всегда передвигаться по тропам животных, потому что они — наиболее оптимальный путь через лес. Иногда мы шли вдоль ручьев вплоть до самой реки Пеньяс-Бланкас. А потом мы прокладывали себе путь уже вдоль реки, не видя никаких следов присутствия человека, но множество следов животных. Мы делали так в течение нескольких лет, оглядывая все окрест, часто купаясь в реке, прежде чем владельцы участков начали выдвигать претензии и делать официальные тропы и дороги.

Я думаю, что это, наверно, было году в 1958, когда я впервые устроился на ночлег на берегу старой реки, прислушиваясь к ее шуму. Луис Антонио Замора и я были первыми, кто поставил перед собой цель идти вдоль Пеньяс-Бланкас до тех пор, пока не достигнем цивилизации. Мы спустились к реке и шли до последней хижины, где и заночевали. На следующее утро отправились на рассвете. Путь наш лежал через заросли. Мы старались рубить как можно меньше, лишь только в тех случаях, когда заросли сплетались в клубок. Мы очень сильно сомневались, что продвигаемся оптимальным маршрутом, и прекрасно понимая, что с большой долей вероятности нам придется отойти назад и слегка изменить направление. Мы продолжали идти по берегу реки то тех пор, пока нам это удавалось. Когда перед нами встали во весь рост скалы, мы поняли, что зашли в тупик, поэтому стали искать путь назад. Мы не ожидали, что сможем идти по тому же самому маршруту, по которому пришли, и понимали, что путь будет непростой. В общем, до лачуги добрались уже при лунном свете. Это был самый дальний переход, который мне удался перед тем, как я покорил весь маршрут. Это все было до 1964 года, когда началась уже кампания с шахтами. Тогда люди из горнодобывающих лагерей недалеко от Сан-Мигель вступили в контакт с теми жителями общин на западе долины, кто столбил участки в Пеньяс. К сожалению я тогда был уверен, что Луис Антонио сможет провести меня по всему маршруту. Но тот выход был последним для него. Он работал в столярной мастерской и однажды, поскользнувшись,

угодил ногой в циркулярную пилу. С той поры походы не доставляли ему радости».

В 1964 году долина Пеньяс-Бланкас открылась для геологоразведки. Канадский филиал гипсовой горнодобывающей компании США, упорно занимающийся поиском месторождений полезных ископаемых и серы, построил на приисках несколько лагерей. Они прорубили широкую тропу через лес, расположенный на южной стороне реки в нескольких километрах на запад от коммуны Сан-Мигель. Центр был в Лагере-3, откуда шла конная тропа. Она поднималась в западном направлении вверх по горе в Лагерь-4. Расстояние между лагерями можно было покрыть пешком за пару часов. Лагерь-3 был разбит на холме с видом на речную долину. Сам лагерь находился на высоте 1000 метров. Река шла ниже, на уровне 540 метров, а позади лагеря возвышались два пика, густо покрытые тропической растительностью. Их высота была примерно около 1600 метров. Участки для Лагерей 1 и 2 находились на северной стороне реки, но они не были столь разработаны, как 3 и 4.

На пике активности канадской компании, в 1964 году, до завершения этого бизнеса в 1968 году, в Лагере-3 было пять зданий и вертолетная площадка. Там располагалась администрация, общежитие, хранилище, оборудование и ремонтная мастерская, а также кухня-столовая. Оборудование было привезено для бурения основных скважин и определения количества и качества залежей серы.

«Горнодобывающая компания намеревалась провести в этом районе пробную выборку в каждом ручье. Многие из них сильно отдавали серой. Компания построила дорогу, которая петляла к их лагерю из деревни Сан-Мигель. Сначала это была обычная тропка, которая пролегла по старым охотничьим тропам. Затем специальная бригада рабочих расширила путь, повысив его статус. И, в конце концов, было построено довольно приличное шоссе. По нему подвозили лесоматериалы, а также всяческие принадлежности и оборудование для более чем восьмидесяти человек, работавших в лагерях. Две большие печи и бурильная установка были разобраны, их перевозились по частям. Двигатель установки сам по себе весил 180 кило. Для его переноски требовались четыре человека — по одному с каждой стороны.

Именно в то время люди с тихоокеанской стороны континентального водораздела встретились с людьми с атлантической стороны. Первый подобный случай произошел так. Несколько человек с геологоразведки горнодобывающей компании из Сан-Мигель с индейкой в руках ввалились в маленькую избушку Ачилино Трехоса и Мигеля Салазара — охотников из Санта-Елены. Их вырубка в долине была дальше всех по сравнению с остальными обработанными участками в Монтеверде. Ачилино был одним из первых людей в долине, у которого имелась грядка тростника.

Ну, вообще-то эту историю надо изложить следующим образом: все были настроены на празднество и пир. Желая быть хорошим хозяином, Ачилино взял принесенную индейку и сварил из нее большую кастрюлю супа. Было уже поздно, и он был не в ударе. Без сомнения, он сам приложил руки к своему собственному вареву. Он добавил картошку и все, что там у него было. Добавил он и немного соли, чтобы придать похлебке должный вкус. Чуть погодя он еще раз попробовал готовящееся блюдо и отметил, что соли маловато. Тогда он добавил еще соли. И опять вкус ему показался не вполне достойным, но он решил, что пора подавать суп на стол. И подал. А оказалось, что он добавлял в суп сахар, а не соль. Если человек достаточно голоден, он легко может выплеснуть сахарное вареву и есть индейку. Но у большинства из присутствующих не возникло такого желания. Вот такой знаменитый суп из сладкой индейки получился. Те из нас, кто был тогда в Пеньяс-Бланкас, до сих пор вспоминают эту трапезу!

Искатели приключений любили пешие походы через долину. В большинстве своем они начинали с подъема в Монтеверде. От рабочих в лагерях они уже слышали о странном

сообществе квакеров. Местные же нашли себе работу внизу в лагерях. Им платили сорок сантимов за перенос фунта груза на спине. Они носили по 45 кг поклажи, может быть, слегка поменьше, если хотели сделать две ходки в день.

Работа в лагерях кипела в течение, наверно, четырех лет. Мне всегда нравилось ходить туда, потому что там были хорошие повара, и они щедро угощали меня: порции были огромные. Это навело нас на мысль, что мы можем заработать немного денег на поставке мяса и овощей. В 1965 году Эладио и его брат Хосе Ангел построили небольшую хижину, которую я использовал как свою базу в течение многих лет. У Эладио все еще есть хижина в тех краях, в двух часах ходьбы от Лагеря-4. Мы и в самом деле думали, что горнодобывающая компания будет разрабатывать месторождение серы, и тогда лагерь превратится во что-то более постоянное. Но война во Вьетнаме прекращалась, и американские войска уже использовали меньше серы для дефолиации сил противника, поэтому цены упали, и никакого развития не случилось. Сера хорошего качества была более доступна в крупных месторождениях вблизи вулканов.

Предполагалось, что в этом регионе может оказаться медь, меньше шансов было на обнаружение золота. Как бы то ни было, я не знаю, что они там нашли. Ничего у них не вышло, и мы были этому рады. Потому что все эти работы уничтожили бы большую часть местности, где обитают тапиры. Сейчас природа тут под защитой, но если бы месторождения полезных ископаемых были достаточно прибыльными, то все выглядело бы иначе.

И все равно это было отличное время. Конечно, люди, которые пришли работать в этих геологических лагерях, сами увидели долину, и увиденное способствовало желанию заполучить участки для самих себя. В 1968 году горнодобывающая компания закрылась и продала какое-то оборудование. Я купил у них туристские коврики и другие вещи, которые мы использовали позже в наших лесных приютах. В Лагере-4 было пастбище; несколько зданий, стоявших около него, были перевезены и использовались сквоттерами как жилье. Остальные здания были разобраны, а то, что осталось, в конце концов, развалилось. Все более-менее ценное было перевезено по дороге, выглядевшей гораздо лучше той, по которой все завозили.

В шестидесятые годы я подружился с Хосе Мария Корралесом, который жил в Сан-Карлосе. Все друзья звали его Кармело. Он являлся в горнодобывающей компании одним из директоров, работающих на местах, и отвечал за геологоразведку в лагерях. Земля, на которой находились лагерь, и права на концессию принадлежали трем партнерам: Марио Эченди, экс-президенту Коста-Рики, Эстелле Кесаде, конгрессмену из Сьюдад-Кесады, и донье Терезе Угальде, местной предпринимательнице. Кармело получил большую часть этой земли в качестве выходного пособия за работу, которую он делал для горнодобывающей компании. В 1969 году мы с Маркосом Варгасом купили у Кармело около ста гектаров земли около Лагеря-4. Я также обрабатывал участок в семьдесят гектаров, который примыкал к участку Эладио. Несмотря на то, что горнодобывающая компания ушла из этих мест, отношения между общинами на противоположных концах долины Пеньяс-Бланкас не прервались.

Теперь трудно себе вообразить, как жили семьи в этих краях много лет назад, когда повсюду были дороги лишь для гужевого транспорта. Алехандро Гарсия был одним из моих друзей, чей дом был в центре Пеньяс. Он всегда встречал нас чашкой кофе. Я помню, как он рассказывал о своей мельнице и о нескольких разновидностях сахарного тростника, с которыми любил экспериментировать. Он был искренне заинтересован в развитии общины в Пеньяс-Бланкас. Его первая жена и четверо их детей погибли под оползнем в 1973 году. Они построили новый дом между двумя речушками. Во время сильного ливня грязь и стволы упавших деревьев перекрыли реку над домом, и когда эту плотину прорвало, вода мощным

потоком смела их дом. Алехандро и один из его сыновей выжили только потому, что их в тот день не было дома. Я доставлял лекарства пострадавшим от оползней и присоединился к участникам печального похода вниз для поиска тел погибших. Это была наша общая для коммуны Пеньяс-Бланкас трагедия.

Я даже не смогу сосчитать, сколько же часов мы с Эладио Крузом провели в переходах по лесу еще с самых первых дней работы в заповеднике, а потом в течение многих лет походов через Пеньяс и за пределами долины. Мы гостили у необычных людей, живущих в отдаленных закоулках. На каких только полах мы не спали. А сколько историй выслушано! Мы также делились рассказами о своих приключениях. Однажды мы вышли из Монтеверде, надеясь добраться до Сан-Мигель на закате. Мы дошли туда и остановились в доме друга Эладио. У меня болел желудок, поэтому хозяин предложил, чтобы мы у него переночевали. Единственным местом, где можно было спать, был брезент в погребе, что мне не очень-то глянулось, поскольку я чувствовал себя неважно. Эладио велел своей дочке, которой было не больше 12—13 лет, приготовить для нас горячую пищу. Девочка приготовила зеленые бананы, которые вовсе не принесли облегчения моему желудку.

Пока она готовила, хозяин поделился с нами своей печальной историей. Он объяснил, почему готовит еду его маленькая дочь. Его жена умерла не так давно, поведал наш гостеприимный хозяин, опустив низко свою голову. И как будто этой трагедии было мало; судьба подбросила ему еще одну неприятность — на его пастбище тогда же сдох молодой бычок. Это само по себе было трагедией для крестьянина. Но он продолжал, понурился, и с болью в голосе сказал: «А потом, когда я вернулся на ферму, я обнаружил, что потерял еще и мула». Потеря этого мула была для него уже чересчур.

Мы должны были встать рано утром, чтобы еще час идти до автобусной остановки за Сан-Мигель. Автобус прибывал в 5 часов утра. Единственное, что у нашего гостеприимного хозяина служило будильником, был его радиоприемник, настроенный на Radio Musical, живенькой костариканской радиостанции, которая играла приятные мелодии и сообщала время 24 часа в сутки. Наш заботливый хозяин включил приемник около часа ночи и стал слушать, пытаясь понять, сколько сейчас времени. Конечно тем самым он разбудил нас, потому что звук радио доносился до того места, где мы пытались заснуть. Наш хозяин обнаружил, что нужное время еще не настало, поэтому он выключил приемник и снова заснул. Мне так кажется, что радио в ту ночь включалось приблизительно через каждые полчаса. А еще там был маленький ребенок, который болел, плакал и всю ночь кашлял. От всего этого мы встали еще более уставшие, чем когда ложились спать. Но жаловаться грешно, поскольку все же человек предоставил нам место для ночлега.

В августе 1975 года мой сын Томас женился на Линди Макссон и провел с ней медовый месяц в Пеньяс-Бланкас. Именно тогда людям в Пеньяс пришла по нраву идея устройства школы для семей, которые проживают в этом районе. Томас и Антонио, мой второй сын, разрабатывали участок земли на южном берегу реки. Жизнь в Пеньяс-Бланкас была непростой для владельцев хозяйств. Климат был слишком влажным для успешного ведения сельского хозяйства. Дождь вымывал питательные вещества из почвы, и потому земля могла дать урожай один раз в течение пяти лет или около того. Почва страдала от эрозии. В конце семидесятых и в восьмидесятые годы приоритетом для владельцев здешних хозяйств было улучшение дороги, которая шла через заповедник в долину. А для Тропического научного центра приоритетом было закрытие дороги. Его сотрудники хотели предотвратить вырубку деревьев и получение древесины, поэтому ограничивали доступ к дороге».

В то время как поселенцы в долине продолжали рубки и расчистки, строили бесхитростные домики, для живущих выше на горе реальностью становился новый подход к земле. Идея сохранения обрела силу и поддержку и распространялась на весь лес. В 1970-е

годы заповедник туманного леса «Монтеверде» стремился скупать землю, чтобы предотвратить дальнейшую вырубку. Вольф работал в заповеднике, проводя замеры участков и расчищая тропы, и он все больше и больше ходил по долине Пеньяс-Бланкас. У него были хорошие отношения с поселенцами в этом районе, хотя они и не обязательно разделяли его новые идеи о сохранении дикой природы. Но кто мог противостоять этому дружелюбному, полному энтузиазма гостю, о прибытии которого возвещали его шаги и размеренное уханье «хоп-хоп»? Он всегда был готов поделиться историями и шутками в обмен на чашку кофе.

«Горнодобывающая компания проводила свои исследования вблизи большого пруда Лагуна Пальмиталь, находившегося к югу от Лагеря-3. Наслышанные об этом, мы с Джорджем Пауэллом в 1973 году как-то собрались и отправились туда в поход, чтобы посмотреть, как выглядит этот район. Это было непростое путешествие. Первая ночевка у нас была в одном из полуразвалившихся зданий в Лагере-3. К следующей ночи мы добрались до этой самой лагуны. Нас там все сильно впечатлило. Мы были довольны тем, что предприняли поход. То была страна тапиров. Повсюду имелись явные признаки присутствия тапиров — по всему району Лагеря-3 и около верховья ручья, который мы назвали Эль-Портал.

По дороге к лагуне мы слышали, как собаки преследуют животное. Джордж хотел посмотреть, сможем ли мы отогнать псов, но в этом месте нам не удалось приблизиться к ним. Мы провели ночь возле небольшого озера, после чего у нас был трудный день исследования окрестностей. Стараясь поспеть в Сан-Мигель, мы шли до самого наступления темноты. По дороге мы прошли мимо дома, где недавно был убит тапир: его мясо было подвешено, были видны копыта и шкура. Оказалось, что это была беременная самка, которая, спасаясь, вошла в небольшой водоем, но стала легкой добычей. Такое вот очень печальное событие в конце нашего путешествия.

В 1976 году я впервые отправился через заповедник и долину Пеньяс-Бланкас к Лагуне Поко-Сол, которая в то время была частью действующей плантации-гасиенды. Меня сопровождал Чико Мата, который работал в заповеднике. Мы шли по тропе к Сан-Мигель по южной стороне реки через то, что оставалось от горнодобывающих лагерей. Переночевали мы у семьи Кастро, жившей в нескольких часах ходьбы от Лагеря-3. Они сказали нам, что в Поко-Сол на другой стороне реки проходит семейный праздник — фиеста. Рядом с Сан-Мигель был узкий вантовый мост, который пересекал реку Пеньяс-Бланкас. Лагуна была хорошим местом для прогулки по северному склону. Мы встретились с парнем, который шел на фиесту. Он провел нас через пастбища по тропе, которая была самым коротким путем к месту вечеринки.

Пришли на мероприятие мы слишком рано, хотя традиционная свинья уже была разделана, а наш спутник принес с собой домашнее пиво. Решили ждать, пока не будут готовы первые порции чичаррон. Пока ждали, я и Чико выслушали несколько рассказов по истории Поко-Сол. Но все равно нам пришлось уйти до того, как вечеринка действительно развернулась, когда местные семьи прибыли со своей музыкой и напитками и, без сомнения, вновь пришедшие принесли с собой еще много еды.

Я ранее много слышал о Лагуне Поко-Сол, но увидел ее первый раз. Я тут же прикинул размеры озера. На мой взгляд, оно охватывало площадь около четырех гектаров. Мне стало ясно, что у озера хороший потенциал. Оно может привлечь людей, желающих купаться. В нем водились тилапии, причем в больших количествах. Наличие и женских, и мужских особей гарантировало изобилие мелкой рыбы в озере. У местных не хватало терпения для ловли рыбы. В то время гасиенда принадлежала человеку, живущему в Сьюдад-Кесаде, который мало что делал с пастбищем. И там было много леса. Все это произвело на меня сильное впечатление, надолго оставшееся в моей памяти».

Лагуна Поко-Сол

Когда в 1977 году правительство Коста-Рики основало лесной заповедник «Ареналь», Тропический научный центр помимо ограничений в отношении дороги в Пеньяс-Бланкас добавил еще одно ограничение. Целью заповедника «Ареналь» была защита бассейна реки, который снабжал озеро водой. Он был создан в середине 1970-х годов, когда на реке Ареналь была построена гидроэлектростанция, расположенная к северу от вулкана Ареналь. Помимо обеспечения электроэнергией, озеро Ареналь обеспечивало водой систему орошения, которая питала засушливую низменность Гуанакасте. С созданием лесного заповедника «Ареналь» 18 000 гектаров леса, окружающего реку Пеньяс-Бланкас и простирающегося на север, попадали под защиту строгого закона о лесном хозяйстве. Это приветствовалось природоохранными организациями, равно как приветствовалось и обещание властей выкупить претензии сквоттеров, предъявленные ими в этом районе. Но власти не выполнили свое обещание. К концу семидесятых многие из заочных землевладельцев долины отказались от своих требований, в то время как другие продолжали незаконно вырубать деревья. Охотники по-прежнему сидели в засадах на тропах тапиров, а в Семана-Санта на пасхальной неделе люди незаконно рубили пальмы, чтобы собрать пальмито, традиционную пасхальную еду.

Теперь биологи занимались изучением дикой природы уже не только в заповеднике туманного леса. Они узнали о большом разнообразии видов птиц и растений в долине Пеньяс-Бланкас. По мере публикации их отчетов, научные сообщества и орнитологи-любители начали все больше интересоваться регионом. Им самим уже захотелось увидеть невероятную флору и фауну этого района. Так Пеньяс-Бланкас становится тем местом, где шла борьба между добром и злом, между вырубками и сохранением дикой природы.

К началу 1980-х годов община в Пеньяс-Бланкас стала давить на власти, требуя улучшить дорогу или выкупить их участки земли. В то же время Тропический научный центр умерил свой энтузиазм в деле приобретения объектов за пределами заповедника туманного леса, что огорчало землевладельцев в Пеньяс. А еще люди проводили вырубки, незаконно расчищая

землю в районе Сан-Херардо, небольшого поселения на атлантической стороне континентального водораздела в нескольких километрах к северу от долины Пеньяс-Бланкас, но все же на территории лесного заповедника «Ареналь». На тихоокеанской стороне континентального водораздела оставалось все меньше и меньше лесов, потому что землю около Монтеверде очищали для развития сельского хозяйства.

В июне 1985 года группа озабоченных жителей Монтеверде, в том числе биологи Билл Хейбер, Виллоу Жуковский, Алан Паундс и Ричард Лавал, а также землевладельцы Джон Кэмпбелл, Боб Лоу и Вольф начали обсуждать, как их общине реагировать на продолжающиеся вырубки в районе. Среди других проблем была и такая: Монтеверде продолжает разрастаться, и надо было смекнуть, что же будет с местными водными ресурсами.

В том же году 27 декабря после ряда предварительных встреч была сформирована Монтевердская Лига сохранения природы, в которую вошли 22 члена-учредителя. Задача лиги заключалась в сбережении тихоокеанских лесных склонов, сотрудничестве с Тропическим научным центром, спасении находящихся под угрозой исчезновения участков атлантического склона, содействии восстановлению лесов и экологическому образованию, а также политическим акциям, нацеленным на защиту лесных территорий. Лига немедленно начала кампанию по сбору средств для покупки земельных участков. В первую очередь имелись в виду земли долины Пеньяс-Бланкас.

«Уже один только факт создания Лиги сохранения природы можно было считать чудом. В нее входило довольно много людей. Работа в ней требовала большого объема времени и немалых усилий. Соединило всех вместе сочетание нескольких факторов, в том числе, международный интерес к сохранению тропического леса и развитие, которое происходило и у нас самих. Биологи предложили собраться местной коммуне. Они хотели понять, что могут сделать люди самой коммуны для обеспечения защиты животных и воды в окружающей нас местности. Ограничение рубки деревьев также было нашим приоритетом. Лига стала важной частью дела охраны и консервации в нашей коммуне.

Во время первых дискуссий я думал, что, пожалуй, останусь вне лиги. Было похоже, что там будут в основном биологи. Я думаю и действую не настолько сосредоточенно или дисциплинированно, как они. Я склонен к более широким философским взглядам; это отличается от того, что я мог бы назвать туннельным видением, характерным для ученых. Например, некоторые из ученых считали, что охраняемый лес должен быть доступен только для студентов, которые будут проводить там исследования. А я всегда считал, что земля должна быть защищена, но открыта для всех, кому это интересно, особенно для граждан Коста-Рики. Однако я чувствовал, что смогу помочь, потому что уже занимался созданием других организаций, и у меня было много контактов и знакомств в этом районе, а также в Сан-Хосе.

Сильное впечатление на меня произвел тот факт, что Лига обращала внимание в первую очередь на восстановление леса. Она была заинтересована в том, чтобы помочь молочным фермерам и производителям кофе улучшить производство на их земле. Речь шла о посадке лесополос, поскольку земля здесь страдает от сильного ветра и дождя. Это приводит к сильной эрозии и негативному воздействию — как на урожай, так и на скот — что ведет к снижению производства. Был также план проведения экологического просвещения в окрестных поселениях. Мне понравилось, что все это было полезно для широкого круга людей, поэтому я поддержал Лигу и стал ее первым вице-президентом.

Идея покупки земли в Пеньяс-Бланкас шла от Майкла и Патриши Фогден, наших знаменитых фотографов. В середине 1980-х годов они в Пеньяс изучали солнечных цапель. Целыми днями в течение нескольких недель они терпеливо наблюдали за гнездом солнечной

цапли, на ночлег же они отправлялись в хибарку Эладио. В их распоряжении была маленькая однокомнатная пристройка, потому что в основной комнате жила семья землевладельца. Семейство это было занято захватом заброшенных владений, вырубкой вторичного леса, и в то же время они с энтузиазмом работали над расширением коммуны в Пеньяс-Бланкас. Ежедневно Фогдены могли видеть, как плоды этой деятельности оказывают влияние на окружающий лес. Однажды семейство приготовило зонтичную птицу на ужин, и, когда они подали ее на стол, Фогдены были сильно огорчены. Убивая эту птицу, люди знали, что Фогдены и другие натуралисты занимались изучением этого вида.

Когда Фогдены вернулись в Монтеверде, они доложили о количестве вырубленных деревьев и выразили свою обеспокоенность тем, какое может быть будущее у различных видов птиц, если разработка этой местности продолжится. Поскольку я был знаком с подобной ситуацией на собственном опыте, я поддержал их опасения перед членами Лиги сохранения природы. В результате этого Лига решила сконцентрировать свое внимание на защите леса в Пеньяс-Бланкас. Трудно недооценить важность исследования Фогденов и особенно фотографии, сделанные ими. Их надо благодарить за то, что мы все еще можем видеть неистребленные популяции уникальных видов птиц и млекопитающих в Пеньяс.

Фогдены внесли большой вклад в кампанию лиги по защите Пеньяс-Бланкас — сначала своей важной информацией о том, что происходит в долине, а затем своими фотографиями для слайд-шоу, показанном в отеле «Кетцаль». Слайд-шоу было своеобразным уроком естественной истории для посетителей, а посетители, в свою очередь, внесли вклад в кампанию. Патриша приложила много энергии для распространения этой информации. Она проводила бесчисленные вечера, показывая слайд-шоу в местных отелях, и таким образом собрала большую сумму денег для лиги. Один вечер с ее выступлением принес 100 000 долларов поступлений, что является свидетельством убедительности ее пассионарной натуры».

По мере того, как сбор средств набирал обороты, его результаты становились все более успешными. Всемирный фонд дикой природы в Канаде провел широко известную поакровую кампанию «Сохраним тропический лес». Организаторы из Фонда давали сертификаты на каждое пожертвование в размере 25 долларов США. В этом документе говорилось, что сей жертвователь защитил один акр тропического леса. В 1986 году Билл Хэйбер, первый секретарь лиги, договорился о гранте, согласно которому Всемирный фонд дикой природы в США пожалует 25 000 долларов, когда аналогичную сумму соберет лига. Эти деньги Лига использовала для покупки земель, причем начали с Пеньяс-Бланкас.

«Первым человеком, который продал свою землю в Пеньяс с целью защиты этого района, был мой давний друг Эладио Круз. Он уже сотрудничал с заповедником и верил в сохранение. Он надеялся таким образом подать пример другим землевладельцам в Пеньяс. Сборы средств были проведены группой орнитологов во главе с Марком Смитом в рамках Портлендского Одюбоновского общества, а также Фогденами и Бобом Лоу при помощи слайд-шоу, которые они показывали туристам. Средства были переданы в Тропический научный центр, который купил участок у Эладио. Это было в самом начале славных дел, когда Тропический научный центр и Лига работали совместно. Но участок Эладио был единственным куском земли в той части долины, которая была куплена Тропическим центром. Затем взаимоотношения между различными участниками проекта усложнились. Это случилось, когда начали поступать деньги, и Лига стала покупать большие участки в Пеньяс.

Между Лигой и Тропическим научным центром было неписаное соглашение о том, что Лига будет привлекать средства и покупать землю в Пеньяс-Бланкас. Затем они должны были передавать это в Тропический научный центр, ответственностью которого была долгосрочная

защита этого района. Тропический научный центр не должен был участвовать в переговорах по закупкам, пока Лига собирает средства.

Кампания по приобретению земли действительно активизировалась, как только была организована лига, и начали поступать средства. Первоначально мы нацелились на тридцать или более заявок сквоттеров. Лига предприняла все меры для совершения земельных сделок здесь — в Монтеверде или в Пунтаренасе. Это отличалось от прежней практики, когда земли для заповедника туманного леса покупал Тропический научный центр, и каждый землевладелец должен был ехать в Сан-Хосе для передачи своих документов.

Прежде чем мы начали делать покупки, к нам пришел Мигель Анхель Овьедо, у которого был опыт оценки лесных земель, где не было прав на владение. Он ездил в Пеньяс и тщательно готовился там: оценивал участки, узнавал цены в банке. Его отчеты лежали в основе всех приобретений, сделанных Лигой. У меня была полная уверенность, что все будет идти хорошо.

Я работал в заповеднике туманного леса от Тропического научного центра, а в 1986 году вошел в правление Лиги. После того как началось приобретение земель, я стал работать в Лиге как наемный от Тропического центра сотрудник. С самого начала я настаивал на том, чтобы Лига работала с деньгами, предназначенными для покупки земли. Я полагал, что люди, живущие в Монтеверде, создавшие Лигу, должны распоряжаться деньгами, которые они собирали с таким трудом. Тем не менее, Тропический научный центр продолжал настаивать на том, что в Монтеверде нет никого, кто мог бы управлять процессами, связанными с покупкой земли. Это возмутило многих. В Монтеверде люди говорили, что Тропический центр не очень хорошо управляет заповедником, и что это может быть сделано лучше людьми из коммуны. Я был с этим согласен.

Конфликт разразился на встрече в Сан-Хосе, где присутствовали представители Лиги, Тропического центра и организации «Охрана природы». Последняя была основным сборщиком средств. Тропический центр хотел получить средства, которые поступали, потому что они получали деньги и раньше и чувствовали, что у них есть опыт, чтобы все делать правильно. А тут вдруг появилась эта выскочка, Монтевердская Лига сохранения природы, как черт из табакерки, у которой не было ни опыта, ни контактов для того, чтобы участвовать в обширных закупках земли. Представитель организации «Охрана природы» считал, что Тропический центр является очевидной организацией для занятия финансами, поскольку у них есть приличная история. Но Билл Хэйбер, представлявший Лигу, сказал, что если Лига будет и дальше собирать деньги — а это им отлично удавалось — то они должны эти деньги и распределять.

Надо сказать, что у Билла были основания подвергать сомнению способность Тропического центра правильно работать с собранными средствами, о чем он и заявил на собрании. В прошлом у Билла и Тропического центра уже была история: в ходе одной из недавних проверок бухгалтерского учета была найдена ошибка. Я непосредственно был вовлечен в эту историю, поэтому знал, что вопрос Билла совершенно справедлив. Подобные ошибки случались и у других. После подтверждения факта ошибки Тропическому центру пришлось извиниться перед теми, в отношении кого они ошиблись.

Правление Лиги после прошедшего собрания решило продолжить сбор средств и покупать земли, работая независимо от Тропического научного центра».

Самая впечатляющая кампания по сбору средств была начата в 1987 году в Fagerviks School, шведской начальной школе, расположенной в сельской местности. Там побывал американский биолог Шарон Кинсман, показавший слайд-шоу, в котором были запечатлены красоты тропического леса и отражена угроза исчезновения лесов. Дети приняли будущее

тропических лесов так близко к сердцу, что решили собирать деньги для спасения этих лесов, организовав сбор средств через продажу выпечки и показ школьных спектаклей. Сначала они смогли поддержать собранными деньгами покупку шести гектаров земли. Но решили не останавливаться на достигнутом. Они продолжали фандрайзинг сами, да еще и агитировали собирать средства детей по всей Швеции. Тогда власти Швеции, в свою очередь, согласились вложить денежные средства, равные по сумме деньгам, собранным учащимися. В первый год школьники Швеции собрали 100 000 долларов. Эха Керн, учительница школы Fagerviks, и ее муж Бернд создали некоммерческую организацию Barnens Regnskog («Детский тропический лес»), чтобы получать пожертвования и передать их в Монтевердскую лигу сохранения. В период с 1988 по 1992 год из Швеции в Монтеверде было отправлено 2 000 000 долларов США. Средства были использованы в проводимой Лигой кампании в Пеньяс-Бланкас — сначала для покупки конкретных участков, а затем еще и для приобретения дополнительных земель.

По всему миру стали появляться организации, собирающие средства для защиты тропических лесов. В 1987 году Шарон Кинсмен вернулась из своей поездки в Швецию и сформировала организацию The Children's Rainforest U.S. («Детский тропический лес», США) Через год Брюс Калхаун дал старт основанной в Висконсине учителями и школьниками организации Save the Rainforest («Спасем тропический лес»), деятельность которой была посвящена сохранению тропических лесов. В Англии Тина Джоллифф основала Children's Tropical Forest U.K. («Детский тропический лес», Великобритания) и успела до своей смерти от рака в 1992 году собрать 160 000 долларов. Эти и другие организации в Канаде, Соединенных Штатах, Японии и Германии начали совместную работу в рамках Международной сети детских тропических лесов и внесли значительный вклад в защиту тропических лесов в Белизе, Панаме, Эквадоре, Таиланде и, конечно же, в Коста-Рике.

В 1988 году Билл Хэйбер договорился, чтобы Лигу включили в первую программу о замене долга на вклад в защиту природы в Коста-Рике. Печально, но факт то, что развивающиеся страны обременены растущими внешними долгами. Ухудшение ситуации с окружающей средой приводит к тому, что страны, стремясь снизить свою задолженность, эксплуатируют свои природные ресурсы. В то же время программы сохранения и защиты природы в этих странах либо отсутствуют, либо теряют некогда доступное финансирование. Замена долга на финансирование охраны природы позволяет таким организациям, как «Охрана природы» и Всемирный фонд дикой природы, взять на себя часть долга развивающейся страны. Они покупают долг у банка-кредитора, который нередко расценивает шансы на погашение долга как невысокие и готов продать этот долг на вторичном рынке с дисконтом. Долг снижается по стоимости и конвертируется в местную валюту, которая удерживается коммерческим банком в стране-должнике. Согласно соглашению, деньги должны использоваться для финансирования местных природоохранных мероприятий и программ защиты окружающей среды. В очень многих странах биологическое разнообразие сильно выиграло от этой системы с момента ее первого появления в 1984 году в Боливии. За пять лет замена долга на защиту природы принесла Монтевердской лиге сохранения природы более 200 000 долларов.

Адриан Форсайт — известный канадский биолог и автор нескольких книг по естественной истории, в том числе тома «Тропическая природа и портреты тропического леса», в котором используются снимки Патриши и Майкла Фогден. В 1978 году он получил степень доктора философии по тропической экологии в Гарвардском университете, проведя полевые исследования в Коста-Рике. Доктор Форсайт впервые посетил Монтеверде в 1970-х годах и прожил там много лет. Начав свою карьеру как ученый и преподаватель, интересующийся изучением биологии, он посвятил тридцать лет работе с природоохранными организациями, уделяя особое внимание защите тропических лесов. Форсайт сыграл важную роль в деле

получения существенного финансирования через Канадское агентство международного развития и Всемирный фонд дикой природы Канады для проектов по восстановлению лесов, экологическому образованию и устойчивому развитию в Монтеверде.

Монтевердская Лига сохранения использовала щедрые пожертвования, которые поступали со всего мира, чтобы приобрести земли в долине Пеньяс-Бланкас. В 1988 году Лига дала название этой охраняемой территории Боске-Этерно-де-лос-Ниньос (BEN), что означает «Детский вечный тропический лес». Это имя было присвоено участку в 554 гектара земли, который квакеры обрели в 1951 году, и дано оно было за большой вклад в благородное дело детей со всего мира. По мере получения средств Лига продолжала приобретать земли, граничащие с заповедником туманного леса и Национальным парком вулкана Ареналь, который был создан правительством в 1991 году. К 1998 году BEN уже охватывал 18 000 гектаров, что делает его крупнейшим частным заповедником в Центральной Америке. В нем есть как первичный, так и вторичный лес, долины и горные хребты, а также родниковые ручьи, которые текут в реки, расположенные как на атлантическом, так и на тихоокеанском склоне гор Тиларан. В границах BEN было обнаружено более пятидесяти процентов видов позвоночных Коста-Рики, в том числе 60 видов земноводных, 100 видов рептилий, более 400 видов птиц и 120 видов млекопитающих. Детский вечный тропический лес — результат напряженной работы тысяч детей и взрослых во всем мире, многие из которых никогда не имели возможности увидеть это огромное биоразнообразие и природное величие.

«Благодаря невероятно успешному сбору средств Лига смогла приобрести не только землю в Пеньяс-Бланкас, но и участки возле вулкана Ареналь и дальше на юг, вплоть до самого лесного заповедника Сан-Рамон. Комитет по закупкам, состоящий из Джованни Белло, Боба Лоу и меня, делал работу по-своему, ведя переговоры от имени Лиги напрямую с землевладельцами. Мы договаривались, проводили замеры и осуществляли транзакции. Я знал, чего стоят труды хозяев землевладений, сколько пота было пролито ими на своей земле за годы, потраченные на расчистку, и понимал, какой вложен труд в улучшение их участков, хотя мы больше не рассматривали это как «улучшение». Дело в том, что Лига платила больше за земли с вырубками и сооружениями, чем за земли с лесом, хотя нам-то и нужен был первичный и вторичный лес, который мы сохраняли как наиболее ценное и хотели защищать. Все получалось очень неплохо, поскольку мы знали людей в Пеньяс-Бланкас и могли оценить их тяжелый труд по справедливости. Все пошло совсем по-другому, когда мы стали закупать земли за пределами Пеньяс-Бланкас, в тех местах, где землевладельцы были нам не знакомы. А потом мы еще занимались сквоттерами и спекулянтами, у которых, полагаю, было другое отношение к земле. Они иногда жульничали и искажали границы своих участков, и работать с ними было довольно трудно.

В некоторых документах на право собственности границы были установлены хорошо, но в целом границы были очерчены весьма приблизительно. Нам нужно было найти и соседей, и людей, чью собственность мы покупали. Одной из наших трудностей было то, что многие участки принадлежали отсутствующим владельцам, людям, которые не уделяли внимания разграничениям и размежеванию собственности. Бывали случаи, когда мы полагали, что уже купили этот участок земли, но приходилось платить за него еще раз, потому что участки перекрывали друг друга, или появлялись два хозяина, претендующих на один и тот же кусок земли. Какие-то ошибки, сделанные нами, были неизбежны, другие произошли из-за нашей небрежности.

Наша работа требовала проведения многих часов в лесах, большого терпения. Нужно было, чтобы люди, с которыми мы совершали сделки, доверяли нам. От нас требовалось принимать на веру то, что эти люди говорили нам. Проблемы появлялись тогда, когда исчезали доверие и вера, но в то же время нам нужно было продолжать делать наше дело, во что бы то ни стало. Если бы землевладельцы не поверили в то, что мы делаем и не сотрудничали с нами, нам бы

никогда не удалось приобрести участки, которые мы смогли купить. Земли мы купили в два раза больше, чем первоначально планировали, и все это произошло за очень короткий промежуток времени.

Я бы не стал этим заниматься, если бы не верил, что люди, с которыми мы имели дело, были честными. Я очень старался убедить владельцев хозяйств, что лучшее, что мы можем сделать для грядущих поколений и для себя, это сохранить лес. Я убеждал их, что они могут выручить деньги за их фермы и леса и инвестировать эти деньги в другое дело ради будущего своей семьи. Мы также выполняли постановление правительства о защите леса, отдавая его в руки природоохранных организаций.

В девяностые годы Тропический научный центр продолжал оказывать давление на Лигу, чтобы та передала право на владение землей, купленной во время кампании Пеньяс-Бланкас. Речь шла о больших площадях. Но согласие между Лигой и Тропическим научным центром достигнуто не было. Лига все еще вела переговоры о передаче земли, но мы ставили условием свое желание видеть определенные изменения в менеджменте. Тропический же центр не желал принимать никаких условий, поэтому передача так никогда и не состоялась.

В 1998 году Тропический центр сообщил мне, что они планируют инициировать судебные иски против Лиги. После десяти лет, проведенных в бесполезных переговорах, их иск затянулся бы еще на четыре года. Я чувствовал себя в ловушке. Когда они решили обратиться в суд, я написал письма организациям, Тропическому центру, Лиге, в которых выразил свои глубокие опасения. Мои убеждения квакера говорят мне, что конфликты должны решаться на основе консенсуса. Я не верил, что судиться друг с другом — это то, что может решить проблему. Я понимал, что мы столкнемся с долгими трудными переговорами. Уже было много встреч, на которых обе стороны пытались прийти к соглашению. Я был убежден в соответствии с моей верой, что правильное решение можно найти, работая вместе с доброй волей, проявленной обеими сторонами, стремящимися к достижению взаимоприемлемого решения. Я заявил, что по своей воле я не буду давать показания в суде. Меня и не попросили высказываться.

К чести всех участников конфликта он был окончательно разрешен в 2001 году. Тропический центр отозвал свой иск, а Лига сохранила право собственности на земли, купленные в Пеньяс-Бланкас. Теперь Центр нес ответственность только за земли, которые они приобрели изначально, приблизительно 5 180 гектаров. Остальные 5 300 гектаров, которые Лига купила в течение кампании Пеньяс-Бланкас, находящиеся в управлении заповедником в 1990-х годах, были возвращены в попечение Лиги. Детский вечный тропический лес теперь охватывает 22 000 гектаров. Таким образом, Лига и заповедник теперь находятся в добрососедских отношениях. В наши дни эти две организации вместе работают над разработкой плана управления, который они могут совместно исполнять во имя будущего охраняемых лесов.

Я не был напрямую связан с программой Лиги, кроме того что я помогал им при покупке земли. Что делал я? Сопровождал многочисленных волонтеров и посетителей в долгих прогулках по тропическим сплетениям, по местам, где не было необходимости в восстановлении леса. Я вел свою собственную программу естественной истории для любого, кто хотел бы следовать за мной и вместе со мной пить кофе на тропе.

Сейчас у меня есть время, я на реке и могу размышлять о том, что значило для меня время с Брюсом Калхауном, нашим другом, работающим в организации «Спасем тропический лес». Мне нравилось слушать его, когда он высказывал идеи, как спасти тропический лес, о том, что хорошо было бы приводить сюда детей в походы, чтобы они могли узнать этот лес получше. Я считал за честь ходить с ним по лесным тропам и вести разговор о нашем взаимном интересе к тропическому лесу, о том, как мы ценим этот лес. Мы часто шли вместе

и рассуждали, как наши мечты станут реальностью. Общение с Брюсом для меня было очень приятно, я буквально впитывал его энтузиазм.

Птицы все сильнее начинают кричать и клекотать, но еще не так шумно, как это бывает в сезон гнездования. По сравнению с тем сезоном сейчас тут еще довольно тихо. Я слышу нескольких крапивников и мухоловку. Это мои старые друзья. Вчера один мужик во время прогулки обнаружил несколько свежих следов, появившихся после дождя, вероятно, рано утром. По тропе шла пума, следившая за стадом диких свиней, которые что-то ели возле банановой рощицы у Рохаса. Как бы то ни было, но всегда приятно узнать, что, по крайней мере, некоторые из моих четырехногих друзей все еще здесь.

Еще я увидел змею, но это не бог весть какая удивительная история, потому что сей гад не был ядовитым. Это была юная черная змея с треугольником на спине, яркая и сверкавшая на тропе. Они выглядят так, как будто их слегка покрыли черной ваксой для обуви. Эта змея с сегодняшнего утра была единственной, попавшей в поле моего зрения, хотя я вполне допускаю, что меня могли видеть две или три змеи подобного вида, но мне удалось их миновать».

О том, как на местное сообщество повлияли новые идеи, которые внедрялись в Монтеверде, рассказывает Фермин Аргедас, выросший здесь и с большим интересом наблюдавший за изменениями, происходящим в этом районе.

«Понемногу местные жители начали понимать, что такое сохранение, хотя некоторые люди, вероятно, до сих пор этого до конца не понимают. Я думаю, что чудо случилось именно тогда, когда Лига помогла нам посадить деревья. Тогда-то мы, как сообщество, начали понимать, что вокруг происходит, и что идея сохранения, консервации леса была правильной. Эта программа была очень убедительной. На моей ферме сильно дуют ветра. У меня есть небольшая мастерская, и я должен был привязать ее крышу тросами, чтобы ветер не оторвал. Я посадил много деревьев. Теперь, когда мы гораздо более защищены, у нас появился сад, и ветер уже не столь губителен для нас.

А еще деревья защищают родник на моем участке земли. В этой области есть несколько рек, в которых раньше было много воды, в мои молодые годы. А теперь только река Гуасимал, несущая свои воды из региона, где лес не был срублен. Только эта река не пересыхает в сухой сезон. Остальные высыхают. Это сильно помогло мне поверить в то, что деревья лучше сохранять, чем срубить.

Потом мы увидели, что появились туристы. Через лес шли тропы, и вдоль них стояли красивые огромные деревья. Тысячи людей приезжали, чтоб посмотреть на деревья. Если бы мы их срубили, у нас, возможно, был бы новый дом, но этих деревьев у нас бы не было. Получается, что теперь продавать это дерево можно тысячу раз. И это только при условии, что вы его не срубили».

В начале 1980-х годов на восточном конце долины Пеньяс-Бланкас, там, где река прощается с Детским вечным тропическим лесом, разрабатывалась территория вокруг Лагуны Поко-Сол. Затем там случилась смена владельцев, и новые хозяева завезли сотню голов крупного рогатого скота. Они вырубали деревья и построили небольшой крытый загон, который забили пиломатериалами. К середине 1980-х годов вырубка прекратилась, и скот исчез. Вольф часто бывал в Поко-Сол, когда ходил через Пеньяс, и всегда думал о том, как творческое мышление и преданность делу, подкрепленные упорным трудом, могут изменить этот оазис в джунглях, в месте, которое всегда очаровывало его. В 1989 году Вольф оказался втянутым в одно дело в Поко-Сол, которое оказалось испытанием для его авторитета, проверило на прочность его брак и его репутацию.

«Мой интерес к Лагуне Поко-Сол подрастал каждый раз, когда я ее видел. Мне бы очень

понравилось иметь один гектар земли для коттеджа у такого вот озера. Участок был размером 300 гектаров, с лагуной и тремя водопадами. Там еще были горячие источники, с серной глиной, похожие на горшки; мы их называем *вулканчильос*, вулканчики.

Как-то одной прекрасной ночью лежал я на пачке пиломатериалов в Поко-Сол, и благоухания душистой цедрелы усыпили меня. Поутру, когда я проснулся, мне стала совершенно очевидна уникальность этого места и широкие перспективы его будущего. И у меня появилась мечта, что Поко-Сол сможет быть небольшим, хорошо организованным местом для отдыха, привлекательным для местных жителей как участок для пикников в выходные дни.

Сам я не планировал участвовать в развитии Поко-Сол, но начал продвигать свою мечту. Мне в голову пришла мысль, что семья Корралес, которая продала Лиге свою землю в Пеньясе за значительную сумму, могла бы быть заинтересована в покупке этого участка. Это семейство в целом поддерживало идею защиты леса. В результате проведенной мною разъяснительной работы Кармело Корралес заключил сделку с владельцами Поко-Сол по очень разумной цене около 50 000 долларов США.

В тот день в 1989 году, когда Кармело отправился вместе с владельцем за соглашением о покупке, я пошел с ними. Когда этот документ составляли, я сказал, что тоже готов поставить свою подпись на нем. Через пару месяцев я узнаю, что Кармело не успел вовремя сделать первый взнос. Стремясь избежать нарушения сделки, я взял в долг необходимые деньги и произвел нужный платеж. С тех пор я был вовлечен в это дело и даже взял на себя ответственность отслеживания своевременности внесения оплаты.

Ну, все, кто знал об этой истории, были уверены, что я пропал. Ведь я мог потерять свою ферму. Но я все еще верил в свою мечту. Я не хотел, чтобы сделка провалилась, полагая, что вскоре все устаканится, и все будет хорошо. Коммуна Сан-Мигель, казалось, все сильнее демонстрировала интерес к строительству моста через реку, что обеспечило бы более безопасный переход для лошадей и коров. А еще мост сделал бы Поко-Сол более доступным, и привлек бы больше людей в эти края. Вот тогда в дело и включился Чико Рейес, землемер, который работал в Лиге. Он стал партнером, когда увидел, в чем заключались мои обязанности. Он понял, что здесь есть возможность заработать деньги, если инвестировать в это предприятие. Поскольку Кармело не выполнял договор купли-продажи, мы с Чико работали вместе, пытаясь сохранить сделку в живых и не позволить владельцу отказаться от контракта.

Я просто хотел, чтобы кто-то взял эту землю, и независимо от этого, как владелец, стал бы ее обустраивать. Монтевердская Лига сохранения в то время приобретала недвижимость вблизи Поко-Сол. Они создавали Детский вечный тропический лес в долине Пеньяс. Моя собственная мечта о небольшом месте для отдыха местных семей не нашла поддержки среди моих партнеров, которые хотели заработать деньги на землях. Лига тоже не пришла в восторг от моей идеи. Они планировали создать там исследовательский центр. Но я был весь поглощен своим проектом, и в запасе у меня имелось несколько вариантов.

Джим Крисп, который был директором Лиги с 1988 по 1991 год, знал про непростую ситуацию, в которой я оказался. Он надавил на Лигу, чтобы та приобрела землю. Я был членом правления и продавцом, поэтому оказался, что называется по обеим сторонам забора. Стоимость земли выросла, и мои партнеры хотели максимально использовать сложившуюся ситуацию. Я пытался держаться подальше от переговоров, но теперь получалось, что на самом деле я зарабатываю деньги.

Я очень расстраиваюсь из-за самой идеи спекуляции на собственности. Это идет вразрез с тем, чему меня учили, и тем, во что я верю, когда речь идет о земле. Земля — это то, что тебе

не принадлежит. Это то, что нужно передать будущим поколениям, которые должны продолжать использовать ее наилучшим образом. Суть в том, что если вы действительно не владеете землей, вы должны быть очень осторожны в том, как вы ее используете. Вы не пытаетесь увеличить прибыль при продаже земли другому лицу. А что получается: я имею значительную прибыль от продажи этой земли и иду против своих собственных убеждений. Я был в ужасе, что оказался партнером двух бизнесменов, к которым относился критически и не разделял их взгляды.

Переговоры о покупке Лагуны Поко-Сол усложнили ситуацию для Лиги. Речь шла о покупке прилегающей фермы, и это отражалось в цене на землю. Когда об этом стало известно в местном сообществе, жители Санта-Елены публично высказались против участия Лиги в этой сделке. Было высказано предложение, чтобы власти расследовали, что Лига делает с деньгами. Мне пришлось сделать специальный доклад Тропическому научному центру, где я все еще работал. Я никоим образом не должен был участвовать в сделках с землей.

В сентябре 1991 года Лагуна Поко-Сол стала частью владений Лиги. Я был очень рад тому, что Лига купила ее, но на протяжении многих лет мне было трудно пройти мимо, не чувствуя грусти из-за того, что Лагуна не стала местом для пикников, о чем я так мечтал.

Еще в 1989 году я купил лодку, выдолбленную из дерева гуанакасте, и хотел плавать на ней в озере. Ну, лодка добралась-таки до берега этого водоема. Но к этому времени она уже разваливалась и едва ли была пригодна для плавания. После покупки озера Лига решила, что им там не нужны никакие посторонние лодки, которые могут быть использованы не по назначению. Человек, который продал мне лодку, как-то пришел в мой дом, чтобы получить последний платеж, который я должен был совершить, но меня не было дома. Вот тогда-то Лаки и узнала, что я не только купил этот челн, но и инвестировал в собственность в Поко-Сол. Ей все это не нравилось, и она к тому же не хотела ехать в Поко-Сол. Однако в 1998 году мы вместе с Лаки, нашим сыном Тонио и его женой Адаир отправились через Пеньяс в Поко-Сол. И вот тогда-то она, наконец, увидела, что же вдохновило меня на участие в этом рискованном деле.

В Коста-Рике вода считается государственной собственностью, и по закону доступ к ней должен быть у всех. Лагуна должна была быть доступна для использования людьми, которые живут в этом районе и не имеют собственного озера или средств для выхода на пляж. У местных жителей нет такого места, как Поко-Сол, куда бы они могли поехать на выходные с семьей, как это было в те годы, когда я приехал туда впервые.

Лига построила полевую станцию в Поко-Сол, и она используется местными и иностранными студенческими группами, хотя и не часто. Я все еще надеюсь, что Лига превратит это действительно привлекательное место в курорт не только для детей Коста-Рики, но и для детей с других континентов, в том числе из Северной Америки. Тогда и я, уже старик, с удовольствием плавал бы по Лагуне в своем маленьком старом челне, рассказывал бы свои байки всем, кому это интересно. Но и это мне не особенно нужно. Для меня важно, что люди могут прогуляться по Поко-Сол, окунуться в прохладную воду после долгого перехода по жаре и просто насладиться природой вокруг. В конце концов, озеро на сто процентов делает свое дело, создавая влажную среду обитания, и тем самым поддерживает баланс в природе».

К северо-западу от Пеньяс-Бланкас, в водоразделе Каньо-Негро, откуда потоки рек и ручьев стекают в озеро Ареналь, находилась крошечная община первопроходцев Сан-Херардо-Арриба. В 1950-х годах жившие там фермеры надеялись сами зарабатывать себе на жизнь и расчищали землю для выращивания сельскохозяйственных культур и скота. В 1977 году, с созданием лесного заповедника «Ареналь», ограничения на вырубку деревьев и развитие усадеб вынужденно подтолкнули молодое сообщество Сан-Херардо к конфликту с властями.

Несмотря на обещания о компенсации, правительство не выкупило земли у землевладельцев и не помогло им улучшить дороги, не стимулировало производство молока в этом районе. В 1991 году благодаря средствам от программы замены долга на защиту природы Монтевердская Лига сохранения природы выкупила большую часть земли, около 1500 гектаров, у людей, которые хотели уйти. При этом некоторые семьи предпочли остаться. Сан-Херардо с тех самых пор защищала свои леса. Но мечты о том, что поддерживающие себя хозяйства создадут устойчивое сообщество, получающее прибыль еще и от визитов туристов и студентов, так и не были реализованы.

«Сан-Херардо была еще одной общиной, где влияние Лиги было велико. Я не был вовлечен в это напрямую, но это было время, когда я много занимался патрулированием. Когда Лига начала приобретать землю в Сан-Херардо, она покупала ее у семей, которые действительно хотели продавать. Для тех же, кто хотел остаться, Лига попытались придумать схему, при которой эти люди могли бы зарабатывать себе на жизнь. В течение многих лет власти диктовали общине, которая имела устойчивое сельское хозяйство, что они могут и чего не могут. Поэтому эти люди и встретились с Лигой, чтобы заявить, что они хотят остаться как община и хотят производить сельхозпродукцию только для своего потребления, а не для продажи.

Власти обещали им, что они получат лучшую дорогу. Еще был план строительства трех зданий: для центра интерпретации, исследовательской лаборатории и общежития с офисом для туристов. Это было бы очень привлекательно студенческим и туристическим группам. Но все началось только после того, как за дело взялась Лига и создала генеральный план для Сан-Херардо. Там осталось много больших кедровых бревен, ранее срубленных, из той породы, которые не скоро гниют и могут использоваться много лет. Бревна эти пошли на постройку полевой станции. А потом Шведское агентство международного развития выделило средства на покупку и установку гидроэлектростанции.

Прелесть этой местности заключается в том, что вы видите вулкан Ареналь и озеро Ареналь. К озеру можно отправиться прямо по Рио-Каньо-Негро. Осадки в этой местности обильнее, чем на тихоокеанском склоне. Это способствует пышности здешнего тропического леса, полного различными видами живности. Размещение здесь полевой станции было разумным решением. Станция была открыта для групп в 1994 году. К 1995 году остались только несколько человек из числа первоначальных владельцев участков. Дорогу для них так и не улучшили. И школы у них еще не было. Им было очень трудно в этих местах. Полевая станция — единственное построенное здание, и там принимают посетителей. Добраться до нее несложно: от автостоянки в заповеднике «Санта-Елена» примерно час ходьбы по старой ухабистой дороге и потом еще полчаса по лесной тропе. Теперь многие студенческие группы, проводящие здесь исследования, используют этот домик посреди дикого леса. Надежды на создание какого-то устойчивого сообщества испарились. Но, к счастью, люди по-прежнему любят приходить в Сан-Херардо, чтобы насладиться спокойствием этого района, его невероятными видами и волшебным лесом».

Монтевердская Лига сохранения природы приобрела земли и на тихоокеанской стороне континентального водораздела. На вершине скалы, называемой Бахио-дель-Тигре, находится участок площадью 29 гектаров, который на самом деле является частью заповедника «Детский вечный тропический лес». Это переходная зона между предгорным мокрым лесом и влажным лесом. На высоте, где выпадает меньше осадков, чем в других лесных заповедниках этого района, местность дает защиту совершенно другой среде обитания. Большая часть этого вида леса исчезла, вырублена для насаждения кофейных плантаций и под строительство. Но в Бахио-дель-Тигре тропы ведут туристов через сохранившиеся леса к видам на прекрасные закаты над Тихим океаном.

Лига также купила земельные участки, которые являются защитой для леса над Сан-Луисом и ниже этого крошечного фермерского хозяйства, расположенного в долине к юго-западу от Монтеверде. Начиная с 1980-х годов Лига сотрудничала с общиной Эль-Буэн-Амиго в Сан-Луисе, помогая ей обрести устойчивое развитие, что важно по мере роста населения деревни.

«В верховьях реки Сан-Луис много леса. Река берет свое начало высоко в горах над Бриллианте и несет свои воды к Тихому океану. В одном месте вода падает со скалы — потрясающий водопад. Это действительно красиво, и очень важно, чтобы вся территория была защищена. И заповедник туманного леса, и Лига сохранения защищают леса над Сан-Луисом.

У меня всегда были хорошие отношения с нашими соседями снизу, Лейтонами. От Мигеля Лейтона и его отца Рафаэля я узнал многое про лес, про животных, на которых они охотились. Они также рассказывали мне об истории района. Они были славными соседями, интересовались нашими проектами, идеей сохранения дикой природы. Они перестали охотиться и вместо этого стали защищать лес. Году в 1994 году они переехали в район Бриллианте, чтобы срубить пальмы для пальмито, и этот факт достоин упоминания. К сожалению, дон Мигель скончался в мае 2006 года. Его уход был большой потерей для его семьи и соседей, а также его многочисленных друзей в Лиге сохранения и для меня лично.

Вольф и Мигель Лейтон в 2005 г.

Я часто сидел на холме, откуда открывается вид на Сан-Луис. Оттуда я любовался закатом и заливом Никоя. Изменения, произошедшие в землепользовании, в долине заметны хотя бы по тому, что вы видите: пастбища, на которых больше нет выпаса скота, хорошо зарастают даже в сухой сезон. И мы знаем, что на них не пасли крупный рогатый скот уже изрядное время. По-прежнему все еще можно видеть, где люди жгут растительность на своих полях. Фермеры делают это для того, чтобы избавиться от сорняков и очистить землю, которую они собираются засадить. Каждый год палят траву, и огонь часто подбирается прямо к границе заповедника. Это не очень разумное занятие — жечь растительность, которая связывает, удерживает почву на месте. Кроме того, это оказывает неблагоприятное воздействие на

водораздел в этом районе. В течение многих лет здесь было много оползней. Но даже эти шрамы на земле заживают и снова покрываются зеленью. Для того чтобы лес мог возродиться, требуется время, и, в конечном итоге, это произойдет. Но растительность уже никогда не будет такой же, как первоначальный лес, до пала травы».

«Однажды в 1994 году я стоял на хребте с потрясающим видом на вулкан Ареналь, который находился в восьми километрах от нас. Это, если лететь на крыльях по прямой. Или четырнадцать километров, если нет крыльев, а просто идешь. Вулкан выглядел величественно сам по себе, но меня поразили десятки покрытых лесом складок, расположенных между мной и вулканом. В этот момент до меня вдруг окончательно дошло, что эта местность со всем лесом, который я мог видеть, куда бы я ни кинул взор, теперь принадлежит и управляется государственными и частными организациями. И для них сохранение дикой природы является главным обязательством.

В самом начале, когда появился заповедник, а затем Лига, легко было сказать: «Давайте начнем оберегать эти районы: Бриллианте, Эль-Валле и теперь Пеньяс-Бланкас. И тогда, может быть, следующее поколение будет знать, как всем этим управлять». Если есть способ использовать и разрабатывать землю лучше — хорошо. Мы же тем временем защитим ее и посмотрим, что получится. Я думаю, что большинство людей, с которыми мы сталкивались, признавали такой подход самым лучшим. Возможно, самой простой частью обеспечения долгосрочной защиты леса было убедить людей в важности защиты наших водных ресурсов, а также в положительных последствиях для климата, которые наступят, если лес не вырубать.

Восстановление леса шло очень успешно. Лига эффективно помогала мелким фермерам получать более высокий доход с земли без того, чтобы заниматься вырубкой леса. Пастбища сохраняли питательные вещества при посадке лесополос, что сводило к минимуму ветровую эрозию и потерю влаги. Коровы начали давать больше молока, как только они оказались под защитой тени деревьев. В течение многих лет Лига в Монтеверде владела питомником. Он обеспечивал саженцами деревьев местных видов весь район. Сейчас уже есть и другие организации, занимающиеся восстановлением леса.

Лига проделала большую работу в восточной части долины Пеньяс-Бланкас, в Сан-Хосе-де-ла-Тигра. У них там с 1990 года был офис. Большинство вторжений скоттеров и браконьерских набегов в лесу случались именно в этих краях. Потому-то преподавание экологии было здесь совершенно необходимо. А программа по восстановлению лесов в Лиге оказалась действительно эффективной. В Монтеверде всегда было много людей, поддерживавших идеи консервации, знающих об экологических проблемах. Поэтому перед нами стояла задача объяснить более широким слоям населения важность сохранения дикой природы. И хотя Лига управлялась из Монтеверде, большая часть ее лучшей работы была проделана в Сан-Карлосе.

Хотя вначале большое внимание уделялось покупке земли, с годами стало ясно, что философии у наших организаций различаются. Основной упор в заповеднике туманного леса «Монтеверде» делался на том, чтобы улучшить тропы и модернизировать объекты для экотуризма. Монтевердская Лига сохранения природы всегда подчеркивала важность восстановления леса и экологического образования. Теперь для обеих организаций становилось все труднее собирать деньги, столь необходимые для поддержания своей деятельности. Это требовало большой управленческой работы. Конкуренция в мире фандрайзинга нынче очень велика. На местном уровне восстановление лесов и экологическое образование гораздо важнее создания еще одного туристического объекта. Большая часть совместной работы этих организаций заключается в защите природных ресурсов этого района от охотников и дровосеков, образно выражаясь. А ведь когда-то я именно этим и занимался».

9. Освещающая путь

«Мне нравится обходить эти места. Иногда попадаетесь человек, который только и спрашивает, скоро ли будет следующий поворот. А бывает, знакомишься с людьми, которые ищут работающий допоздна магазин „7/11“... Мы с моим молодой другом Ричардом Бутгерейтом как-то даже думали построить такой магазинчик здесь, на континентальном водоразделе. Хорошо иметь возможность поддерживать моральный дух людей, сообщая им, по крайней мере, что они все еще здесь, в Коста-Рике. Надо сказать, работа лесничего здесь ничем не отличается от такой же работы в любом другом месте. Вы просто перемешиваете факты с выдумкой и выдумку с фактами, следите за тем, чтоб люди не свернули с тропы, и продвигаетесь вперед. Это главное».

Вольф, идущий с обходом по гребню континентального водораздела

В мае 1996 года я вернулась из Коста-Рики домой, и уже на следующий день стало известно о постигшем нашу семью несчастье. Моему семидесятичетырехлетнему отцу, который всегда казался здоровым и сильным, диагностировали рак с метастазами, и прогнозы были очень плохие. Отец решил, что не желает страдать долго, и поэтому он подготовился к быстрой смерти. Убедившись, что все его дела в порядке, он перестал есть, и через несколько дней тихо ушел из жизни. Около смертного одра рядом с ним были моя мать, моя сестра Мэгги и я сама. Мы хоронили его, еще не придя в себя от новости о его болезни. Простой гордый человек, Энди Чорнук, жил достойно и умер с таким же достоинством. В свои последние дни он едва мог говорить, но ему удалось жестами передать свое последнее желание. По его настоянию Мэгги аккуратно и заботливо побрила его все еще красивое лицо утром того дня, который стал его последним днем на земле.

Украинская кровь моего отца объясняет мою внешность: округлость форм и оливковый цвет кожи. Моя натура, впрочем, наследство от мамы — мою личность сформировал независимый и сильный дух моей матери. Я много раз задумывалась над тем, что здесь есть какая-то ирония судьбы: этот спокойный, консервативный, аккуратный человек имел такую откровенную, либеральную, довольно-таки ершистую дочь. Я повзрослела и повидала мир, я стала понимать истинную ценность нежного характера моего отца. Я выросла в доме, наполненном смехом, и в основном это был его смех. Отец разрешал мне высказывать свое мнение, даже когда он не понимал или не соглашался с моими идеями. Самое главное, что у нас с сестрой была свобода выбора наших собственных путей, поощряемая нашим отцом, а не ограниченная им.

Вольф был и отцом, и матерью заповеднику туманного леса; он был советником, защитником, смотрителем и охранником. С самого начала он взял на себя роль хранителя леса, обходя обширную территорию в поисках следов незаконной деятельности: охоты, вырубки деревьев, всего того, что угрожало благополучию лесов и его обитателей. Традиционный для этих краев отстрел дичи был популярным видом охоты. Птиц стреляли ради протеина, столь необходимого людям, жившим тут. И в наши дни охранники все еще сталкиваются с охотниками. Хотя теперь это случается не так часто, как раньше. В заповеднике очень много мест, где можно войти в лес, поэтому контролировать охотников чрезвычайно сложно. Они полны решимости пробраться во что бы то ни стало. Лес они знают, как свои пять пальцев, и хотя они оставляют следы, поймать их трудно.

Добыча пальмито, то есть сердцевин пальмы, приводит к гибели всего дерева, и теперь эта деятельность вне закона. Но старые привычки умирают с трудом. В наши дни сердцевина пальмы, если она продается в продуктовых магазинах, поступает с коммерческих плантаций, но кое-кто все еще срубает пальмы, как в прошлом это делали их отцы и деды. Сквоттеры срубают деревья и устанавливают границы собственности, и если им удастся реализовать

требование на право владения, то им должны быть возмещены все расходы за «улучшения», которые они совершили. Браконьеры также рубят деревья, чтобы получить пиломатериалы для своих собственных нужд или для продажи. Сейчас этим если и занимаются, то происходит это на территории, расположенной вдоль границ заповедника. Оттуда легче увозить лес. Охранники просто физически не в состоянии контролировать все границы охраняемых районов, и для браконьеров намного проще рубить и передвигаться по краю леса, чем забираться вглубь.

Одной из самых больших проблем для биологического разнообразия в стране является потеря среды обитания в результате обезлесения за пределами охраняемых зон. В этих случаях получается, что охраняемая территория леса становится островом, отрезанным от других участков леса большими пространствами вырубок, используемых как пастбища или как площадки для строительства. В силу такой взаимоудаленности лесов миграция видов между их изолированными ареалами обитания в поисках мест гнездования и источников пищи становится все более затруднительной.

Вольф становился все более вовлеченным в дело защиты дикой природы, флоры и фауны по мере того, как он понимал серьезность этих угроз. В дополнение к другим своим обязанностям в заповеднике Вольф в течение пятнадцати лет занимал еще и должность главы так называемого департамента бдительности. Эту ответственность он взял на себя вполне естественно, так как проводил большую часть своего времени в лесу, занимался там расчисткой, следил за размежеванием границ и за тропами.

«Еще в начале 1970-х годов я получил государственное удостоверение личности с фотографией, которое подтверждало факт, что я почетный лесной охранник. Такой документ может получить любой, даже не костариканец. Удостоверение не имело особого значения, но это добавляло вам некоторый вес, а также обеспечивало бесплатное пристанище, если вы демонстрировали документ на других сторожевых станциях в стране. Для получения удостоверения не требовалось проходить обучение, и он не давал вам никаких полномочий, кроме возможности подать жалобу на граждан, нарушавших законодательство о лесном хозяйстве и о защите природы.

Тропический научный центр не был заинтересован в том, чтобы провести со мной какой-то тренинг лесного охранника, но сам я понял, что мне желательно как можно лучше научиться противостоять тем, кто был угрозой для нашего заповедника. По большей части от меня требовалось умение выстраивать отношения с общественностью, поскольку мне часто приходилось делать выговор соседям, нарушающим законы. Многие из этих людей были владельцами участков в Пеньяс-Бланкас, как и я. Большинство из них я считал своими друзьями. В течение первых пятнадцати лет мое квакерское воспитание было для меня руководством в том, как выстраивать отношения с людьми в любых ситуациях, в которые я и попадал. Это уже потом охранники леса начали получать соответствующую подготовку. А я всегда исходил из убеждения, что Бог есть в каждом человеке, и я обращался со всеми без какого-либо насилия. Я всегда твердо знал, как мне надо действовать. Но, как отреагирует другой человек, я, конечно, не имел никакого понятия».

Вольф всячески убеждал свое начальство в Тропическом научном центре в том, что число лесных охранников следует увеличить, а подготовку для них улучшить. В 1986 году после создания Монтевердской лиги сохранения природы, когда площади охраняемой территории были увеличены за счет прибавления новых участков, спрос на лесную охрану вырос. В 1987 году Вольф был нанят Лигой для ведения кампании по закупке земли, и в то же время он продолжал патрулировать границы территории заповедника туманного леса. А еще на нем были объекты, которые покупала Лига. Имя Вольфа по-прежнему оставалось в платежной ведомости Лиги. Это делалось для того, чтобы он мог получать страховые выплаты. Обе эти

организации — и Лига, и Центр — теперь нанимали все больше охранников, что часто вело к путанице в определении степени их ответственности на территориях, которую они охраняли. Осознавая важность роли охранников, Вольф продолжал ходатайствовать об улучшении системы патрулирования.

«В 1987 году Хосе Луис Камбронеро стал первым штатным охранником, нанятым Лигой. Мы патрулировали вместе, и мне нравилось работать с этим молодым человеком. Примерно в то же время во властных структурах работал Омар Кото, он координировал действия местных природоохранных организаций. Омар приложил большие усилия для того, чтобы были составлены описание должностных обязанностей и программа обучения для сотрудников охраны. К 1990 году, кроме меня, у Лиги было еще четверо охранников: двое из Санта-Елены и двое из Сан-Хосе-де-ла-Тигра в Сан-Карлосе. В июле 1991 года Омар стал исполнительным директором Лиги, а также директором по защите. Он продолжал работать над улучшением охраны леса. Я много лет работал с Омаром как супервайзер и обучал охранников леса.

База охранников располагалась в доме, который Лига арендовала для них в Санта-Елене. В этом же здании люди могли подать заявку на получение разрешения на вырубку, вместо того чтобы тратить несколько часов на поездку непосредственно в офис лесного хозяйства. Все можно было сделать на месте. Это положительно отразилось на всей системе защиты и помогло наладить хорошие отношения между охранниками и общиной Санта-Елены.

Я всегда придерживался мнения, что ответственность за защиту всех лесов должна нести одна организация, и тогда те организации, которые пользуются услугами охраны, должны брать на себя административные и другие расходы, такие как униформа и оборудование. Уильям Аспинолл, который был директором заповедника после 1988 года, предложил другую схему, которая поделила зоны патрулирования и делала каждую организацию ответственной за график дежурств и за расходы на своих собственных охранников. Он сказал, что охранники, нанятые заповедником, будут нести ответственность только за земли в пределах заповедника, а охранники, нанятые Лигой, будут патрулировать только в районах, купленных Лигой. Я согласился с такой схемой, потому что так мы покрывали всю территорию, и обеспечивали большое число охранников. Пока охрана леса была адекватной, я был вполне доволен.

В 1991 году власти страны учредили Национальный парк вулкана Ареналь. Он находился на северной границе Детского вечно тропического леса. В парке было четыре охранника. В том же году была создана зона сохранения «Ареналь-Тиларан», и власти наняли еще охранников. У них был офис в Тиларане, который оказывал нам большую поддержку здесь, в Монтеверде. У нас было много контактов с ними, и они помогали нам в работе по защите природы. Правительственное регулирование позволило распределить расходы между государственными и частными организациями, участвующими в патрулировании охраняемых земель.

На протяжении многих лет для всех охранников в этом районе проводилось много встреч, организованных властями. Цель этих совещаний — обеспечить подготовку по оказанию первой помощи, разъяснить законы о лесном хозяйстве и дикой природе, а также спланировать совместные патрули. Встречи были полезны и для преодоления некоторой напряженности, которая случается, когда разные организации пытаются работать совместно над управлением и охраной. Такие встречи дают охранникам возможность пообщаться, познакомиться лично и поделиться идеями о патрулировании. Дело в том, что законы мы соблюдаем одни и те же, но охранникам патрулировать порой нелегко, если они концентрируются лишь на своем районе».

В 1994 году Лига переживала недостаток финансирования и сокращала как покупку земель, так и программу защиты. Вольфу угрожала потеря жалования и, как следствие, пенсии. К

счастью, Уильям Аспинолл восстановил Вольфа в должности главы отдела бдительности в туманном лесу. Вольф тогда направил свои силы и тратил время на прорубание новых троп и на поддержание пограничных разделительных просек в заповеднике. А еще он взял на себя надзор за охранниками, патрулирующими землю, принадлежащую обеим организациям. При этом он все еще участвовал в переговорах по земле для Лиги. В последующие годы заповедник и Лига начали проводить совместные встречи для своих охранников. В заповеднике туманного леса «Монтеверде» сотрудники, занятые защитой дикой природы, и сотрудники, которые занимались техническим обслуживанием, проводили совместные тренинги и порой могли выполнять обязанности друг друга, несмотря на то, что их роли в лесу различались.

«Я всегда был сторонником специальной формы или эмблемы для охранников, чтобы было понятно, кто они такие, и чем они занимаются. Они и следят за порядком, и проводят спасательные работы и еще несут ответственность за соблюдение законов. Охранники должны выглядеть так, чтобы их легко узнавали, когда они находятся на работе или в поселке, чтобы их можно было идентифицировать как людей, имеющих полномочия полиции. Тогда к ним будут относиться с большим уважением. В противном случае охранники выглядят так, как и те ребята, обслуживающие заповедник, которые просто расчищают тропы и не несут никакой ответственности за охрану дикой природы.

Охранники, обходящие заповедник дозором, покрывают расстояния большие, чем кто-либо другой, работающий в лесу. Они заглядывают в такие дремучие углы, которые большинство людей никогда не увидят. Но им трудно нести ответственность за поддержание состояния троп. Их задача — переход от точки А к точке Б как можно быстрее, но не расчистка тропинок. Один из охранников мне как-то сказал: «Я здесь, чтобы ходить по тропе, а не поддерживать ее проходимость». Поддержание троп в порядке означает расчистку ее на ширину в два метра. Если бы охранник отвечал за расчистку троп, он хотел бы делать это хорошо, а значит, ему пришлось бы передвигаться гораздо медленнее. И это уже будет не патрулирование, не обход владений.

Если мы хотим удержать рост растений по обеим сторонам тропы, то размахивать мачете нужно безостановочно. Пограничные линии необходимо ежегодно расчищать от края до края. Ответвления от троп также следует держать расчищенными, иначе люди будут уходить в тупики и заплутают. Трудно получить достаточное финансирование для поддержания заповедника на хорошем уровне. Так же сложно получить финансирование для охраны. Первое, что происходит, когда не хватает средств, урезается статья расходов на охрану и защиту заповедника.

Основной инструмент, который нам был нужен, и получить который можно было только за деньги — это переносные рации уоки-токи. У нас в заповеднике была базовая станция и несколько раций на территории. В восьмидесятые годы у патрулирующих охранников было по одному радио на двоих. Они отлично работали, если охранники находились в нескольких километрах друг от друга. Если они были далеко в лесу и столкнулись там с браконьерами или сами попали в аварию, то их радиопередатчики должны были обеспечивать хорошую связь с базой в заповеднике, находящейся на расстоянии нескольких километров. Единственный способ, с помощью которого радиостанции могли передавать на большие расстояния — использование ретрансляционных мачт на Серро-Амигос. По этой причине Тропический научный центр заключил соглашение с компанией, которая владела одной из мачт, и наши радиостанции стали несколько более эффективными.

Поскольку я часто патрулировал в одиночку, у меня должна была быть рация, но я не чувствовал в ней необходимости. Меня не сильно беспокоило, если люди вдруг не могли найти меня. Только после того, как в 1992 году я исчез из поля зрения и меня не могли найти

в течение ночи, я понял, что заставил волноваться многих, особенно Лаки, и тогда я начал носить уоки-токи с собой.

Лаки и Вольф в 1992 г.

Тропический научный центр заключил соглашение с зоной сохранения «Ареналь-Тиларан» о финансировании станции для всех охранников, как частных, так и правительственных, вблизи коммуны Седрал, граничащей с южной границей заповедника туманного леса. Охранники использовали станцию как базу, и власти предоставили мотоцикл, чтобы охранники могли добираться туда. Власти были готовы платить за техосмотры мотоцикла при условии, что заповедник оплачивает горючее. У нас и по сей день имеются совместные соглашения между государственными и частными заповедниками, которые определяют финансовую ответственность каждой организации и обеспечивают сотрудничество между всеми системами защиты. Наличие такого соглашения позволяет нам делать то, что мы не могли бы делать раздельно. Заповедник не мог бы обеспечить никакой защиты, кроме разве что охранников у главного входа, если бы не соглашения с властями. Такое сотрудничество дает возможность патрулировать в самых дальних уголках заповедника».

У охранников в лесу есть и другие важные дела, помимо того чтобы отслеживать охотников и браконьеров. Они постоянно наблюдают за окружающей средой, они известны тем, что помогают находить и собирать всякие растения, а также подсказывают ценную информацию ученым и исследователям. Они также докладывают о состоянии троп и леса в целом,

например, информируют, где случились оползни, где упали деревья, перегородив дороги. Администратор охранников в Лиге помогает фермерам с оформлением документов, разрешением на вырубку деревьев. До того как была введена эта система, процесс получения разрешения был непростым, поэтому никто не брал никаких разрешений, что приводило к незаконным вырубкам. Через Лигу разрешение получить легче, поэтому все больше людей блюдут закон при спиливании деревьев на своей земле.

Большинство охранников живут в селениях или на фермах этого района. Часто нарушителями, с которыми они имеют дело, являются их родственники или друзья. Многие из охранников сами когда-то были охотниками, как и большинство местных мужчин. Как только кто-то из местных становится охранником, его соседи начинают критически высказываться о перемене его отношения к охотникам и не демонстрируют большой симпатии к той власти, которую охранник обретает на новой работе. Был случай, когда одного охранника уволили за охоту. Он не понимал своей роли в лесной охране. Вера в защиту леса у охранника должна быть искренней и хорошо развитой, поскольку он должен будет придерживаться более высоких стандартов. Его наверняка спросят о том, законны ли его требования, и он будет отвечать за ограничение деятельности других людей.

Как-то раз одна бывшая медсестра рассказала мне: когда у них в больнице возникала проблема, то они искали самое слабое звено в цепочке. Где тонко, там и рвется. Если вы хотите создать хорошую организацию, то вы смотрите на свою администрацию и на каждый из департаментов. И, когда вы найдете самое слабое звено, вы будете его укреплять. Усиление и без того крепких узлов недостаточно. Если охрана — самое слабое звено, то следует продолжать обучение охранников, обеспечивать их необходимым оборудованием. Другим способом их поддержки является обучение, подготовка в деле просветительства. Когда охранник встречается с нарушителем, творящим беззаконие, охранник должен демонстрировать нейтральное отношение к нарушителю, оставаясь при этом непреклонным. Самое главное для охранника — знание способов решения конфликта.

Никогда не знаешь, с чем можешь столкнуться во время патрулирования. Самое бурное сопротивление, с которым я когда-либо сталкивался, случилось возле мачт на Серро-Амигос. Я был с новым охранником, и мы столкнулись с мужиками, братанами из Санта-Елены, у которых в руках была сумка, набитая сердцевинами пальм, *пальмито*. Я в соответствии с инструкцией спросил у них, не несут ли они сердцевинки пальм. Один из братьев отступил назад, чтобы врезать кулаком молодому охраннику, а тот уклонился от кулака, упав на землю. Тогда громила вытащил из кармана нож. К счастью, другой брат был моим другом, и ему удалось разрулить ситуацию. Но вообще-то у них были мачете, и все могло кончиться не так мирно. Мы не собирались устраивать потасовку, и нам удалось избежать драки. Мужики эти ушли, а мы взяли радиопередатчик и попытались дозвониться Омару, который находился в офисе Лиги. Однако ушедшие братья умудрились отключить передатчик на мачте ретранслятора, прежде чем Омар смог ответить. Мы решили не преследовать этих людей и ушли. Оказывается, Омар все-таки услышал наш звонок и подошел, чтобы разобраться с этими чуваками, но мы к тому времени были далеко и уже не могли дать показания.

Часто случалось, что нам на пути попадались охотники, уверявшие нас, что мясо, которое они несли, было говядиной — коровой из их собственного стада. И мы ничего не могли сделать без свидетелей. Однажды я узнал, что в Пеньяс-Бланкас отправились охотники. Ну, я и поехал на своем старом лендровере, чтобы перекрыть тропу, ведущую из Пеньяс-Бланкас через заповедник. И вот охотники выезжают на коне, а тут я поджидаю их. Я им говорю, что, дескать, намерен конфисковать их мясо. Но я был один, и все, что я мог тогда сделать, лишь поговорить с ними. Они не позволили мне открыть свои седельные сумки, поэтому я поехал в Санта-Елену и связался там с местным полицейским и правительственной лесной охраной. Охранник поехал со мной, и мы сумели опередить охотников, прежде чем они доскакали до

Серро-Плано. Мы просмотрели мешки охотников, но они, конечно, уже избавились от мяса. По крайней мере, они знали, что мы могли остановить их, и у нас было право на обыск.

У меня до сих пор хранится бивень самца пекари. Мне его дал известный местный охотник из Пеньяс-Бланкас. Он потерял свою лучшую собаку в схватке с этим пекари. Тогда же у охотника и пропала любовь к охоте. Собаки стоили больших денег охотникам. Лесные охранники могли конфисковать их и отправить в собачатник в Эредии. Охотникам не улыбалась перспектива поездки в город, чтоб забирать там своих собак, и еще больше им не нравилось платить штраф. Попытка охранника забрать собаку у охотника могла привести к критической ситуации. Иногда охранникам угрожали оружием.

Речь о том, было ли со стороны охотников хоть какое-то уважение по отношению к охранникам, чтити они закон или нет. Охотники знали, кто я, где я работал и какие законы стояли за мной. В общем, у меня было несколько серьезных столкновений. Первая причина столкновений, по моему мнению, заключается в том, что мы все знали друг друга. Другая причина кроется в том, что я отказывался общаться с людьми, если они были пьяны или поведение их было иррациональным. Я просто уходил, прекрасно зная, что жалобу я смогу отправить и потом.

Охранники помогают еще и потерявшимся или пострадавшим от несчастного случая. Я участвовал во многих поисковых операциях. В 1994 году провел целую ночь в поисках группы из двенадцати человек. Они еще днем ушли вглубь леса и до наступления темноты не вернулись. Они явно переоценили свою способность своевременно вернуться на полевую станцию. Это была группа костариканцев, учителей, школьников и матерей с двумя маленькими детьми. В таком составе они вообще не должны были даже пытаться заходить так далеко, гораздо дальше приюта в Эль-Валле. Они не рассчитали своих сил и не понимали, что не смогут вернуться быстро, поскольку на обратном пути будут уже усталые, да еще с детьми. Известно, что мираж в пустыне показывает воду там, где ее нет, а мираж в горах — это когда соседний хребет видится ближе, чем он есть на самом деле. Вам кажется, что вы к нему подходите, а он видится все дальше и дальше. Ошибиться в оценке расстояний легко.

Но я вышел утром и нашел их в приюте. Надеюсь, это был хороший урок для всех. Число людей, которые желали идти в лес подальше и оставаться в приютах, росло, поэтому мы написали рекомендации, как проводить поиск. Понятно, что всякий следующий раз что-то будет слегка по-другому».

Эладио Круз, друг и напарник Вольфа по приключениям в Пеньяс-Бланкас, характеризует Вольфа как «сторожевую собаку леса». Образ уместен, хотя, возможно, Вольф скорее бордер-колли, нежели питбуль. Вначале ему были предложены несколько правил поведения, которым ему надо было следовать. Вместо правил он руководствовался своими убеждениями квакера и своими талантами слушать других и уважать их идеи, даже когда они отличались от его собственных. Получается, что тон в поведении лесных патрулей в охраняемых зонах вокруг Монтеверде задавала вера Вольфа, вера в ненасильственное разрешение конфликтов. Заповедник и Лига имеют схожие, но не идентичные представления об основной роли их охранников. В заповеднике охранники должны защищать от угроз лес, землю, растительность. В то время как в Лиге, которая более активно участвует в образовательном процессе, их работа состоит в том, чтобы объяснять законы о лесном хозяйстве, охоте и преимуществах охраны. И при всем при этом есть одна область, где они находятся в полном согласии.

«Совместная политика Тропического научного центра и Лиги заключалась в том, что охранники не имеют при себе оружия. Важно было минимизировать конфронтацию, не допускать ее. Единственным оружием, которое мы признавали, была возможность составлять

протоколы о незаконной деятельности. Между нами и теми, с кем приходилось сталкиваться по работе, была лишь наша маленькая пластиковая идентификационная карточка.

Я помню двухдневный интенсивный курс для охранников заповедника и Лиги, а также для государственных лесных охранников. Многие из участников были из системы национальных парков. На этом тренинге можно было задать вопросы и разузнать многое о том, как патрулировать и как быть с нарушениями закона, будь то нарушения со стороны охотников, сквоттеров или золотоискателей. Мы получили там очень ценную информацию. На этих курсах были хорошо и тщательно рассмотрены вопросы перевозки и использования огнестрельного оружия. Там можно было задать вопросы и разобраться между самими собой, что мы сами думаем по этому поводу. Большое одобрение и поддержку получила идея отказа от ношения огнестрельного оружия, но в то же время мы понимали необходимость иметь некоторую защиту в тех случаях, когда люди становятся агрессивными. Охранник должен быть твердым, оперативно и адекватно реагировать на случаи нарушений закона людьми, у которых есть оружие, в то время как сам он безоружен. Как правило, нарушителей больше, чем охранников. Бывает такое, что охранники могут недвусмысленно подчеркнуть свои полномочия, показывая наличие огнестрельного оружия. Но это не поддерживается ни заповедником, ни Лигой, поэтому наши лесные охранники, если они хотят быть вооруженными, могут иметь при себе свое личное оружие и личное разрешение на его ношение.

У меня богатый многолетний опыт общения с людьми, которые агрессивно выступали против идеи заповедника. В каждой ситуации надо быть очень осторожным. В конце концов, поведение охранника тоже важно. Человек не должен работать охранником, если он действительно не убежден в том, что они нужны, что есть причина существования охранников. Он должен быть человеком, который действительно вкладывает все в сообщество, который честен и использует эту честность для обучения взрослых и детей.

Я думаю, что моему пониманию роли охранника способствуют мои квакерские корни. Квакер, к примеру, не станет проводить свои выходные в баре, уничтожая в себе все рациональное. Кроме того, у нас есть вера в то, что другой человек, вероятно, также верит в Бога, и именно к этому мы взываем. В случае конфронтации с кем-то я хочу донести до человека понимание, что я признаю его равным себе, то есть человеком, который хочет быть справедливым. Если бы случилось мне быть на войне, то я протянул бы свою руку дружбы врагу, а не наводил на него пистолет. Таким образом, вы даете понять своему визави, что вы не угроза, что вы уважаете его как мыслящего, разумного человека, который хочет выбраться из неудобной ситуации. Вот от этого надо отталкиваться. Один из самых способных людей, с кем не сравнится никто, включая и меня, принимавших участие в сохранении, покупке земли и защите природы, это Херардо Сеспедас. Это человек-история для коммуны Ла-Тигра в Сан-Карлосе. Он состоял в местной команде Красного Креста и пользовался уважением в коммуне, потому что был членом многих организаций. В 1989 году он начал работать в лесной охране Лиги, а в 1994 году уже стал директором по защите. В течение нескольких лет он также руководил офисом Лиги в Сан-Хосе-де-ла-Тигра. Херардо много работал над теми проблемами, которые случались на участках, уже купленных нами. Он знал очень многих. Когда надо было приобретать земли, он отлично вел переговоры с выгодой для Лиги. Херардо также один из лучших охранников, которые у нас были. Ему приходилось сталкиваться с вооруженными охотниками, и он конфисковал их собак. У него, конечно, есть свои недоброжелатели, но община его по-прежнему поддерживает.

На генеральной ассамблее Лиги в феврале 2005 года Херардо показал видео от имени патрулирующих охранников. Видео было записано кем-то из охранников. В нем был зафиксирован момент, когда патрулирующие столкнулись с охотниками, вооруженными ружьями, и лесорубами с бензопилами. Фильм очень наглядно показал, что такое

конфронтация в работе лесной охраны. Херардо показал этот ролик Лиге в надежде склонить правление на разрешение носить оружие сотрудникам охраны. Члены правления поддержали предложение с перевесом в один голос и разрешили специальным подразделениям иметь оружие, если есть основания полагать, что они могут попасть в серьезную ситуацию. Правление теперь может вырабатывать политику, но до сих пор еще идут обсуждения, как действовать. Они включают вопросы предоставления оружия, механизма определения, когда оружие можно носить, и обеспечение надлежащей подготовки для его использования. Я по-прежнему не думаю, что это правильное решение, и лично сам не буду носить оружие. Но я испытываю огромное уважение к охранникам, и если они чувствуют угрозу, то это нужно учитывать. Возникает вопрос, а кто несет ответственность за то, что кого-то застрелили?

В этой ситуации есть своя трагическая ирония. Через месяц после собрания 8 марта 2005 года в нашем маленьком городке Санта-Елена случилась попытка ограбления банка с захватом заложников. Вооруженный человек удерживал около 25 человек в заложниках в течение 29 часов. Большинству людей в какой-то момент удалось сбежать, но шесть местных жителей и один полицейский были убиты, а вся община пережила сильнейшую травму. В Херардо Сеспедаса, который много лет сталкивался с вооруженными противниками в лесу, пять раз выстрелили, когда он стоял в очереди к оператору банка. Он чудом держался 24 часа, пока его не спасли. У него были серьезные травмы. Он потерял один глаз, была нарушена подвижность рук. Херардо продолжает восстанавливаться, но пока неясно, как это ранение отразится на нем.

Мне кажется, что жизнь, которой жил Херардо, работа, которую он сделал, и тот факт, что он выжил, является доказательством того, что он находится на попечении высшей власти. Его тренировки по оказанию первой помощи помогли ему остаться в живых и не умереть от потери крови. Его внутренняя сила спасла его от вторичной инфекции. Молитвы его многочисленных друзей поддержали его собственную сильную волю к жизни. Этот страшный инцидент однозначно показывает, для чего предназначены пистолеты — чтобы убивать и калечить людей. Эта история еще раз подчеркивает, что использованию оружия при столкновении с насилием надо искать альтернативу».

10. Следы

«Все виды утренних побудок прозвучали. Начали ревуны и хохлатые гуаны, а теперь вообще все остальные птицы заливаются. И вот — рассвет. Мы собрались и готовы выходить. Будет славный день, это можно определить по тому, как жужжат мухи. Небо над хребтом подсвечено первыми лучами солнца. Полностью солнце выйдет из-за хребта через час, и тогда его лучи пойдут повсюду. С этой точки можно увидеть все. Красота! В такой день надо взять пример с обезьян и взобраться на ветку дерева, усесться там поудобнее и смотреть, как весь мир проходит мимо вас».

Вольф июньским утром в долине Пеньяс-Бланкас

В детстве я видела, что моя мама была очарована северными кардиналами, прилетающими на наш задний двор. Нет никаких сомнений, что это была ее любимая птица. Моей маме, гордой и истинной канадке, нравилось, что этот красивый красный певец, как и она, не чувствовал необходимости улетать в холодную погоду на юг. Мама всю зиму наполняла кормушки для птиц, желая любоваться алым оперением кардиналов на фоне белого снега, контраста столь же яркого, как у тропического цветка гибискуса на фоне выгоревшего под солнцем пляжа. Мама ждала красивую песнь кардиналов — *очень-очень* красивую — и всегда улыбалась, слушая ее. Стоя у кухонного окна — руки ее в раковине неустанно моют посуду — она

наблюдала за парами этих хохлатых птиц, очарованная интимностью момента, когда галантный самец аккуратно укладывает семена в открытый клюв самки.

Мама всю жизнь преподавала, и всю свою жизнь связывала надежды на будущее со своими учениками, учившимися в ее классе, и с появлением нового поколения птенцов кардинала каждой весной. С этой же надеждой она прожила несколько месяцев курса лечения от рака после мастэктомии. В мае 1998 года, в возрасте 78 лет, она умерла от рака молочной железы, ровно через два года после смерти моего отца. Когда друзья собрались у нас на заднем дворе после ее похорон, туда же прилетела семья кардиналов в своем красном траурном оперении. Дух моей мамы живет теперь на вершинах деревьев южного Онтарио, она присутствует там алыми пятнами оперений и нежным щебетанием ее любимых птиц.

В 1970-х годах в Монтеверде начали приезжать *бёрдвотчеры* — наблюдатели за птицами. Их манили отчеты биологов, повествующие о богатстве видов птиц в заповеднике и окрестностях. Когда идея экотуризма стала популярной во всем мире, Монтеверде оказался одним из главных мест притяжения для таких путешественников. Экотуризм развивался, и это был хороший способ привлечения людей в дикие места, чтобы те смогли сами увидеть красоту природы и биоразнообразие нашей планеты. Делалось это отчасти в надежде, что такие туристы, вернувшись домой, станут оказывать финансовую поддержку организациям, которые заботятся о дикой природе и ее обитателях. Кто-то выступает против привлечения туристов в экологически чувствительные районы, утверждая, что толпы народа приносят больше урона, чем выгоды. Но пока у посетителей есть деньги и есть готовность их потратить, парки, заповедники, отели и туристические компании будут существовать и развиваться. Искатели приключений и любознательные граждане будут ехать в заповедники до тех пор, пока птицы и животные обитают в этих дебрях.

В 1950-х и 1960-х годах, когда квакеры неустанно работали над созданием Монтеверде, теме исчезновения видов уделялось мало внимания. Землю расчищали под пастбища для домашнего скота, не понимая, что расчистка ведет к уменьшению площадей гнездования и кормежки диких представителей животного мира. Тогда казалось, что места хватит для всех. Джордж Пауэлл понимал опасность безостановочного развития, не имеющего границ. И когда он приехал в нашу общину, то предложил новый подход к обращению с землей. Его принцип включал в себя заботу об охране естественных мест обитания.

В процессе создания заповедника туманного леса «Монтеверде» у местных жителей появилось новое понимание важности сохранения дикой природы для будущего коммуны и понимание ее роли. Великолепные кетцали не только привлекают туристов, они еще позируют фотографам, которые фиксируют их красоту на снимках, в свою очередь, привлекая еще больше посетителей. Тапиры протоптали много лесных троп, по которым теперь водят людей. Даже исчезнувшие золотые жабы по-прежнему вызывают интерес, ведь само их исчезновение может послужить хорошим уроком. Животный мир этого оазиса дикой природы уровнем ниже поддерживает цикл жизни, опыляя цветы, рассеивая семена, скарифицируя почву и занимая свои места в пищевой цепи.

Многие из рассказов Вольфа о его ранних походах в тропических лесах — это рассказы об охоте и о поедании животных. Такова уж была форма взаимоотношений между людьми и животными в этом регионе. Было вполне приемлемо убить пуму, которая охотилась на ваш скот, и вообще охотиться за любой формой белковой пищи, которая могла бы накормить вашу семью. Однако по мере роста населения и разрушения естественных мест обитания под сельскохозяйственные угодья популяции диких видов страдали все сильнее. С созданием заповедника охота была запрещена, и, в конечном итоге, лесные животные привыкли к присутствию людей, которые в них не стреляли. Теперь животные медленно возвращаются в свои старые места обитания, и, возможно, перейдут в новые. И, все равно, такие виды

животного мира, как ягуары и тапиры, по-прежнему остаются незаметными, скрытыми, и встретить их не так-то просто, хотя их следы свидетельствуют о том, что они выживают.

Вольф начинал как молочный фермер, который понимал необходимость заботы о домашних животных для улучшения их продукции. Он также был охотником, который экспериментировал с отловом множества разных существ в стремлении узнать их кулинарную ценность. Когда же он, наконец, отказался от оружия, то стал проникательным наблюдателем, который знал, что тот путь, по которому он теперь следует, приведет его и других к более глубокому пониманию ценности защиты видов и спасения их мест обитания. Еще Вольф понял, что животные умеют обмениваться сообщениями. Например, это было хрюканье пекари и суета обезьян, когда они предупреждали друг друга или предупреждали его. Сопровождая многих биологов, приехавших в лес, он и сам многому научился — вполне достаточно для того, чтобы рассчитать свои собственные теории поведения животных. После всех лет, проведенных на тропе, можно предположить, что фауна Монтеверде знает Вольфа не по имени, а по запаху и звуку.

«Когда мы только переехали в Монтеверде, к нашему дому постоянно приходили носухи, кинкажу и обезьяны. На самом деле белоплечие капуцины и носухи делали набеги на кукурузные поля такими оравами, что от урожая оставались только дюжина кукурузин. В те времена у нас была потребность в свежем мясе, и чтобы разнообразить нашу углеводную диету, а также от любопытства к новым блюдам, мы стреляли и ели олени, енотов, броненосцев, агути и ленивцев. Я даже попробовал мясо обезьяны-ревуна в Пеньяс. Отвели мы и дичь. Были в нашем меню гуаны, лесные перепела, голуби и один раз тукан.

Когда в 1954 году я купил покрытый лесом участок земли в Пеньяс, я начал его исследовать. Меня уверяли, что там я увижу или услышу некоторых диких птиц и животных, наиболее распространенными из которых являются обезьяны и броненосцы, а также гуаны. Я часто видел следы тапиров, мазамов, ошейниковых пекари, пум и ягуаров, которые приходили на мои первые вырубки, где росли трава и бананы.

Самым большим вознаграждением за мою неустанную работу, ставшей моим хобби — создание самокупающегося хозяйства в Пеньяс — была моя дружба с доном Рикардо Гонсалесом. Иногда нам приходилось ночевать в его ранчо с грязным полом, поскольку это было единственным убежищем в этом районе. По вечерам дон Рикардо, сидя подле очага и жуя табак, рассказывал красочные истории о своих подвигах на охоте на тапира. Одна история повествовала о том, как он и Рафаэль Варгас шли за своими собаками, которые гнали тапира вверх на гору. Облака полностью их укутали, и охотники потеряли след тапира. Эти двое не видели и кончика носа, и вот тут они поняли, что совершенно заблудились. Они решили, что ситуация очень опасная, и что им было бы разумно подняться на дерево, на котором и придется заночевать. С первыми проблесками зари они спустились на землю и начали искать выход. Весь день они шли по краю утеса, чтобы не сбиться с пути и вернуться домой. Наконец, они добрались до тропы, которую узнали. Уже стемнело, когда они оказались дома, промокшие, замерзшие и очень голодные. Рассказывая эту историю, дон Рикардо хохотал: немного погодя горе-охотники поняли, что место, где они потерялись, было совсем рядом с его фермой.

Он любил рассказывать об опасных встречах с эль-тигре, о том, как лечить ядовитые укусы змей и про эль-дуэньо-де-ла-монтанья, мифическое получеловеческое существо, пугавшее по ночам своими жуткими криками домашний скот и людей, живущих на границе леса. Иногда я воображаю себя эль-дуэньо-де-ла-монтанья и завораживаю своих соседей.

Однажды вечером я подходил к домику, где меня ждал мой молодой товарищ по походам Ричард Бутгейт, и, как я это часто делал, испустил один из моих обычных воплей приветствия. Этот крик испугал Ричарда. Он выскочил из дверей и сказал: «Ты так больше не

делай, потому что если твой крик услышит человек неподготовленный, то он просто тебя может застрелить». К счастью, этого никогда не случилось. Я придумал эти кличи не только для объявления моего прихода, но и в надежде на то, что птица или животное ответит мне. И ведь иногда они отвечали.

Одна тропа, по которой Вольф по-прежнему ходит в тропическом лесу, проделана крупнейшим земным млекопитающим в Коста-Рике, тапиром Бэрда, родственником лошади и носорога. Это один из четырех видов тапиров, существующих в мире. И все они в списке исчезающих видов. Хотя тапиры кажутся громоздкими и весят 150 кг., они могут довольно ловко бегать вверх и вниз по крутым склонам. Их копыта разделены на четыре пальца спереди и три сзади, что позволяет им легко пробираться по местам с обильной грязью, по которым они часто бегают. Их толстая, красновато-коричневая шкура защищает от шипов и ветвей, когда они пробираются через тропический лес. И еще тапиры, как известно, прут как танки и сносят все на своем пути.

Тапиров Бэрда можно найти в долине Пеньяс-Бланкас и в других отдаленных районах, где редко ступает нога человека, и где люди их не тревожат. Несмотря на способность этих животных передвигаться быстро, когда это необходимо, дни и ночи они проводят в неторопливых скитаниях по лесу. Тапиры обычно отдыхают в пресноводных водоемах или вблизи них. Вода хорошо укрывает их от хищников и насекомых. Было замечено, что тапиры в неволе испражняются, когда стоят в воде. И так как в дикой природе их помет обычно находят на поверхности воды, то биологи полагают, что тапирам необходимо находиться в воде для дефекации.

Вольф не один десяток лет ведет наблюдения за тропами тапиров и ищет следы их пребывания повсюду. В 2005 году он высказал предположение о появлении тапира в густом лесу на скале близ фермы Гиндонов. Какое-то время спустя это было подтверждено старым охотником из Сан-Луиса, и это подтверждение вызвало гордость и удовлетворение у Вольфа. Вот уже пятьдесят лет Вольф делится своими историями. И хотя его смешные рассказы порой могут показаться не очень деликатными, его забота о будущем тапиров, проблема их выживания столь же реальны для Вольфа, как и след тапира.

«Нет ничего более неприятного, чем увидеть следы недавнего пребывания тапира, а потом узнать, что его больше нет в лесу, что еще одним тапиром стало меньше. Если бы у него был длинный хвост, как у кошки, то я уверен, что сегодня я мог бы сказать, что я видел хотя бы хвост тапира. Я много раз находился совсем рядом с этими животными. Я знаю, что они существуют и знаю, что они здесь, потому что они часто просто уходили с того места, куда я шел.

В Пеньяс-Бланкас я много раз видел следы тапира, где он выходил из леса, где пересекал пастбища, как шел по ручью. Когда мы первый раз, кажется, в 1976 году, пытались вернуться в Монтеверде из Ареналя через лес, то узкие мостики на хребтах и между холмами со следами тапиров служили хорошими индикаторами того, что этот путь безопасен. Мы, помнится, высматривали эти места, где тропинки сливались вместе в один узкий путь, по которому можно было перейти каньон меж двумя холмами. Мы и теперь ходим по этим дорожкам. Они являются оптимальным путем прямо к реке, вокруг ущелья, над хребтом и между холмами. Если идти по добрым старым тропам тапиров, то будьте уверены, что на вершину вы подниметесь в нужном месте для продолжения похода вниз, уже по другой стороне холма.

Тапиры не интересуются тем, что едят люди. Они травоядные, но уже не делают набеги на кукурузные поля в сельскохозяйственных районах. Они не похожи на ягуаров или пум, которых часто стреляют, потому что они охотятся на крупный рогатый скот или на запасы фермерского хозяйства. Тапиры имеют острое обоняние и тонкий слух, но они очень

близоруки. Охотники всегда говорили, что если идет тапир, то лучше отойти с тропы, иначе он вас задавит. Он и не подумает свернуть или хотя бы обойти преграду.

Я никогда не видел тапира, кроме как в зоопарке и еще однажды в Гондурасе в 1974 году. Джордж Пауэлл как-то раз выполнял работу для национального парка в Гондурасе и пригласил меня поехать с ним в качестве помощника. Конечно, по поводу этой поездки моя жена не раз высказала свое мнение. Дело в том, что мне надо было вернуться из поездки к выпускному вечеру моего сына Карлоса, оканчивавшего среднюю школу. Несложно догадаться, как все неудачно получилось в этой части условий поездки!

В общем, добрались мы до Гондураса, а дальше надо было найти проводника, который мог бы нас довести до высокой горы Селаке. Он должен был бы отвести нас в то место, которое нам нужно было посетить, а затем мы бы продолжили свой путь без него. Найти кого-то, кто мог бы отвести нас, оказалось непросто: местные легенды повествовали о людях, уходящих туда и не вернувшихся обратно. Там возле озера были такие болота, где пели русалки, завлекавшие людей. А еще оттуда течение реки приносило фрукты, и местные верили, что если они съедят эти плоды, то заблудятся и уже никогда не вернуться домой. Так что желающих идти в те края было немного.

Мы с Джорджем, ясное дело, хотели остаться там на всю неделю и посмотреть, действительно ли появятся эти русалки. Кроме того, мы выяснили, что же на самом деле случилось с людьми, которые там потерялись. На горе этой было очень холодно, и все они, вероятно, умерли от переохлаждения. Не имея ничего, что могло бы помочь им зажечь огонь, да к тому же еще и без пищи, без подходящей одежды, несчастные путешественники пали жертвами гипотермии. Оставалось только надеяться, что, может быть, хоть эти хвостатые женщины спели для них, но и это лишь отчасти облегчило бы их страдания.

Гид сказал нам, что в этом месте водятся тапиры. Он видел их сам. Он описал их как больших, чудовищных животных, которые рыскали по лесу, и он был уверен, что они довольно опасны. Ну, дальнейшая история была такова: мы сошли с тропы, чтоб напиться воды из ручья, и тут собака гида спугнула тапира. Он быстро прошел мимо нас. Ого, ничего себе, мы увидели тапира! Это был довольно хороший образец животного. Я тогда себе и представить не мог, что это единственный дикий тапир, которого мне когда-либо удастся увидеть, да и для этого мне пришлось проехать аж до Гондураса.

В наших краях тапиров можно найти в Чомого, болотистой местности в заповеднике, которую мы называем «горячей точкой». Молодые тапиры рождаются в некрупных долинах, где есть небольшие родники и много зелени для питания. По крайней мере, так было в одном месте, где я лично видел, как там все было утоптано. Было ясно, что тапир провел здесь больше, чем одну ночь. Всегда есть надежда увидеть тапира в одном водоеме в Чомого, в котором вода не иссыкает даже в сухой сезон. Тапиры когда-то использовали этот водоем для того, чтобы окунуться в воду, но теперь они, похоже, ушли из этой местности вниз, ближе к реке Пеньяс-Бланкас. Тем не менее, если бы мы еще немного походили по болоту туда-сюда, мы бы, вероятно, нашли как минимум одно место, где они ошивались.

Мигель Лейтон из Сан-Луиса рассказывал мне, что в былые времена он со своим отцом и другими людьми ходил в леса в Бриллианте. И они там гнали тапиров с собаками в Пеньяс-Бланкас. Когда, бывало, подстрелят одного тапира, то кто-то возвращается тогда в деревню за помощью, надо же как-то оттащить добычу, а остальные остаются и готовят тушу к транспортировке. Тапир был основным источником белка. Мясо одного тапира могло бы обеспечить едой на неделю небольшое поселение, если его закоптить или засолить. Это уже потом охотники стали забирать только печень и язык, ну еще мягкую вырезку. Вот и все, что они брали, оставляя толстую шкуру, которая всегда ценилась, поскольку использовалась для изготовления плетеных ручек плеток для верховой езды.

В то время одним из главных охотников был Мигель Салазар. Он рассказал мне, как это было, когда охотники впервые начали ходить в долину, где они часто видели до трех или четырех тапиров за раз. Сначала они не очень-то охотились на них. Слишком сложно утащить такую большую тушу. И это факт, что мясо тапира напоминает наиболее жесткую разновидность конины. Когда люди поселились в Пеньяс, они стали чаще стрелять в тапиров.

Мигель мне рассказал, что когда он жил в Эль-Валле, они каждую неделю убивали тапира. Он думает, что за всю свою жизнь он участвовал в убийстве не менее чем тридцати тапиров. Семейство Рохасов, которые владели землями в Эль-Валле, подсчитали, что они убили пятнадцать или даже больше тапиров в те годы, когда занимались там вырубками и расчисткой земли с группой из шести или семи человек. Им нужно было кормить своих рабочих, так что они определенно ели мясо тапиров.

Свора собак, охотящихся за тапиром, обычно преследует жертву до тех пор, пока животное не упрется спиной в дерево или вал для защиты. Самцы-тапиры могут убежать, но самки заслоняют собой своих детей в надежде защитить их. Когда они беременны, они, естественно, не столь подвижны, уйти им труднее. Встав в такую позицию, тапир принимает на себя все, что атакует его. Он может легко убить собаку или, по крайней мере, покалечить ее, откусывая куски кожи и мышц, а еще тапир может прижать собаку своей ногой и потом добить ее. С одной собакой можно поймать ошейникового пекари, но для охоты на тапира нужны как минимум три пса. Собаки обычно работают вместе, чтобы отвлечь тапира, в общем-то, не атакуя его, опасаясь быть убитыми, пока не придет охотник.

На верхних пастбищах Монтеверде есть место под названием Лас-Калаверас, там тропу пересекает мощный горный ручей Кебрада Куэча. Это главный брод у животных. Еще с той поры, когда охота была обычным делом, охотники бросали там черепа убитых ими животных. Это место было известно тем, что люди брали туда своих собак для гона зверя, на которого шла охота. Охотник располагался около этого брода, поджидая жертву в то время, когда собаки гонят зверя. В первый раз, когда я поднялся туда, я увидел черепа пекари, мазамов и тапиров. Лас-Калаверас — историческое место на моей карте Монтеверде.

Печально, что популяция тапиров существенно сократилась, и отчасти из-за статуса убийцы тапира. Это был такой «подвиг мачо». Тапир — самое большое из млекопитающих Центральной и Южной Америки, поэтому убитый тапир был настоящим призом.

После 1987 года, когда все семьи покинули Пеньяс-Бланкас и увезли с собой своих собак и крупный рогатый скот, тапиры перебрались подальше в долину. Теперь они могли свободно обитать вплоть до самой реки Пеньяс-Бланкас. Они сменили основную зону своего кормления, но это произошло не так быстро. Пару раз мы замечали, что животные, принадлежащие к популяции на южной стороне реки, спустились к воде. Возможно, они перешли туда, чтобы воссоединиться с популяцией с другого берега. Важно, чтобы они это делали для сохранения крепости своего рода. На это потребовалось много времени.

Ближе всего я видел их в 1988 году. Мы тогда были на склоне к югу от реки Пеньяс-Бланкас, шли вниз к ручью. Хосе Луис Камбронеро и я шли впереди землемеров, прорубая тропу для них. И вдруг мы услышали крики «данта, данта». Мы побросали наши мачете и побежали назад, на холм, где были все остальные. Когда мы добрались туда, тапиры уже исчезли. Мы тогда перешли небольшой ручей, пошли туда, где только что были животные. Охотники мне говорили, что надо положить руку на землю, чтобы нащупать место, теплое еще, оттого что там лежали тапиры. Запах, оставшийся от них, был похож на запах лошадей. Некоторые рабочие все хорошо разглядели, потому что тапиры бежали по открытой оползневой зоне прямо перед ними. Я упустил животных, прошедших мимо меня фактически в нескольких дюймах. Все в нашей компании пожелали идти вслед тапирам, поэтому мы отклонились от нашего компаса, и вместо этого пошли по протоптанным дорожкам. Кажется, тот день был

потерян для землемерных работ.

Первый тапир, которого я почти повстречал, был убит в Пеньяс-Бланкас, застрелен при лунном свете на песчаном отложении на берегу реки Пеньяс-Бланкас, у Пако Молино. Людям было сложно забирать мясо животного оттуда. Но я знал многих, которые пошли туда и вернулись с мясом. Одним из них был Мигель Салазар, это через него я повстречал тапира. На самом деле, это было довольно хорошее мясо, жестче, чем говядина, но вполне съедобное. Я знаю, что ел тапира как минимум четыре раза. Но это было давно, когда я покупал землю и часто бывал гостем владельцев участков. Я думаю, что, наверно, на самом деле ел тапиров раза в два больше. Но те, кто кормил меня, не признавались, что это тапир, говоря мне, что мы едим домашнее животное.

Случай, произошедший со мной, когда последний раз меня кормили мясом тапира, и я знал, что это тапир, очень типичный. У некоторых людей было какое-то странное желание продолжать стрелять тапиров, и они это делали, даже зная, что это незаконно, зная, что я работаю в охране леса, зная, что я могу подать жалобу в полицию, и, более того, зная, что тапиров осталось очень мало, что они нуждаются в защите. В тот раз меня кормили мясом и при этом уверяли, что это говядина. Хозяин, в конце концов, признался, что мне подали тапира, и, конечно же, он пустился в объяснения, почему он его застрелил.

Он говорил, что вернулся в лагуну, туда, где он работал в районе Пальмиталь, недалеко от Седрала. Он и его мальчики отправились на охоту, в поисках паки. Им показалось, что они нашли искомое. Но их собаки убежали, преследуя кого-то в другом месте. В общем, все выглядело, как будто животное было выслежено, поэтому им нужно было идти и поискать своих собак. Конечно же, выслежен был тапир, которого они пристрелили, освежевали и взяли то, что они могли унести: печень, сердце и более мягкое мясо, вырезку. Они были в середине процесса разделки, когда на них вышел молодой, очень маленький тапир, которого кормила убитая мать. Им стало жаль его, и они его пристрелили тоже. Маленького тапира они бросили собакам.

Ага, ну вот, сразу два поколения умерщвлены. История была довольно типичной. Это животное, которое дает потомство только раз в два или два с половиной года. Легко понять, как быстро численность популяции может уменьшиться с нашей помощью, и как много времени может потребоваться для ее восстановления, особенно когда восстанавливать начинаешь на том этапе, когда популяция уже маленькая. К сожалению, эти охотники не смогли утащить все мясо, да и вообще никому оно особенно и не было нужно. Хотя, должен признать, оно было отменное. Я почти поверил, что это телятина. Так что я стал разъяснять этому семейству, насколько важно защищать этих животных, поведал им немного больше о жизненном цикле и естественной истории тапиров.

Для восстановления популяции тапиров должно пройти много времени. Для поддержания их жизни требуется большая площадь. И у нас имеется достаточно большая охраняемая территория. Устойчивый рост популяции тапиров может наблюдаться только в том случае, если люди осознают серьезность проблемы охоты на тапиров. А это возможно лишь при наличии экологического образования. Тапиры здесь пугливы, они нервничают, потому что знают, что на них идет охота. И, хотя они выходят на поляны и вырубки, они ко всему относятся с подозрением. Можно ходить по заповеднику два часа, три часа и так и не увидеть тапира. Но иногда удача улыбается посетителям заповедника, и люди встречают тапира на двух- или трехчасовых прогулках.

Я не очень переживаю, что не встречаю животное, но это при условии, что я часто вижу следы их молодняка. Тогда мне понятно, что прогресс налицо. Вот что я хотел сказать о тапире. Задача наша состоит в том, чтобы создать тут такие места, где человек может увидеть тапира, и этим человеком не обязательно должен быть я».

Одними из млекопитающих, выживших, несмотря на охотников Монтеверде, являются ошейниковые пекари. Активные и днем, и ночью, эти дикие, свиноподобные существа перемещаются стадами, насчитывающими до тридцати особей. Не самые симпатичные из животных, среднего размера, они покрыты похожей на проволоку темно-серой щетиной; у них большие головы треугольной формы и свиные пяточки. Хотя они, как правило, пугливы, тот факт, что они путешествуют группами и издают агрессивные звуки, ворчание, лай и щелканье зубами, создает ощущение опасности у наблюдающих за пекари.

Охотиться на стадо пекари и сложно, и легко. Сложно потому что, когда пекари в опасности, они держат круговую оборону и защищают друг друга. А легко потому, что можно сразу перестрелять много животных. И все же они вполне хорошо живут в охраняемых районах, тем самым доказав свою способность адаптироваться к среде обитания, которая подверглась серьезным изменениям. Однако стоит отметить, что их родственник, белобородый пекари, хотя и считается более агрессивным, оказался менее успешным в адаптации. В большей части своих прежних мест обитания его уж не найти. В настоящее время он встречается в значительных количествах только в костариканском национальном парке «Корковадо» на побережье Тихого океана. Пекари очень ценны еще тем, что они разносчики семян и, что более важно, являются пищей для более крупных плотоядных млекопитающих.

Пекари — один из тех млекопитающих, с которыми я чаще всего сталкиваюсь на тропе. От него исходит сильный запах мускуса, который остается на растительности, поэтому легко понять, что здесь проходили пекари. Когда мы только начинали управлять заповедником, то по всем признакам в нашем лесу было лишь небольшое стадо этих животных, не больше, чем одна семья. Следов было немного. Теперь их число увеличилось, и охранники в заповеднике как-то насчитали двадцать пять пекари в стаде, которое переходило тропу. Порой есть признаки того, что их стадо еще больше. И на тропе видишь уже не одну, а, может быть, целых три группы следов, натоптанных в трех разных участках. Дорога до заповедника и близлежащие тропы — любимые места пекари, где они регулярно поедают растительность. Сейчас они уже перешли на сторону, где расположен Сан-Луис, чего мы никогда не видели в первые годы. Чуть меньше их в Эль-Валле и в болоте Чомого.

Увидеть пекари достаточно несложно, и во встрече с ними нет ничего необычного. Однажды в первые годы существования заповедника я патрулировал местность и в лесу наткнулся на упавшее дерево. Я перевалился через это бревно, используя одну руку, и мои ноги коснулись чего-то по другую сторону ствола. Оказалось, что я наступил прямо на пекари. К счастью, он не набросился на меня, но был так же испуган, как и я, и отскочил в кусты. Он довольно проворно сделал круг, чтобы посмотреть, что это за ерунда такая, кто же так сильно его ткнул. После этого он успокоился, и каждый из нас пошел своей дорогой. Все могло бы закончиться по-другому, если бы я приземлился на его морду, или если бы он решил, что на него нападают.

Однажды вечером я приехал на один старый кемпинг недалеко от главной тропы по дороге в Ареналь. Я подумал, что прежде чем разобрать свой рюкзак, затопить печь и зажечь свечи, мне надо спуститься вниз и набрать воды из ручья. Было уже темно. Я взял канистры и направился к ручью. И вот тогда-то я и увидел стадо пекари. Они шли вверх по тропе. Я тогда зажег свечку и прислонился к дереву, чтобы дать им пройти мимо. Животные увидели, что на тропе кто-то есть, и у каждого из них, похоже, было свое представление о том, что же им делать. Они мне показались наполовину испуганными, наполовину в смятении. Я чувствовал себя точно так же. Пекари в первых рядах, похоже, не могли думать о чем-то другом, кроме как о том, что надо продолжать двигаться. Самые большие особи ошетинились и сошли с тропы в лес. Но самые нервные из них подошли и, казалось, хотели сказать: «Але, здесь что-то не так». Они расхрабрились и начали фыркать. В общем, им понадобилось какое-то время на то, чтоб миновать меня. Наверное, я был для них неожиданностью. Даже

после того, как пекари исчезли, и я продолжил движение к ручью за водой, у меня оставались сомнения, нет ли тут других пекари, и не следят ли они за мной.

Трудно представить себе более удивительную и приводящую в замешательство ситуацию, чем та, в которой я оказался ночью. Тропа, и пекари на берегу фыркают, а потом уходят в подлесок. Всегда надо быть готовым к тому, что такое может случиться, иначе вы выпрыгнете из штанов от неожиданности. Невозможно не волноваться, если вы стали причиной разделения стада. Слева и справа от вас животные, которые хотят снова быть вместе. Те особи, которые были отделены, стремятся воссоединиться со стадом, в то время как другие, похоже, стремятся их защитить. Там был один пекари, который, фыркнув, ушел в подлесок, а затем снова вышел, и так несколько раз. И все это для того, чтобы помочь отделенным от стада вернуться в свой коллектив. Пекари иногда могут быть агрессивными, но, на самом деле, атака для них не главное. Я почти никогда не слышал, чтобы они клацали зубами. Это еще один признак того, что они действительно рассержены и готовы отчаянно защищаться.

Ошейниковые пекари не очень агрессивны. Причина, по которой они не считаются совсем уж безобидными, заключается в том, что, когда собаки гонят их, они окапываются и защищаются, прикрывая свой зад. Как правило, они не очень часто убегают и скрываются из вида. Более вероятно то, что они окопаются. Они могут принимать собак на себя, и если вы не поторопитесь спасти своего бобика, то, скорее всего, собаку или покалечат, или убьют.

Последний раз, когда знаменитый в Пеньяс-Бланкас охотник по имени Корнелиус Родригес отправился в долину на охоту, он позвал с собой действительно ценную собаку. И его собака была убита старым самцом пекари. После этого сеньор Родригес больше никогда не ходил в Пеньяс на охоту. Он ведь потерял одну из своих лучших собак, и эта собака стоила больших денег, найти ей замену было нелегко. Он решил, что больше не будет вести охоту в Пеньяс, а ведь он делал это много лет до того. Вот так опыт показал, что дикие животные иногда могут защищаться.

Однажды я стал владельцем маленького пекари, который изначально принадлежал моему другу, жившему в Пеньяс-Бланкас, почти в Поко-Сол. Я пришел к дому этого охотника, и его жена показала мне это создание. Как и любое маленькое животное, пекари был очень милый и был готов идти за мной домой. Поэтому я сказал: «Ну, ладно, давай я его куплю». У меня возникла идея отнести его домой к Эладио в Пеньяс, и он стал бы талисманом для нас. Я заплатил за животное, но не хотел брать его в тот же самый день, поскольку сразу отправлялся в обратный путь. Несколько месяцев спустя я снова проходил мимо дома охотника. Этот охотник был дома, и он сразу же начал извиняться. Выяснилось, что Эладио так и не пришел за пекари, а животное росло и росло, и становилось все более и более назойливым. Во время дойки коров пекари приходил и забирался в кормушку, чем тревожил этих коров, поэтому мой приятель охотник, в конце концов, зарезал его, как раз этим утром. Наверное, такова была судьба этой свиньи. Он предложил мне немного мяса, чтобы компенсировать мою потерю. И мои деньги он мне вернул! К тому времени животное все-таки подросло. Я уже не очень-то хотел его вести с собой, поэтому воспринял новость с облегчением, так как мне не придется иметь дело с подросшим пекари. Удачный разворот событий вышел для меня: и деньги получил, и провизию в результате этой сделки.

Я не раз ел мясо пекари, и оно очень вкусное. Наверно, самое вкусное мясо было у того пекари, что мы вскормили на нашей ферме. У нас там один год случилось некоторое затруднение. На небольшой грядке в дальнем углу нашего участка я хотел посадить траву. Сначала я посадил корнеплоды, чтобы использовать плодородную почву до того, как сажать траву. Наш помощник сказал мне: «Знаешь, пекари съедят твои корнеплоды, и скоро от них ничего не останется». Я пошел посмотреть, ну и, конечно же, осталось всего пару рядов. Эти

пекари регулярно приходили и кормились тут.

На следующее утро я сказал своему сыну: «Карлос, возьми винтовку и пойди на тот участок, где растут корнеплоды, посмотри, что там творится, а я пока за тебя сделаю работу по дому». Он взял ружье. Я доил коров, когда Карлос вернулся и сказал: «Я пристрелил одного, и он упал в маленькую канавку рядом с грядкой. А когда пошел забирать подстреленную свинью, слушай, туда пришла пара взрослых пекари, и они начали щелкать зубами». Поэтому ему пришлось выстрелить над их головами, а затем сделать еще несколько выстрелов, чтоб знали, и только тогда пекари убежали. Он забрал застреленного и отправился домой.

А потом пришел наш сосед, Джордж Пауэлл. Он очень расстроился из-за случившегося. Джордж предложил заплатить за весь участок съеденных корнеплодов, если мы пообещаем, что больше не будем стрелять в пекари. Но пристреленную свинью это уже не могло спасти. Мы освежевали ее и положили мясо в морозилку. Много хороших блюд приготовили из него. Однажды к нам пришли на обед Джордж и Харриет. Это было в воскресенье вечером. И мы вытащили замороженное мясо из холодильника. Вот когда я и заработал комплименты и похвалы в адрес настоящих хороших свиных отбивных. Постные, нежные, никакого душка. Это был молодой пекари, которого давеча пристрелили, и лучших отбивных было не найти. И неважно, догадывался или нет Джордж о происхождении мяса.

Главное с этими пекари не попасть в их стадо и не дать им почувствовать себя загнанным в угол. Еще не рекомендуется слишком близко подходить к этим животным, когда у них есть молодые поросята. Одно дело, когда мы видим пять, ну, меньше десятка свиней в группе. Совсем другая картина, когда вы увидите стадо. В такие моменты ощущаешь полное отсутствие желания связываться с ними. Ошейниковые пекари — это вид крупных млекопитающих, выживших, невзирая на охоту на них. И мы по-прежнему видим их там и здесь. Тот факт, что их довольно много, подтверждает понимание, что это большая популяция, подрастающий источник питания для хищников. И это хорошо».

Дикие кошки — неуловимые существа, отчасти из-за их одиночного образа жизни, отчасти из-за того, что их мало. В Коста-Рике есть шесть видов: *эль-тигре*, ягуар, который является самым большим; пума, которую тут называют светлым горным львом — *эль-леон*; *эль-бреньеро* — ягуарунди, похожие на ласку; *эль-манигордо* — оцелот, названный так по причине широких передних лап; и самые маленькие из кошек, *эль-тигрильо* и *эль-каусель* — длиннохвостая кошка и онцилла, взаимозаменяемы по своим испанским названиям, потому что они очень похожи друг на друга.

До начала 1980-х годов на диких кошек охотились в погоне за их шкурами, и теперь все шесть видов находятся под угрозой исчезновения. Независимо от этого статуса, они по-прежнему часто становятся жертвами спортивных охотников и фермеров, которые защищают своих домашних животных. Дикие кошки плотоядны, и им требуются большие площади для охоты, чтобы выжить. Они едят все, что доступно, включая земноводных, грызунов, мелких млекопитающих, птиц и пекари. Лишь изредка голодные кошки, обычно старые или раненые, нападают на легкую добычу, такую, как неповоротливый скот. Это чаще случается в тех регионах, где естественная среда обитания кошек уменьшилась по причине роста сельскохозяйственных угодий.

Хотя имеются признаки того, что в районе Монтеверде по-прежнему существует значительная популяция пум, с ягуарами дела обстоят хуже. Ягуары нечасто дают потомство, каждые два года появляются лишь один-два детеныша, что делает затруднительным поддержание нормальной, здоровой популяции. Ученые подсчитали, что изолированная популяция ягуаров требует пространство площадью 400 000 гектар для того, чтобы выжить, и, несмотря на успех природоохранных работ в Монтеверде и вокруг него, общая охраняемая территория намного меньше требуемого. Часто биологи называют исчезающие виды

«живыми мертвецами», поскольку этим видам почти невозможно увеличить свою численность и в долгосрочной перспективе, увы, это небольшие популяции, которые пытаются существовать в ограниченных средах обитания.

Природоохранные организации в Коста-Рике, как и в других местах, в настоящее время работают над созданием биологических коридоров между уже существующими заповедниками и охраняемыми районам. Это делается для сохранения популяций крупных кошек и многих других представителей дикой природы. Исследования показали, что популяции могут выжить при относительно небольшом количестве земель, достаточном для того, чтобы животные могли безопасно перемещаться из одной заповедной области в другую. Поэтому, если мы хотим обеспечить свободное перемещение диких кошек в своей родной среде, нам надо не только поддерживать обширные природные районы дикой природы, но и защищать коридоры, их связывающие.

«В 1952 году в районе Серро-Плано был ягуар, который охотился на собак и убивал их. Это, конечно, тревожило многих, поскольку местные охотничьи собаки были очень важны для добычи мяса, источника протеина для людей. В те годы в коммуне забивали лишь одного бычка в месяц. Люди делили мясо между собой, поскольку его было невозможно долго хранить. Говядину можно коптить или засушить, но большинство людей засаливали мясо или съедали его сразу. Таким образом, свою белковую диету людям надо было поддерживать охотой. Так что две охотничьи собаки, убитые в течение недели, это вам не шуточки.

Однажды ночью я держал в руках фонарик и увидел эту кошку. Мы с ней случайно столкнулись на изгибе тропы и в течение нескольких секунд смотрели друг на друга. Я думаю, мы были в равной степени удивлены и впечатлены. Она метнула быстрый взгляд, потом присела и затем исчезла в лесу. Я чуть не наделал в свои сапоги, когда осознал, что я только что, в пяти метрах от себя видел эту *тигре*, как тут говорят.

Она обосновалась в районе, который мы теперь называем Бахо-дель-Тигре, где, очевидно, у нее было логово, и она там растила своего детеныша. Я встретился с ней на верхней тропе, но она также приходила и к нашей палаточной площадке и выходила на дорогу. Она пыталась выкормить своего звереныша и искала пропитание повсюду.

В одну из ночей были убиты две собаки Чаваррии, и местные охотники привезли собаку, которая была натаскана на отслеживание ягуаров и пум. Они вывели собаку на тропу на краю скалы, и пес довольно быстро смог загнать дикую кошку на дерево. Охотник пристрелил ягуара, а затем содрал с него шкуру, сделав ее своим трофеем. Я оказался в общине как раз в тот момент, когда ее фотографировали дома у Артура Роквелла. Меня сильно впечатлил тот факт, что лапа хищника была существенно больше, чем мой кулак. Так-то мне довелось снова полюбоваться на эту дикую кошку, но впечатление было менее сильным по сравнению с тем, что я ощущал тогда, на ночной тропе.

Мы все еще иногда видим следы пум и их помет в обитаемых логовах, и я часто нахожу территориальные метки на тропах в сезон размножения. Эта популяция значительно сократилась в лесистой местности, но на окраинах заповедника их все еще довольно много. Для них там достаточно еды по причине обитания в том регионе пекари. Мы часто видим следы пиршеств, остатки еды, которой наслаждались дикие кошки. Несколько лет назад мы наткнулись на место, где пума ела молодого ленивца, который был покрыт пухом, а не волосами. Обглоданная жертва еще была вполне свежей. Было видно, где она была убита, и пума жадно сгрызла ее. Съела большую часть животного, оставив лишь несколько маленьких костей.

По мере приближения сухого сезона мы отмечаем большую активность. Это сезон размножения, в этот период везде появляются новые тропы и дорожки. Мы заметили, что

привычки животных сильно изменились. Животные, безусловно, становятся более смелыми. В какой-то год за моим компаньоном по походам Мэттом Стакки и за мной следили, когда мы выходили из леса. На следующий день мы видели свежие следы двух пум, любопытствующих, куда это мы идем и чем занимаемся.

Когда-то давно в Монтеверде оцелот нашел курятник, который забыли закрыть. Когда этот зверь протискивался сквозь небольшое отверстие, он умудрился задеть дверную опору и дверь захлопнулась. На следующее утро удивленные владельцы открыли курятник и обнаружили, что внутри заперт оцелот, а все куры задушены. Оцелоты и длиннохвостые кошки все еще обитают в этих краях, но их следы не так заметны. Они едят мелких животных, таких как паки, агути и ленивцы, и еще они забираются в птичьи гнезда. Проводники по заповеднику иногда видят длиннохвостых кошек, которые предпочитают жить повыше, в туманном лесу. Но признаки присутствия длиннохвостых кошек можно заметить и в Монтеверде, а очень редко можно повстречать и само животное. В долине Сан-Луис чаще встретишь пуму и оцелота.

Я раз шел по разделительной пограничной полосе в Чомого. Это было несколько лет назад, вечером. На дереве сидели два черных гуана — такие большие птицы размером с индейку, которые очень чего-то раскипятились там. Их крики заставили меня остановиться, чтобы посмотреть, что происходит. Не прекращая гам, они взлетели на дерево повыше, явно обеспокоенные чем-то. Прилетел еще один гуан. Он приземлился рядом, на большую раскидистую ветку, увитую эпифитами, поэтому я его плохо видел. Крики по-прежнему продолжались, а затем из эпифитов выбралась длиннохвостая кошка и двинулась подальше от этих сумасшедших птиц. После этого все угомонилось, и другие два гуана улетели. Я решил, что длиннохвостая кошка убила третьего гуана и вернется пировать, как только все успокоится. Вот такая динамичная драма, которую мне довелось наблюдать. Столько событий за несколько минут.

Раз уж зашел разговор про тех больших птиц, которые называются черными гуанами... Местные жители зовут их «летающий суп». В этих краях не найти ничего более похожего на индейку ко Дню благодарения. Джордж Пауэлл, помнится, когда был здесь в первый раз, сказал, что надо приготовить индейку для нашего обеда в честь Дня благодарения. Он знал, что в лесу, где он работал, обитает гуан. Ему было очень неприятно это делать, но Джордж подстрелил птицу, и мы ее съели. Он потом сделал чучело из нее, набил опилками, прикрепил стеклянные глаза, а моя дочь Хелена покрасила вокруг клюва синим. Чучело долго стояло на полке у нас дома, пока перья не стали выпадать. Это было как напоминание о том, как мы когда-то делали подобные вещи.

Как-то раз я в свете фонарика наблюдал великолепное зрелище. Я тогда был в хорошей форме, шел от Эладио ночью в гору вдоль реки. Я уже был почти у вершины и подходил к последнему ручью, растительность там была мне по пояс. Вдруг я заметил какое-то движение, наверно, животного. Я подумал, что это, наверно, олененок. Животное припало к земле, и я осветил фонариком: свет выхватил из тьмы морду пумы. Она дернулась и вроде двинулась ко мне немного, затем повернулась, одним прыжком пересекла тропу и метнулась вверх по берегу, и все это в ярком свете фонаря. Какое невероятное зрелище! Сначала я увидел ее мордочку, темные метки вокруг глаз. Когда она повернулась и сделала этот изящный прыжок, я увидел ее длинный хвост. Кошка поднялась на берег и исчезла. Я смотрел на все это с открытым ртом. Я был очень близко к ней, и мне все было отлично видно.

Я перешел ручей и тут же натолкнулся на пекари. Тут-то я смекнул, что прервал охоту пумы. Сильный мускусный запах в этом месте наводил на мысль, что поблизости были еще пекари. Пума, очевидно, преследовала пекари, и я смог подойти так близко потому, что шум ручья

помешал дикой кошке услышать мои шаги. Я испортил охоту пуме и, без сомнения, оттянул смерть пекари, который стремительно удрал в противоположном направлении. Пекари — любимая еда пум, и, если они могут отбить одного из них от стада, шансов на успешную охоту становится больше — все стадо дикой кошке не одолеть.

Во время наших обходов в заповеднике мы часто видели следы пекари, и следы пумы ясно давали понять, что она следовала за ним сзади, в надежде на легкий обед. Приятно знать, что пумы все еще здесь, и порой мы их даже можем увидеть. Ее следы немного меньше, чем у ягуара, но они все равно впечатляют, когда вы думаете о той твари, которая оставила след. Я видел след, сделанный дикой кошкой в грязи, настоящий, хороший отпечаток, который показывал, сколько веса было в этой пуме. Мне не очень хотелось бы, чтобы она прыгнула мне на шею. Как-то веселее смотрятся эти следы в дневном свете, чем когда в одиночестве идешь по лесу, да еще и в темноте. Когда что-то движется в подлеске или по деревьям и при этом не производит никаких других шумов, кроме звука движения, в голове неизбежно возникает мысль: а что бы это могло быть?

Всякий раз, когда появлялись следы большой кошки вокруг пастбищ или в Пеньяс-Бланкас, на нее охотились и отстреливали. Поэтому, естественно, мы не увидим ягуара, пока еще один не войдет в этот регион, чтобы заявить свои права на территорию. Однажды, когда фермеры застрелили ягуара, убивавшего их крупный рогатый скот, выяснилось, что у него даже не было многих зубов. Вероятно, он был старым и не мог выживать в лесу, поэтому отправился на более легкие охотничьи угодья. В другой раз они пристрелили самку, после которой остались трое сирот. Их забрали с собой, обреченных на взросление в неволе. Для меня всегда помеченные дикими кошками места на тропе выглядят обнадеживающе: поцарапанная земля и аромат мускуса. Это доказательство того, что они все еще здесь, несмотря на все преграды и неприятности.

В марте 1993 года в заповеднике Санта-Елена был найден застреленный оцелот. Его тело бросили рядом с тропой люди, которые хотели сыграть на наших эмоциях и показать нам, что они могут нарушать закон. Это был довольно большой шок для тех из нас, кто долгое время учил местных граждан законам, защищающим наших диких кошек.

Несколько лет назад нам как-то сообщили о двух бычках, убитых в Одхо-де-Агуа близ Седрала. В то время там точно были ягуары. Мы всегда пытаемся найти способ, как разругать ситуацию с теми фермерами, которые потеряли своих домашних животных. Мы взываем к их рассудку и призываем к осознанию, что бывают такие ситуации, когда нам всем вместе нужно пережить случившееся. Наша цель — заручиться поддержкой фермеров, которые иногда теряют животных.

По закону только государственные охранники имеют право пристрелить дикую кошку и то только в том случае, если они решили, что хищник создал угрозу. Этот же закон гарантирует государственную компенсацию фермерам за потерю скота, если они могут доказать гибель скота от лап дикого животного. К сожалению, на практике власти никогда не возмещали потери, несмотря на все наши усилия и помощь фермерам района. Мы всегда были готовы представить необходимые доказательства. Однако мы редко получаем реальные свидетельства убийств домашнего скота ягуарами в сельскохозяйственных районах. Мы чувствуем, что нам все-таки удалось добиться успеха, раз люди связываются с нами, чтобы сообщить о гибели домашнего животного на их ферме от лап хищника, вместо того, чтобы самим отследить и пристрелить зверя. Если нас информируют, то мы тогда уже можем взять на себя ответственность за дикую кошку, вернувшуюся в лес. Мы устанавливаем дежурство неподалеку от убитого домашнего животного до тех пор, пока кошка не вернется доест свою жертву. Мы предотвращаем убийство дикого животного. В конце концов, хищник уходит в лес. Если нам удается спасти дикую кошку от пули, это крупная победа. Я так думаю.

Тот факт, что вы можете убить их, совсем не означает, что их надо убивать. Ведь дикие животные — часть того, что мы спасаем. Нам нужен большой участок охраняемого леса не только потому, что мы хотим сохранить природные ресурсы, но и потому, что мы хотим, чтобы все твари, которые там жили, оставались там же».

По вершинам деревьев вокруг Монтеверде скачут представители трех из всех четырех видов обезьян, обитающих в Коста-Рике: коаты, из семейства паукообразных обезьян Центральной Америки, они же *моно колорадо*; колумбийские ревуны или *конго*; белоплечий капуцин, также известный как обезьяна с белой мордой, или *моно карабланка*. Они неплохо уживаются на одной территории по причине различия в привычках питания. Все они едят фрукты, но коата зависит от них в большей степени по сравнению с другими. Коаты довольно активны в течение всего дня. Для отдыха им хватает одной пятой части суток. Хотя типичная стая коат насчитывает от двадцати до сорока особей, они перемещаются по территории небольшими группками, для того чтобы более эффективно опустошать плодовые деревья, разбросанные там и сям по лесу.

Обезьяны-ревуны питаются всякими листьями, отдавая предпочтение вкусной молодой листве. Их часто можно увидеть висящими на верхних ветвях деревьев. Они греются на солнце, которое, согревая их тела, способствует ускорению брожения съеденной ими богатой клетчаткой пищи. Ревуны славятся ревом, который производят взрослые самцы. Этот рев слышен на многие километры вдаль. Он предвещает как рассвет, так и сумерки, также периодически сообщая о дислокации обезьяньих дружин в течение дня.

Беломордые обезьяны, как и другие виды, тоже едят фрукты, но они единственные, кто сильно зависит от насекомых. Они шныряют по лесу в поисках своей любимой еды. В их меню входят ящерицы, лягушки, птицы и мелкие млекопитающие. Животные, например, пекари и коати, порой следуют за обезьянами по земле, подбирая пищу, которую те роняют. Беломордые обезьяны являются ведущими разносчиками семян и служат для деревьев секаторами. Поедая молодые побеги деревьев, они способствуют их ветвлению, а у некоторых видов росту числа фруктов.

Наибольшая угроза выживанию этих приматов исходит от их буйных родственников, *Homo sapiens*. В прошлом на обезьян охотились ради мяса. Их отлавливали и передавали исследователям для опытов. Их зачастую держали как домашних животных. В 1950-х годах примерно 200 000 обезьян ежегодно экспортировались в Соединенные Штаты. В те же годы эпидемия желтой лихорадки среди людей уничтожила популяции обезьян в Монтеверде. Когда охота в нескольких районах значительно уменьшала число некоторых из их главных врагов, таких как пума и южноамериканская гарпия, обезьянье царство снова стало процветать. Но по мере того, как происходит утрата и фрагментация мест обитания, разнообразие их источников пищи уменьшается. Перемещение отрядов обезьян становится затруднительным, что может привести к инбридингу и уменьшению генетического разнообразия. Только защищая их естественную среду обитания, мы сможем и далее любоваться тем, как обезьяны играют в лесу, а не тем, как они томятся в клетках зоопарков.

«Я наблюдал все три вида обезьян в разное время здесь, в лесу. Наверно можно сказать, что потеря среды обитания повлияла на каждое животное, которое не хотело спускаться на землю и есть траву. У коат были и другие большие жизненные трудности. Люди охотились на них, чтобы поймать их детенышей и потом продать или приручить их как домашних животных. Люди употребляли взрослых обезьян в пищу, не считаясь с тем, были ли у них дети. Так что уменьшение популяции этого вида происходило не только из-за потери среды обитания. Но в нашем регионе лесов по-прежнему много, а два других вида, обезьяны капуцины и ревуны, являются здоровыми популяциями.

В долине Пеньяс-Бланкас с самого начала было несколько отрядов паукообразных обезьян-

коат. В старое время было обычным делом видеть их и слышать их крики. Какое-то время спустя популяция уменьшилась, главным образом, из-за охоты на коат. В 1950-х годах случилась эпидемия желтой лихорадки, которая поразила все виды обезьян, и многие животные пали. Эпидемия могла бы быть еще более губительной для некоторых видов обезьян. Как бы то ни было, число коат значительно сократилось, до такой степени, что единственная значительная группа, о которой мне было известно, обитала за Эль-Валле, выше долины Пеньяс-Бланкас.

Я часто наблюдал за маленькими стайками коат во время моих обходов, особенно вокруг базы Серро-Амигос, на обратной стороне от Рио-Негро. В последние несколько лет я видел взрослых особей с молодыми обезьянками, поэтому думаю, что коаты возвращаются в Пеньяс, где они теперь обитают по обе стороны реки. Их также видели в Сан-Луисе, и я часто сталкивался с ними на тропе по пути к вулкану Ареналь, возле реки Агуас-Гатас и на хребтах по периметру Детского вечного тропического леса. Они также встречаются возле домика наблюдателей у вулкана Ареналь и в национальном парке вулкана Ареналь.

Обезьяны-ревуны — по-прежнему наиболее часто встречающиеся здесь обезьяны, и их чаще слышишь. Их можно встретить по периметру вырубок в Монтеверде, Серро-Плано и Сан-Луис. На самом деле, я думаю, что численность отрядов этих приматов осталась прежней. Такое ощущение, что обезьяны ревуны давно все поняли про нас, людей. Их тревожил треск бензопил, когда мы спиливали деревья, они также колготились, когда мы расчищали тропы с помощью мачете. Эти обезьяны не окажутся над вами до тех пор, пока большие ревуны не начнут оглашать воплями лес. Они очень любят погадить и помочиться прямо на вас. Мне хватило одного раза, чтобы понять эту хитрость. Несколько лет назад на прием в заповедник приезжала одна дама. И она была очень возмущена тем, что обезьяна нагадила прямо на ее фотоаппарат. Она нас очень сильно ругала за то, что мы не предупредили ее ни в коем случае не вставать под этими животными. Если вы хотите их фотографировать или там восхищаться ими, то вам лучше не вставать под ними. Я вас предупреждаю сейчас!

В наш первый год пребывания здесь я решил, что было бы здорово стать первым жителем Монтеверде, имеющим прирученную обезьяну. Как-то раз я шел по лесу, и увидел паукообразную обезьяну-коату с детенышем. Я пристрелил мать, но не знал, что, если обезьяна не окажется на ветке, откуда она может упасть на землю, она делает то, что сделала эта обезьяна, которая падала и застряла между ветвей. Раздался крик матери, которую я застрелил, а затем и крик ее ребенка. И тут появились другие обезьяны, они прошли прямо надо мной, одна коата взяла ребенка и унесла его. Я не мог подняться, чтобы забрать мать, которую я застрелил, поэтому мне пришлось оставить ее на дереве. Я чувствовал себя отвратительно и осознал, что убийство матери ради того, чтобы заполучить ее ребенка было дурной затеей. Независимо от того, охотитесь ли вы на обезьяну ради еды, чтоб заполучить ее детеныша или для того, чтоб обрести ее сало и железы — говорят, что они обладают лекарственными свойствами — будьте умнее меня.

Мы никогда не собирались растить и воспитывать обезьян. Те обезьяны, которые были у нас, были даны нам, потому что они остались сиротами, и не было никаких шансов на то, что они выживут сами по себе. Довольно сложная это была работа попытаться вырастить их, — сначала их надо было приучить жить в неволе, а затем приспособить их к жизни в дикой природе. Это нам никогда не удавалось.

Но, в конце концов, мы вырастили трех обезьянок. Одну из них нам принесла студентка. Зверенышу было всего несколько недель. Мы должны были присмотреть за обезьяной в течение двух недель, пока студентка не завершит свой курс обучения. Она возвращалась в Штаты и хотела взять с собой паукообразную обезьяну-коату. Поэтому она старалась получить необходимые для перевозки документы. Но это ей не удалось. Она так и не смогла

получить разрешение. Мы оставили обезьянку себе и вырастили, при этом пытаюсь придумать, куда же ее деть потом. По мере взросления животного оно становилось все более и более несносным. Мы должны были держать его на цепи. Но цепь ослабла, и коата тогда вскочила на кормушку колибри с ее любимым кушаньем из числа когда-либо попадавших ей в пасть. В последний раз, когда это почти случилось, Лаки вышла наружу и инстинктивно среагировала, схватив обезьяну. Она сильно укусила Лаки тогда. На этом пребывание обезьяны у нас было завершено.

Мы как-то узнали, что биологический заповедник «Куру» на полуострове Никоя реабилитирует паукообразных обезьян. У них была площадь, куда они могли выпускать обезьян, а затем держать их под своим надзором до той поры, пока они не присоединятся к отряду. Поэтому наш сын Бенито взял обезьянку и повез ее в Куру. Они его приезде не очень-то обрадовались, потому что к тому времени их эксперимент оказался не шибко успешным. Потребовалось много времени и усилий для того, чтобы вернуть обезьян в лес. Но они все-таки взяли ее. Она никогда не общалась с отрядом и не любила входить в помещения, но все-таки выжила.

У нас еще были две обезьяны-ревуна. Первый у нас был чуть больше года, пока не заболел гриппом, подхватив от нас вирус, и умер. Со вторым мы были более осторожны и старались не передавать ему наши микробы. Он прожил пару лет, оставаясь на ночь в сарае. Он был приспособлен к жизни вне дома, сам по себе. Однако, в конце концов, он тоже подхватил грипп. Мы немедленно начали лечить его антибиотиками, которые мы использовали и для наших домашних животных, но он не выжил. В этом была их большая слабость. Они легко подхватывали болезни, так же как и их родственники, павшие ранее жертвами желтой лихорадки.

Мы многое узнали об обезьянах, воспитывая их сироток. У обезьян-ревунов случалась диарея всякий раз, когда кто-нибудь их огорчал или, наоборот, радовал их. Это часть их природы, нужно быть готовым к этому. В точности так же, как и наши дети, обезьяны-ревуны не любят купаться, и всегда устроят по этому поводу скандал, станут громко этому возражать. Коаты, однако, будут шлепать рукой по теплой воде, ходить вокруг да около, суетиться, а потом заберутся в ванну и будут наслаждаться купанием. Довольно существенная разница в их реакции на довольно обычные вещи.

Местные жители уверяют, что ревуны приветствуют дождь своими криками. Наш опыт говорит обратное: растя зверенышей обезьян-ревунов и наблюдая внимательно за ними, мы пришли к выводу, что им не нравится дождь, как и сама идея намочания. Они начинают жаловаться, когда видят, что надвигаются тучи. А еще ревуны известны своей болтовней по утрам. Лишь только солнечные лучи позолотят верхушки деревьев, как эти создания начинают перебегать туда-сюда, иногда даже между двумя или тремя разными отрядами. В Пеньяс-Бланкас, в моем тропическом лесу, я называю обезьяну-ревуна *галло*, то есть утренним петухом. Это довольно надежный будильник».

В районе Монтеверде есть два вида оленей: часто встречающийся *кабро де монте*, или большой мазама, и редко встречающийся *вендадо*, то есть белохвостый олень. У них разные места обитания: некрупные мазамы предпочитают густые леса, а белохвостый олень обитает в открытых районах, где, к сожалению, он более подвержен риску попасть охотникам на мушку. Монтеверде является верхней границей ареала этого оленя, который часто встречается небольшими группами особей, питающимися листьями, фруктами, семенами, ветками и корой. В прошлом белохвостые олени были одним из главных объектов охоты. Но принятие охотничьих законов, создание охраняемых районов и исчезновение многих хищников — больших кошек — дали возможность этой популяции подрасти.

Мазамы — одиночные животные. Они питаются фруктами и семенами, которые находят

возле троп или на открытых местах по краю леса, а передвигаются, держа свою голову нагнутой вниз. У самцов короткие, неразветвленные, обращенные назад рога, которые позволяют им пробиваться сквозь густую растительность и уходить от опасности, давая деру сквозь густые заросли кустарника.

«*Кабро де монте* — мазамы — здесь были всегда. Это очень хорошо, что во все годы путешествий по этим краям ты всегда видишь их либо на старой вырубке, либо на тропе, как днем, так и по ночам. Я иногда подстреливал мазаму по пути в Пеньяс-Бланкас, моя жертва падала прямо на тропе. В прошлом я часто готовил разные блюда из мазам. Однажды, несколько лет назад, я направлялся через Пеньяс в Поко-Сол. В первом же доме, куда я зашел, семейство только что обработало подстреленного паку и жарило его. Это была изумительная утренняя еда. Затем я пошел вниз и к вечеру добрался до дома, где хозяева только что приготовили мазаму. Так что поел немного оленины. Сегодня я предпочитаю видеть этих животных живыми, а не на столе.

Помню, как однажды утром я спустился в долину, чтобы навестить владельца тамошней усадьбы. Он был на охоте. Я услышал лай собак, бегающих в лесу, поэтому решил подождать хозяина около избушки, присев рядом с его женой и дочерью. Мазама подошел к развилке ручья и перешел на другую ветку ручья, стараясь оставаться в воде, чтобы сбить собак со следа. Мы, сидящие на берегу, его совершенно не тревожили, а беспокоили его лишь те собаки вдали. Мне тогда запомнился комментарий жены моего приятеля. Она сказала: «Знаете, первый раз в жизни вижу мазаму живьем. До этого мне и в голову не приходило, как изящно и красиво это животное».

Вот уж где рай для любителей птиц, так это в Коста-Рике. В районе Монтеверде насчитывается более 400 видов пернатых. Многие из них — простые маленькие коричневые птички, чьи трели наполняют атмосферу с утра до ночи. Цветастые танагры, суетливые мухоловки и вьющие гнезда сойки — все это имеется в изобилии и занесено в каталоги наблюдения за птицами. Конечно, эти уникальные и красочные птицы привлекают туристов, насмотревшихся фотографий знаменитых местных видов, таких как овьянный легендами блистательный кетцаль, говорливый тукан, дружелюбный, с весловидным хвостом, момот в синей короне и мерцающий фиолетовый колибри-саблекрыл. Их красоту оценить может всякий. Для этого не обязательно быть наблюдателем за птицами.

Составив правильный план и заручившись наличием пары приличных биноклей, здесь можно наблюдать за поведением птиц во время гнездования и дивиться ритуалам спаривания многих птиц. Монтеверде имеет в своем распоряжении широкий выбор мест для наблюдателей — вполне достаточный для того, чтобы предаваться своей страсти — от влажного туманного леса до более сухих горных лиственных лесов. Внутри этих лесистых местообитаний есть одно, с богатым разнообразием одного из самых разнообразных семейств деревьев в Монтеверде, семейства лавровых, его вида авокадо. Здесь представлено семьдесят видов авокадо, поставляющих основную пищу для блистательного кетцалья и трехусого звонаря. Эти птицы, как сборщики фруктов, следуют за урожаем. В сухой сезон такая погоня за пищей приводит их в облачный лес. Кетцали появляются в январе, а звонари примерно в марте. Они размножаются, а затем следуют за созревающим авокадо обратно вниз по склону, в низину.

Кетцали, как кажется, полны самомнения и не без оснований. Время от времени они почти навязчиво демонстрируют себя, пикируя в воздухе над головами туристов, и их длинные хвосты вьются за ними, все равно как ленточки за сверкающим подарочным пакетом радужного зеленого и синего цвета. В другое время их можно найти, ориентируясь на их жалобные крики, пробираясь через лес, пока, наконец, сквозь ветви не сверкнут их кроваво-красные грудки, или яркое нефритовое оперение, сияющее на солнце, не выдаст их

присутствия. Нетрудно представить, почему майя считали их столь же драгоценными, как и золото.

Когда я сюда впервые приехал, то единственный кетцаль, которого я знал, был тот, что напечатан на деньгах Гватемалы. Самого первого кетцаля я увидел в гнезде, которое он свил на коряге возле нашего сарая. Это была красивая птица, самец с длинным зеленым хвостом металлического оттенка. Конечно, было приятно видеть его каждый день. Но до той поры, пока я не связался с заповедником, эта птица не казалась мне очень уж впечатляющей. В первые десять, пятнадцать, двадцать лет моего пребывания здесь мне и в голову не приходило, что это могло бы быть привлекательным для многих людей. Следует вот еще что сказать про кетцалей: если вы увидите целых двадцать женских особей этой птицы, вы скажете, ну, я что-то вообще не понимаю, что тут особенного. А вот когда увидите одну единственную мужскую особь, вот тогда вы поймете все.

В конце 1990-х годов мой сын Бенито вырастил одного кетцаля. Птенчик был найден лесными охранниками около Рио-Негро в гнезде, которое было разорено. На него явно нападали другие животные. Этот птенец еще не был самостоятельным. Бенито, как это с ним случается, заинтересовался птицей и стал искать информацию о том, чем он должен кормить птенца. Эту информацию сын взял из отчета, который написали Фогдены, ведущие наблюдения за птицами. Так Бенито стал матерью и отцом для этой пташки.

Птенец уже достаточно подрос, чтобы клевать плоды. Бенито начал собирать фрукты для него, а затем уже научил и его самого собирать фрукты. Бенито прикалывал плод к клетке таким образом, что молодой кетцаль был вынужден снять его со стебля, и это он научился делать довольно быстро. Так птенец остался жив и подрос. Нам повезло, что, когда пришло время оперения птенца, около нашего дома появились кетцали, ищущие корм на дереве. Бенито сажал ощеривавшегося кетцаля на дерево. Сначала для него это было диковато и необычно, но спустя несколько дней птица стала чувствовать себя на дереве вполне комфортно, и мы видели, что она клюет какие-то фрукты. Подросший птенец перелетал с одной ветки на другую и, в конце концов, спускался, чтобы вернуться в дом вместе с Бенито. А однажды сын ждал-ждал птичку, но кетцаль, наконец-то, улетел.

Заповедник в течение многих лет был центром для кетцалей в периоды предродового и гнездового сезонов. Труд Джорджа Пауэлла о том, как на кетцалей надели передатчики для изучения их поведения, предоставил нам массу информации. Исследование рассказало, что некоторые кетцали остаются на одном месте в течение всего года, в то время как другие мигрируют в леса на более низких высотах на пару месяцев. Я отлично понимаю, почему им нравится улетать с этой холодной, ветреной, мокрой горной вершины.

В лесу всегда найдутся несколько птиц, но в основном они живут по краям полян или вырубок. В хороший день вы можете поблизости услышать кетцалей. В какой-то действительно хороший день я слышал, как парочки ухаживали друг за другом в пяти разных местах. Идеальное время для наблюдателей за птицами, когда кетцали вьют гнезда, обычно это происходит в период с февраля по июнь. Нет никаких сомнений в том, что для лесного заповедника «Монтеверде» кетцаль был *ганчо*, крючком, на который попадались любители наблюдений за птицами».

Трехусый звонарь — это самый недавний вид птицы-символа движения сохранения дикой природы в районе Монтеверде, который тут стали изучать. Исследования Джорджа Пауэлла и других показали, что эта большая коричневая птица с белой головой и тремя растущими кожаными сережками, свисающими с основания его клюва, мигрирует внутри большого региона. Он простирается от южной части Никарагуа до тихоокеанского побережья Коста-Рики, горной части Монтеверде, а затем обратно вниз по тихоокеанскому склону. Теперь, по причине сильнейшего обезлесения всей страны (северо-центральная часть Коста-Рики стала

одной большой плантацией бананов), звонари вынуждены перелетать на большие расстояния в поисках лесов, которые обеспечат их едой. Эти птицы являются важными распространителями семян авокадо, они переносят их с плодородных деревьев на обнаженные сучки, куда птицы садятся и поют. Их громкий пронзительный крик «бронк» слышится на сотни метров вокруг.

«Трехусые звонари тоже являются высотными мигрантами. Самцы белые и коричневые с тремя характерными висячими сережками. Мы всегда слышим их крик „бронк“, когда они появляются в наших краях во время сезона гнездования. Я никогда не стрелял в кетцалей, но один раз я выстрелил в звонаря, чтобы взять его в руки и посмотреть, что же это такое свисает у него с клюва. Мы пожертвовали его жизнью из-за того, что он издавал эти звуки „бронк“ и тряс своими кожаными сережками. Я и в самом деле не знал, что это за птица такая, издающая эти звуки. Звонари тоже находятся под угрозой вымирания, потому что их миграционные коридоры обезлесены. Костариканский фонд охраны природы, в частности, собирает средства для покупки земель, которые будут защищать этот коридор».

Красные ары и солдатские ары — большие, хриплые члены семейства попугаев, численность которых настолько сильно уменьшилась, что теперь они подвержены опасности полного исчезновения. Их основной средой обитания является влажный низинный лес, который был отдан на заклание для развития сельского хозяйства. Ярко окрашенные ары очень популярны в зооторговле. Но эти великолепные птицы, посаженные в клетку, выглядят гораздо бледнее своих собратьев, чьи изящные тела переливаются разными цветами, когда они сидят на ветке высокого тропического дерева.

«В старые добрые времена в этих краях число видов птиц было гораздо больше по сравнению с тем, сколько мы насчитываем сейчас. Что касается солдатского ара, то мы уже не слышим его громкого хриплого крика в Пеньяс-Бланкас, мы не видим, чтобы пары этих красивых зеленовато-голубых птиц перелетали через долину. Они прилетают из прибрежных районов, как правило, в декабре и январе, чтобы питаться плодами деревьев *анейба тибурбу* в Пеньяс. Их можно услышать издалека. Джордж Пауэлл потом установил передатчики на птицах и обогатил наши знания об этих арах. В результате его мониторинга нам стало известно, что люди убивают и едят солдатских ара. Однажды Джордж вышел на сигнал, и тот привел его прямо к обеденному столу, где люди собирались отведать подстреленного ара, предварительно сняв с ноги птицы маленький передатчик и отложив его.

Из-за обезлесения в районе гнездования ара в низинах их популяция значительно сократилась, и этих птиц в нашем регионе не видели несколько лет. Поэтому в 1997 году для нас стала приятной новостью информация из Лагуны Поко-Сол. Мой старый друг Мигель Салазар и его спутники работали на тропе и увидели пять или шесть пар солдатских ара. Все были очень сильно поражены, потому что, вроде бы целых шесть лет прошло с тех пор, как мы последний раз слышали о встрече с такой птицей в долине. Мы всегда рады таким добрым переменам».

Одним из моих самых запоминающихся приключений с птицами был случай в Пеньяс-Бланкас. В мае 1995 года я сопровождала Вольфа до Немецкого приюта, и мы переночевали в этой избушке на лежаках. Будильник был поставлен на 3.30 утра, именно тогда мы и вылезли из наших кроватей и быстро оделись. В кромешной темноте, царящей в тот час в долине реки, мы шагали по тропе через влажный лес. С фонариками в руках торопились мы к месту, где, как известно, спаривались голошейные зонтичные птицы. Мы добрались до этого места и уселись на бревне, свет был деликатно направлен в небо над верхушками деревьев. В определенный момент, который, должно быть, генетически запрограммирован у этих больших черных птиц, тихо подлетел самец и взгромоздился на ветку неподалеку от нас. Силуэт его головы, украшенной зонтиком, становился виден все четче с каждой минутой.

Наше напряжение росло, и тут вдруг самец надул свой большой красный горловой мешок до объема, вдвое превышающего его собственный размер, и стал звать свою возлюбленную. Звук был такой, словно кто-то дул через горлышко бутылки: ху-у-у-ум. Непрерывный басовитый зов продолжался, потом мы сначала почувствовали, затем услышали и, наконец, увидели, как с окружающих деревьев слетели и стали приближаться три черные самки, размерами поменьше самца. Церемония спаривания, казалось, происходила в замедленном темпе в приглушенных тонах затененной фотографии, а затем внезапно закончилась так, как остатки ночи вдруг сменяются днем.

«Зонтичные птицы живут в тропическом лесу, где он действительно тропический. Вот уж где вы их увидите и услышите: самцы красуются, выдувают свои красные горловые мешочки и особым криком призывают самок к спариванию. Мы впервые усмотрели их, когда начали ходить в долину Пеньяс подальше, мы там делали вырубку и поддерживали в порядке пограничные линии. Много лет назад я подстрелил одну из зонтичных птиц. Я смотрел на эту большую красавицу и подумал: «Погоди-ка, это же дикая индейка». Поэтому я положил свой трофей в мешок. Позже я взял тушку в руки и рассмотрел, что же это такое, и тогда понял, что это определенно не дикая индейка. Я снял с нее шкурку и привез эту кожу сначала домой, а потом отвез к Харриетт Пауэлл, чтобы узнать у нее, что это могло быть. Она от удивления чуть не упала. Говорит мне, давай дождемся, пока Джордж не вернется из какой-то там поездки. Он никогда до этого не видел зонтичных птиц и хотел понять, где бы они могли быть. Вот такое было начало постижения науки о том, что об этих необычных птицах надо бы сильнее заботиться, а я в них стрелял.

Зонтичные птицы всегда были очень привлекательны для орнитологов-любителей. Вокруг Одиубоновского центра, рядом с Эладио, в Пеньяс много хороших птиц. Я всегда был того мнения, что мы должны создавать в наших краях рай для наблюдателей за птицами».

Вид из хижины Эладио Круза в долине реки Пеньяс-Бланкас, 1990 г.

Хотел рассказать еще об одной птице, живущей в лесах Пеньяс. Она называется солнечная цапля. Эти цапли любят прогуливаться вдоль берегов ручьев, но вообще-то найти их трудно. Это одинокие птицы, и если возникает угроза, цапля распускает крылья и хвост. Ее темно-коричневые и оранжевые перья первого порядка образуют как бы картинку большого глаза и еще имитируют лес, освещенный солнцем, что должно испугать ее врагов, в основном крупных змей.

«Солнечных цапель на испанском называют *rava de agua*, или водяные индейки. Я не подстрелил ни одной из них, хотя однажды была попытка убить как солнечную цаплю, так и самого себя. Одна красивая цапля стояла на камне посреди реки, и я выстрелил в нее, но пуля попала в камень и срикошетила. Эта чертова пуля со свистом пролетела мимо меня. Я решил, что больше не стану делать ни одного выстрела. Вот так я мог очень легко проститься с жизнью, и хорошо, что не убил ни одной из этих птиц.

В 1986 году Майкл и Патриша Фогден прославили солнечную цаплю, когда вместе с Брюсом Лионсом сфотографировали гнездо этой птицы на реке Пеньяс, недалеко от Эладио. Поскольку никто никогда не следил за гнездованием солнечной цапли, то Фогдены засели в засаде и каждый день наблюдали за птицами, до того момента, пока их птенцы окончательно ни оперились. Фогдены подробно рассказали о своей повседневной работе по слежению. Они отметили одну особенность. Взрослые птицы собирали пищу для своих птенцов — лягушек, головастиков и ящериц — из ручьев.

В случае угрозы эти птицы расщеперивают свои крылья. Это делается для того, чтобы показать яркий, похожий на глаз дизайн их перьев. Было замечено, что неоперившиеся солнечные цапли, прежде чем покинуть гнездо, должны были пройти своеобразный курс обучения тому, как проводить эту демонстрацию. Они вздымали свои крылья даже в тех случаях, когда мимо пролетала бабочка. Взрослые особи это делали для того, чтобы обучить своих детей. Биологи думали, что солнечные цапли схожи с другими видами птиц, у которых тоже было мало времени на развитие до оперения. Стало очевидно, что солнечным цаплям требуется больше времени на то, чтобы научиться быстрому развороту крыльев, и только научившись этому, они могут покинуть гнездо».

Когда прекращают стрекотать и квакать лягушки и жабы, мы замечаем эту потерю. Мы не заскучаем без песни змей, но надо отметить, что популяции змей и ящериц уменьшаются, поскольку исчезает главный источник их пищи — лягушки и жабы. Климатические изменения также могут негативно влиять на популяции рептилий в стране.

В регионе Монтеверде насчитывается около ста видов рептилий. Мы привыкли думать о змеях как об одиноких существах, но многие ведь не хотят видеть даже одну единственную змею. Гнездо скользких, ядовитых змей может казаться кошмаром из страшных снов, но их постоянное присутствие в здоровой экосистеме является частью мечты о нашем общем будущем.

Гэри Диллер рассказал прекрасную историю о змеях, рассказ был в стиле Вольфа. Еще в 1980-х годах, на второй год его работы гидом, Гэри в связке с двумя туристами возвращался по дорожке, ведущей ко входу в заповедник. Он поздоровался с Вольфом, который только что вернулся из Пеньяс-Бланкас и сидел, как обычно, за столиком, босиком, нога на ногу, с чашкой кофе в руке. Гэри посмотрел на землю, и увидел это чудовище, лежащее поперек тропы. Это был двухметровый ботропс, уже мертвый, но по-прежнему внушительно выглядящий, с широко раскрытой пастью. Было понятно, что Вольф притащил его с низин. Гэри подозвал своих туристов поближе и, встав на колени, начал объяснять своим клиентам особенности этого прекрасного экземпляра.

«Эта *терсионело*, то, что мы называем ботропсом, является самой опасной змеей

Центральной и Южной Америки, и от ее укуса умирает больше людей, чем от укуса любой другой американской рептилии», — объяснял Гэри. Положив руку в пасть змеи, он продолжил: «Обратите внимание на невероятные клыки...» Но, прежде чем он успел закончить это предложение, рот змеи сжался в последней рефлексивной судороге, и рука бедолаги осталась в пасти. Он вытащил ее оттуда и уставился взором, полным ужаса, на маленький порез на указательном пальце. Он поднял голову и сказал: «Боже мой, Вольф, что же мне теперь делать? Что теперь будет?»

Вольф, не запнувшись, мгновенно отреагировал: «Ну, я думаю, что ты теперь умрешь, верзила!» Затем он начал хохотать, да так сильно, что даже вытащил свою вставную челюсть и бросил ее на стол для пикника, чтоб от хохота не подавиться ею. Гэри тут увидел, что змея едва зацепила кожу на пальце, и понял, что он родился под счастливой звездой. Тут уж засмеялись все. На туристов, наверно, Вольф произвел более сильное впечатление, чем вид змеи.

«Я видел много *терсиотело*. Подумал, что, может быть, с дюжину. Но однажды начал подсчитывать и, когда досчитал до двадцати, бросил это дело. Возможно, я видел их больше, чем мне казалось. Как говорят знающие старики, если вы убьете одного, тогда знайте, что метрах в двадцати остался его приятель, поскольку они обычно живут и передвигаются парами. Старики могут много чего такого наговорить, что не обязательно будет правдой, но в этом, я так думаю, они не ошибаются.

Моя первая встреча с этой большой змеей случилась необычно: я практически вступил своей ногой в ее пасть. Как-то раз мы с Эладио работали около упавшего дерева в углу моего участка в Пеньяс. Мы решили посадить траву. И вот подошли мы к прогалу в кустах и приступили к посадкам. Я наступил на бревнышко, прошел по нему и спрыгнул с другого конца. Потом перебросил Эладио небольшой багор, который мы используем вместе с мачете при расчистке кустов. И тут я слышу, как он говорит: «Эй, иди, посмотри, куда ты бросил этот багор». Рядом с бревнышком, по которому я только что прошел, спал сном праведника здоровенный ботропс. Нам пришлось убить змею, только после этого мы смогли продолжить посадку травы среди упавших ветвей.

А еще у нас был как-то новый помощник Карлос Суарес. Он работал в заповеднике в Пеньяс-Бланкас. Мы втроем должны были идти к Лагерю-3, чтоб заняться там расчисткой. Отец этого самого помощника перед самым нашим уходом сказал: «Знаешь, мне не нравится, что мой сын там работает. Меня беспокоят две вещи, которые я считаю опасными. Первая — змеи, вторая — река. Но Карлос пошел с нами, он сам все должен был увидеть и сам решать за себя.

Я тогда отошел в сторону, расчищал тропу, и, когда я чуть погодя догнал двух своих помощников, они уже убили двух ботропсов. Ребята выглядели довольно бледно, когда они объясняли, что произошло. Они подошли к домику, и там, перед самой дверью лежала, свернувшись, змея. Они ее убили. Затем они вошли в домик и собирались положить свои рюкзаки на деревянную скамью внутри. Тут Карлос повернулся и прямо под скамейкой увидел еще одну змею. Следы, оставленные этим юношей на мягком грунтовом полу, свидетельствовали о его прыжке из края в край прямо к другой двери. Вот так состоялось его знакомство с Пеньяс. Мы содрали с этих змей кожу. В утробе одной из них было шестнадцать или около того змеенышей, но они были на слишком ранней стадии, чтобы выжить самим. Я не знаю, видел ли Карлос еще змей, пока он работал с нами, но я помню, что какое-то время спустя у него были неприятности и с рекой. Эладио пришлось его вылавливать из воды. К счастью, молодой Карлос все это пережил.

Однажды ночью я выходил из леса, а ночь — это то время, когда змеи более активны. Я остановился на минуту на краю водоема, осветил фонариком и вдруг сообразил, что то, что

походило на кусок грязи, была на самом деле змея ботропс. Она смотрела мне в глаза своим пронзительным взглядом. Мне говорили, что яркий свет раздражает их, и что их агрессия уменьшится, если у вас нет источника света. Поэтому я выключил свой фонарик и прижался спиной к обрыву, отпрянув от гада. Затем я снова включил свет, чтобы посмотреть, куда она направится, чтоб не идти в том же направлении. Я обрадовался тому, что она исчезла. Так что надо всегда быть готовым к экспериментам, быть готовым выключить свет.

Самая шумевшая история об убийстве змей произошла с бригадой, которая работала с геодезистами в Пеньяс в 1980-х годах. В один прекрасный день они вернулись в лагерь, все взволнованные, говорят, что убили двадцать шесть ботропсов. Дело было так. Они работали на реке, куда упала верхушка дерева, прямо в середину реки. Вытаскивали этот кусок дерева, значит, из реки. А змеям нравятся маленькие островки защищенной растительности. Они же могут плавать, и такие места, вероятно, очень удобны для охоты на жаб и ящериц. Когда эти ребята отрубали лишние сучки, они наткнулись на беременную змею. Они ее убили и вспороли нутро. Там было двадцать пять змеенышей, достаточно больших, способных ползать и прыгать. Поэтому, когда они прикончили и этих, то список охотничьей добычи стал насчитывать двадцать шесть змей. Кажется, это рекорд.

А еще как-то раз я был с группой геодезистов, и среди них было несколько охотников, которые хорошо знали все ходы и пути в Пеньяс. Как-то раз они привели нас в место под названием Ранчо Эскондидо, небольшая вырубка с хибаркой на ней. Мы туда добрались в темноте и там могли переночевать. Ребята соорудили очаг для приготовления пищи. От пламени в избушке стало тепло, а дым уходил в крышу. И тут перед нашими глазами появляются змеи, спускающиеся в избушку в одном месте, в другом месте. Этих гадов мы называем ремневидная змея и, очевидно, они обитали на крыше, которая нагревается и остается теплой от солнечного света. Эти твари заставили нас всех встрепенуться, и до того, как мы их всех прикончили, на нас упало семь змей.

Естественно, если вы будете путешествовать в низине, вы обязательно наткнетесь на змей. В Пеньяс-Бланкас вокруг старых вырубок и особенно во вторичном лесу много крыс и жаб. Это два основных продукта питания для многих змей. К счастью, змеи не охотятся на тапиров или на меня. За период с 1964 по 1990 год я слышал только о двух случаях в Пеньяс, когда человека укусила ядовитая змея. Один из этих бедолаг ночью охотился на паку. У него была собака, которая должна была схватить паку в логове. Но собака испугала змею, выскочила с тьякнэем из норы и возвращаться обратно не пожелала. У этого парня была еще одна собака, которую он попытался загнать в нору, но и та убежала. Тогда этот приятель подумал, что он сейчас сунет в нору мачете, и животное станет его добычей, не зная того, что в норе-то была змея — ботропс. В общем, на парня пришелся третий укус. Первая собака от первого укуса умерла, вторая собака выжила после второго укуса, а этот человек принял на себя третий укус и выжил, потому что две собаки взяли на себя большую часть яда. Все равно ему пришлось ходить в больницу в Пунтаренас три недели, требуемые для излечения.

Я думаю, что змеи поднялись на гору из низины только тогда, когда фермеры стали палить траву на своих пастбищах. У нас в Монтеверде ботропсы никогда не встречались, но однажды они смертельно укусили одного человека в Санта-Елене. В Монтеверде есть коралловые аспиды, они ядовиты. Мне известны два случая смертельных укусов коралловыми аспидами. Один человек возвращался домой с молочного завода, и его укусил аспид. Врачи поликлиники всегда говорили, что у них нехватка антидота, и поэтому всегда просили людей приносить коралловых аспидов, чтобы противоядия было в достатке. Ну вот, этот парень, идет домой после работы, видит кораллового аспиды и думает: «Ага, сейчас я возьму его и отнесу в ближайшую клинику». Змея его укусила, и ему пришлось ехать в больницу в Сан-Хосе, потому что, как я говорил, местная поликлиника не имела противоядия в достатке. У него была очень серьезная реакция на этот укус, очень плохая. Ему

потребовалась экстренная помощь, которой здесь ему не смогли предоставить.

Раньше у нас в каждом приюте в Пеньяс имелись комплекты противоядий от укусов змей. Срок годности сыворотки, однако, быстро истекал, и если бы эти комплексы кому-то понадобились, то толку от них не было бы никакого. Сейчас уже существует такой порошок, который можно смешать с дистиллированной водой перед инъекцией. Таким образом, удлиняется срок годности сыворотки против яда. Но, прежде чем принимать его, нужно сделать тест, чтобы убедиться, что у тебя на это лекарство нет аллергии. То есть, придется ждать от трех до пяти минут, чтобы увидеть, есть ли реакция. Не очень-то практично. Так что, мой совет простой: как можно скорее добираться до больницы, где вас смогут вылечить.

Первое, что чувствуется при укусе, — неопишуемая боль. Ощущение скорее жжения, чем боли от пореза. После этого кровь будет идти из любой раны на теле, потому что она уже не сворачивается. Появляются синяки от крови, прилившей к вашей коже. Не разрезайте синяки. Это худшее, что вы можете сделать, поскольку это заставляет кровь бежать по венам к этому месту и поглощать яд. Самое лучшее, что можно сделать в этой ситуации, — просто сесть и расслабиться. Так. Лично я не представляю, как я сам бы это сделал. Есть такой совет, что надо сделать все возможное, чтобы замедлить поглощение. Если вы курите, закурите. Расслабьтесь. Алкоголь здесь противопоказан, вы можете хлебнуть, чтоб расслабиться и воображать, что это было правильное решение, но на самом деле это только ускоряет поглощение. В общем, просто сидите на берегу и медитируйте и сохраняйте спокойствие. Не бегите, не идите быстро, но отправляйтесь к врачу. Вы должны быть там не позже, чем через два часа после укуса. Вообще-то хорошо, если змея поела, прежде чем она укусила тебя, тогда будет меньше яда. Это называется «сухим укусом». А я назвал бы его удачным укусом.

Я думаю, что есть, по крайней мере, один важный вклад в дело сохранения дикой природы, сделанный змеями: они удерживают многих людей от похода в лес, людей, которые могли бы в противном случае ломануться сюда, нагадить, уничтожить среду обитания животных, все то, что мы хотим сохранить».

Несмотря на огромные различия между дикой природой Коста-Рики и дикой природой Канады, существуют такие виды животного мира, которые имеются и там, и там. Не менее сотни наших северных птиц на самом деле являются тропическими птицами, которые мигрировали на север, чтобы размножаться. Мы рискуем потерять многие виды, если их миграционные пути остаются незащищенными. Если какой-то вид теряет среду обитания в одном регионе, он должен адаптироваться в других регионах, или будет утерян.

В обеих странах, в борьбе между человеком и зверем, чаще всего проигрывает зверь. Когда черный медведь барibal выходит из кустарника на севере в лагерь или в селение, он всегда будет проигравшим в состязании на тему, кто умнее и кто сильнее. Его пристрелят. Точно так же, как убьют ягуара в Коста-Рике, когда он слишком приблизится к стаду. Вся дикая природа, в конечном счете, может стать проигравшей стороной, если не будут созданы программы для обеспечения их выживания.

В борьбе животного мира и человека исключением являются жучки. В Коста-Рике существует невероятное разнообразие насекомых, от жуков-долгоносиков до бабочек. Многие из них полезны и прекрасны. Все они играют решающую роль в опылении растений или как звено пищевой цепи. Есть и множество насекомых, которые вредны для сельского хозяйства или здоровья человека. Хотя в Коста-Рике и больше видов насекомых, чем в Канаде, наши северные насекомые столь же мужественны, как и их южные собратья. В тропиках комары распространяют малярию, а на севере новой серьезной угрозой стал вирус лихорадки Западного Нила. Попытки борьбы с жуками химией в конечном итоге приводят к тому, что мы отравляем себя и окружающую среду. А в естественном мире ведь даже враждебные нам жуки имеют свои здоровые функции. По всему миру наши отношения с

природой непросты.

«Я больше ничего не убиваю, кроме насекомых. Взять, к примеру, слепней. Я уверен, что убил более миллиона слепней. Я часто воображаю, каково оно было бы сейчас, если бы я не убил этот миллион! Пришлось бы носить защитные костюмы. Но я их больше не замечаю, хотя вижу, что других людей эти твари все еще кусают.

Комары тут тоже попадают, но и у них ведь есть свои права. Если вы действительно верите, что в природе все сбалансировано, что нельзя уничтожить какой-то конкретный вид, тогда надо быть готовым к тому, чтобы жертвовать небольшим количеством своей крови время от времени. Мы ведь тоже звено в пищевой цепи.

Я думаю, что большинство из нас порой и не догадываются, как все в этой жизни связано с тонкостями флоры и фауны в лесу, включая наше собственное будущее. Мы должны быть более осторожными с тем, как мы к этому балансу относимся. Это стало более очевидным по сравнению с теми временами, когда мой прадед, потом мой дед, потом мой отец, а затем я сам рубили лес. На многое тогда не обращалось внимания, и мы не слишком много думали о том, что лес нужно защищать.

Как мы собираемся защищать лесных тварей? Вот где проблема. Мы должны продолжать вкладывать больше денег в защиту природы, но часть денег может быть предназначена для обучения — как туристов, так и местных жителей. Когда в Лиге стало туго с деньгами, в первую очередь урезали финансирование образовательных программ в окружающих селениях. А раз мы не учим людей, не рассказываем им о находящихся под угрозой исчезновения видах, о преимуществе сохранения дикой природы, как следствие этого растет число охотников в наших лесах, растет неприязненное отношение к нашим охранникам. Я думаю, что это наше самое слабое звено.

В рамках какой-то из программ мы могли бы приглашать семьи из окраинных поселений в охраняемые районы, например, в воскресенье днем, чтобы они могли ходить там с гидом и задавать вопросы. Это помогло бы местным жителям понять необходимость сохранения дикой природы. Возможно, они бы тогда почувствовали, что это их лес, что они имеют право пользоваться им, а также несут ответственность за его защиту.

О вакансиях на место охранников леса хорошо бы сообщать местным жителям; выбирать на эту должность тех, кто пользуется уважением, кого будут слушаться. В некоторых районах есть программа, в рамках которой людей приглашают пройти с охранниками в Семана-Санта. Люди узнают больше о лесе и роли охранников, и они потом могут выступить в качестве свидетелей, если сталкиваются с нарушителями, вырубаящими пальмы или с браконьерами, охотящимися в лесах заповедника. Эти программы могли бы быть более эффективными, если бы они работали в выходные, а не только на Страстной неделе, как это устроено теперь.

Совсем недавно один рабочий подправлял канаву в лесу выше Монтеверде и увидел там следы тапира, который прошел и порушил канаву. В этой части Боскетерно у нас вот уже несколько лет не было никаких тапиров. Так что увиденные следы — это еще одно подтверждение, что животные будут использовать свои старые тропы. Пусть они даже близки к цивилизации. Тапиры защищены там и чувствуют себя в безопасности. Я бы это так изложил: пока мы видим следы тапиров, мы понимаем, что все делается правильно».

11. За счастливой звездой

«Сейчас три часа ночи. Все в порядке. Просыпаюсь, реагируя на зов природы. Подумал, что это облака на ночном небе, но оказалось — это всего лишь Млечный Путь. Сегодня все звезды вышли на небо, потому что им негде спрятаться.

Я совсем не знаю, о чем думает моя жена в этот ночной час. Только знаю, что думает она обо мне: где меня носит. И это много значит. Знание этого заставляет меня быть аккуратным на тропе. Я высоко ценю тот факт, что мы друг с другом. Так что я скажу вслух и громко: „Милая, я люблю тебя“. Надеюсь, что эти слова достигнут ее. И я уверен, что достигнут, потому что верю в силу мысли, иначе я бы не стал беспокоиться и о чем-то там думать».

Вольф в гамаке возле дома Эладио в Пеньяс

«Только ночью, когда уже улягусь в постель, я начинаю думать и задаваться вопросом, почему он еще не вернулся. Каждый шорох мне кажется шумом двигателя его пикапа. Сколько раз, когда он не приходил домой вовремя, я задавалась вопросом: „Когда, когда я должна начинать волноваться?“ Пережив многое, я все больше и больше склоняюсь к мысли, что у Вольфа есть очень хороший ангел-хранитель. Сколько раз случалось, что он в попытке срезать углы и сделать путь короче уходил в такие дебри, что выбираясь оттуда, тратил на дорогу гораздо больше времени, чем если б он шел нормально! Поэтому я всегда говорю, что его ангел-хранитель заботится о нем и, по крайней мере, знает, где находится Вольф».

Лаки на ферме Гиндонов

В 1998 году, после смерти моих родителей в ожидании грядущей продажи нашего семейного дома, я чувствовала себя как бы отброшенной назад. Мои родители обеспечили существование моей эмоциональной базы, благодаря чему моя цыганская душа, ощущая себя в безопасности, с легкостью отправлялась путешествовать. Ведь независимо от того, где я жила и что со мной происходило, я знала, что у меня есть дом. Теперь моими ближайшими родственниками остались лишь сестра Мэгги и ее муж Том. И жили они за тысячи километров от меня, в горах штата Вашингтон. В поисках нового ощущения стабильности я окружила себя наиболее успокоительными средствами, известными мне: музыкой, смехом и любовью.

Для меня музыка всегда была инструментом исцеления. Когда я была больна раком и с трудом поднималась по лестнице, то могла протанцевать всю ночь, не обращая внимания на одышку и тающую силу. Мои родители любили музыку, и в нашем доме всегда звучали мелодии — по радио или на проигрывателе. Они уговаривали мою сестру и меня учиться играть на пианино и петь в хоре, но мы обе предпочитали отжигать буги вместо этого. Побывав в Коста-Рике, я быстро поняла, что здесь много возможностей для танцора. Сальса в местном ресторане или деревенский танец в доме для собраний — на ваш выбор. Для тех, чей дух может быть поднят песней, Монтеверде — панацея.

Квакерская община часто подпитывается энергией музыки. Хотя квакеры проводят свои собрания в тишине, они собираются вместе еще и для того, чтобы спеть, поставить музыкальный спектакль и сплясать сквэр-данс. С самого начала тикос, как зовут себя сами костариканцы, приходили на эти танцы и присоединялись к веселью со своими гитарами. Они развлекали собравшихся своими мелодиями. На протяжении многих лет в этом регионе существовали образовательные программы, в рамках которых молодых и старых учили играть на самых разных инструментах. Музыка всегда была в почете. В 1990-х годах община стала поддерживать ежегодный музыкальный фестиваль в Монтеверде, на который с 1992

года съезжаются лучшие таланты из богатого цветника культур Центральной Америки. Все латиноамериканские ритмы представлены тут: классика, джаз, калипсо, нуэва-канчион и многое другое.

Музыканты многих стран, оказавшись в отпуске в этом районе Коста-Рики, очарованные этой гостеприимной атмосферой, порой желают доставить удовольствие себе и окружающим. Тогда им предлагают сыграть на одной из потрясающих концертных площадок — на вершине горы. Я близко познакомилась с музыкой Коста-Рики в девяностые годы, особенно в 1998 и 1999 годах, когда на волонтерских началах заведовала домом, в котором музыканты останавливались во время фестиваля. Будучи частью этого праздника, я расширила свой музыкальный горизонт, познакомилась с совершенно новыми для меня танцевальными па и восстановила свой дух, преодолевая боль от недавних потерь.

Семья Гиндон также понимает ценность музыки и смеха. И то, и другое часто звучит в их доме не только в целях моральной поддержки в трудные времена, но и для взаимного общения. Они считают, даже если ты не знаешь языка своего собеседника, общение с ним возможно через мелодию, ритм, смех и даже слезы. Хотя у Вольфа всегда был своеобразный и несколько путанный разговорный испанский (как, впрочем, и английский), у него никогда не возникало проблем в общении с людьми. Его харизматичная улыбка — это простой язык общения, который понятен всем. Смех — это не только символ личного благополучия, но и коллективный двигатель к миру во всем мире, и, как минимум, от него становится всем светлей.

Что касается любви, вскоре после смерти моей матери я увлеклась очень интересным и талантливым человеком. Однако по мере роста моей влюбленности росло и мое понимание того, что он борется с собственным психическим заболеванием. Большую часть времени я не могла понять, что происходит у него в голове. Хотя он был очень интересным и принес большую радость в мою жизнь, я вскоре почувствовала его ненормальность. Мне стало понятно, что человек этот идет трудным, нелогичным путем. Он страдал от недостатка серотонина, и это приводило его к жизни, полной недоразумений и сложных взаимоотношений. Я очень уважаю людей, которые противостоят своим демонам и получают помощь. Я глубоко сочувствую их семьям и партнерам, которые пытаются идти и дальше по этой непростой дороге совместной жизни. Я многому научилась, пока сама шла по этой ухабистой дороге, в частности, поняла силу терпения, любви и терапевтическую природу смеха.

Когда я познакомилась с Вольфом в 1990 году, он уже в течение примерно шести лет принимал литий для лечения биполярного расстройства. Он иногда уходил в длительные ночные походы с нерегулярным питанием и сном, что нарушало его литиевый график. Я помню, он неустанно двигался в том первом походе через Пеньяс, прямо как большая мышь. На ночлеге в хижине Поко-Сол он с удовольствием выходил на улицу, когда чувствовал необходимость полюбоваться на луну. Арт, Марийка и я были такими уставшими, что едва слышали его стоны. Но трудно было полностью игнорировать бормотание Вольфа, приготовление кофе и его хождение по нашим ногам, когда в темноте хижины он тихо пробирался, спотыкаясь о наши конечности. На рассвете мы упустили возможность увидеть двухметрового ботропса, который ел агути. Мы не смогли быстро подняться, когда слышали крики Вольфа, призывающие выходить на дорогу, куда он отправился с соседом ранним утром. Вольф вернулся в хижину, когда мы уже одевались, пожурил нас за наше опоздание и начал кипятить воду для «утреннего нектара».

Арт Педерсен, Вольф и Марийка Михайлович около Поко-Сол. Февраль 1990 г.

Мы заметили изменение в поведении Вольфа, когда любовались красотой влажного зеленого пейзажа с чашками вкусного кофе в руках. После ночной активности он выглядел гораздо менее оживленным. Он то смеялся, когда изъяснялся в своей любви к Поко-Сол и мечтал о будущем региона, то, свернувшись калачиком на полу в позе эмбриона, причитал по поводу каких-то своих ошибок в прошлом. Он был эксцентричен в своем поведении, и это было и смешно, и тревожно. Его харизматическая энергия была притягательна, но его увлекательные рассказы часто прерывались внезапными вспышками гнева или печали. За его быстро меняющимися эмоциями трудно было угнаться.

В то время я ничего не знала о маниакальной депрессии, но часто сталкивалась с ней позже. Химические дисбалансы и расстройства личности случаются повсеместно в обществе. К счастью, тех из нас, кто страдает депрессией, шизофренией, обсессивно-компульсивным поведением или маниакальными эпизодами, больше не требуется изолировать, как мать Вольфа. Теперь существует множество лекарств и разных методов лечения. Первым шагом на этом длинном, трудном пути излечения является признание поведения как иррационального, или бредового, или самоуничижительного. Помимо этого первого непростого понимания, наряду с соответствующим лечением, безопасную среду обеспечивает поддержка семьи и сообщества. В такой среде пострадавший может сам справляться со своими психологическими препятствиями. Даже и в этой ситуации вы, в конечном счете, находитесь один на один с вашей борьбой, и сила терпения должна исходить изнутри.

В течение большей части своей жизни Вольф жил отдельно от матери. Любовь и ощущение стабильности он получал от своего отца, тети Мэри и сообщества квакеров. Он не понимал состояния своей матери, но всю жизнь он нес груз неопределенности, опасаясь того, что и он может страдать от подобного недуга. До самой середины его жизненного пути у него не было никаких признаков собственной маниакальной депрессии, и его действительно иррациональное поведение стало заметно в 1970-х и начале 1980-х годов. Тогда он был

вовлечен в работу по защите леса и занимался администрированием заповедника туманного леса.

Биполярному расстройству обычно сопутствует наличие невероятного количества энергии. Вольфу нравится двигаться, и он постоянно в движении. Однако ему не очень удается заканчивать проекты. Как правило, зная, что он не завершит начатое дело, он не торопится его и начинать, потому-то его дом выглядит недостроенным и по сей день. Работа в лесу, на тропах — когда все время идешь вперед и видишь результат налицо — является отражением приложенных усилий. Такая работа, которой конца и края не видать, идеально подходит для него. Когда Вольф вспоминает жизнь до того, как ему был поставлен диагноз, то говорит, что труднее было окружающим его людям, чем ему самому. Когда я спросила, что помогло ему в трудные времена, я думала, что в ответ услышу что-то о его вере, его семье или его работе, а он ответил без затей: «литий».

«В те времена я не сильно парился, чтобы реагировать на происходящее вокруг меня. Я все делал так, как делал всегда, ничего не меняя, и меня это не беспокоило, в отличие от моей семьи. Мне было все равно, кто и что думал обо мне и о том, что я сделал. Это мое дело, прав я или нет. Так было, когда я думал, что могу рассказывать свои истории, которые я считал смешными, а они никому не были нужны. Мое видение того, что казалось смешным, было явно ошибочным. Я слишком много болтал, порой нес чушь и плохо спал ночами.

Но я никогда не проявлял насилия. Злые языки рассказывают, что я угрожал кому-то мачете, когда у нас с этим человеком возникли разногласия во время работы на дороге к Пеньяс-Бланкас. Не было этого! Что было? Я перерезал постромки у телеги, доверху нагруженной жердями, вывозимыми с участка, прилегающего к заповеднику. Хотя этот участок был частной собственностью соседа, я понимал необходимость защиты заповедника. Возница решил, что я ему угрожаю. Я бы никогда не сделал что-то подобное серьезно, с дурными намерениями. Я просто показывал свое неудовольствие.

В конце семидесятых годов у меня начались проблемы с Тропическим научным центром. Они мне все время твердили, что Центр не зарабатывает никаких денег, что члены общины Монтеверде должны более активно участвовать в работе во благо заповедника. Сотрудники Центра работали очень много, а платили им очень мало. Я активно и много работал как администратор, но решения не давались мне легко. Так получилось, что я больше не мог работать с доктором Тоси, моим боссом, который требовал от меня больше, чем я мог сделать.

В то же время у Лаки были серьезные проблемы со здоровьем, и ей очень нужна была моя поддержка и внимание. А мне было очень трудно справляться с тем, чем я тогда занимался. Мне всегда казалось, что я сделал то, чего я не должен был делать, или — еще хуже — что я не сделал того, что должен был сделать. Вот так и с Лаки: я чувствовал, что должен был отвезти ее к врачу, но я этого не делал. Однажды, когда она нуждалась в лечении, наш сын Берто отвез ее в больницу в Сан-Хосе. Это надо было сделать мне, но я был не в состоянии принять решение. Наверное, я был в депрессии, хотя я и не думал, что у меня депрессия. Меня всегда учили, что плакать вполне допустимо. И я могу заплакать без затруднений, хотя в тот период я не знал, то ли мне плакать, то ли что-то делать еще.

К 1982 году я уже не мог справляться с заповедником. Какие-то несущественные проблемы в моей голове преобразались в размерах и казались огромными. В конце концов, под контроль все взяли мои дети. Одним утром, помню, возвращаюсь я из заповедника, а они меня ждут. И говорят, что мне нужна помощь. Говорят, что, дескать, «твое поведение не вполне рациональное, и ты нуждаешься в медицинской помощи», поскольку такое мое поведение оказывало сильное влияние на Лаки. Я всего не помню, что они мне там говорили, но я помню их обеспокоенность. И я сказал: «Хорошо, хорошо, я поеду в Сан-Хосе».

Так что Центру потребовался кто-то другой. Доктор Тоси сказал: «Поезжай и получи эту самую помощь, в которой ты нуждаешься. Не беспокойся об остальном». Для меня это было большим облегчением. После гложущей меня тревоги и чувства вины за то, что я не смог выполнить свои обязательства перед заповедником и моей семьей, знание того, что мне будут платить, пока я получаю медицинскую помощь, было очень важно для моего душевного спокойствия. В 1983 году мой сын Бенито, который время от времени работал с биологами, взял на себя некоторые из моих обязанностей в заповеднике. Тогда Тропический научный центр нанял Висента Уотсона, чтобы заменить меня, и большую часть года он этим занимался. Лечение заняло не так много времени, но казалось, что прошла вечность, прежде чем я снова почувствовал себя нормально и вернулся к работе.

В общем, я искал помощь медиков, и диагноз был сразу поставлен частным врачом неправильно. Он прописал мне снадобье, из-за которого я не мог расслабиться и уснуть, а потом он еще прописал мне снотворное, чтобы противостоять искусственно созданной бессоннице. Лекарство было выбрано неверно, и у меня была плохая реакция на него. Появилось ощущение страха. Мы были в Сан-Хосе у Берто. Я помню, как моя дочь Хелена хотела, чтобы я прогулялся, но я просто не мог выйти. Я чувствовал, если выйду за ворота, то произойдет что-то ужасное, и я никогда не вернусь.

Когда Лаки была в больнице, я не хотел ее навещать. Я просто не мог усадить себя в машину, чтобы поехать и навестить ее. Но однажды меня посадили-таки в машину, и мы отправились к ней. Когда мы были в больнице, я думал, что мы оттуда никогда не выберемся. Я был уверен, что Берто никогда не сможет нас вывести из этого здания. Это был просто страх. Все это были плоды воображения. Теперь-то я знаю, что все случилось потому, что лекарство было неправильно выбрано.

Меня никто никогда не положил в больницу, чтобы проконтролировать дозу, отсюда и такая реакция организма на первое лечение. Лекарство было очень дорогим, и нам оно все равно было не по карману. К счастью, мы нашли психиатра в больнице Кальдерон Гардиа, который помог мне выбраться из этой ситуации. Поскольку этот второй врач входил в систему социального обеспечения, все расходы на посещение и лечение были покрыты моей страховкой. К концу 1983 года я стал принимать литий и вернулся к работе.

На этот раз мою дозировку контролировали. К счастью, меня так и не положили в больницу. Все равно я был против госпитализации. Мне очень повезло, что доза моя как была, так и остается такой же, как и в самом начале, и результаты отличные. К 1984 году я снова работал в заповеднике в качестве со-директора вместе с Джованни Белло».

У Лаки были свои болезни, в том числе киста матки, из-за чего она страдала от болей во время менструального цикла. На шестом месяце ее пятой беременности ей сделали экстренную операцию по удалению кисты, которая весила двадцать фунтов и содержала три литра жидкости. Врач был обеспокоен тем, что она не сможет носить ребенка до окончания срока. Однако три месяца спустя в их доме в Монтеверде родился мальчик, которого назвали Карлос — здоровый, как и остальные семеро из восьми их детей. Даже врач понимал, что в спасении жизни этого ребенка в большей степени повинно небесное вмешательство, нежели талант хирурга.

В начале 1980-х годов, когда болезнь Вольфа достигла кульминации, Лаки страдала от фиброза матки. Каждый месяц она истекала кровью и становилась все слабее и слабее. В этот период Вольф проходил курс неправильного лечения и не мог ей помочь. Сложные проблемы, с которыми она столкнулась в те годы, часто не ощущая поддержки со стороны мужа, усиливали обиду Лаки на то, что Вольф любит лес больше, чем ее.

«Он полюбил лес с первого взгляда, и когда первые искатели приключений начали ходить в

Пеньяс-Бланкас, Вольф был с ними. Мы все шутили тогда о вдовах Пеньяс-Бланкас. Нам было нелегко, потому что мужчины уходили на шесть или семь дней, и мы были предоставлены сами себе. Вольф не только ходил в Пеньяс, он еще возил свиней на рынок в Алахуэле. У меня на руках были младенцы и маленькие детки, поэтому я вся была в заботах, и просто должна была привыкнуть к тому, что Вольфа нет.

Когда Вольф вырубал леса для наших пастбищ, я слышала, как работает бензопила и падают деревья. Я слышала визжание бензопилы, а затем шум падающего дерева, и потом — тишина. Сердце мое всякий раз останавливалось, и я замирала до тех, пока я не услышу, как бензопила снова начинает работать. Он много рассказывал о ситуациях, когда дерево повисало на соседних ветвях, или бензопилу зажимало, или ветка просвистывала буквально рядом с головой. Так что все эти жуткие картины у меня были постоянно в голове. Я думала, что же буду делать, если с ним что-то случится. Я никогда не училась доить коров, никогда не работала в молочной промышленности. Есть много вещей, которым, наверно, я должна была бы научиться, или хоть как-то побольше обращать на них внимания. Обычно я начинаю думать обо всем этом ночью. К счастью, теперь я более расслаблена, чем раньше.

Когда Джордж задумался о заповеднике, то они с Вольфом исходили всю округу пешком, пытаясь определить границы. Джордж был молодым человеком, у него не было детей, он был полон энергии. И с ним еще вот Вольф, тоже полный энергии. Они оба были неутомимые. Бывало, возвращаются они с работы и так и продолжают разговаривать, а семья вообще никак не включена в этот процесс. Мальчики наши тогда занимались дойкой. Я никогда не слышала, чтобы ребята говорили, что им это не нравится, а я никогда не спрашивала их. Это было в начале 1970-х годов, и большинство наших детей уже подросли к тому времени. Тонио и Мелоди были самыми маленькими — девяти и шести лет — и им не досталось его внимания. Вольф всегда был хорошим отцом, бросал все, чтобы сделать что-то со своими детьми. Его занятость была потерей для самых маленьких, когда он начал работать в заповеднике и практически не бывал дома. Они его не видели и не сделали много чего хорошего, что можно было бы делать вместе с отцом.

Я считаю, что Вольф принес свою семью в жертву заповеднику. Заповедник стал его единственной навязчивой идеей. Он отдал ему все свои силы, а также наши деньги. Он покупал запчасти, оборудование и инструменты для заповедника. Если им нужны были какие-то вещи в приюте, он их покупал. То же самое с инструментами. Он их «давал на время», и они почти никогда не возвращались. У Вольфа была высокая степень ответственности, но ему никогда не платили приличной зарплаты. Мало того, что мы потеряли мужа, смотрителя и отца, так ведь и денег не хватало, чтобы компенсировать эту потерю. Никогда у него не было приличной зарплаты. Другие люди, включая биологов, просили за Вольфа, обращаясь к Тропическому центру. Ноль реакции. Вот это действительно причиняло боль ему, и мне от этого тоже было больно.

Много лет спустя зарплата стала получше, стала в большей степени регламентирована, были выплаты компенсаций и премии. И было понимание ситуации в случаях, когда ему нужно было обратиться за медицинской помощью и покинуть Коста-Рику на длительный период времени. Мне пришлось изменить свое отношение и принять тот факт, что Вольф делал то, что ему нравилось. Это было важно.

Мне потребовалось много лет, чтобы понять, что эта ревность, которую я ощущала по отношению к заповеднику, не была здоровой. Это разрушало мою жизнь. Я не могла его изменить. Вольф всегда был общительным — человеком коллектива. Он вкладывал свою энергию во множество общественных дел. Но когда он начал работать для заповедника, то надо сказать, он там не для семьи выкладывался, не для общины или для квакерского собрания. Он уходил в лес, и вся его энергия уходила туда. Будучи совершенно

несправедливым к нему, я все пыталась держаться за эту другую часть его характера. Мне пришлось учиться быть более независимой, уходить от зависимости. Поэтому я стала делать что-то для коллектива, для нашей общины.

Когда Вольф впадал в свое маниакально-депрессивное состояние, нам всем было трудно, особенно до того, как мы поняли, что же это было. В самом начале у него наступал такой период примерно раз в год, но мы же не знали, что такое с ним происходит. Оглядываясь назад, теперь-то мы понимаем, что он становился гиперактивным каждый год приблизительно в одно и то же время. Он всегда сердился, когда кто-то каким-то образом мешал его работе в заповеднике.

Случалось, что Вольф не мог справиться сам с собой, не говоря уж о заповеднике. У меня такое случалось, что я сама была на грани нервного срыва. Я признавала тот факт, что заповедник в нем нуждался. Тропический центр рассматривал вариант поселения кого-то в заповеднике. Поэтому я подумывала, может, нам всем переехать туда, если это будет способствовать снятию стресса у Вольфа и улучшит его психическое состояние. Тогда мы еще не понимали, что происходит. Я рада, что мы так и не переехали туда, потому что переезд не решил бы проблему, но был бы очень сложным мероприятием.

Рецепты, выписанные первым врачом, привели к ухудшению состояния Вольфа. Увидев, что ему стало хуже, я настоятельно призывала его увеличить дозу, а это сделало бы его поведение еще более иррациональным. Он не хотел принимать литий. Когда он болел, то не хотел признавать, что болен. А принятие таблеток было бы признанием того факта, что он болен. Вольф не хотел признавать, что у него что-то было не так, опасаясь, что всю свою оставшуюся жизнь может провести в психиатрической лечебнице, как его мать. Вольф выразил готовность принимать литий только после того, как мы прошли через полгода чистого ада. И ему сразу же стало лучше.

Его кризис и мой собственный кризис здоровья совпали по времени. С нами были наша дочь Хелена и ее муж Тим. Их присутствие придало нам сил. Они нас сильно поддержали. Последний раз болезненное кровотечение случилось у меня в Монтеверде. Я потеряла сознание и чуть не попала в больницу в это время. Но Вольф уже был на правильном лечении. К тому времени его самочувствие стало получше. Он привез меня в больницу в Пунтаренасе, где мне сказали, что нужна гистерэктомия. Врач, обходивший пациентов, предупредил меня, что после нее у меня больше не будет детей. Я сказала ему, что мне исполнилось пятьдесят два года, и у меня восемь детей. К удовольствию других пациентов в палате доктор был сильно впечатлен и ушел, не сказав ни слова. Это были лихие годы, семидесятые и ранние восьмидесятые. К счастью, семья объединилась, стала сильной. Это привело нас через все испытания».

Лаки — яркий, творческий человек, активный член коммуны Монтеверде. Как и Вольф, она хороший рассказчик, и ее увлекательные истории были опубликованы в «Семейных альбомах Монтеверде» к всеобщей радости. В 1972 году она начала брать уроки в арт-классе, открытом двумя художниками, приехавшими из США, Ронном Томлинсон и Биллом Куча. Эти двое приехали в страну учить искусству детей в школе, но, кроме того, они давали мастер-классы местным жителям. Лаки стала известна благодаря своей графике — мелко детализированным изображениям леса, исполненным пером и тушью. Она устроила свою личную выставку в 1988 году. Поскольку ее рисунки имеются во многих домах Монтеверде, то больше людей могут видеть графику Лаки и начинают искать автора, чтобы купить ее работы. Теперь она проводит свое время, насколько позволяют обстоятельства, в рисовании, стараясь перенести тонкую красоту окружающего мира на бумагу. Она наслаждается жизнью.

Чтобы сказать, успешна ли была их жизнь, Лаки и Вольфу достаточно только посмотреть на своих детей. Сами они, едва повзрослев, начали семейную жизнь вдали от своих

родственников, оставшихся в Соединенных Штатах. Они полагались лишь друг на друга и на общину, когда воспитывали своих ребят в те трудные годы. Они вырастили восьмерых детей, каждый из которых — энергичный, общительный. И еще их дети — очень творческие личности. Обладающие таким же чувством юмора, как и их родители, они буквально нашпигованы многочисленными историями. Они славятся своими проделками, не скупятся на шутки и смех. Гиндоны — одна из самых приятных и уважаемых семей в Монтеверде. Вольф гордится ими всеми и каждым в отдельности, и это заметно, когда он рассказывает о них.

«Альберто, или Берто, как мы его называли, был нашим первым ребенком, родившимся в мой день рождения в 1951 году в Соединенных Штатах. Он был назван в честь моего отца. Большую часть своей жизни он провел в Коста-Рике и женился на костариканке, Норме Хевез. Берто получил степень бакалавра изобразительных искусств в Университете Коста-Рики в Сан-Хосе, а затем продолжил обучение, чтобы получить звание мастера изящных искусств. Он специализируется на бронзовой скульптуре. Несколько лет он работал в национальной газете La Nación, отвечая за макеты и оформление. Он занимался искусством с использованием компьютерных программ, а еще он создавал карты. Берто вернулся в Монтеверде в конце 1990-х годов. Он работал с местным биологом Брюсом Яном, а также применял свои компьютерные навыки в Институте Монтеверде. Он всегда оставался членом нашей квакерского собрания. Альберто и его жена расстались в 2004 году. Он на какое-то время переехал в США и женился там на своей подруге юности, Анджелине Нидии Гетенс, никарагуанке. Я знаю, что он хотел бы вернуться в Монтеверде, и это в его планах. Но вообще-то, все знает лишь Господь, который еще не поделился со мной своими знаниями.

Альберто надеется вернуться к своим корням и к общине, которую он любит. Они с Анджелиной планируют построить свой дом на семейной ферме. Он хочет заняться скульптурой и живописью, а еще — вместе с Лаки, своими братьями и сестрой — создать в Монтеверде семейную галерею семьи Гиндон. Альберто качает головой, когда говорит о Вольфе, вспоминая уникальное чувство юмора своего отца.

«Мы очень рано поняли, что папа был уступчив, если дело касалось дисциплины или получения разрешения на что угодно. Если мы что-то делали не так и знали, что наказания не миновать, то предпочитали идти с признаниями к нему, а не к маме. Поскольку разрешение на то, чтобы сходить, скажем, в гости к другу, они должны были дать оба, то мы всегда начинали с отца. После него мы уже могли бы сказать маме: «А папа уже сказал, что можно!» Они не всегда ладили, потому что папино чувство юмора было подчас своеобразным, и шутки не всегда уместны.

Мы никогда не знали, что он еще отколет смеха ради. Как-то в воскресный день мы играли в бейсбол на поляне, где обычно паслись коровы Говарда Роквелла. Папа был вне поля, пытаясь поймать все, что летело в его сторону. Мяч эффектно зафантилили высоко в воздух. Когда он летел прямо к отцу, он вытащил обе вставные челюсти и, широко раскрыв их, поднял над собой, пытаясь поймать мяч ими. Он его так и поймал, между прочим, и все долго потом вспоминали эту шутку.

По субботам в Монтеверде обычно устраивались вечера сквэр-данса. Список фигур стандартизован и одинаков во всех клубах сквэр-данса. Мы все выросли, умея делать и досадо, и дип, и дайв. Танцевали мы в школе — под живую музыку, или под старые пластинки. Понятно, что последовательность фигур сквэр-данса заранее неизвестна. Их произносит или напевает под музыку так называемый коллер. Папа часто бывал коллером, а если нет — ищи его на танцполе. В какой-то из вечеров он лихо отплясывал, и в конечном итоге его партнером стала мама. Отец скинул ботинки и поскакал вместе с ней, прыгая прямо по скамейкам вдоль стен в то время, как она двигалась променадом рядом. Он закончил танец

тем, что оторвал ее от пола, сделал гигантский свинг, чем привел всех в изумление. Такого рода выходки со стороны отца заставляли маму краснеть».

Томас был первым сыном Гиндонов, родившимся в Монтеверде в 1953 году. Он ходил с Вольфом в лес и очень похож на своего отца, с таким же беспокойным духом и потрясающей энергией. Он женился на Линди Макссон в 1975 году, и они создали свою собственную молочную ферму, купив участок у тети Мэри и дяди Уолтера. Хотя Томас отправился в бизнес-школу в Сан-Хосе, его детская любовь к лесу не исчезла. Он рассказывает свою собственную историю, как это любит делать каждый из Гиндонов.

«Я рос в лесу. Мои братья Карлос, Антонио и я проводили в лесу большую часть времени, стараясь ходить туда как можно чаще. После того, как мы выполним свою работу на ферме, конечно. Мы постоянно были заняты строительством небольших шалашей и походами по лесу, мы залезали на деревья и раскачивались на лианах. Спокойно ходили по грязным грунтовым дорогам. Я рос босоногим мальчишкой и до десяти лет практически не носил обувь. Особенно мне нравилось время, которое мы проводили с папой и мамой. Мы отправлялись в поход или рубили деревья и расчищали пастбища, играли в бейсбол или волейбол, и они оба играли с нами.

В те дни я был наблюдателем за птицами, но другого типа. Мы часто носили с собой рогатки. Нашей любимой птицей, по которой мы стреляли, был изумрудный туканет. Мы не чувствовали особой вины, убивая их, поскольку они были разбойниками — разоряли гнезда. Получается, мы защищали других птиц. Нам еще нравилось делать ожерелья из их клювов. В те годы в лесах водились большие стаи, по шестьдесят или семьдесят туканетов в стае. Нынче ты едва ли увидишь пятнадцать птиц вместе или того меньше.

Мне было около восемнадцати лет, когда тут возник заповедник. Я работал с Джорджем, папой и с Эладио, расчищал тропы и помогал при геодезической съемке. Сначала работа была приятной, потому что я постоянно находился в лесу. Но что касается охраны, я не слишком много думал об этом. Мне казалось странным не трогать то, что казалось хорошей землей для земледелия.

Я проработал около года в заповеднике, и мне надоело. Это была такая работа, когда вас никогда нет дома, когда вы пытаетесь разжечь костер, а дрова мокрые, и все такое прочее. Тогда мы с Антонио начали работать над нашим владением в Пеньяс-Бланкас, которое мы купили у папы и Маркоса Варгаса. Вот тут я проводил все свое свободное время. В том месте было около десяти семей, которые пытались именно там жить и трудиться. Мы с Линди тогда думали о создании школы. Тогда я разочаровался в идее заповедника, поскольку его администрация оказывала давление на местное население, стремясь закрыть дорогу в Пеньяс. Мы вложили деньги в дорогу, а теперь нам говорят, что вы не можете ее использовать.

В восьмидесятые годы Пеньяс-Бланкас тоже стал заповедной зоной, и мы, в конце концов, продали нашу собственность заповеднику. Ко мне осознание необходимости сохранения дикой природы, наконец, пришло в конце 1980-х годов, когда я работал в Институте Монтеверде. Именно тогда я узнал об исчезновении видов, о том, что это происходит во всем мире.

Я считаю, что мы — составная часть природы и должны жить, как часть этой картины мира. Но обычно так не получается, и вот в этом-то и проблема. Я вижу, как все изменилось в моей жизни. Когда я был ребенком, мы расчищали землю, чтобы сделать побольше пастбищ. Когда я впервые начал покупать землю, то мне нравилось, что на участке было немного леса. Я думал, как только начну получать продукцию с расчищенной земли, тогда смогу начать вырубать оставшийся лес и расширяться. Теперь же я считаю, что одной из самых больших

ценностей фермы является лес в его естественном состоянии. Старые пастбища зарастают, и вместо того, чтобы смотреть на это и горевать о приложенных напрасно усилиях, я радуюсь возвращающемуся разнообразию. У меня был медленный и постепенный переход от одного вида мышления к другому.

Наша семья действительно прошла через весь процесс сохранения дикой природы, так или иначе изучая самую природу. То, чем занимается каждый из моих братьев и сестер, либо искусство, либо лес. Искусство идет от природы, от ощущения леса вокруг вас. Есть человеческая потребность в мире и спокойствии, в духовном спокойствии, которое вы обретаете, только когда окружены природой».

В детстве Томас боялся темноты, но он преодолел свой страх, проводя время в ночном лесу. Уже взрослым он придумал ночные прогулки. Их идея заключалась в том, чтобы помочь другим людям чувствовать себя вполне комфортно в сумеречном лесу, где всегда можно узреть что-то удивительное, даже если нет фонарика под рукой. Эти прогулки стали регулярной частью программы приезжающих в Монтеверде. В 1980 году у Томаса и Линди появился сын Лерой, первый из череды внуков клана Гиндонов. А в настоящее время их уже шестнадцать. Вольф надеется, что внуки оценят дело его жизни и, возможно, продолжат начатое им.

«У Томаса и Линди трое детей: Лерой, Кейла и Ари. Когда родился Лерой, я подумал: вот наш шанс для первого правнука. Однако только в 2007 году наша внучка Кейла забеременела. Брак Томаса и Линди не выдержал испытания временем, возможно, потому что жизнь в Монтеверде, как и во многих небольших общинах, имеет свои особенности и может быть довольно сложной. Томас женился второй раз в 2003 году. Сейчас он живет в Калифорнии со своей второй женой, Гретхен Шульц, а в 2006 году у них родился мальчик, Джулиан. Томас в глубине своей души очень даже тикос, и я думаю, что он вернется сюда когда-нибудь, чтоб доживать свою жизнь в Монтеверде.

Наша первая дочь Хелена родилась в 1954 году. От матери она унаследовала духовность, и еще от Лаки — ее естественный художественный талант. Хелена поступила в Бостонский университет, но ушла оттуда, не получив степень бакалавра изобразительных искусств. В 1984 году она вышла замуж за Тима Кертиса, парня из США, которого она встретила в Монтеверде, когда он преподавал в квакерской школе. У них есть собственный дом — на нашей ферме — где они прожили несколько лет со своими двумя сыновьями Сильвио и Тулио. И Хелена, и Тим очень погружены в работу в квакерской школе, активны в собрании и в нашей общине. Благодаря своим прекрасным талантам Хелена смогла отобразить на холсте потрясающий залив Никоя — вид с нашей фермы».

Хелене непросто быть единственной девочкой на ферме, играть лишь с мальчиками — своими братьями. Ее любовь и близость к природе явно противоречили разрушительным затеям мальчишек, которым только бы в птиц пострелять или дерево завалить. От нее, как от девочки, ожидалась помощь маме, работа с мамой по дому, но она всегда предпочитала быть на улице. Хелена — глубоко интроспективный человек, который страстно говорит, много смеется и передает любовь к лесу своей кистью художника. В 1974 году она поехала учиться в Соединенные Штаты и через три года, когда вернулась в Монтеверде, была удивлена изменениям, которые произошли в ее отсутствие.

«В нашей семье разница в возрасте между старшей группой детей и младшей группой была большая. Мы были почти как две разные семьи. У тех из нас, кто постарше, был папа, которого они видели. Конечно, он всегда был в движении, за исключением моментов, когда останавливался, чтобы поговорить с кем-то. Но все равно он был рядом. Именно он заботился обо всем. Если он сильно рассердится на что-то, с ним и припадок может случиться, но он всегда мог превратить все в шутку. Хотя у папы были только долги, дети и

коровы, мы не чувствовали себя особенно бедными из-за того, как мы жили. Он был не прочь потратить немного лишнего и насладиться жизнью.

Когда я была ребенком, не помню, чтобы нам кто-нибудь говорил «будьте осторожны». Учитывая, сколько рисков было тогда, — ведь у каждого были мачете и тому подобные опасные штуки. Я даже не понимаю, как это мы и в самом деле смогли вырасти и остаться живыми. Мы играли на улице, и нашими игрушками были деревья, бревна и еще множество всяких растений. Одними из самых забавных игр, в которые мы играли, были наши травяные дома. Когда дерево выкорчевывают, то трава продолжает расти среди корней и грунта. Она растет из-под земли. Это становится нашей крепостью — эта свежая мягкая трава, растущая около выкорчеванного дерева. Можно было вскарабкаться высоко, там повиснуть на корнях и думать, что ты на вершине мира. Пространство в том месте, где росли корни, вырванные из-под земли, также зарастало травой и становилось рвом. Длинный ствол дерева, лежащий на солнце, создавал поверхность, на которой росли многие виды растений, и это был наш сад. Мы придумывали имена для растений, и многие из этих выдуманных имен — единственные, которые я все еще помню, не зная истинных названий для этих растений. Мы ели все, что считалось съедобным. Фактически наша жизнь тогда проходила на лоне природы, и для меня это было самое лучшее место в мире.

Природа была для меня всем, и все, что было вне дома на открытом воздухе, было мне близко. У меня была одна подружка, которая жила неподалеку, но в основном я зависела от своей матери и братьев. Но мои братья любили стрелять, и это меня очень беспокоило. Я молчала об этом, поскольку была другой. Незадолго до того, как я уехала в университет, папа познакомился с Джорджем и заинтересовался сохранением леса. А мои братья заинтересовались изучением птиц и животных вместо того, чтобы охотиться на них. Это была довольно серьезная перемена. И хотя папа все еще рубил то тут, то там своим мачете, теперь он это делал с другой целью.

Наш папа — идеалист. У него была община, семья и великие идеалы в отношении всего этого. Но фермерская работа не давала возможности достичь воображаемых им идеалов. Это была просто работа на выживание. Отец всегда любил находиться в лесу. Вся идея сохранения лесов для будущих поколений давала ему как раз то, чем он хотел заниматься. Это было большое, важное дело, которое для него многое значило. Когда он сделал этот шаг — ушел от фермы в заповедник — он не шагнул, он прыгнул. Он никому ничего не сказал, у него не было никаких соображений о том, кто теперь будет заботиться о коровах, ничего такого, что большинство людей сделали бы в преддверии больших перемен. Но нельзя сказать, что он не думал и не заботился о семье. Мы заставили его пойти к врачу, когда он заболел, хотя он бы предпочел сбежать в лес. Он нас слушал, потому что, в конечном счете, он заботился о семье.

Когда я была маленьким ребенком, все, что делалось в Монтеверде, казалось мне довольно веселым и идеальным. Все было внове и захватывало. Решения принимались в общине. Казалось, люди ладили. Когда я стала подростком, в конце 1960-х годов, стали заметны трения и расслоение. Я помню, как ходила на собрания общины, и эмоции там были нешуточные. Хотя я не понимала всех проблем, но чувствовала негатив и напряженность. Бывали случаи, когда напряженность в комнате достигала апогея, папа вставал и говорил что-то, что было очень в точку и устраивало всех. Никогда это не было односторонним мнением, и слова его заставляли всех смеяться. Это снимало напряжение и возвращало единство в комнату. Это помогало, хотя не очень способствовало объединению общины. Папа и мама умудрялись не принимать ничью сторону, но они всегда старались найти баланс, чтобы помочь сосредоточиться на обсуждении. Я в самом деле полагаю, что такая их способность была ключевым фактором для дальнейшего существования общины, хотя несколько семейств решили уехать. Талант папы подходить к каждой напряженной ситуации с юмором, вероятно,

также помог ему в работе лесным охранником. Когда он общался на неродном для него языке с людьми другой культуры, то использовал смех как инструмент исцеления».

Третий сын Вольфа и Лаки, Карлос, родился в 1956 году. Карлос провел большую часть своей жизни, занимаясь своим образованием в Соединенных Штатах, и он был первым выпускником школы квакеров в Монтеверде, который получил докторскую степень. Это звание ему дали в Школе лесного хозяйства и экологических исследований в Йельском университете в 1997 году. Он женился на Лидиэте Уоллес, девушке из другой семьи в Монтеверде, и у них два сына, Марсело и Серхио. Они живут в Нью-Гемпшире, где Карлос периодически ведет полевые курсы по биологии и тропической экологии как профессор-резидент в Организации тропических исследований. Эта работа время от времени возвращает его в Коста-Рику вместе со студенческими группами и позволяет ему делиться своими богатыми научными знаниями по тропической экологии с начинающими биологами.

Карлос признает, что его квакерский опыт, особенно опыт, полученный от квакерских собраний в Монтеверде, сильно влияет на его работу биолога и преподавателя. Именно поэтому он чувствует сильную связь между своей духовностью и лесом. Карлос учит студентов понимать внутренние связи между людьми и миром природы. Он также работает с местными природоохранными организациями над созданием коммуникации между участками, покрытыми лесом, над созданием защищенных миграционных коридоров, которые связывают природные заповедники с местами обитания, расположенными на территории, находящейся в частной собственности.

«Джордж и Харриетт Пауэллы оказали большое влияние на меня, когда я учился в средней школе. Харриетт преподавала биологию в школе Друзей, а Джордж приходил в школу и делился с нами своими историями о покупке земли для ее защиты. Я начал изучать биологию, которая мне очень нравилась, с мыслью, что мы должны работать над защитой естественных мест обитания. Я любил пешие походы. Мы спускались в Пеньяс, где разбивали лагерь и работали. Когда папа начал ходить по лесу с Джорджем и понимать ценность спасения леса, ну, вот тогда-то для меня все рассыпанные частички мозаики и сложились в ясную картину.

Мне нравилась школа, но мне приходилось много работать и быть очень дисциплинированным в учебе, поскольку обучение мне давалось не так легко. Вероятно, самый серьезный урок, который мне запомнился, был преподан мне Джорджем. Он и папа уже создали заповедник, а я приехал на лето домой из колледжа Эрлем в США и работал на нашей семейной ферме. У нас как раз начались проблемы с пекари, которые ели корнеплоды на небольшой грядке в задней части нашего участка. Я знал, что пекари находились под защитой в заповеднике, но здесь ферма. Они безобразничали тут, поэтому я и подумал, что было бы вполне приемлемо подстрелить одного из пекари в обмен на то, что они съели. И такая мера, может быть, отведит их от нашей грядки с корнеплодами.

Поэтому я взял свой винторез и вышел из дома. И тут мне вдруг попались на глаза пекари прямо на краю леса. Я выбрал одного, выстрелил, и он скатился с края скалы. Я уже направлялся туда, чтобы забрать его, но тут подошли другие пекари. Стоят позади меня, щелкают зубами. Я просто стрельнул в их сторону, чтобы лишь отпугнуть животных. Они дали круга и опять вернулись ко мне. Я выстрелил в одного, бегущего впереди, попал в него, хотя не думаю, что убил его. И вот тогда они, наконец, убежали. Я спустился вниз, слил кровь у убитого пекари, положил его себе на плечи и пошел с ношей на плечах вверх по краю скалы. Я с гордостью нес его домой, а навстречу мне — Джордж, спускающийся из дома.

Он сказал мне пару ласковых, из чего я легко сделал вывод, что он недоволен моим поступком. Он долго не разговаривал со мной после этого случая. Они с Гарриет приходили к нам воскресными вечерами на ужин. Как-то раз, уже через несколько месяцев после моей

охоты, Джордж вдруг похвалил жаркое, которым мы его потчевали. Мы не решились сказать ему, что оно из мяса пекари.

Это был последний раз, когда я брал в руки ружье, и это была моя последняя охота. Я все понял. Я узнал, что животные должны были мигрировать на склон на тихоокеанской стороне континента, и возможно я стрелял в тех же пекари, которые были под защитой в заповеднике, где они обитали в другое время года. Я видел, что папа проходил тот же процесс познания и понимания. Из фермеров, использующих рогатки, духовые ружья, а затем винтовки двадцать второго калибра, убивавших все, что можно съесть, мы превратились в людей с биноклями и фотоаппаратами. Теперь мы совершенно иначе смотрим на вещи. Теперь я других учу тому, как прийти к такому же пониманию.

Если бы я не мог ходить в лес — а после таких походов я как будто молодею и набираю вдохновения — я бы страдал, и исчезла бы духовная составляющая моей работы. Я думаю, что многие люди, приезжающие сюда, как будто заново знакомятся с лесом, и это имеет большое значение. Это надо учитывать и выдвигать как аргумент против идеи не пускать туристов вообще, чтобы природа была полностью защищена. Некоторые районы слишком хрупкие или уникальные, и доступ в такие места может быть разумно ограничен. Но если вы не пускаете людей в лес, то вы теряете ту дополнительную пользу, которая достигается тем, что побывавшие в диких лесах начинают ощущать себя частью природы и уже сами желают защищать ее для будущих поколений».

Когда Вольф начал работать с Джорджем в лесу в начале 1970-х годов, он переложил ответственность за семейную молочную ферму на своих сыновей, работавших там вместе с нанятым работником по имени Диньо Арсе. В течение многих лет зарплата Вольфа в заповеднике была маленькой, ее хватало лишь на покрытие расходов, связанных с работой. Именно ферма давала возможность оплатить счета и кормить семью. Его четвертый сын, Бенито, стал молочным фермером.

«Рождественским подарком для нас в 1958 году был наш сын Бенито. Он родился в перерыве между будничными хлопотами и церемонией обмена подарками в нашей общине. Никто и не мог себе представить, что молочная ферма будет держаться на нем. Этот мальчик — отражение разнообразных талантов своей матери, будь то пение в хоре общины, плетение корзин, составление картин из сосновых иголок или же создание знаменитых сортов варенья, сушка бананов, приготовление козьего сыра и замороженного йогурта. Он вынослив, как перелетная птица, он объехал на велосипеде континентальную часть США, он участвовал в нескольких велосипедных гонках вокруг озера Ареналь здесь, в Коста-Рике. Возможно, его самая большая гордость — неоднократно пройденный на ходулях двенадцатикилометровый марафон, который устраивается в Монтеверде ежегодно!»

Бенито всегда любил животных и планировал учиться на ветеринара. После окончания средней школы он отправился на год в Теннесси, чтобы поработать в тамошней ветеринарной клинике, но вскоре решил, что это не для него, и вернулся на ферму. Обычно сельское хозяйство привязывает человека к месту, а Бенито — человек неугомонный, однако он смиренно несет эту ношу. Он говорит, что он не в обиде, и утверждает, что ему легче, чем многим другим молодым людям. Ему не надо было решать, чем заниматься, как распорядиться своей жизнью, или где он собирается это делать, пока он был на своей ферме.

А в 2003 году Бенито объявил, что уходит из молочного бизнеса и продает коров. Это было трудное решение, но оно было сделано после долгих размышлений. Просматривая свой личный дневник, который он вел с самого детства, Бенито понял, что делал одно и то же практически каждый день, и в свои сорок пять занимается тем же, чем занимался в пятнадцать. Ему нужно было отойти от сельского хозяйства и своих обязанностей в общине, чтобы он мог покинуть дом и познать что-то новое. Избавившись от рутинных хлопот,

Бенито воспользовался своей свободой для поездки в Соединенные Штаты, Мексику, Перу и в другие места. Он потихоньку пополнял свой скотный двор козами, кроликами и даже домашней тайрой. Он искал баланс между любовью к ферме и другими своими стремлениями. Вольф может только сочувствовать неугомонности своего сына и очень ценит его огромный вклад в поддержание фермы.

«Бенито — человек, интересующийся многим. Он поработал с несколькими биологами в этой местности и стал экспертом естественной истории региона. Он подобрал кетцаля и ухаживал за ним, а еще за длиннохвостой кошкой, пакой, ленивцами, обезьянами и несколькими другими дикими существами. После того, как он практически всю жизнь провел в заботах о своих животных, а также о нашем молочном хозяйстве, он уходит от фермерства, потому что желает попутешествовать, когда ему хочется. Что бы он ни решил делать, его физическая сила и многочисленные навыки не будут потрачены впустую.

Наш следующий сын, Рикардо, родился в 1961 году. Он поступил в квакерскую школу, а затем в колледж Эрлем в США. Он несколько лет изучал современный танец и вокал, а потом вернулся в Коста-Рику. Рикки женат на местной девушке, Маритце Бадиллье, и у них трое детей: Хейзел, Дэвид и Фрэнсис. Как и его братья, он провел большую часть своей взрослой жизни в лесу, помогая биологам и работая гидом, полный энтузиазма и любви к природе. Орнитологию в Эрлеме ему преподавал Билл Бускирк, и теперь Рикардо — местный эксперт по птицам.

Рики и его семья являются активными прихожанами Церкви Божьей в Санта-Елене, он был рукоположен в священники в этой конгрегации. Он говорит, что квакерство не имеет достаточного акцента на водительство и на писание, и что он обратился к учению другой церкви, будучи уже взрослым. Я бы сказал, что он сохранил приверженность к многим ценностям, обретенным у квакеров, таким как честность и уважение к другим».

В 1987 году Рикардо начал работать гидом, после того как разместил объявления о своих услугах в двух маленьких гостиницах Монтеверде. Это было то самое время, когда безмолвная молитва квакерского собрания стала разочаровывать Рикардо. Поэтому он стал участвовать в служениях евангельской церкви в Санта-Елене, где мог устно выразить свои духовные убеждения. Теперь он музыкальный руководитель там, и эта работа соединяет его любовь к пению с его преданностью Богу.

К своей сегодняшней жизни он шел длинным путем. Его личные метания сначала направили его в Вирджинию, затем в Португалию и, наконец, в Вермонт. В конце концов, он вернулся в Коста-Рику — в свою семью, в свой дом и лес. В пути он нашел свой голос.

«Живя в Коста-Рике, я всегда чувствовал, что здесь, в Монтеверде, я иностранец. У меня светлая кожа, английский — мой родной язык, у меня североамериканские хобби, например, наблюдение за птицами, чем в те годы не стал бы заниматься ни один костариканец. Я не играл в футбол, как некоторые из моих братьев, что их сдружило с местными тикос. Поэтому я всегда чувствовал себя немного странно среди костариканцев и стыдился своего акцента.

Когда я решал, что мне делать в жизни, чем заниматься, у меня выходило два варианта: остаться на ферме и стать молочным фермером или же стать биологом. У меня был бинокль, и я увлекся идентифицированием птиц, а потом решил, что мне нравится орнитология. Это привело меня в колледж Эрлем в Индиане. Там я учился у Билла Бускирка. Это было главным, что тянуло меня в США, но еще было и мое любопытство: мне было интересно, буду ли я чувствовать себя лучше, если стану жить в североамериканском окружении.

Я часто говорю, что одно из лучших открытий, которое я сделал на основе этого опыта, было то, насколько в глубине своей души я латинос. Я чувствовал себя иностранцем в США и чувствовал очень сильное притяжение ко всем, кто были определенно латиноамериканцами

— с темными волосами, темными глазами и темной кожей. Я сразу же чувствовал: «Это мой брат, это моя семья, это мои люди». Я понял, насколько я костариканец.

Жизнь в США вызвала эмоциональный кризис, который привел меня к тому, что я отдал свою жизнь Иисусу. Это была серьезная метаморфоза и духовное исцеление. Поскольку я чувствовал, что унаследовал свое духовное призвание от своих родителей, я хотел вернуться и поделиться этой новостью с ними. У меня не было денег, и я позвонил домой, чтобы спросить, могут ли они помочь мне. Я не знаю, где они взяли деньги, но отец купил мне билет на самолет. Тем временем я вернулся туда, где жила моя духовная мать, и меня убедили, что я должен остаться в США. Поэтому я написал своим родителям, и сказал им, что я не вернусь домой. К счастью, в Штатах был Бенито, и он смог использовать мой билет, иначе его пришлось бы выкинуть. А у моих родителей не так много денег, чтобы разбрасываться ими. Мне было очень стыдно, я знал, что подвел их.

Когда я, наконец, решил вернуться в Коста-Рику, то не говорил своим родителям о том, что приеду, до той поры, пока не оказался в Сан-Хосе. Я чувствовал себя очень неловко из-за того, что давеча сделал. В те годы из Сан-Хосе в Пунтаренас автобус ходил раз в день, а уже оттуда — еще один автобус в Монтеверде. Я отправился на автобусе в Пунтаренас. Когда я приехал туда, то сразу увидел отца, который спустился с горы, чтобы встретить меня. Хотя в США я сбился с пути и, без сомнения, разочаровал своих родителей, папа нашел время, чтобы встретить меня и сказать: «Добро пожаловать домой». Только недавно я осознал, как много это значило, что папа жил в соответствии с христианским принципом прощения и приятия, и я мог искренне поблагодарить его.

Для меня всегда было честью работать в организации, которую основал мой отец. В течение пяти лет я был сотрудником заповедника, а затем на протяжении многих лет я работал гидом. Для меня это большая честь — «поделиться с другими людьми лесом», где отец так много делал для его защиты. Теперь я могу ходить с папой и уже поспеваю за ним, а иногда даже могу опередить его!»

Детство на ферме у двух младших детей Вольфа и Лаки, Антонио и Мелоди, прошло иначе, чем у их старших братьев и сестры. Молочная ферма уже хорошо функционировала. К тому времени, когда эти двое стали подростками, отец работал полный рабочий день в заповеднике. Они оба любили Монтеверде и планировали там остаться, но для Антонио жизнь распорядилась по-иному.

«Наш сын Антонио, родившийся в 1963 году, стал прекрасным плотником и краснодеревщиком. Когда он был подростком, Антонио решительно заявил, что никогда не поедет жить в Соединенные Штаты, как это делали его братья и сестра Хелена. Он вообще не понимал, почему они это делали. А потом, в 1987 году, он женился на Элисон Дорси, молодой американской волонтерке, приехавшей в квакерскую школу. Они отправились жить в Нью-Гэмпшир, где Антонио поступил в ученики к другу — строителю и краснодеревщику. Тонио купил инструменты и, вернувшись в Монтеверде, построил на нашей ферме хорошо оборудованный деревообрабатывающий цех. Брак с Элисон длился несколько лет, достаточно для того, чтобы у нас появилась прекрасная внучка, Ориана. Когда брак распался, он продолжал участвовать в воспитании своей дочери и какое-то время проживал в Соединенных Штатах. Несколько лет спустя, когда он уже снова жил в Монтеверде, Антонио познакомился с биологом из США, Адер Мали и, в конце концов, они поженились и уехали в США, чтобы жить поблизости от ее неизлечимо больной матери. У них теперь растут чудесные близнецы, Скай и Сэм. А живут они в Коннектикуте, где Антонио опять создал деревообрабатывающий цех. На нашей ферме у них остался дом, в котором они иногда бывают, когда это позволяют обстоятельства.

Наша младшая, моя *чичи*, Мелоди, родилась в 1966 году. Она осталась верна своим корням и

живет вблизи от родного дома. Мелоди вышла замуж за Родриго Солано, который был ее очень внимательным учеником, когда она в каком-то году преподавала английский. Он, оказывается, сын одного из моих помощников на ферме. У них две прекрасные дочери, Ноэлия и Наоми. Мелоди была учителем дошкольного отделения и детского сада в квакерской школе после того, как сама закончила ее в 1983 году. Она получила сертификат учителя по системе Монтессори, пройдя курс заочного обучения. Хотя она и преподает в квакерской школе, но является прихожанкой церкви адвентистов седьмого дня. Как и у всего нашего семейства, у нее в душе искусство, любовь к природе и спорт».

Мелоди описывает свое детство как идиллическое, поэтому она никогда не покидала Монтеверде. Она очень ценит такой образ жизни с поддержкой семьи в этой необычной общине, посреди дикой природы. Как и ее отец, она любит пешие походы и верит в важность сохранения дикой природы. Она всегда была осторожной с животными и с детства бережно относилась к зоопарку разных созданий, живших по соседству.

«Я всегда боялась коров, собак, лошадей. Если бы я повстречалась с незнакомой лошастью, то пролезла бы под заборами и удрала бы от нее. Это не значит, что я не занималась животными, я всю свою жизнь была бок о бок с ними. Но Бени всегда держал диких тварей в нашей ванной. Когда приходилось идти туда, то порой там можно было наткнуться на змею, в другой раз там могла быть птица. Я была совсем маленькой, когда одна из наших собак заразилась бешенством. Я была тогда с мамой. Мы увидели собаку с пеной у рта, и маме пришлось ее связать. Я не знаю, как этот пес не укусил ее. В другой раз у Джорджа и Харриетт был раненый коати. И эта тварь имела привычку кусать за пятки всякого проходящего мимо. Вот так один печальный опыт за другим не давал мне ощущения безопасности в обществе зверей.

Тем не менее, мне всегда нравилось бывать на ферме, на открытом воздухе и ходить пешком. Когда я была еще совсем малышкой, мне с отцом всегда было очень весело, и я часто ходила хвостиком за ним. Ему нравилось, когда я забиралась к нему на трактор и ездила с ним. После того как начали создавать заповедник, общения с отцом стало меньше. Но я видела папу, каким он был общительным, счастливым, разговорчивым и щедрым, и люди, казалось, тянулись к нему, даже если они не понимали и половины того, что он говорил. Когда я немного подросла, уже меньше ходила с папой. Каждый раз шла в заповедник с моими братьями. Теперь я старше и хотела бы почаще ходить с отцом. Несколько раз мы с ним ходили тропой тапира в Ареналь. Первый поход был, когда он открывал тропу. Он ходил в этот невероятно трудный поход в возрасте семидесяти лет, а мне было всего тридцать и далось это нелегко. И то был уже его третий поход за месяц, поход по этой же тропе! Я его очень уважаю.

Одна из забавных особенностей жизни в те молодые годы, когда отец работал в заповеднике, заключалась в том, что мы понятия не имели, когда же он появится дома после очередного своего похода в лес. Мы слышали, как он ухал и побрякивал по мере приближения к дому. И мне всегда нравился свежий, земляной запах леса, исходивший от его одежды.

Будучи самой молодой и, вероятно, имея наименьшее представление о том, что с кем происходит в нашей семье на самом деле, я могла расти расслабленно. Моя мать очень умело скрывала свое беспокойное состояние. Даже в худшие дни, когда отец был нездоров, мама всегда умела создать такое впечатление, как будто бы все под контролем. Нам ни о чем не нужно было беспокоиться. Было время, когда она находилась на грани смерти, она теряла кровь и не знала, чем все это кончится. Она позвала Тонио и меня в свою комнату, чтобы сказать нам, что она очень больна, но все будет хорошо. Соседи тогда нашли кого-то, кто смог отвезти ее в Пунтаренас, и, конечно же, она выжила.

Для меня очень много значит то, что даже со всеми удачами и неудачами мои родители дали

мне это ощущение покоя. Я так счастлива, что они приехали в Коста-Рику и воспитали нас здесь, в Монтеверде. Теперь я надеюсь, что мои две дочери так же ценят то, что мы живем здесь.

Монтеверде разросся и изменился с годами, но сущность его не изменилась. В основе этой сущности очень много квакерского. Особенно уважение к другим и уважение к тому, что люди разные. Для меня это является основой квакерских убеждений. А еще важно, что мы живем своей верой, и это я видела у родителей. Это не что-то такое, чем они занимаются по средам и по воскресеньям на квакерском собрании, а то, как они живут, их образ жизни. За это я очень уважаю маму и папу, которые именно живут тем, во что верят, изо дня в день. Они всегда были таким отличным примером для меня, что это повлияло на то, как я живу свою жизнь. Самое большое изменение во мне — это мои отношения с Христом, которые раз за разом делают меня тем, кем я являюсь. Я адвентистка седьмого дня вот уже много лет, но в основе того, кем я являюсь и во что я верю, лежит вера квакеров.

Мне всегда нравилось то, как моему папе видится сохранение дикой природы. Я согласна с ним на сто процентов. Мы все являемся частью природы, и хотя у нас могут быть самые разные, порой противоречивые идеи, однако через уважение друг к другу мы можем достичь гармонии. Я уверена, что наиболее наполненные смыслом встречи с Богом у папы были в лесу. Я понимаю это, потому что природа говорит со мной о Боге так ясно, как ничто и никто. Для меня это Его творение, и быть частью этого — действительно большая честь».

Сочетание сельской костариканской простоты и квакерской чувствительности дают в результате умение делать все в этой жизни вежливо и вдумчиво, что было очень кстати, потому что реалии жизни в развивающейся стране требовали воображения, гибкости и терпения. Как и во всех других аспектах жизни, в Монтеверде к воспитанию детей имеются особые требования. В таких сферах, как медицинское обслуживание, спорт, культура и образование, дети первопроходцев полагались на опыт их прошлой жизни, их удаленной окружающей среды.

«Одна из самых запоминающихся историй о воспитании наших детей — это история ежегодной поездки к дантисту для проверки зубов. Для этого мы должны были ехать в Сан-Хосе. К тому времени, когда в семье было восемь детей, это было «ничего себе» приключение. Как правило, в одну поездку мы брали четверых детей, иногда шестерых. Обычно все проходило довольно гладко. В какой-то год вся семья отправилась в Бока-Барранку, недалеко от Пунтаренаса, и мы остановились у Чейза Коновера, квакера, который какое-то время жил в Монтеверде. У Чейза была хижина рядом с пляжем, и он предлагал людям, ехавшим в Сан-Хосе или ехавшим оттуда, останавливаться в его домике на ночлег.

Остановившись у Чейза, я брал двоих детей, и мы ехали на поезде к дантисту, а Лаки в это время оставалась с остальными ребятами на пляже. Из Пунтаренаса до Сан-Хосе ходила электричка, и обычно на поездку требовалось около четырех часов. Когда я звонил и бронировал билеты, в ответ слышал: «Да, я думаю, мы можем найти местечко для вас». Мы вставали очень рано, чтобы успеть на поезд, уходящий в 4 часа утра, возвращались в тот же день. Мы сидели на деревянных лавках среди остальной публики. В общем, мы делали так: возили двоих детей к дантисту в один день, и еще двоих — на следующий.

До того как я связался с заповедником, мы всегда чем-то занимались с детьми. Я старался найти какие-то совместные дела, которые были бы и развлекательными, и вместе с тем образовательными. Раньше мы ездили в разные регионы, например, в фермерское сообщество в Сан-Луисе. В то время мы добирались туда пешком, по тропинке, ведущей через скалистый обрыв. Мы делились своими идеями и опытом со знакомыми в Сан-Луисе, особенно с семьями Лейтон и Круз. Наши дети выросли, говоря по-испански, в основном из-за того, что большую часть времени они проводили с соседями-костариканцами, которые

научили наших мальчиков играть в футбол. В Сан-Луисе были футбольные команды, в которых числились и наши ребята — Томас и Карлос, а позже и Антонио. Это было действительно хорошее дело, которое нашло свое продолжение в создании футбольных команд в Санта-Елене.

Когда дети достаточно подросли, я брал их всех в Пеньяс. Все они рано или поздно сходили туда, где была наша вырубка. Берни, сын Эстона, вместе с моим Томасом ходили туда в поисках приключений, им нравилось охотиться. Они и двое младших, Карлос и Тонио, работали, занимались расчисткой и засеивали пастбище. Для них это было развлечение. А еще иногда они отправлялись на прогулку к реке Пеньяс-Бланкас поплавать и понырять.

Хелена и в самом деле была первой женщиной, которая совершила переход на другую сторону Пеньяс. До Ла-Тигра около тридцати километров! Нет сомнений, что она была самой молодой девушкой, совершившей этот переход. Ей было тогда лишь семнадцать. Мы отправились навестить семью Кастро на ту сторону, где расположен Сан-Карлос. Три дочери Кастро, которых я называл *паломас* [голубки], хотели отправиться в Монтеверде. Они все уговаривали своего отца, чтобы тот позволил им пойти, но он считал, что это слишком дальний путь и слишком опасный. Потому он не давал им разрешения. Но когда молодая Хелена прошла со мной, проделала весь путь от Монтеверде, тут старику Кастро пришлось нелегко. Они на самом деле легко могли бы пройти этот маршрут, потому что работали со своим отцом, сажали траву, доили коров и в основном выполняли ту же работу, что и он. Их сил хватило бы, чтобы пройти этот путь. После того как мы погостили у них в доме, отправились в Ла-Тигра. Мы путешествовали автостопом по дороге домой, проехав по шоссе от Сан-Рамона до Эспарзы на прицепе лесовоза. Мы не могли поехать в автобусе, потому что водитель не пустил нас с нашими рюкзаками. Там не было никакого места для багажа. Из этого рассказа понятно, что в этой стране многое изменилось.

Позже, когда дети стали старше, мы отправлялись на пляжи Тихого океана и жили в палатках в Тамариндо и на других пляжах Гуанакасте. Раз в год мы ездили в отпуск. Эти поездки были важны для знакомства с местным населением, с другими районами страны. Кроме того, мы хотели, чтобы дети научились плавать, чувствовали себя спокойно в глубокой воде, потому надо было познакомить их с океаном.

У нас в Монтеверде дети обычно ходили к пруду, где вода была холодной, как лед. Там Джин Стаки учила их плаванию. Много лет назад, в какой-то из теплых дней, там собралось много детей. Все веселились. Многие умели плавать, но были и такие, кто мог лишь плыть по-собачьи. Там на берегу каждое воскресенье сидел мальчик. Он просто приходил и сидел, так как не умел плавать. Но в тот день он взял и незаметно нырнул в воду холодного пруда. Никто его не хватился, пока все не засобирались, стали уходить и увидели его одежду, оставшуюся на берегу. Получается, что он разделся и вошел в воду. Он, наверно, нырнул и сразу пошел на дно. Вода мутная, не видать ничего. Это было ужасной трагедией для всех, и она только укрепила нас в том, как важно, чтобы дети чувствовали себя в воде уверенно.

Мы побывали в Санта-Розе после того, как это место стало национальным парком. Усаживали наших детей в старый лендровер и цепляли к нему трейлер с нашими принадлежностями для кемпинга. Когда мы ехали по длинной разбитой грунтовой дороге через парк к пляжу, более отважные сыновья ложились на капот, свисая с него. Во время этих поездок дети увидели, как ночью черепахи выходят на пляж, чтобы отложить яйца. Однажды утром мы видели, как недавно вылупившиеся черепахи выбрались из гнезда и ползли обратно к морю. Это был последний раз, когда мы ездили на пляж всем семейством. Дети выросли и отправлялись на поиски своих собственных приключений.

Мы с Лаки много раз волонтерствовали в квакерской школе, мы отдали ей много-много часов, и все это, чтобы дать возможность детям в общине получить адекватное образование.

Это частная школа, и обучение в ней очень дорого для семей, которые отправляют туда своих детей. Заплатить за обучение наших детей нам помогла наша община. Это правда. Наши дети, посещавшие эту школу, получили очень, очень, очень мало нашей финансовой помощи. Все, что они имели, поступило от выращивания телят. В каком-то возрасте я позволял им выбрать телочку, уход за которой станет их обязанностью. А, когда они закончат среднюю школу и будут нуждаться в деньгах для своего будущего, они смогут продать подросшую корову. Ее куплю либо я, либо кто-то другой. В какой-то момент они узнали, что соседские дети получают деньги за молоко, которое дает их корова. Я не давал своим детям денег от продажи молока. Они начали спрашивать, почему это им не платят за коровье молоко, и почему им придется продавать свою корову, и только тогда они получают свои деньги. Они заподозрили, что в этой сделке есть что-то подозрительное.

Хелена и Рики были, наверно, единственными, кто заработал немного денег на своих коровах, но заработок был невеликий. Большинство тех, кто хотел продолжить учебу, нашли финансовую помощь через стипендии. С Карлосом все было немного по-иному. Он был исключительным учеником и хотел учиться, поэтому ему удалось получать стипендии на всем протяжении своего университетского образования, включая один год аспирантуры. Он попал в Йель через программу, специально разработанную для помощи латиноамериканским студентам. В то время это было новое дело — подготовка исследователей окружающей среды. Карлос выиграл от того факта, что был из тропической страны и хотел изучать биологию тропиков. Были программы, которые помогали иностранным студентам, но наши дети также являются и гражданами США, а поэтому могут регистрироваться как костариканцы или как североамериканцы.

В 1970-е годы, после того как мы прожили в Коста-Рике более двадцати лет, мы с Лаки решили отказаться от нашего американского гражданства. В то время мы не могли иметь двойное гражданство. У нас уже было наше гражданство Коста-Рики, и мы не собирались возвращаться для постоянного проживания в США. Однако большинству из наших детей удалось получить двойное гражданство в соответствии с законами нынешнего времени. Они пользовались этим преимуществом для путешествий, получения высшего образования и работы в Соединенных Штатах.

Мое образование — только школа. Сельскому хозяйству я учился у моего отца, равно как и многим другим навыкам, таким, например, как ремонт машин и механизмов. Я многому научился у костариканцев, когда мы вырубали леса под сельскохозяйственные угодья, а затем расчищали разграничительные линии и строили укрытия-приюты на охраняемых территориях. Тогда же у меня была возможность работать и многому научиться у биологов, которые проводили здесь свои исследования. Мне было очень приятно, что несколько наших детей учатся в колледже. Карлос — единственный, кто пошел в докторантуру, и у Альберто ученая степень аналогична степени магистра. Я полагаю, что единственное, за что я могу получить диплом — за мою жизнь в целом и за умение избегать неприятностей. И, думаю, это уже само по себе неплохо».

Дети семейства Гиндон под влиянием учебы в школе квакеров выросли любопытными, открытыми и вовлеченными в жизнь общины людьми. Каждый из них выбирал свой собственный путь — как в религии, так и в образовании — впитывая различные религиозные традиции. Сначала обитателями Монтеверде были американские квакеры и костариканцы, в основном католики. В наши дни в общине проявляют активность и адвентисты седьмого дня, и баптисты, и евангелисты, и свидетели Иеговы. Влияние квакеров остается заметным в планировании общины и общественном взаимодействии.

В Центральной и Южной Америке есть квакерские общины. Многие из них порой получали поддержку и финансирование различных квакерских собраний США. Евангельская ветвь

квакерства активно распространяла свою религию во всем мире. Но есть собрания, такие как в Монтеверде, которые являются традиционными, с молчаливой молитвой. Они более внимательно следуют принципам учения, заложенным Джорджем Фоксом. Существуют международные комитеты, которые связывают собрания квакеров по всей Америке и во всем мире. Именно через них Вольфу и Лаки удалось попутешествовать, когда дети Гиндонов подросли и покинули отчий дом. Так им удалось поведать об опыте Монтеверде всему миру — через участие во многих конференциях в качестве членов Американской секции Всемирного комитета Друзей.

«Мы с Лаки в 1977 году познакомились с квакерами Латинской Америки — когда нас пригласили в качестве представителей нашего собрания на конференцию в Уичито, штат Канзас. В Уичито есть университет, которым управляют евангельские квакеры с пастором. Они занимаются миссионерской деятельностью. Евангельские квакеры проделали большую работу, особенно в Африке, Центральной и Южной Америке. На этой конференции они свели нас, традиционных квакеров, живущих в Латинской Америке, с другими квакерами, также двуязычными — из Мексики, Гватемалы, Боливии и Перу. Этот съезд был важен тем, что открыл путь для включения в дальнейшем квакеров Латинской Америки в более крупную Американскую секцию Всемирного комитета Друзей.

После мероприятия в Уичито стали проводиться ежегодные слеты. В конце концов, я стал руководителем Американской секции, всегда представлял собрание Монтеверде на этих мероприятиях. Сразу же возникла проблема перевода. Потребовалась экспертиза и опыт двуязычных квакеров. Особенно помогла инициатива одной женщины, которая хотела ввести перевод на собраниях в последующие годы. Она настаивала на том, что необходимо получить соответствующее оборудование и провести тренинги для переводчиков. Это дало возможность понимать друг друга каждому участнику.

Позже в Никарагуа, Перу и Боливии появилась проблема призыва в армию в этих странах. Представители квакерских собраний этих стран обратились к нам за помощью в поисках альтернативной службы для своих детей вместо призыва. Наш комитет помог им поставить вопрос о пацифизме перед властями, и мы поддерживали их в этом процессе.

В начале 1980-х годов я стал представителем Американской секции Всемирного консультативного комитета Друзей (FWCC). Я смог посетить Кению, Канаду, Голландию, Германию и Японию и побывал на многочисленных собраниях по всей территории Соединенных Штатов. Миссия FWCC заключается в том, чтобы облегчить общение и понимание между различными ветвями квакерских объединений, у которых могут быть разные способы проведения молитвенных собраний.

Я состоял в комитете шесть лет. Свой первый подобный опыт я получил в Торонто, в Канаде, но будучи человеком новым, я еще не понимал правил игры. Утром, когда надо было входить в курс дел, со мной связался человек из зоопарка Торонто. Он когда-то бывал в нашем заповеднике туманного леса и сейчас предложил отвезти меня в зоопарк. Он был сотрудником проекта и выращивал лягушек в неволе, чтобы вернуть их потом в дикую природу. Он хотел показать мне свое учреждение, поскольку была заинтересованность в получении образцов золотых жаб для своего проекта. Тем утром квакеры должны были вводить меня в курс дела, а я был с животными. Поэтому с самого начала работы в комитете отношения были слегка натянутыми. Вскоре я осознал важность каждой минуты нашей напряженной повестки дня и после этого первого заседания стал относиться со всей ответственностью и серьезностью к своей должности. На каждой конференции, на которой я оказывался, я встречался со старыми друзьями и знакомился с новыми людьми. Мое участие предоставило мне возможность побывать в уникальных местах. Для меня это была большая честь — участвовать в мероприятиях Всемирного консультативного комитета Друзей и

представлять там наше собственное собрание Монтеверде.

В течение 1980–1990-х годов Монтеверде активно участвовал в деле помощи беженцам из Никарагуа и Сальвадора, где шли гражданские войны. Двое наших квакеров, Молли и Мигель Фигерола, посетили эти страны, взяв с собой медицинские материалы и школьные принадлежности. Создавалось множество проектов, которые помогали церквям функционировать, а гражданам собирать деньги. Они помогли сотням сирот в Гватемале, собрав пожертвования, как в нашем регионе, так и на международном уровне, и доставив собранные средства по назначению. Молли и Мигель были представителями нашего собрания в этой работе уже несколько лет. У них был уникальный способ работы с отдельными лицами, в том числе с властями. Многого удалось достичь зачастую ценой попадания в разные опасные ситуации. Молли была голландкой и много лет работала учителем. Она свободно общалась, по меньшей мере, на пяти языках. Мигель был выходцем из Испании и сам подвергся политическому преследованию, поэтому знал, как общаться с людьми, живущими в условиях репрессивных режимов. Никто в нашем собрании не мог быть столь же эффективен, как они, и мы высоко ценили их вклад.

В нашем собрании Монтеверде у нас бывали свои разногласия. Мы независимое собрание, и решения по поводу того, что мы собираемся делать, принимаются консенсусом. Например, вместе мы решили, что нам нравится петь перед молитвенным молчанием, вместе пришли к решению, что не отторгаем учителей, которые являются гомосексуалистами, и что мы будем на волонтерских началах принимать участие в общественных проектах. Школа управляется комитетом от собрания. Решения по любой теме могут зависеть от жителей и людей, которые нерегулярно приходят на собрания, но являются частью общины. Я думаю, что такая открытость позволила нам выжить и способствовала духовному росту. Вряд ли нам все это удалось бы сделать, если бы мы были закрыты для людей, не являющихся квакерами, или новых соседей, присоединяющихся к деятельности нашего собрания. Нам приходилось обсуждать, анализировать и достигать консенсуса по многим-многим вопросам, и порой не всем нравились изменения.

Многие люди симпатизируют нашим принципам. Я думаю, что здесь, в Коста-Рике, люди, как правило, пацифисты, хотя они могут ввязаться в драку в любую минуту — в баре или по дороге домой. Ну, наверно, здесь, в Монтеверде, это возможно в меньшей степени чем по стране. Наша философия заключается в том, чтобы приветствовать тех, кто приходит на наши собрания и принимает участие в наших мероприятиях независимо от того, являются они квакерами или нет. Хотя у нас не было много новообращенных, на наши собрания приходили новые люди. И местные жители отправляли своих детей в нашу квакерскую школу. В течение нескольких лет в школе квакеров учились более девяноста детей».

Гиндоны обычно всегда участвуют в любом общественном мероприятии в Монтеверде. Их можно найти на концертах у стола с выпечкой, они ведут сквэр-данс в Доме собраний, выступают в самодельном театре и участвуют в кофейнях при школе. Часто их можно увидеть на обочине дороги с биноклями в руках, как они указывают приехавшему гостю на какую-то птицу. Их художественные работы украшают большинство зданий, и их смех слышен на любом мероприятии.

Каждую пятницу после обеда Лаки можно найти среди участников совместной игры в скрэббл — еженедельного мероприятия в Монтеверде с 1950-х годов. Обычно эти игры проходили в доме Дороти Роквелл, но после смерти Дороти в 2004 году они проводятся в других домах. Когда Лаки не сидит на собрании комитета, не занята сбором средств или не угощает семейство и друзей в своем доме, вы найдете ее в лесу, с карандашом в руке и раскрытым альбомом на коленях.

«Я всегда думала о себе как о матери, полагая, что в этом моя роль. Я вкладывала все свои

силы в детей. Но в семидесятые годы, когда Вольф стал больше заниматься Заповедником, а у детей была уже собственная жизнь, я начала заниматься искусством. Для меня это было стартом новой жизни. Я думаю, что это было настоящим облегчением и для Вольфа. Я нашла то, к чему могла бы приложить свои силы. Теперь мы оба идем в лес, но по разным причинам. Он уходит в поход, а я ухожу, чтобы сесть и стать частью леса. Мне это нравится. Теперь мы живем гораздо спокойнее».

Семья и община дали Вольфу достаточную поддержку, чтобы он следовал своим мечтам и внес вклад в защиту окружающего леса. Его мысли охватывают все Монтеверде, но с годами он держится ближе к дому.

«Я думаю, что жизнь — это намного больше, чем просто блуждания по лесам, болтовня с самим собой и рассказы всякие. Самое важное дело, в которое я когда-либо был вовлечен, это воспитание семьи. Из всего того, чем мы с Лаки занимались, наибольшее удовольствие приносит нам общение с детьми, с их мужьями и женами, с нашими внуками.

Все наши дети работают над различными интересными проектами, многие из которых реализуются в этом регионе. Обучение наших детей и влияние нашей общины побудили их найти дело своей жизни, которое, в свою очередь, является ценным и полезным для более широкого сообщества. Выбрав определенные ценности и заботы, дети с возрастом стали понимать, что у них есть разные возможности. Если они вложат свою энергию в дело, то тогда смогут жить жизнью, приносящей удовлетворение и радость.

Наш дом — это центр нашей семьи. Но у детей есть свои дома здесь — на нашей ферме или рядом. Даже те, кто живут в США, имеют дома здесь, в Монтеверде. К счастью, они довольно часто возвращаются. Они по-прежнему вносят свой вклад в деятельность общины, например, в школе, а также и в благосостояние нашей семьи.

Я полагал, что сделаю дом и хозяйство достаточно прибыльными, до такой степени, что дохода будет хватать на наем помощника. И поэтому у меня всегда в мастерской был помощник. Я хотел, чтобы и у Лаки был кто-то в помощь, как у меня. Чтобы кто-то убирал дом или стирал, или что-то еще такое, что она хотела бы. Но жена предпочитала все делать сама. Дети, конечно же, много работали, пока росли. Но шесть мальчиков и только две девушки — такой набор не очень-то помогал в хозяйстве. Для Лаки, наверно, было бы лучше с шестью девочками и двумя мальчиками. Я пользовался тем, что мои ребята взяли на себя работу с молочной продукцией, когда я сам ушел работать в заповедник. Но Лаки делала все остальное, буквально все.

Больше всего я сожалею о том, что мне так и не удалось закончить строительство дома. Комната Лаки для шитья так никогда и не была доведена до ума. Удивительно, что я, наконец, собрал душевую кабину. Но есть еще так много разных незавершенных проектов. Я думаю о них и говорю о них дома. Я о них думаю, когда езжу в Сан-Хосе. Иду по своим тропам в лесу и думаю о том, что же мне еще надо сделать дома. Теперь мне уже и не нужно быть в заповеднике так подолгу, но я все равно думаю о тропках, хотя знаю, что должен пускать свою энергию на домашние заботы. Пока я бороздил просторы лесного заповедника, термиты поедали стены деревянного дома, и это дает мне еще одно оправдание, чтобы не начинать работу. Теперь я просто подожду, пока они не съедят все, и ждать этого осталось недолго.

Вы только взгляните на искусство Лаки, оцените ее перфекционизм. Единственная причина, почему она будет плакать, — недостроенный дом. Она плачет из-за разочарования. Я сужу по кроссвордам. Лаки начала разгадывать кроссворды давно, когда у меня были проблемы. Она совершенно искренне признается в том, что кроссворды были единственным, что держало ее разум в норме. Она билась над ними, чтобы расслабиться, чтобы заниматься чем-то, что не имеет никакого отношения к остальному миру.

Лаки всегда говорила, что если собираешься что-то сделать, то делай это хорошо. Человек сам должен направить свои максимальные усилия в меру своих способностей. Нельзя сказать, что кто-то другой заставлял вас делать то, чего вы не хотели делать. Мы сами несем ответственность за свои собственные дела. Поэтому я согласен с тем, что я отвечаю за все сделанное и не сделанное, о чем приходится сожалеть. Я также верю, что Бог никогда не дремлет. Наверное, он уже услышал все мои оправдания.

В нашей семье царит разнообразие — тут и баптисты, и адвентисты, и молчаливые квакеры. Но мы люди сообщества — все мы. Гиндоны — мы всегда такими были. Смех — большая часть нас. Мы смеемся так, что готовы ко всяким неожиданностям. У моего отца было колоссальное чувство юмора. Он многому научил меня на своем примере и понимании. Не думаю, что я был столь же талантлив, как отец, но кое-что я узнал. Я узнал, что нужно быть очень осторожным, когда дети малы. Вы должны следить за тем, что вы говорите и делаете, потому что если они узнают, что вы сказали им ложь, вам придется туго. Доверие восстановить очень трудно.

Я также полагаю, что это даже хорошо, что мы думаем неодинаково и делаем все по-разному. Хорошо, что у Лаки есть свои интересы, что она сильная творческая личность. Хорошо, чтобы кто-то нажал на тормоза, а то я опять убегу в лес, все время размышляя о заповеднике, о защите дикой природы и о том, как лучше управлять всем этим. Без идей и влияния Лаки я бы увидел меньше того, что вокруг меня, и меньше думал бы о себе.

«Я горжусь нашей семьей. Я горжусь каждым из моих домочадцев. Не думаю, что успех дел в общине — это целиком моя заслуга. Но я уверяю, что заслуга Лаки заключается в том, что она пережила все взлеты и падения этих пятидесяти семи лет вместе. И я благодарен, что моя счастливая звезда все еще сияет».

Семья Гиндонов в 1994 г.: Лаки, Альберто, Томас, Хелена, Карлос, Бенито, Рикардо, Антонио, Мелоди, внучка Наоми Солано, Вольф. И зашедшая в гости наукообразная обезьянка.

12. Срезая углы

«Люди часто говорят, что надо срезать угол. Ага, это то, чем я занимался в этих лесах все годы. Говоришь: „срезать“, а на самом деле получается самый сложный способ, как добраться до места. Одна из наиболее важных аксиом геометрии — и я очень серьезно к ней отношусь — сообщает нам, что кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая. Это очевидно, когда вы смотрите на карту. Однако так бывает, что срезая угол, ты тратишь больше времени. Но ведь нужно же еще и наслаждаться лесами, растущими между дорогами и тропами, по которым идут нормальные люди. Даже если заблудишься — не страшно. В конце концов, это все твой опыт, твой личный опыт».

Вольф, пробирающийся через Каньо-Негро

В возрасте десяти лет я осознавала, что не хочу прожить всю свою жизнь в городе, где я росла, или вообще в любом другом городе. Более того, когда я покинула эти края в позднем подростковом возрасте, я поклялась, что никогда не буду жить в густонаселенном южном Онтарио, предпочитая северные леса, скалы и глубоководные озера канадского севера. Так что с поговоркой «Никогда не говори никогда», которая так и крутится в глубине моего сознания, я согласилась написать эту книгу в моем доме в Гамильтоне, промышленном городе со множеством зданий из красного кирпича, в перенаселенном сердце южно-центрального Онтарио. Большого отличия от Монтеверде, чем Гамильтон, не найти во всем мире. Но даже здесь, в городских джунглях, если вы блуждаете по бетонным дорожкам, все равно вы увидите зеленые глаза матери-природы, сияющие сквозь туманную дымку.

Когда в 1990 году я начала переписывать эти истории с диктофона, мысль о том, что мы с Вольфом в один прекрасный день превратим эту коллекцию воспоминаний в книгу, казалась весьма амбициозной. Мы часто шутили и смеялись по этому поводу. Мы, как две бабочки, летаем по саду, порой очень близко, даже чувствуем дуновение воздуха на своих крыльях от крыл друг друга. Но мы редко оказываемся на одном листочке надолго. Вообразить, что мы могли бы быть настолько дисциплинированными, чтобы вместе написать мемуары, было бы нереально. И хотя мы смеялись над этим, но именно возможность написания книги позволила моей матери отвечать на вопросы своих друзей, чего это ее дочь ежегодно летает в Коста-Рику. Ее вера в мою способность действительно завершить эту книгу была одновременно и ободряющей и обескураживающей.

На протяжении многих лет семейство Гиндонов привыкло к тому, что я хожу за Вольфом. Хотя в начале нашего проекта был период притирания. Однажды я приехала в дом Гиндонов в поисках Вольфа, который только что вернулся из очередного похода в лес. Он привыкал говорить в черную коробочку, а я пыталась ему внушить, что не надо вести запись своего рассказа рядом с водопадом, надо пожалеть все-таки бедного транскриптора, который едва мог разобрать его голос на фоне какофонии падающей воды.

Я вошла в дом и поздоровалась с Лаки и Бенито. Они смотрели на меня с выражением, которое можно описать как нечто среднее между раздражением и усталостью. Я спросила, что они думают о проекте — моем и Вольфа. Они тогда посмотрели на обеденный стол. Я с интересом последовала их примеру и увидела посреди стола наш драгоценный диктофон, как будто ждущий, подобно старому репродуктору в гостиной, что сейчас вокруг него соберется семья, и все будут слушать сводки с фронта.

Бенито покачал головой и, обратившись ко мне, ответил: «Как будто нам мало, когда папа здесь, что мы слушаем его с утра до ночи. А теперь он уходит в лес с диктофоном, который вы ему дали, и разговаривает там сам с собой. Потом он приносит его домой и говорит: „Эй, вы должны это послушать“. И вот теперь мы слушаем еще и его бормотание на ленте. Кей, я

думаю, что ты, наверно, разбудила зверя».

Пока я собиралась с мыслями, как на это ответить, — то ли мне извиниться, то ли выступить в защиту своей идеи — как Лаки и Бенито разразились типичным для семейства Гиндонов хохотом. Его звук для меня является такой же характерной для Монтеверде частью, как и печальный крик кетцала или далекий крик обезьяны-ревуна. Семья Вольфа была рада мне и терпела мое вторжение в их жизнь, возможно, полагая, как полагали и мы с Вольфом, что мы никогда не сможем закончить книгу и рассказать читающей публике об их жизни.

Годы шли, кипа расшифрованных страниц росла, и я начала по-настоящему понимать, что это мой долг. Я просто обязана закончить этот проект. В первые годы нового тысячелетия я заметила, что здоровье и дух Вольфа слегка пошли на спад. Тогда я действительно почувствовала, что часы тикают. Но я боялась начать, ошеломленная грандиозностью задачи и ощущая собственную неуверенность в том, что смогу правдиво изложить историю жизни Вольфа. К 2002 году, когда у Вольфа начались боли в суставах колен, когда ходить ему стало трудно, когда стала заметна его депрессия, мой внутренний голос больше не давал мне успокоиться. Я поняла, что за дело надо браться серьезно. Я понимала, что мне надо начать превращать специфичный язык Вольфа во что-то понятное для читателя. И делать это надо не откладывая, пока мы оба живы. И уже нельзя считать как само собой разумеющееся, что мы вечно будем в этом мире. У нас появилось больше времени на совместную работу после того, как Вольф официально ушел на пенсию в 2003 году. И хотя на протяжении многих лет наш труд периодически тормозился, мы все-таки нашли время, чтобы реализовать наш проект. Что я поняла в процессе работы, так это то, что при написании книги невозможно срезать угол и пойти укороченным путем. Истории ложились на бумагу только благодаря повседневной настойчивости, и в них — слово за словом — раскрывалась суть этого человека, которого мне посчастливилось называть своим другом.

Эта книга — не рассказ о герое или знаменитости, триумфах или неудачах, святости или нравственности. Напротив. Это история человека, чью жизнь можно охарактеризовать убежденностью и противоречием. Большую часть своей взрослой жизни Вольф занимался незамысловатой и тяжелой физической работой. Его рассказы — это истории тех часов, дней, недель и лет, которые он трудился на земле, часто в одиночку, иногда рядом с другими суровыми мужиками и женщинами. Трудился в условиях далеко не комфортных. Зачастую — под дождем и в холоде, зачастую — в жаре.

Вольф не считает свою работу чем-то необычным, хотя его природное смирение идет рука об руку с его страстной верой в то, что он делает. Когда вы сидите напротив него на квакерском собрании в Монтеверде воскресным утром, он выглядит точно так, какой он есть на самом деле — простой человек со скромными средствами. Он чистый, аккуратный фермер в рубашке гуаябера пастельных расцветок, с закрытыми глазами, весь в своих мыслях или с морщинками в углах прищуренных глаз, когда он приветствует знакомых и соседей. Но его тяжкий труд в лесу — это большая часть легенды о Вольфе. Ведомый сильной духовной интуицией к цели, полной человеколюбия, Вольф идет туда, куда зовет его сердце.

Вольф всегда был лидером своей бригады мачетеносцев. С самых первых дней существования заповедника в 1970-е годы, когда он прорубал пограничные линии в лесу, до покупки участков земли и геодезической съемки в конце 1980-х годов для Лиги сохранения, в годы роста туризма и увеличения числа пеших походов в 1990-х годах Вольф всегда был впереди. Он никогда не покидал дом без своего надежного клинка. Опытный дровосек, он всегда был готов сдерживать силы буйных побегов растительности. Он был неутомим и не задумывался о том, что условия работы тяжелые, или что можно потеряться в джунглях. Он всегда с удовольствием шел вперед, прорубая маршрут для других. Он очень серьезно относился к своей работе, но мог легко разразиться хохотом, когда все шло не так. Вольф

Джордж Пауэлл, Эладио Круз и Вольф Гиндон в 2002 г.

был энтузиастом, когда дело доходило до прорубания путей в мокрых, густых, диких зарослях.

Есть только несколько выносливых людей, которые много проработали с Вольфом, проведя сотни часов на бесконечных тропах: Эладио Круз, Хосе Луис Кембронеро, Александр Молина, Лукас Рамирес и сын Вольфа Томас. Вольф износил много пар резиновых сапог, потерял или сломал очень много мачете и фонариков, а также посеял несколько диктофонов. На протяжении многих лет и на тропах длиной во много миль его сопровождали старые и новые друзья, волонтеры и важные чиновники со всего мира и, конечно, работающий на износ его собственный ангел-хранитель. Еще несколько лет назад он спокойно проходил больше, чем любой из них. Ну, кроме, может быть, ангела. Сейчас Вольф уже не столь быстр, но виной тому его изношенные колени и неизбежный процесс старения. Теперь время от времени его можно увидеть присевшим на пенек у края тропы. Он остановился, чтоб передохнуть и оглянуться назад с гордостью за сделанные им дела.

«Создание пограничных линий вряд ли будет рассматриваться как какая-то выдающаяся заслуга, но я считаю эту работу чем-то вроде искусства. Цель на сильно пересеченной местности всегда одинакова: выбрать лучшее место для проведения линии разделения между участками. Земля тут холмистая, и местность, в самом деле, очень пересеченная, с ручьями, бегущими тут и там. Заросли в джунглях очень плотные, и обзор никакой, поэтому вы прокладываете путь. А часто бывает так, что сталкиваешься с препятствием, и надо начинать сначала. Скалы и упавшие деревья встают у вас на пути. Конечно же, мы стараемся в интересах доноров, которые доверяют нашей работе, а также ради тех людей, которые

проделали геодезические измерения. Мы стараемся, как можем. Таким образом, перед теми из нас, кто расчищал границы и тропы, всегда стоит задача сделать линии границ как можно более прямыми, что на самом деле невозможно.

В 1973 или около того Джордж, Эладио, Томас и я сами сделали разметку первых участков земли, приобретенных для заповедника туманного леса. В период между открытием заповедника и первой официальной съемкой, проделанной Тропическим научным центром в 1983 году, не было вообще никаких нанесенных на карты границ. С самого начала закупки производились в соответствии с *карта де вента*, документом, который имел каждый владелец, и на котором очень примерно был указан размер участка. Это была единственная информация, которая имелаась в нашем распоряжении, когда мы работали, прокладывая границы. Мы отправлялись в лес с оборудованием. Когда решали, что находимся в правильном месте с учетом информации, указанной на этой *карта де вента*, тогда выбирали какое-то логичное место, откуда начинали проводить измерения. И работа закипала. Часто бывало, что мы работали вдали от дома большую часть недели, возвращались домой, чтобы обсохнуть, и снова уходили обратно в лес. Это была одна бесконечная работа. Делать ее было непросто из-за сложной местности. Нам приходилось работать с такой информацией в документе, которая редко совпадала с тем, что мы видели в лесу.

В 1983 году Тропический научный центр в стремлении определить внешние границы заповедника и его фактический размер провел большую работу по съемке. Эта работа охватывала и новые участки, которые были куплены в верхних частях Пеньяс-Бланкас, и также земли, уже созданные в Бриллианте и Эль-Валле. Также были проведены измерения тех 554 гектаров сообщества Боскетерно, которые были как бы отодвинуты в сторону в первый год после их покупки.

Перед приездом группы землемеров Джованни Белло, Элизар Меджиас и я прошли через новый раздел той местности, на которой надо было провести измерения. Это было на южной стороне реки Пеньяс-Бланкас. В таком регионе, в котором не то что охотники, а, я бы сказал, даже господь Бог не разберется. Мы там ходили кругами по своим же следам, пытаясь миновать самую сложную местность, пройти через которую было практически невозможно. На этом диком участке леса, граничащем с заповедником на юге, не было проложено никаких пограничных линий. Они никогда не были даже установлены. Когда прорубались пограничные линии, мы называли их «резиновыми границами», ибо мы растягивали их куда могли, для того чтобы включить правительственный лес, если знали, что владельцев нет.

На эти крутые склоны никто никогда не предъявлял никаких претензий. Но их все равно надо было включить как объект съемки. Идея заключалась в том, что эта земля была никому не нужной, почти недоступной. Если заповедник купит землю вокруг нее и соединит участки, то тогда мы могли бы защищать все это пространство. Лес, в свою очередь, будет защитой верховьям реки Пеньяс-Бланкас. Невозможно поверить, но, в конце концов, две заявки-таки были сделаны на этой ничейной земле! Впоследствии люди, которые подали эти заявки, отзывали их, поскольку им было слишком сложно расчистить эти участки и подать требования в соответствии с законом.

Я занялся этим вскоре после выхода с больничного. Зная, что работа будет чрезвычайно сложной, сказать по правде, я искренне надеялся, что дело будет сделано до того, как я вернусь в заповедник. Такой был план. Но я вышел на работу, когда пришли геодезисты. Я знал, что рубка просек на этой большой территории будет очень медленной. Геодезисты будут следовать за нами, дыша нам в шею, когда мы будем пытаться разобраться, куда же идти.

В бригаде геодезистов было по меньшей мере человек десять, а иногда и того больше. Им помогали ремонтные бригады заповедника, то есть, я и Элизар. Съемки проводились в

ноябре. Поскольку это самый сырой и часто ветреный месяц, я считаю, что это была глупая затея — пытаться сделать такую работу в ледяном лесу. Мы с Элизаром прорубали путь сквозь растительность, пытаясь определить маршрут для команды геодезистов через глубокое ущелье. Геодезисты хотели сделать самую трудную часть работы в первую очередь, хотя мы говорили им, что мы еще не провели никакой разведки, не прорубили никаких тропинок. Мы просто не были готовы. Но они решили идти своим путем, а мы начали с долины Пеньяс-Бланкас, взяв курс на юг. Мы пересекли реку и поднялись на те холмы, через которые идти было очень трудно. Там был большой каньон. Мы все шли тропами тапиров, полагая, что хоть одна из них приведет нас в такое место, где мы сможем этот каньон пересечь. Тем не менее, тропы просто исчезали, и все тут.

Когда дело дошло до замеров, инженеры желали, чтобы линии были максимально прямыми. В одном месте они должны были пристреливать своим прибором через каньон шириной около километра, с красивым водопадом, падающим вниз по одной из стен. Чтобы пристрел был четким, не должно быть ни облаков, ни дождя, поэтому нам пришлось два дня ждать хороших условий для съемки. Такая работа наверно остается незамеченной, но мы на нее потратили много времени и сил. А также были вынуждены провести несколько ночей в лесу, о которых я даже не вспоминаю.

Попытки быть впереди геодезистов создавали невозможную ситуацию для Элизара и меня. На ночь мы обычно шли по два-три часа до дома, в то время как геодезисты оставались в ближайшем приюте. Они начинали работу прямо рядом с избушкой, в которой ночевали. Мы же возвращались утром со свежим хлебом, мясом и другими припасами. Остальная еда была заботой Джованни, который доставлял ее, насколько мог, на лошади. Всего за неделю большая команда геодезистов съела двадцать с лишним килограммов бобов и под пятьдесят кило риса. Доставка продовольствия в этой геодезической съемке была не самым последним по важности делом.

В некоторых местах нас задерживали облака, в других местах работа стопорилась по причине отсутствия четких линий. Через несколько дней после наших зигзагообразных линий геодезисты устали и были в замешательстве. Примерно на четвертый день мы с Элизаром подумали, что неплохо справились до трех часов дня. Но когда геодезисты догнали нас, то сказали, что они больше не проводят съемку. Они объяснили так: «Вы, ребята, то идете на восток, то иногда на запад, а иногда и на юг. Мы не будем делать съемку по таким линиям». Мы ответили: «Дайте нам время, и мы скажем вам, по каким линиям следует проводить съемку». Но они решили, что перейдут на более простой участок на вершине Бриллианте, где были пастбища и расчищенные тропы, и где внешняя граница была уже определена.

Я отвечал за компас — инструмент, в который Элизар просто не верил. Около десяти дней съемки мы пытались работать вслепую в облаках. В таких условиях лучший маршрут определить было невозможно. Мы проложили путь к ручью и перебрались через валуны. Поднялись на вершину по другой стороне и обнаружили хорошую свежепрорубленную тропу, которую мы сделали накануне. Мы ее просто прошляпили и, считай, потеряли день. В ту минуту Элизар, стоявший рядом, просто хмыкнул, но позже он сказал-таки Джованни: «Это был последний раз, когда я шел за Вольфом и его компасом».

Через пару дней у меня появился новый коллега, Марио Мендес. До этого он работал с геодезистами. Мы походили вместе и провели небольшую разведку, пока не нашли то, что искали все это время — тропу тапира. Она вела из Бриллианте от хребта вниз и шла к тому месту, где мы начали работать, а потом перестали, до Пеньяс, возле реки Аранхуэс. Наконец, мы смогли закончить просеку, по которой геодезистам можно было пройти.

Мы были очень довольны проделанной работой. Закончив с просекой, направились обратно в

приют, чтобы геодезисты узнали, что мы нашли пересечение. Ну, а когда мы добрались до этого самого приюта, никого там не нашли, только записку. Геодезисты упорно потрудились, открытые всем ветрам, промокнув под дождем. Даже на длинных, прямых, хорошо прорубленных просеках им пришлось нелегко. Их бригада остановила свою работу, сделав все, что смогла в такую непогоду. Они уехали домой, с удовольствием покинув тропический туманный лес, надеясь вернуться в более благоприятный сезон.

Итак, примерно через три недели работы в мокром лесу геодезисты ушли. Больше не было бы работы, столь необходимой для тщательного проведения геодезической съемки. В Сан-Хосе геодезистами было принято решение, что размежевание будет завершено путем создания трех точек на топографической карте и проведения прямых линий, которые их соединят. Это и станет границей на официальной карте собственности.

Когда инженеры завершали создание геодезической карты, они смекнули, что упустили участок площадью около 250 гектаров. Нужно было найти какого-то владельца на этот кусок, чтобы завершить окончательную покупку крупного массива леса. Я заявил, что мы с Элизаром хорошо знаем этот кусок леса, ходим по нему не менее десяти лет. Давайте, мол, нас и назовем владельцами. Мы были бы при этом готовы передать его во владение Тропического центра. Тогда юрист Тропического центра выписал на мое имя документ на владение. Это был единственный участок земли, который я когда-либо пожертвовал Центру. Я чувствовал себя очень щедрым, и это было решением большой проблемы, с которой столкнулись геодезисты при завершении работы над картой.

Когда Лига сохранения начала скупать землю во время кампании «Пеньяс-Бланкас» в 1988 году, задача общения с людьми, живущими в этой долине, была возложена на меня. К этому моменту у Тропического центра уже была карта всего, что им принадлежало. Когда Лига покупала землю, то она настаивала, чтобы для каждой собственности были составлены карты. Это делалось во избежание проблем, которые у них были с Центром в предыдущие годы. Но мы снова не раз попадали в такую же ситуацию. Ни один участок не имел четко обозначенной границы со всех четырех сторон. У участков могли быть три четко обозначенных стороны, при этом зачастую в качестве границы был ручей или хребет. А бывало, что граница проходила и за вершиной холма. Поэтому я делал то же самое, что и всегда: пытался найти наилучший маршрут, где только мог, а потом старался уговорить соседей согласовать границу, которая устраивала бы всех. Лига также наняла геодезиста, который должен был делать размежевание после того, как мы купили землю.

Так что, мы увеличивали площадь наших земель, покупая участки дальше на восток долины Пеньяс. Лига провела геодезическую съемку в 1990 году для того, чтобы определить внешнюю границу приобретенной земли, лежащей за пределами заповедника. В нее включались все мелкие участки, которые были куплены ранее. Это было, кстати, началом Детского тропического леса. И этот участок земли позже стал камнем преткновения и дал начало конфликту между Тропическим центром и Лигой по вопросу администрирования. Геодезическая съемка растянулась на четырнадцать дней. Мы снова побывали в районах, где не могло происходить никакого развития из-за ущелий или хребтов. Но мы порой сталкивались с куском земли, на который кто-то претендовал. Тогда возникала необходимость определить, что именно заявитель считал своим участком. Трудно было найти этого человека. Неясно было, где его искать, поскольку он редко бывал на своем участке. Мы продолжали приобретать землю, и Лиге потребовалось больше года на то, чтобы завершить процесс размежевания. Я надеюсь, что в следующий раз, когда кто-то сможет собрать миллионы долларов на покупку земли, сделка будет проведена более профессионально.

Работа была тяжелой, конечно, но мне это виделось как отличное приключение. Тогда у нас не было GPS, но даже если бы и была, мы, наверно все еще плутали бы там, не понимая, куда

ж нам идти! А иногда лучше и не знать. Все это было частью учений по сохранению дикой природы, на которые, вероятно, уходили годы моей жизни. Но это были грандиозные годы.

С начала 1970-х годов, когда мы начали покупать вырубку и владения, отвоеванные у леса сквоттерами, кусочки мозаики тропического леса, таким образом, были собраны по частям во имя сохранения дикой природы. Для меня каждый участок служит напоминанием о человеке или семье, которые или в погоне за приключениями, или ради перепродажи, или в надежде на создание самодостаточного хозяйства подали заявку на участок тропического дикого леса. Хотя многим участкам, которые были приобретены, были даны имена наших доноров, мы не должны забывать и тех простых людей с фамилиями от А до Я, которые сами прорубали тропы и дарили мне и другим путешественникам через Пеньяс-Бланкас свое гостеприимство, наливали нам кофе и доверяли нам свои мечты».

Территория, которую Вольф исходил вдоль и поперек, разделена на две части рекой Пеньяс-Бланкас. В сухой сезон, когда уровень воды в реке невысок, речку можно перейти по камням или в тех местах, где помельче. Однако в течение большей части года переход реки вброд весьма опасен. Число приезжающих в долину туристов и студенческих групп росло. Соответственно, усиливалась и потребность в безопасном переходе реки. Если идти из Монтеверде, то наиболее важными пунктами на другой стороне реки являются хижина Эладио и Одюбоновский центр. На протяжении многих лет между Немецким приютом и хижиной Эладио существовала ненадежная канатная переправа, которая могла транспортировать через бурный поток одного, от силы двух человек. В 1990 году начали реализовываться планы по строительству подвесного моста, ла гамака, который должен прийти на замену небезопасной канатной дороге. Стройка длилась год, и Вольф отдал ей много часов своего труда.

Сейчас начало апреля 1990 года, и я хочу сделать последний комментарий о канатной дороге, которую мы называем пальцерезкой. Канатная кабина была спроектирована плохо. Металлическая клетка, которая заменила первоначальную деревянную кабинку, движется с использованием шкивов и тросов. Человек в кабинке управляет своим передвижением, потянув за веревку. С берега реки надо подняться на деревянную платформу, с которой можно перейти в кабинку. При этом надо крепко держать веревку, а то клетка начнет двигаться сама. Затем даешь слабину веревке, и кабинка поедет, пока не достигнет самой низкой точки на тросе. Затем надо поднять руки вверх над головой и снова тянуть за веревку, чтобы клетка поднялась к платформе уже на противоположной стороне реки. И вот здесь как раз очень легко можно прищемить пальцы между шкивом и тросом, поэтому веревка должна быть как можно дальше от верхнего шкива. Еще нужен надежный тормоз, который держит клетку на месте, пока вы еще не готовы к пуску. Я легко могу вообразить кого-то, кто висит между платформой и кабинкой, болтается, удерживая себя одной рукой над рекой. И этим человеком могу быть я. Вот уж где действительно была бы необходима табличка: «Обращаться осторожно!»

Ну ладно, это мнение только одного человека. Но это устройство нанесло людям большой урон, чем любая змея в Пеньяс-Бланкас, насколько я знаю. Новый вариант пересечения реки, который мы получим, наверняка будет активно задействован, так что игра стоит свеч. Как только мы получим ла гамак, много пальцев будет оставаться целыми.

Мне лично очень нужен был подвесной мост. Я это осознал как-то раз, когда пытался пересечь реку. В середине 1980-х Хосе Луис Кембронеро, Элизар Меджиас и я изучали район позади Лагеря-3. Рано утром по пути домой я предложил им идти вперед, а сам хотел дать крюка и проверить заявку сквоттера в районе Кебрада Портал. Я бы догнал их чуть погодя.

Когда я добрался до реки, мне что-то совсем не хотелось лезть в нее и намочить. Надо оставаться сухим, решил я, и перебираться на ту сторону по канатной дороге, тем более что

люлька была предусмотрительно оставлена на моей стороне реки. Тогда кабинкой канатной дороги была деревянная клетка. Я забрался в кабинку и выехал на середину. Взял веревку и начал подтягивать себя к другой платформе. В тот момент, когда я был на полпути и около девяти метров над водой, я врезался в огромную скалу. Хрясь! Деревянная рама кабинки разлетелась на куски, и вокруг меня повисли ослабевшие тросы. В момент удара в мгновение ока взгляд мой упал на естественную красоту бегущего внизу потока, и тогда я подумал: «Всегда ожидал, что рай будет выглядеть точно так же, как Пеньяс-Бланкас».

Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что я все еще жив. Конечно, я был в шоке, хотя и не осознавал этого. Я мог идти, и чудесным образом ничего не было сломано. Поэтому я решил, что должен взять свой рюкзак и отправиться в ближайший приют. И это был Немецкий приют. Когда я туда добрался, то не знал, что теперь делать: оставаться или уходить домой. Через некоторое время, все еще ошалевший и не вполне осознающий, что происходит, я решил, что все-таки надо идти домой. Тут я обнаружил, что мои шаги были уже не такие размашистые. Стало понятно, что я каким-то образом повредил сухожилие в ноге. Мне потребовалось более трех часов на то, чтобы пройти путь, на который мне обычно требовалось чуть более часа. Когда я медленно поднимался по склону, стало темнеть.

У нас тогда гостил Хосе Луис, и он был уже в нашем доме, ожидая, что я приду еще до наступления темноты. Когда я не появился, он был готов вернуться, чтоб поискать меня. В конце концов, я вернулся домой, и все, конечно, желали услышать от меня, что же произошло. Я говорю им, что, мол, тросы провисли, и я упал на скалу. Сначала они посмеялись, но Лаки быстро поняла, что я, на самом деле, в шоке, и что, сказать по правде, произойти могло все, что угодно. Я воспринял эту историю самым серьезным образом и вот тогда там решил, именно тогда, что никто не должен испытать то, что случилось со мной, отчего я мог погибнуть».

Вольф полагал, что его участие в создании подвесного моста будет заключаться в том, что он прорубит тропу до места и, возможно, поможет переносить стройматериалы. Однако его босс Уильям Аспинолл решил, что Вольф должен полностью отвечать за проект. В конечном итоге он стал ответственным за все: за расчеты необходимого, начиная со стройматериалов для двенадцати километров пути, их доставку, контроль над исполнением работ. Эладио Круз и Вольф изучили место строительства и рассчитали, куда установить тросовые крепежи или — как их назвал Вольф — «мертвецы». Он возлагал большие надежды на то, что мост будет завершен к концу года. И это было сделано более-менее в соответствии с графиком.

«Ну, мы его сделали к ноябрю 1990 года. Понятно, что погода скоро изменится. Горы выше отметки 1500 метров были укутаны облаками всю неделю, и я думаю, ни для кого не новость, сколько воды вскоре добавится к тому, что у нас тут есть внизу. В любом случае, если бы у нас был ла гамак, будьте уверены, мост хорошо бы эксплуатировался туристами! Не очень-то много людей идут так далеко, чтобы потом переходить реку вброд. Но я думаю, что с появлением моста число путешественников увеличится. Любой, кто использовал канатную дорогу больше одного раза, воспользуется ею во второй раз только потому, что должен это сделать. Я же предпочитаю перейти реку вброд, если это вообще возможно.

Хочу сказать: очень здорово, что у меня отличный волонтер, Виктория Рич. Она очень хороший ходок. С ней легко работать на тропе. И она хороший друг. Эти три дня были очень легкими для меня, потому что кто-то шел следом, шаг в шаг, не отставая. Вот почему я звал ее «Тень». Она всегда и отобедает с вами вместе, и поддержит моральный дух. Мы в полной безопасности, если у нас такие добровольцы как Виктория. Она просто великолепна.

Двадцать седьмое ноября было непростым днем. Мы пришли по тропе Катарата из Эль-Валле. Нам потребовалось около часа времени на то, чтобы понять, куда делась тропа, после того как она была перекрыта упавшим деревом. Из-за этого мы задержались и пришли к

переправе позднее, чем планировали. Река была полноводной, с высоким уровнем воды, и мы пытались пересечь ее в том месте, где я это обычно делаю. Но поток был слишком быстрым. В конце концов, мы нашли место, которое заметила Виктория — выше по течению. Я перешел реку почти полностью, оставались метра два. Это был последний кусок переправы — совсем чуть-чуть до другого берега оставалось-то. Я уже почти дотягивался до него. Там в реке было довольно глубокое место, где поток был весьма мощным. Я туда вступил, и мою ногу зажало между двумя большими валунами, поэтому я не мог уже шагнуть ни вперед, ни назад. Когда я все-таки поднял эту ногу, поток крутанул мою другую ногу сзади.

Я устал, быстро темнело, и силы мои были на исходе, поэтому я предпринял следующее. Я рванулся из потока, понимая, что меня понесет по течению и я проплыву мимо ветки дерева, свисающей с берега. Когда я достиг этой ветки, то был уже мокрый после акробатических этюдов в воде. Я наглотался воды, да и сама вода, бегущая мощным потоком, творила со мной, что хотела. Короче, я ухватился за ветку и вытащил сам себя из воды, оказавшись, таким образом, в безопасности.

Придя к избушке Эладио, я пошел назад к реке с веревкой, чтобы помочь уже Виктории. Там было действительно глубоко, и, если бы не веревка, она бы никак не смогла осилить переправу. Это был длинный и трудный день. Я очень злился на себя. И из-за своей первой ошибки, что пришли мы к переправе слишком поздно. И из-за второй оплошности, в результате которой мы так устали и промокли. И все это из-за того, что я влез в воду сразу обеими ногами, вместо того, чтобы сначала проверить силу потока и глубину. В общем, на остальное я уже даже не обращал внимания.

Это был мой первый и единственный раз, когда я упал в реку. В такую минуту думаешь, что только Господь Бог сможет вытащить тебя, потому что когда сбивает с ног течение реки, то знаешь, что сейчас тебя вода понесет и будет бить обо все эти камни. Кто же еще будет идти за тобой в течение многих дней и после всего этого все еще будет с тобой? Виктория должна бы знать это лучше, и, может быть, она и знает. Претерпеть столько приключений, и чтоб улыбка все еще оставалась на лице — это дорогого стоит. Такая смесь приключений на тропе и на реке — вещь для меня не новая, и я должен был бы все знать и все предусмотреть, потому что я в этих краях не вчера появился.

Когда идешь за таким старым бродягой-путешественником, то всегда есть вероятность влипнуть в историю и вернуться домой поздно. А в темноте все выглядит совсем по-другому. Я обошел все эти места много раз, но не всегда все делаю логично. Например, я планирую свои дела не так, как это рекомендуется в учебниках. Вполне возможно, что учебник не врет. Но иногда гораздо веселее делать все самостоятельно. В общем, все это доказывает мою теорию о том, что у нового подвесного моста ла гамак будет много желающих, и я буду первым.

Теперь мы вернулись на сторону Пеньяс-Бланкас. Она должна быть солнечной стороной в это время. Сейчас шесть утра, но здесь еще есть туман и довольно ветрено. У меня тут есть еще стройматериалы для ла гамака. Думаю, доставить их на место не будет проблемой.

Я перенес свой первый груз от Немецкого приюта до строительной площадки в старом рюкзаке. Приличная нагрузка: два галлона клея и две пластиковые бутылки из-под кока-колы, набитые гвоздями, и много чего другого, кроме вышеперечисленного. Теперь мне нужно бежать назад и забрать металлический прут. Из-за того что по этой заброшенной тропе, по которой я хожу, передвигаться нелегко, на перенос четырехметрового прута полдюйма в диаметре может потребоваться полтора часа. Я постараюсь пристроить его между рюкзаком и плечами. Остальное можно тащить волоком. Здесь периодически идет дождь, ничего особенного, а вот солнце, кажется, полностью исчезло. Река сегодня выглядит довольно спокойной, и я с нетерпением жду возможности спуститься к ней и окунуться на минуту, хотя

погода сегодня нежаркая, дует ветерок и стелется туман.

Ребята вчера подтянули все тросы к месту строительства моста. Нам удалось перенести доски на дальний берег, используя канаты, перекинутые через реку. У них на той стороне вроде как все готово, так что они могут начать строить мост с противоположной стороны. Я полагаю, что мост будет готов к Рождеству. Понятно, что предсказывать можно хоть каждый день, но предсказаниями работу не сделаешь. Это все так же неточно, как если бы какой-то хмырь сидел в своем шалаше и ждал перемены погоды. Так что посмотрим, что мы сможем сделать в понедельник, чтобы в конечном итоге построить этот мост до того, как я состарюсь и потеряю энтузиазм.

21 декабря 1990 года. Знаешь, это забавно. Мы говорили о том, что это самый короткий день в году. А я узнал, что в этом дне двадцать четыре часа, как и в любом другом дне. Поэтому я теперь ничего не боюсь: он ведь длится столько же, сколько и остальные дни. Все упирается в наличие хорошего фонарика. Я приготовил рождественский барбекю для всей коммуны, потом выпил не менее шести чашек кофе и съел небольшой кусочек бифштекса, чтобы не упасть, пока иду до ранчо Гиндонов в Пеньяс-Бланкас.

Прошедший день был действительно хорошим, и я кое-что еще сделал для этой штуки под названием ла гамак. Мы добрались туда почти в полдень, хотели нанести смазку на новый трос. Так что дело движется. Я должен был переехать через реку в ведре объемом в десять галлонов. Оно ехало по тросу. То, о чем я давно мечтал, — пересечь реку, не промокнув. Ну, поездка по тросу была легка, когда скольжение шло вниз. Понятное дело, что в обратном направлении надо тянуть самого себя веревкой, переброшенной через блок. Ты сам как бы мертвый вес. Так что пока не советую ехать в гору. Но это было здорово.

Я очень доволен этой штукой, которую мы наладили. Стоило туда съездить, конечно, чтобы посмотреть, что уже сделано, и как замечательно работают там ребята. Но что там делает начальник охраны, контролирующий строительство подвесного моста, я не знаю. Конечно, если охранник ходит по мосту, то и мост становится частью охранного хозяйства. Сейчас я не думаю об инженерной работе и строительстве моста кем-то, у кого нет опыта, вместе с бригадой, которая не имеет опыта. Скоро появятся новые тропы с обеих сторон, предназначенные для охранных патрулей. Да, дизайн троп — это уже моя забота. Я думаю, что буду этим заниматься в течение следующего года, и с нетерпением жду этого».

Создание тропы — это целое искусство. Хорошо спроектированная система троп подводит любопытствующих туристов к захватывающим видам и держит их вдали от мест гнездования. Серпантинны, где дорожки идут зигзагами вверх по крутым склонам, не только облегчают путь туристам. Они предотвращают эрозию, ограничивая вертикальный сток дождевой воды, который может легко размывать склон холма. Если тропинка слишком узкая, туристы, естественно, расширят ее, шаг за шагом. Если маршрут плохо обозначен, тогда они проложат свой собственный путь или, скорее всего, заблудятся. Если нашей целью является ограничение воздействия пешеходов на дикую природу, то необходимо, чтобы туристам нравились проложенные нами маршруты.

Сеть тропинок и троп заметно эволюционировала за последние годы по мере того, как число посетителей в заповеднике увеличивалось. Большинство посетителей вполне согласны ходить по тропинкам в Треугольнике. Там можно ходить часами, не сильно удаляясь от входа в заповедник. В самом начале только энергичные путешественники — такие, как Вольф или увлеченные своим делом охотники и биологи — рисковали уходить в глубь леса. С ростом популярности экотуризма менее опытные туристы тоже желают уйти в лес подальше. Для безопасности таких путешественников нужны были тропы получше, с широким выбором маршрутов, богатых на достопримечательности, с разными степенями трудности. Аккуратные плиты из каменных блоков и ступени, называемые «куки», сделанные из

половинок поленьев, помогают предотвратить расширение троп вокруг загрязненных мест. В последние годы на эти деревянные «куки» набивали проволоку, чтобы предотвратить скольжение.

С 2005 года в заповеднике стали использовать заменитель древесины. Ступени для троп делали из переработанного пластика, из него же делали окантовку и платформы, а также стенды для информационных знаков. Этот материал, который не должен портиться лет двадцать-двадцать пять, не подвержен плесени и эрозии, не боится постоянной влажности леса и сохраняет тропы ровными. Хотя это и дорогостоящая альтернатива, зато благодаря его использованию ступенькам требуется гораздо меньше внимания и ремонта. Использование этого переработанного продукта также обеспечивает решение растущей проблемы мусора в нашей культуре «одноразовых» материалов и продуктов, весьма распространенной в Коста-Рике.

Хотя Вольф участвовал в разработке большей части троп в этом районе, сам он предпочитает экономить время, следуя по тропе, протоптанной каким-нибудь животным прямо вверх по склону холма, или идет напрямик, подобно тому, как летит какой-нибудь ара, ориентируясь на далекое дерево, как на маяк. Конечно, это не всегда экономит время. Любопытство Вольфа порой оказывается смертельно опасным, что могут подтвердить некоторые его товарищи по походам. Однако у него всегда были и энергия, и желание идти дальше. Что еще более важно, так это то, что у него хватало сил рассудка не паниковать, даже когда он понимает, что потратил много часов, чтобы дать кругалю и прийти туда, откуда ушел какое-то время назад.

В 1970-х годах Вольф начал работать над тропой, которая связала бы заповедник тропического туманного леса с вулканом Ареналь. В поисках лучшего маршрута через джунгли и через крутые хребты он шел по тропам тапиров и существовавшим тогда пограничным линиям национального лесного заповедника «Ареналь». В этом походе он сделал нескольких ошибочных отклонений. Совершая такие походы год за годом, в сопровождении того, кого он соблазнял на этот поход, Вольф, наконец, протоптал тропинку между двумя восхитительными регионами Коста-Рики. Этот поход — как минимум — на два дня. Даже самый быстрый путешественник не одолеет его за день. В пути есть возможность остановиться и разбить бивуак. Есть несколько таких точек на этом маршруте.

«Мне хотелось сходить в Ареналь еще с начала 1970-х годов, когда там строили плотину. Первые три раза я ходил туда в качестве сопровождающего группы североамериканских студентов, приехавших по обмену. В те годы мы могли идти из Монтеверде через Санта-Елену, затем вдоль дороги через Сан-Херардо, затем спускались вниз в долину и завершали свой маршрут на участке, который позже будет затоплен и станет так называемым озером Ареналь. До затопления мы ходили по лесу и по пастбищам и приходили в деревню Каньо-Негро, которую потом перенесли. Мы проходили весь путь до деревни Ареналь, потом садились на автобус, идущий в Тиларан, и ехали домой.

И вот примерно в 1976 году, как только плотина была построена, но шлюзы еще были закрыты, Эладио Круз, двое добровольцев и я решили сходить туда, чтобы увидеть сооружение во всей его красе. Туда мы шли обычным маршрутом, через верхний Сан-Херардо, но вернуться планировали более заманчивым путем через лес. Тем самым мы как бы вверяли свою судьбу топографической карте и компасу и шли от вулкана в юго-западном направлении, в сторону Эль-Валле и северной границы заповедника.

За день мы добрались до строительного лагеря возле плотины позади основания вулкана и там расположились. На следующее утро после завтрака начали подыскивать подходящий маршрут, который привел бы нас к хребту, полагая, что он станет отправной точкой для похода в лес. В этом районе мы думали найти местных жителей, которые указали бы нам, куда идти. Однако мы не только не нашли людей, но там не было и домов. Все дома, кроме

одного, исчезли. Они были разрушены в процессе подготовки этой местности к затоплению по случаю возникновения озера Ареналь.

К счастью, в середине дня мы нашли-таки небольшое здание, которое оказалось выше линии затопления. Там жили люди, и один из них сказал, что мы идем в правильном направлении, что мы находимся примерно в часе ходьбы от приюта, где могли бы переночевать. Он также пояснил нам, что на следующее утро мы должны будем пересечь болотистое пастбище и подняться по хребту. На этом хребте найдем пограничную просеку и должны будем идти по ней до конца. «Потом, — продолжал этот человек, — вы должны засечь самый высокий холм и держать курс на него». Больше он нам ничего не сказал. Просто ему говорили, что именно так ходили охотники из Кастильо, местной деревни. Конечно, в своем рассказе он опустил много деталей.

О чем он не сказал нам, так это о дожде, который скоро начнется и будет лить двадцать четыре часа, и мы будем мокрые, как мыши, после нашего ночлега в приюте. А еще он не сказал, что там будут два холма, очень похожие по высоте, и трудно сказать, который из них был повыше. Ну, и третье, о чем наш советчик не упомянул, так это то, что тропы тапиров всегда гарантированно показывают лучший путь вокруг каньонов, о чем мы сами вскоре узнали. Это знание пошло нам на пользу.

На следующую ночь, когда нам казалось, что опять придется ночевать под дождем, мы вдруг увидели свежеспиленное бензопилой бревно. Это навело нас на мысль, что, вероятно, мы находимся вблизи от какого-то лагеря. Мы убрали компас и пошли по протоптанной людьми тропе в приют, который оказался прекрасным местом для ночевки. Там были толстые матрасы и очаг, который нас высушил. А еще там были наранхильи, из которых мы смогли сделать сок. Это был рай. Но мы понимали, что отклонились от нашей карты. На следующее утро мы должны были вернуться на наш первоначальный маршрут, но решили, что не хотим возвращаться далеко, и взяли новый азимут на компасе. На этот раз я со всей серьезностью углубился в карту и сказал своим спутникам, что если мы идем вниз и на юг, то нам пора остановиться, потому что мы ошибались. К обеду я понял, что мы делаем как раз то, чего мы не должны делать. Поэтому мы остановились, вернулись в одно очень приятное место, чтобы там пообедать, и сменили ориентиры. Судя по виду окружающих хребтов, мы приближались к высокому гребню, где должны были наткнуться на пограничную просеку заповедника. На третий день мы завершили весь этот путь и к 4.30 вечера пришли в приют Эль-Валле.

Итак, теперь я знал, что мы можем пройти через великий неведомый лес до самого вулкана. Маршрут Сан-Херардо был, в общем-то, конной тропой, которая проходила через расчищенные пастбища. Кому понравится идти до Ареналья конской тропой? Точно — не мне! Тот первый поход убедил меня, что однажды я сделаю тропу, по которой люди могли бы идти из Монтеверде в Ареналь через эти прекрасные леса. Я ошибся, не пометив место, где мы вышли на пограничную просеку. Это оказалось ходом в лабиринт хребтов. Лабиринт, ведущий в Ареналь.

В 1978 году в Монтеверде приехал англичанин Леонард Берд. Он был квакером, а еще он некогда был мэром одного города в Англии. В молодые годы он был стайером и поехал на Олимпийские игры в качестве судьи. А еще как квакер он очень заинтересовался тем, что Коста-Рика избавилась от армии. Поэтому он приехал в Коста-Рику и, в конце концов, написал книжку под названием «Коста-Рика. Страна без армии».

Каждый раз, когда Лен приезжал, он хотел идти в поход. Особенно он хотел сходить к вулкану Ареналь. Мы сделали два захода и даже близко не подошли к вулкану. В первый раз мы потратили три дня на то, чтобы пройти маршрут, а потом развернулись и вернулись обратно. Первоначальный план провалился. Мы не смогли найти дорогу и не добрались до нужного хребта. Был уже конец марта. И одно дело, если бы мы были сухими. Но мы

поднимались в облаках и еще три дня мокли в клубах тумана при нулевой видимости. Поэтому мы не прошли маршрут.

В следующий раз, в феврале 1981 года, когда мы снова попытались совершить этот поход, я подумал, что отлично себе представляю, куда нужно идти. Мы снова вышли при плохой погоде, с еще одним путешественником. Ночь прошла отвратительно, и мы промокли насквозь. Мы не брали с собой палаток, только гамаки, поэтому укрывались под крышей из веток, срубая пальмы и используя их стебли в качестве опоры для шалаша. В ход шли пальмовые листья и листья геликонии. Мы пытались соорудить крышу, надеясь, что дождя не будет. Это было тогда, когда у меня были трудности с рациональным планированием. Я мог смотреть в карту и не понимал в ней ни бельмеса. Поэтому в тот раз мы опять не дошли туда, куда хотели.

Итальянский вулканолог, Андре Борджиа, работавший совместно с Университетом Коста-Рики, впервые приехал в Монтеверде в августе 1981 года. Он тоже хотел сходить к Ареналью. Андре хотелось взять образцы всех слоев извержений с вулкана. Поэтому я сказал, что возьму его и его друга-путешественника к тому месту на пограничной просеке, откуда начинается тропа, ведущая к вулкану Ареналь. Там я просто ткнул пальцем в нужном направлении. Он и его товарищ вернулись через пару дней и сказали, что все шло хорошо, пока они не оказались в ущелье реки Каньо-Негро. Они расчищали тропу по мере передвижения по ней, пока не поняли, что попали не туда. Так что им пришлось отложить эту затею на потом.

Я отправился с Андре в его второй заход, и мы удлинили тот путь, на котором они делали расчистку. И мы опять не добрались до вулкана. Наша третья попытка вместе с Фрэнком Джойсом стала первой, когда мы прошли весь путь до конца. Это было в 1982 году. И это стало началом моей тропы на вулкан Ареналь.

Леонард Берд вернулся в наши края через пару лет. Поскольку я как раз незадолго до этого изучил район, то теперь знал, куда идти. Мы, наконец, добрались-таки до вулкана. Мы были вознаграждены последней проведенной там ночью. Палатка наша стояла на пастбище, и мы наблюдали за клубами дыма и пламенем вулкана и слушали его рокот всю ночь напролет.

Прошло много лет, прежде чем у меня появилась возможность снова поработать на этой тропе. В середине 1990-х годов я, наконец, прошел весь маршрут, к своему собственному удовлетворению, — всего-то тридцать километров с ночевкой на полпути. Потом добавили еще и второй лагерь, несколько километров после первого. И он был еще более простецкий, нежели первый. Мы это сделали для людей, которые хотят идти медленнее и оставаться в лесу подольше. Теперь у них были условия для такого неторопливого похода. На сегодняшний день я прошел по этой тропе самостоятельно или с различными спутниками раз тридцать как минимум. Я назвал маршрут тропой тапира, потому что именно следы этих животных — то хорошо видимые, то едва различимые — часто вели меня через труднопроходимые участки по крутым склонам оврагов.

В последние годы я совершил несколько незабываемых походов по моей тропе в Ареналь. Тапировы следы вокруг нее меня действительно обнадеживают. В один из своих походов я заметил, что следы шли по моему пути. Они выходили из Пеньяс и возвращались через район Лагуна Эскондида обратно к реке. Приятно видеть их тут и там между Пеньяс-Бланкас и Каньо-Негро. Так что все тут под контролем. В этом районе близ вулкана я видел белоплечих капуцинов и ревунов, и также случалось видеть коат. Прекрасный кусок тропического леса.

Я очень горжусь тем, что около этой тропы был снова обнаружен вид лягушки, которую не видели в Коста-Рике с 1987 года. В августе 2002 года местные биологи Билл Хэйбер, Уиллоу

Жуковски и Марк Уэйнрайт шли по тропе тапиров вместе с Эладио Крузом, Лукасом Рамиресом, моим сыном Рики и со мной. Рядом с участком туманного леса они нашли одну взрослую зеленоглазую лягушку *Rana vibicaria* и тысячи головастиков. Мне было очень приятно, что эти серьезные биологи потратили время и силы, чтобы отправиться на настоящую туристическую тропу, по которой можно дойти до вулкана за два дня.

1 мая 2003 года я провел группу людей по моей тропе тапира. В группу входили члены моей семьи, сотрудники заповедника и даже бывший директор заповедника Франсиско Чемберлен. За два дня мы поднялись по тропе из Монтеверде в обсерваторию в Аренале. После этого вернулись в Монтеверде на заказанном нами автобусе. Это, конечно, быстрый способ совершить такой поход, — уже на вторую ночь вы спите в собственной постели. А недостатком здесь является то, что вы лишаете себя всех дополнительных прелестей, таких как горячие источники, местный город Ла-Фортуна и многое другое, о чем вы можете узнать только тогда, когда делаете это как в старые времена, передвигаясь пешком и общественным транспортом.

Тропа тапира есть и сегодня, и, похоже, что у нее есть будущее. Это хорошо, потому что все идет правильным путем, то есть, по-моему. Надо было просто идти по хребту и высматривать те переходы, которыми пользуются животные, чтобы перебраться с одного ряда холмов на другое скопление гор. Следуя по этим тропам, вы довольно быстро окажетесь у подножия вулкана, если, конечно, вы не будете рыскать по другим тропам и не уйдете не на тот гребень».

Эладио Круз, член правления Лиги сохранения, добавляет официальное мнение по поводу тропы тапира Вольфа.

«Я работал на тропе, которую создал Уилфорд, и которая ведет к вулкану. Лига и другие сейчас считают сохранение и поддержание ее в должном виде приоритетной задачей. Поэтому, даже когда Вольф уже больше не сможет передвигаться, за тропой будут присматривать и поддерживать ее в хорошем состоянии. У него всегда была идея, что на эту тропу надо пускать группы туристов с рюкзаками. И там уже прошли несколько групп. Теперь эта тропа в лучшем состоянии. А еще Уилфорд хочет, чтобы по ней прошли люди из его общины. Он надеется, что все, кто там побывает, расскажут другим о том, насколько это уникальная и ценная дорога».

Ричарду Бутгейту было восемнадцать лет, когда он впервые приехал в Монтеверде. Его отец, Рой, был одним из первых поселенцев общины, но через несколько лет вернулся в Фэрхоуп, штат Алабама, женился на Элси Арнольд, подруге детства Вольфа, и остался в Соединенных Штатах. В 1990 году Ричард приехал сюда со своими родителями, чтобы увидеть то самое место, о котором ему рассказывали всю его жизнь. В местном ресторане между молочными коктейлями Вольф спросил парня, не хочет ли он пожить в семье Гиндонов и поработать с ним в лесу. В то время Ричард еще не выбрал для себя дальнейший путь в системе образования, поэтому он с готовностью решил использовать эту возможность для жизни, полной приключений, мало понимая, что значит «работать с Вольфом».

В течение семи месяцев Ричард буквально исходил с Вольфом заповедник вдоль и поперек. Все это время он жил на ферме Гиндонов, узнав многое о фермерской жизни от Лаки и Бенито, столь же много, сколько он узнал от Вольфа о лесах. Получив колоссальный опыт в Монтеверде, он вернулся в США и поступил в Нью-Колледж в Сарасоте, штат Флорида, на факультет биологии, и, в конце концов, получил степень бакалавра. Это подтолкнуло его к работе в качестве полевого биолога и потом, в конечном итоге, к специализации в области применения географических информационных систем для департамента охраны окружающей среды Флориды.

«В том юном возрасте у меня была возможность стать «одной из жертв» или, выражаясь по-иному, мне повезло ходить по лесу с Вольфом. В наших походах много чего случалось. Но был особый случай. Его можно назвать «Тот Самый Поход».

То был простой план — отправиться через заповедник в избушку в Эль-Валле, а затем по тропе вниз, к реке Пеньяс-Бланкас. Мы должны были продвигаться по той тропе, которая якобы когда-то существовала, но теперь была утеряна и соединилась с тропой, петлявшей вдоль реки до домика Эладио. Мы решили, что отправимся после обеда и за три часа легко дойдем до Эль-Валле, переночуем там, а затем на следующий день продолжим движение.

Мы вышли с опозданием, не помню, по какой причине, а потом совершенно заблудились. Причина задержки с выходом, вне сомнений, была уважительной, как и все наши причины. Хотя уже наступали сумерки, мы прошли мимо приюта Эль-Валле с ожидающим нас удобным ночлегом и направились к реке по тропе под названием Катарата. Было уже почти темно, когда хорошо маркированная часть тропы исчезла. Нам пришлось буквально переходить от дерева к дереву в поисках контрольных признаков: зарубок мачете, проторенного пути на земле или сломанных веток, всего того, что могло указать нам верный путь. Если бы мы повернули назад, в Эль-Валле, то поход по только что расчищенному пути занял бы у нас лишь несколько часов. Однако мы приняли решение идти вперед. Наши животы были полны, воды с собой было хоть залейся, мачете были остры, фонарики на лбах светили ярко. Так зачем же нам дневной свет? Вперед и только вперед!

Через час после того, как нас окутала мгла, мы совершили ошибку. Тропа вывела нас на большую плоскую местность с многочисленными ответвлениями тропинок с обеих сторон. Дальнейший путь мог идти в нескольких направлениях, поэтому у нас был выбор. К сожалению, выбор был сделан ошибочный.

Первым исчезло хоть какое-то подобие тропы. Потом накрылась батарейка фонарика. Теперь я шел вслед за Вольфом настолько близко, насколько это было безопасно. Он энергично прорубал дорогу мачете, и размах был широк. У него-то был фонарик, но я не хотел рисковать. Третье несчастье, поразившее нас: его мачете, которое выскочило из руки, и улетело, кувыряясь, в темноту, куда-то во мглу. Вольф опустил на землю и стал ощупывать все вокруг, пока — о чудо — не наткнулся на свое мачете. Наверно было бы лучше, если бы мы потеряли его там. Во всепоглощающей мгле я слишком близко приблизился к Вольфу, или Вольф сделал шаг назад слишком далеко — край его мачете слегка чиркнул меня по лбу. Это было настолько тонкое прикосновение, что мы почти не заметили его, но на самом деле поняли: «Вот это да! Совсем рядом!» В общем, после этого я решил, что смерть от падения меня устраивает больше, чем смерть из-за рассеченного черепа. И я стал держаться на расстоянии несколько шагов сзади от Вольфа.

Мы решили поменять план. Поскольку мы шли под гору, поверхность земли перед нами часто просто уходила вниз, обрываясь утесом. Когда мы спускались вниз вдоль ручья, то слышали какой-то шум. Потом вдруг выяснилось, что это был водопад высотой около 30 метров. Так что новый план состоял в том, чтобы идти по хребту вдоль ручья к его верховью, а потом по нему же идти к большой реке. На часах было 4 утра, мы были в пути уже более двенадцати часов. Из них первые три часа были простыми для нас, остальные же давались тяжело. Шли мы в темноте. Кости болели, осязание притуплялось, как мачете у Вольфа, и наши перспективы были мрачными и тусклыми, как свет, испускаемый его фонариком.

Мы наткнулись на небольшой водопад. Я присел на одно колено, и Вольф встал на него, как на ступеньку лестницы, по которой можно подняться. Я встал и уже руками подтолкнул его дальше, когда его нога уже стояла на моем плече, а другой ногой он искал зацепку на каменной стене. Оттолкнувшись, он оказался на верху водопада. Вольф встал, посмотрел вниз и говорит: «А как ты будешь забираться?»

«Не знаю», — ответил я, но начал подниматься, находя небольшую зацепку для ноги — одну здесь, другую там. В крошечной тьме, с двухпудовым рюкзаком, в резиновых сапогах, наполненных водой, я поднялся по отвесной стене. На самом деле она была лишь немного выше меня, но представлялась мне башней, нависшей надо мной. Мгновение — и я был наверху, лежа в ручье — вода текла по моей груди. Я как-то умудрился взобраться.

С чувством глубокого внутреннего удовлетворения я встал, такой гордый и высокий, и оказалось, что сделал это напрасно. Я совершенно забыл компенсировать тяжеленную рюкзачину у себя за спиной. С той же легкостью и изяществом, с какими я встал, теперь я рухнул назад, на водопад, пролетев метра два. Это случилось мгновенно, и у меня не было достаточно времени, чтобы отреагировать на падение. Но сработал инстинкт самосохранения. Я сгруппировался и благодаря скрученному спальному мешку в нижней части рюкзака избежал серьезной травмы, хотя приземлился прямо на задницу. Лежу я, значит, без движения и думаю, сломал ли я себе что-нибудь или нет. А может, я уже мертв? Вольф однажды рассказывал мне историю о том, что как-то раз ему представился Пеньяс-Бланкас как рай на земле. Ну, а теперь и у меня был свой собственный опыт обретения небес.

Я увидел тусклый свет. Что это? Ангел? Нет, это был всего лишь Вольф со светлым лучом фонарика и своей темной тенью, взирающий на меня сверху. Он спросил: «Ты как там?» «Невероятно», — было бы, пожалуй, правильным ответом. Я поднялся, и мы, наконец, решили остановиться на этом этапе. Вольф спустился обратно ко мне, и нам удалось поспать какое-то время рядом с ручьем, периодически просыпаясь, когда наши ноги вдруг соскальзывали с бережка в холодную воду. Тогда мы подтягивали свое сползшее тело на прежнее место, упирались ногами и снова пытались уснуть.

С утренним светом мы двинули к реке, где разошлись в разные стороны. Я отправился к Эладио самостоятельно, вспоминая тот день, когда я спросил у Вольфа, что же побудило его пригласить меня, болтающего по свету, апатичного молодого человека, ищущего смысл жизни и набирающего опыта, остаться и поработать с ним в лесу. Он ответил тогда: «Ты выглядишь так, как будто можешь носить мой рюкзак». У Вольфа есть способность из каких-то мелочей сотворять нечто гораздо более серьезное, чем ты бы мог подумать. Вот и здесь его простое приглашение поработать с ним оказало глубокое влияние на всю мою последующую жизнь».

Человеку, идущему по тропе, кроме физической выносливости и силы разума, требуется много ресурсов для поддержания силы. Один мой приятель как-то попросил меня узнать у Вольфа, чем он питается в лесу. Я рассмеялся и сказал: «Вольф выживает на конфетах и кофе». До недавнего времени, пока ему не поставили диагноз диабета, его карманы были набиты сладостями. Понятно, что тот приятель имел в виду дары природы, собранные в джунглях, которые могли бы стать пропитанием для заблудившегося или травмированного путника. Вольфу фантастически везло, что он никогда не был травмирован в глубине леса, и он никогда не признавал себя заблудившимся. Но я все-таки задал ему этот вопрос.

«Первое, что я узнал о природных пищевых источниках пищи, это то, что можно есть цветы гибискуса. В лесу их особо не найдешь, но их много вдоль обочин дорог, вокруг упавших деревьев и заброшенных землевладений. Одним из первых, кто сказал, что их едят, был доктор Този из Тропического научного центра. Они напоминают цветы жимолости. Приятная такая сладость в них. Еще можно есть дикие цветы бегонии, которые несложно найти в наших лесах.

Я всегда ношу с собой мятные лепешки, они освежают. Хотя можно было бы найти какое-нибудь растение из семейства мятовых с такой же свежестью. Но если вы оказались в лесу, где есть нечего, надо искать влагу. Если поблизости нет ручья, или если вы наткнулись на сомнительный источник воды, то влагу можно собрать с лепестков нескольких видов цветов.

Кроме того, что на них есть бусинки воды, на лепестках еще может оказаться пыльца, у которой ведь тоже есть пищевая ценность.

А еще есть плод фикуса-душителя, амате. У незрелых плодов вкус довольно вяжущий, не очень приятный, но если найти упавший созревший плод, то он на вкус будет довольно хорошим. Еще один фрукт, пригодный для питания — дикий авокадо. Эти деревья довольно хорошо заметны на возвышениях. Дикий авокадо слегка горчит, но у него высокая пищевая ценность. Конечно, есть сердцевина пальмы и нутро веток у некоторых видов пальм. В наши дни мы выступаем против того, чтобы люди вырубали пальмы, но если вопрос стоит о жизни и смерти, то тут разговор особый. Хотя, понятное дело, срубить пальму без мачете невозможно. А еще я читал о съедобных корнях некоторых растений, но эту тему я никогда не изучал. Если удастся добраться до высоко висящих плодов, например, то можно подкрепиться пассифлорой съедобной, она же маракуйя.

На самом деле в лесу то тут то там есть остатки старых поселений, в которых можно найти заброшенные сады, и, соответственно, такие культуры, как папайя, манго, чайот и даже зеленые бананы. Съедобных ягод маловато. Ягод в любой сезон мало, поэтому даже если вы их найдете, их будет слишком мало, чтобы продержаться, питаясь ягодами. Сапоты еще есть. На краю пастбища Кэмпбелла было дерево, и тикос всегда приходили и собирали его плоды. Они всегда так делали. Если мы о чем-то узнаем, то потом тоже все время так делаем. Иногда попадает совершенно созревший плод, очень хороший. Хотя в лесу обычно эти плоды становятся пищей для животных, потому что те могут их есть еще задолго до того, как фрукты станут съедобными для нас.

Там есть орех, называемый папас, который происходит от дерева панопсиса. Его представители растут по краям вырубок и хорошо плодоносят. Костариканцы научили меня собирать их. А если собрать их много, то можно приготовить тесто и поджарить его. Это настоящие жесткие орехи, их трудно расколоть. Упавшие на землю орехи любят лесные крысы или пекари. Я тоже стараюсь подобрать их, когда нахожу.

Другая проблема в деле сбора диких продуктов питания такова, что некоторые из них нуждаются в обработке, иначе их нельзя есть. Например, зеленые бананы. Эладио как-то взял сердцевину пальмы и слегка ее приготовил, что придало другой вкус, отличающийся от того, когда ешь ее сырой. Если добавить приготовленную сердцевину пальмы к приготовленному рису, то получится отличное, вкусное блюдо. Но вы должны знать, с чего начать, а это не всегда так просто, как кажется.

Важно иметь с собой маленькие свечи и водонепроницаемые спички. Если поблизости есть пальма, то в волокнистой части ее ствола имеется небольшое количество смолы, и это способствует разгоранию пламени. За многие годы мы узнали об одном или двух видах древесины, которые хорошо горят. Первый вид — очень красное и очень твердое дерево сангре-де-торо [*исп.*] бычья кровь], которое довольно широко распространено на возвышенностях. Самое горючее дерево называется канфин, что с испанского переводится как керосин. У этого дерева желтая древесина, и я видел, как пиломатериалы из него использовались около Сан-Херардо. Хотя само дерево я видел только однажды. Если вы сможете найти в лесу сухие ветки, они могут быть не самым лучшим горючим материалом, все зависит от типа дерева. Но и они могут оказать услугу.

Самая большая проблема, однако, заключается в получении влаги. Можно долго идти без пищи, но без воды далеко не уйдешь. Я как-то осознал, когда сам был в походе, что при обезвоживании ваши действия становятся иррациональными. Вы принимаете ошибочные решения, полагая, скажем, что можете добраться куда-то, а это вообще и пробовать-то не рекомендуется. В состоянии жажды вы не в курсе этого, и такое поведение может привести к фатальной ситуации. Со мной был случай много лет назад: я поднимался в гору около шести

часов кряду — без воды. Я не думал, что будет какая-то проблема, но сбился с пути. В конце концов, я добыл немного воды и смог вернуться на правильный путь, однако извлек для себя из этой истории ценный урок.

В тропической низменности иногда можно рассчитывать на получение воды из лозы. Мне это удалось один раз, затем я видел это еще раз. Как-то раз в Корковадо из лозы набрали целый литр воды. Здесь, повыше в горах, мы можем попить из ручьев. Их довольно много, и мы вполне можем рассчитывать на их чистую воду. Однако из большой реки, типа Пеньяс-Бланкас, я бы отважился пить, только если бы был в отчаянном положении. Скорее всего, вода из реки вызовет диарею.

Несколько лет назад у нас была возможность все это проверить. В 1997 году я был в национальном парке «Барбилла», на атлантической стороне Коста-Рики, с парой моих любимых попутчиков, Джимом Ричардсом и Марино Серра. Мы планировали уйти в ночь и вернуться на следующий день. Ночью был страшный проливной дождь, и ручьи, которые мы когда-то переходили легко, теперь наполнились водой из реки и стали непроходимыми. У нашего гида была веревка, но она мало помогала. Течение было столь сильным, что о переправе нечего было и мечтать. Поэтому нам нужно было найти какое-то безопасное место, чтобы встать лагерем. Мы прокантовались там три ночи, потому что река так и не успокоилась. К счастью, поблизости от нашего лагеря была чистая родниковая вода. Гид наш пошел в лес и вернулся с охапкой пальмовых волокон от срубленной пальмы. Мы смогли разжечь огонь и готовили рис, которым питались в течение трех дней. У нас было с собой достаточно еды, но мы нормировали прием пищи.

В конце концов, кто-то перешел на другую сторону реки. Нас искали, предполагая, что мы, вероятно, оказались в ловушке. Утром пришли снова, уже с веревками, которые удалось перебросить через реку и перетасили наши рюкзаки, а затем и нас. Гид срезал V-образные ветки, мы к ним привязали веревки и переместились на другую сторону бурного потока. Жили в совершеннейшей сырости две ночи. Я схватил страшнейший грибок на ногах. Чтобы избавиться от него, ушло много времени.

Начнем с того, что у нас было много еды, поэтому мы были в порядке. Во всех моих приключениях, если я где и застревал, у меня всегда был запас еды. Обычно я ношу с собой хлеб и сыр, еще консервы тунца — всегда на одну банку больше чем надо. Костариканцы берут с собой такие лепешки из кукурузной муки, обернутые кукурузными листьями — тамалы. В первые годы нашего пребывания тут мы обычно носили с собой немного мяса и, скажем, картошку или рис, чтобы приготовить. Но самое лучшее — конфеты. Они много не весят, но зато дают много энергии. А для энергичного человека нет преград. Если добавить несколько хороших чашек нашего вкусного замороженного костариканского кофе, то нет той силы, которая бы вас остановила. Как шутил мой старый друг Хосе Луис Кембронеро: «Мой кофе был настолько крепким, что мог идти сам по себе». Преувеличение, наверно, но кто знает. Всякое в жизни случается.

У меня есть правило: бери с собой больше еды, чем надо. На всякий случай — вдруг понадобится. И не ешьте ничего из плодов дикой природы, если не уверены, что это не ядовито. Ошибиться опасно. Лучше сначала попробовать небольшой кусочек. Не исключайте вероятность того, что придется есть всякие гадости, которые вы никогда бы и не подумали принимать в пищу, например, насекомых. Я давно понял, если планирую срезать углы и искать прямые пути, то нужно быть готовым к чему угодно».

Вольф прославился своими срезаниями углов и поисками кратчайших путей. Он никогда не боялся отправиться в путь в любой час дня или ночи, порой в неизведанном направлении, один или с товарищами. Он пришел к открытию, что срезание углов и кратчайшие маршруты часто оказываются самыми живописными маршрутами, а иногда — хотя и нечасто —

самыми быстрыми.

«Помню, в 1969 году, вскоре после закрытия шахт в Пеньяс, я собирался спуститься вниз и немного поработать на нашей ферме у реки. Мы перетащили туда пиломатериалы, которые забрали с места расположения демонтированного Лагеря-4, и я хотел завершить наложение сайдинга на нашу избушку. Что очень сильно рушило мои планы быть на собрании совета директоров молочного завода. Оно должно было состояться на той же неделе в большом городе Сан-Хосе. Для меня было важно присутствовать на нем, поскольку мы должны были провести собеседование с человеком, желающим стать дистрибьютором нашего сыра в регионе Месета Сентраль. Поэтому я чувствовал, что мне надо идти на это мероприятие, хотя надо было закончить и свою работу.

Я знал, что если пойду до Пеньяс, а потом оттуда в Монтеверде к тому времени, чтобы успеть на автобус до Сан-Хосе, тогда не успею закончить обшивку стен в намеченные сроки. Глядя на карту, я вдруг смекнул, что Сан-Хосе находится прямо к юго-востоку от моей хижины в Пеньяс, приблизительно в 100 километрах от моего дома. Так что, будучи в Пеньяс я, считай, проделал уже почти четверть пути! Значит, вместо того чтобы добираться через Монтеверде, что заняло бы два дня, я подумал, что уложусь в один день перехода из Пеньяс, плюс поездка на общественном транспорте. Прибуду в Сан-Хосе как раз к началу встречи.

Сказано — сделано. Я обшил избушку сайдингом, заночевал в ней, а на рассвете отправился в путь. Направился по старой тропе в сторону Сан-Мигель. Пять часов спустя был на шоссе возле Сан-Хосе-де-ла-Тигра, где я когда-то поймал автобус в полдень, как мне казалось. Я прибыл вовремя, но выяснилось, что в тот день был только один автобус. Он прошел в 5.30 утра, и другого не будет.

Так что у меня не было иного выбора, кроме как продолжать свой пеший поход. Я надеялся, что смогу проехать в одном из грузовиков, которые, случалось, довольно часто проезжали по шоссе. Становилось все жарче, и лишь несколько машин проехали мимо. Короче говоря, я прошел еще пять часов на дороге, придерживаясь своего маршрута в направлении Сан-Хосе. Когда я приближался к перекрестку с главной автомагистралью во Флоренсии, мне послышалось, что приближается грузовик, и я рванул бегом к перекрестку. Наудачу это был автобус, который я умудрился остановить в последнюю секунду. За проезд до Сьюдад Кесады с меня потребовали пять колонов. Только мы туда приехали, как я увидел готовый к отправлению последний в этот день автобус на Сан-Хосе. Точно Господь был на моей стороне в этот день. Второй автобус — еще двадцать четыре колона за проезд до большого города. Автобус прибыл на место за час до начала собрания.

Я думаю, что это была самая дешевая поездка в Сан-Хосе, которую я когда-либо совершал. И еще я в первый раз прошелся по Авенида Сентраль в резиновых сапогах! На следующий день я долго ехал домой по шоссе. Это было уже не так интересно. Но опыт научил меня не бояться срезать углы. У меня есть абсолютная уверенность в том, что я непременно доберусь до места назначения, и, вероятно, быстрее, чем, если идти проторенной дорогой».

13. Все тропы ведут к дому

«Рассвет в стойле быка. Конечно, единственный бык этого пастбища — лишь в его названии. Ну, может, корову или две тут еще можно увидеть. Этой дорогой я сам ходил к месту работы и с работы — в течение всех тех лет, что работал в заповеднике. Я много чего видел на этой открытой вырубке: агути, питающихся семенами, скунсов и лис по ночам, проходящих оленей, обезьян и коати, биологов, ищущих животных, и время от времени мне попадалась пара двуногих тварей, внимательно глядящихся в глаза друг другу. Я бы сказал, что все леса в мире связаны. Идите по любой тропе и рано или поздно вы попадете в чей-то лес. И все тропы ведут к дому. Я никогда в этом не ошибался. Я знаю, по этой вот тропе я приближаюсь к своему дому».

Вольф, приближаясь к ферме Гиндонов

Жизнь моя была замечательной. Я родилась в любящей семье, у меня всегда было право выбора. Меня поддерживали в том, что я выбирала — будь то правильный или неправильный выбор. Чем старше я становлюсь, тем больше я ценю свое везение. Я остаюсь здоровой и сильной, хотя рак нанес урон моей семье. Кроме моих родителей и меня, еще и моя сестра боролась с раком, но, к счастью, как и я, она победила. Мы с Мэгги благодарны за каждый день, который встречаем бодрыми и здоровыми, прекрасно понимая, что любой рассвет может принести и тучи на наш горизонт. Я уверена, что из-за того, что нам пришлось пережить, мы стали в большей степени полны сострадания, чем могли себе представить.

Но после того диагноза, поставленного шестнадцать лет назад, я слишком часто получаю напоминания, что жизнь не обязательно справедлива или добра, скорее, она — вещь хрупкая, и все может поменяться в мгновение ока. Иногда нам только и остается держать дракона за хвост, когда тот крутит, вертит и бьет этим хвостом во тьме. Если судьба благосклонна, вы будете жить, чтобы рассказать, как оно все было. Кроме того, что я жива, еще одной наградой за победу над раком явилась возможность подбадривать других людей, тех, кто сталкивается с опасной для жизни болезнью. Счастливая история победы жизни над смертью — утешительный напиток, и я всегда рада поделиться им.

Одной из моих самых больших удач был тот поход с Вольфом в 1990 году и еще та пара кружек пива, выпитых с Артом и Марийкой, во время распития которых нам пришла мысль выдать диктофон Вольфу. Еще одна удача — жить достаточно долго для того, чтобы переложить на бумагу его устные рассказы, записанные на тот самый диктофон. Благодаря маленькой черной коробочке, которую Вольф носил в рюкзаке, мне удалось незримо пройти с ним его маршрутами по тропическому лесу. И теперь я могу поделиться этими историями с вами. Многие люди находят, что речь Вольфа, его бормотание и невнятный говор — все это трудно понять. К счастью, я способна разбирать его речь и, кроме того, я глубоко уважаю человека, который вложил душу в тропы, по которым мы с ним прошли.

Он человек, который счастлив в джунглях независимо от причины, почему он там, — исследования ли его туда привели, рутинный ли обход, поиск ли приключений, или, может, он просто захотел послушать тишину в святилище природы. Большая часть населения Земли живет в городских условиях, и многие люди не чувствуют зова дикой природы, не говоря уже о признании нашей всеобщей потребности в здоровой окружающей среде. Одна женщина как-то сказала мне, что для нее дикая природа начинается там, где заканчиваются заасфальтированные тротуары. Многим нравятся городские парки, и это тот объем дикой природы, который их устраивает. А кому-то нужно идти поглубже в лес, где единственным звуком цивилизации является далекий шум реактивного самолета, летящего высоко в небе, где грязь на одежде — это, скорее, награда, а не причина для огорчения. Я всегда считала, что

если от вас пахнет дымом костра, то для меня это знак того, что вы живете правильно. Тем, кто далек от таких взглядов, трудно понять, почему Вольф и другие подобные ему люди проводят столько времени в жутких условиях, в совершеннейшей дыре.

Марийка Михайлович, Вольф и Кей с папайями и гибискусами отмечают день св. Валентина в Пеньяс-Бланкас. 1990 г.

Большинство заповедников предлагают удобные, ухоженные тропы для людей, которые хотят только слегка ощутить вкус дикой природы. В заповеднике туманного леса, где большинство туристов не рискуют идти за пределы, очерченные тропами Треугольника, самое сильное влияние человеческого присутствия ощущается лишь на очень маленьком участке леса. Деньги, собранные с посетителей, и их поддержка для постоянной защиты района компенсируют негативные последствия, вызванные их присутствием. Но гораздо важнее то бесценное духовное омоложение, которое они обретают, проводя время среди деревьев.

Вольф в свое время проложил путь для тех, кто хочет отправиться глубже в джунгли. Эту тропу продолжают поддерживать в нормальном состоянии. После более чем пятидесяти лет походов по тропическому лесу при высокой, в общем-то, вероятности несчастного случая, Вольф получил-таки несколько травм. В семьдесят с лишним его тело устает, но разум выше материи. И он продолжает ходить. У него есть несколько шрамов, своего рода отметки его промашек. Но до сих пор не случилось ничего серьезного, что помешало бы ему возвращаться в леса вновь и вновь.

«Мой опыт всегда говорил мне, что чем дольше тянется время без укуса змеи, без неурожая или без ощущения дыхания смерти, тем больше шансов, что это вот-вот произойдет. Но вплоть до 1990 года, то есть за двадцать лет развития тропического заповедника и еще за девятнадцать других лет, проведенных в заботах о защите диких тропиков, у меня случались лишь небольшие порезы. В общей сложности обошлись пятнадцатью стежками, а то и вообще хватило лейкопластыря. Сейчас смешно вспомнить тот день — это было в семидесятых годах. Я расчищал пограничные просеки вместе с Эладио. Мое мачете тогда

затупило, помню, и я отдал ему свой инструмент на заточку. Ну вот, он заточил мое мачете. Я подхожу к бревну, которое выглядело довольно толстым, вдвое толще моей ноги. И я что-то тут подумал, что не смогу перерубить его с первого удара. Но, к моему удивлению, с первого взмаха мачете прошло насквозь и вошло в мое колено. Я наложил платок на рану и заковылял вниз, туда, где находилась Сильвия Смит, наша медсестра. Она прочистила рану и наложила три шва. Так что, можно сказать, историческая ценность заключается как в каждом метре этого леса, так и в каждом шраме на моем теле.

В самый последний день 1990 года я отправился в непростой поход по запасной тропе, по которой старался не ходить с тех самых пор, как заточил свое первое семидесятисантиметровое мачете. В последний день года вот прямо обязательно нужно было куда-то бежать и делать все, что не успел сделать в уходящем году, чтобы Новый год уже начать с чистого листа, без забот. 31 декабря 1990 года был тем днем, когда мне лучше было бы оставить свое мачете дома.

В этот прекрасный солнечный день я ждал своих товарищей, сидя рядом с мостом, что возле молочного завода в Монтеверде, и решил подрезать кое-какие растения, которые закрывали мне вид на реку. Я уже заканчивал работу, когда слегка размахнувшись своим верным мачете, чиркнул себе по правой ноге, нанеся рану в три дюйма, чудом не задев коленную чашечку. Так получилось, потому что мачете застряло в ветвях и, когда я рывком потянул его, лезвие ударило меня в колено. Можно сделать тысячу отличных ударов мачете, ни разу себя не задев, а потом — один удар, и ты его уже не забудешь никогда.

Я заторопился в поликлинику со своим окровавленным порезом на штанине, полагая, что достаточно будет лишь наложить несколько швов. Увы, медсестра, как только всмотрелась в рану, тут же вызвала скорую помощь, и меня отвезли в больницу в Пунтаренас. Моя любящая жена Лаки и сын Берто поехали со мной, позаботиться об оформлении документов, чтоб все прошло гладко. Так что мне оставалось лишь сидеть там в кресле-каталке и улыбаться, пока меня возят туда-сюда. Общий вердикт врачей заключался в том, что меня надо отправить в Сан-Хосе для операции на сухожилии и хряще. Помню, на ногу надели большую шину и вывели меня на улицу. После часа ожидания машина скорой помощи отвезла меня в больницу «Мехико», где мою рану еще раз промыли и осмотрели.

Меня хотели доставить в операционную палату вне очереди, но врачи вдруг спросили, когда я ел последний раз, и после моего ответа изменили свое решение. Мне же никто не сказал, что я должен был блюсти пост, поэтому в 3 часа пополудни я съел бутерброд. За эту ошибку я был наказан: меня припарковали в коридоре до 2 ночи. Вот такой вот Новый год я отпраздновал в Сан-Хосе, наблюдая за тем, как мимо меня провозили других граждан, тоже не попавших к новогоднему столу.

Первый день нового года забрезжил рассветом. Я проснулся в лазарете. Моему взору предстала моя нога, торчащая из гипса, который начинался от моего бедра. Вид из окна был более привлекательный: цепочка гор Центральной долины с вулканом Барва, который как бы напоминал мне, что есть еще один уголок мокрых, пронизанных ветрами горных вершин, на которые мне еще предстоит подняться. С этого момента началось мое месячное заточение — время, проведенное в основном в Сан-Хосе и потраченное на употребление пищи внутри в условиях нежной заботы, и — никаких походов. Прошло два месяца, прежде чем я смог ходить по холмам и по тропе».

Ему, конечно, повезло, что он никогда не был серьезно ранен или травмирован во время походов по лесу, вдали от цивилизации. Невезение и зачастую плохое планирование приводят к тому, что люди уходят в джунгли и не возвращаются тогда, когда обещали. Вольф участвовал во многих экспедициях поиска заблудившихся туристов. До сей поры все пропавшие без вести всегда были найдены, возможно, голодными, но по большей части

живыми и невредимыми. Любому, работающему в заповеднике, знакомо тревожное чувство, которое испытываешь в поиске того, кто не вернулся на базу в соответствии с планом. Всегда задаешься вопросом, а что мы найдем, всегда молишься за счастливый исход. За все годы работы Вольфа в лесу был только один случай, когда люди искали его.

«Как-то в один из последних дней декабря 1992 года я шел в заповедник Монтеверде через заповедник «Санта-Елена». Какое-то время спустя, днем, я находился в районе Ранчо Алегри, потому что была информация, что в той части леса было найдено логово пумы. Я нашел ее следы и немного походил вокруг, а потом решил отправиться домой другим маршрутом, не тем, о котором я говорил Лаки перед выходом в путь. Я знал, что максимум до темноты доберусь до хижины Эль-Валле, и решил, что смогу хотя бы добраться до нее.

Когда я выходил, сияло солнце. Поскольку я не планировал ночевать под открытым небом, то не прихватил сухой смены одежды, не брал еды, фонарик оставил дома. В какой-то момент погода стала портиться, и к вечеру подул холодный сильный ветер. Я добрался до Эль-Валле уже впотьмах и вошел в избушку, отперев дверь ключом, который у меня был с собой. К моему удивлению, свечей в домике не было. Там имелся в наличии газ для приготовления пищи, но в сундучке для провизии остался только один пакет супа Магги. Чтобы не замерзнуть, я воспользовался чрезвычайно тонким пластиковым пончо из моего набора первой помощи, и оно действительно выполнило свои функции достаточно хорошо. Я никогда не пользовался им раньше, так что это была настоящая проверка. Это было лучше, чем «космическое одеяло», которое легко сминается и, возможно, хранит тепло, но так шуршит, когда ворочаешься на лежанке, что невольно просыпаешься.

Как бы то ни было, я укутался в пончо и хорошо выспался. Непогода буйствовала всю ночь. Разлившийся ручей подобрался к домику очень близко, ближе, чем когда-либо до этого. Утром я не вышел рано, как делал обычно. Мне пришлось ждать дневного света. Фонарика-то у меня не было, и в избушке без окон было слишком темно, чтобы что-то делать. Я смог согреть оставшуюся часть супа на газу. Не торопясь шел я назад, обрубая ветви деревьев, сломавшиеся от порывов ветра и упавшие ночью на тропу. Примерно на полпути поднял с земли какие-то семена, чтобы осмотреть их, и тут понял, что оставил очки в приюте. Я решил вернуться, чтобы забрать их, хотя знал, что меня будут ждать дома рано утром. В общем, до заповедника я добрался к 11 часам утра.

Оказалось, что меня уже искали в той части леса, по которой — как я сказал Лаки — я планировал возвращаться. Все были уверены, что со мной что-то случилось, и я, раненый, не могу сам дойти до дома. Я был совершенно согласен с таким подходом, потому что, в самом деле, такая погода могла сильно помешать человеку, который вывихнул лодыжку, сломал руку, сильно порезался или на него упало дерево, которых много нападало ночью.

Это было событие. Такое случилось в первый раз, чтобы кто-то действительно отправился на поиски меня. Бывали случаи, что я отсутствовал, может быть, даже три дня, и никто не знал, где я, что я. Но на этот раз Лаки была в курсе, что у меня нет надлежащей экипировки, и я не собирался ночевать в лесу, поэтому она подняла людей по тревоге. Так что это было большое событие. В поиске участвовало много людей. Я в своей жизни провел много часов в поисках других заблудившихся, и чаще всего они находились, с ними было все в порядке, и обычно они даже улыбались. Так что я знаю не понаслышке, что значит искать кого-то, кто может оказаться в настоящей беде.

Ну, так случается. Ведь всегда приходится делать выбор на каждом перекрестке, и иногда вы отправляетесь иным путем, чем ожидалось. После всех этих лет, проведенных в походах по пересеченной местности, после ночлегов на полу в удаленных домиках, после того, как я часто возвращался домой одним из коротких путей, никто не может точно знать, где я нахожусь. После этой бурной ночи письма на стене, как говорится у пророка Даниила,

стали особенно яркими. И они напомнили мне, что мне нужно проявлять большую сознательность и думать о том, как мои действия могут повлиять на других. Я все лучше понимаю, что с возрастом у меня увеличиваются шансы попасть в серьезную ситуацию».

После долгих лет размышлений о благополучии Вольфа наступил тот момент, когда Лаки, наконец, не могла сдерживать своего страха. Она описывает ту же ночь, как она сама пережила ее. Одна на ферме. За окном буря и холодный дождь стеной.

«Я знала, что у Вольфа нет рации, что он ушел только на один день. Я знала, что у него нет ни фонарика, ни еды, ни рюкзака с обычным набором неприкосновенного запаса. Наступила ночь, погода резко изменилась. Таких ветров у нас тут никогда не бывало, холод невыносимый при нашем-то уровне влажности. Деревья падали, ветки с треском ломались, а его все нет и нет. Я помню, он как-то рассказал мне историю, как ему пришлось ползти по земле в темноте, чтоб не потерять тропу; он плутал в поисках выхода из леса. Я знаю, что он очень изобретателен и может много чего придумать.

Утром я подумала: скорее всего, он нашел какое-то место, где смог переночевать. Ну, хорошо, думала я, через два-три часа после рассвета он должен вернуться. Поэтому я ждала, зная, что ему нечего есть, у него нет кофе, и полагала, что возвращение домой будет скорым. В середине утра его все еще не было, и я пошла к соседям, Брюсу и Джуди. С ними последними он виделся перед уходом. Хотела узнать, не говорил ли он им о каких-либо изменениях в своих планах. Нет, они ничего не знали. Наконец, я пошла в заповедник. Там было довольно туманное представление о том, куда он мог пойти. Когда я сказала, что он не вернулся, то весть стала распространяться. Удивительно, как быстро бегут плохие новости. Казалось, что внезапно все узнали, что Вольф пропал, и все вышли на его поиски. Люди, кстати, еще долго искали его, даже уже после того, как он вернулся. Но, как я уже говорила, Вольф всегда знает, где он, и что с ним все в порядке. Но именно тогда он понял, что ему действительно нужно думать и о других.

У него тогда еще не было собственного радиопередатчика. Джан Лоутер этим был очень обеспокоен и настаивал на том, чтобы заповедник выдал Вольфу такое устройство. Надо сказать, что я не очень-то верю в эти радиопередатчики. Даже теперь, когда у него есть передатчик, отсюда, из дома, он не может разговаривать с заповедником, ему для этого нужно подняться на холм. Если он сломает ногу в низине, то получается, ему надо будет ползти до какой-то точки повыше, чтобы появилась связь и передатчик заработал. Вполне возможно, что можно подавать какой-то звуковой маячок, и вас смогут найти по этому сигналу. Но это все возможно только до тех пор, пока есть заряд в батарее. Кто-то, наверно, больше доверяет этим передатчикам, но я не в их числе».

Вольф после этого приключения стал носить с собой радиопередатчик, в большей степени ради своих домашних, нежели для своей собственной безопасности. И заповедник, и Лига стали более озабоченными тем, чтобы кто-нибудь знал четкие подробности о том, что именно и где именно собирается делать Вольф в лесу. Со своей стороны Вольф уже старался не уходить в лес в одиночку. Всегда было много желающих присоединиться к нему, чтобы расчищать тропы и слушать его рассказы за чашкой горячего кофе.

Вольф продолжает оставаться героем историй в тропическом лесу. В 2003 году, несмотря на свои 73 года и на больные колени, он принял приглашение подняться на гору Чиррипо, самую высокую вершину в Коста-Рике, со своим сыном Рики и тремя спутниками: Джимом Ричардсом, Джеффом Блэром и Тимом Сэйлсом. Тим записал очень интересный и острый видеоролик вот о таком событии — историю о воющем Вольфе в тропических горах. Тим, Джим и Джефф являются частью группы счастливицков. Их, возможно, всего-то тысяча, в их числе принц Филипп, Дэвид Сузуки из Канады и экс-президент Коста-Рики Родриго Каразо Одио, тех, которые шли за Вольфом по тропе и обладают схожим с вольфовским духом

приключений и любопытства.

«Врачи сказали мне: «Если хочешь, иди на Чиррипо. Но если твои колени тебя подведут, потом вспомнишь, что мы тебя предупреждали». Врачи не сильно беспокоят меня, поэтому я пошел и не пожалел. Да, я очень хотел бы побывать еще раз на тропе тапира, ведущей в Ареналь. У меня, конечно, уже не было уверенности в том, что намерения мои разумны, и все же я хотел внести такой поход в список своих планов на будущее. Но есть кое-что, о чем я должен хорошенько подумать, если собираюсь продолжать свои походы по этим тропам. А именно: я не хочу, чтобы весь путь меня несли на носилках Эладио Круз или Фрэнк Джойс.

И именно им придется нести меня. Я часто в шутку говорил Лаки, что если получу травму в лесу, то рассчитываю на то, что Эладио найдет меня, а Фрэнк продумает всю логистику доставки меня в цивилизацию. Фрэнк был молодым студентом-биологом, когда приехал в Монтеверде в семидесятых годах. Он много поработал на добровольных началах в заповеднике. Ему нравилось ходить и патрулировать со мной. Он с жадностью изучал все, что нужно было знать про лес. Он один из тех волонтеров, которые вернулись обратно. Он стал хорошим биологом в Монтеверде, продолжая и здесь свое образование, стремясь получить докторскую степень по зоологии, чего и добился в 1990 году. Он также много работал в Лиге сохранения. Для меня он был надежной опорой и прекрасным другом. Я видел, как он реагировал на чрезвычайные ситуации и полностью отдавал всего себя, чтобы их разрулить. Я знаю, что, если кто-нибудь сможет помочь мне в трудную минуту, это будет Фрэнк. Нет никаких сомнений в том, что я всегда буду рассчитывать на Эладио и Фрэнка. Моя дружба с этими двумя выдающимися людьми и мое уважение к ним росли неуклонно в течение тех нескольких сотен часов, которые мы провели вместе в лесу. И после тех нескольких тысяч чашек кофе, которые мы выпили вместе и которые поддерживали нас в движении.

Всякий раз, когда я иду в лес с разными спутниками, я вижу все немного по-разному. У меня бывало много хороших попутчиков, и я видел много серьезной работы, сделанной добровольцами на тропках заповедника. Когда у меня есть время, то, прежде чем загрузить какого-то энтузиаста делом, я лично убеждаюсь в том, что есть много замечательных людей, готовых к нелегкому труду. Заповедник сильно выиграл от людей, вложивших в него свою энергию, была ли она направлена на поддержание в порядке старых троп или на очистку новых. Если бы я был более организован, если бы у меня было больше времени, я мог бы использовать этот ресурс более эффективно. Как бы то ни было, часы и дни, проведенные с этими амбициозными помощниками, будь то работа или походы, сдружили нас и были очень продуктивными. Я часто вспоминаю своих спутников по именам, число которых росло по мере знакомства. Вот эти имена: Шадоу, Королева, Блейзер, Золушка, Проппер, Текс, Френчи, Арт, Марино, Ричард, Джефф, Большой Джим, Перенниал Луис С. и, конечно же, Кей, и многие другие, чьи имена мой старый мозг не может вытащить из своих извилин. Вот какая честь мне выпала.

Мне не надоедает ходить по одной и той же старой тропе, и причина кроется в том, что всегда есть вероятность встречи с новыми людьми и, возможно, с парочкой-другой животных. Конечно, мы все животные, но у некоторых из нас просто больше ног, чем у других. Однако теперь я хожу медленно, и мои колени беспокоят меня, поэтому нынче это уже не так просто, как бывало раньше. Теперь я не успеваю за другими, и мои спутники вынуждены поджидать меня. Так что теперь это уже не так легко и весело, как было когда-то. Поэтому надо идти одному, не откладывая на потом, но, конечно, мне нельзя этого делать. Теперь со мной часто ходит мой сын Бенито, который носит мой рюкзак, что позволяет мне идти по тропе.

Люди часто спрашивают меня, не страшно ли мне в лесу. Нет! Я чувствую себя там

совершенно в своей тарелке. Чего мне сильно не хватает, так это хорошего попутчика, с кем можно было бы поговорить, живого человека, а не этой маленькой черной коробочки диктофона. Но приятно вспоминать о тысячах часов, когда я шел один, иногда по дороге, иногда по лесу, здесь и там. И мне нравятся походы в темноте, когда резкий контраст черных силуэтов с ночным небом отличается от сложных узоров и многочисленных оттенков зеленого, которыми наполнен лес днем. Ночью все звуки другие. В тишине ночи я не столько осознаю или вижу движение вокруг себя, сколько слышу. Когда я в лесу, я осознаю, насколько малы мы и насколько велик мир. Я вот сейчас слышу крики кинкажу, и это еще одно подтверждение тому, что я не одинок».

После Вольфа никто не провел столько времени в диких лесах вокруг Монтеверде, как Эладио Круз. Он родился в Сан-Луисе и подростком познакомился с общиной квакеров. Еще в молодости Эладио с его нежной душевной природой пришел к идее сохранения дикой природы. Он тихий наблюдатель и сознательный поглотитель знаний. И хотя он женат и у него есть дом в Серро-Плано, жизнь свою он провел в лесу, прорубая тропы и обходя их дозором, работая с биологами и с молодежью. В своей избушке в Пеньяс-Бланкас Эладио готов поделиться со студенческими группами своими вкусными блюдами и своими байками об истории этого региона. Его природные инстинкты и спокойный дух вели тысячи людей через дикие кущи и заросли. Когда он говорит о своем давнем друге, вы ощущаете глубину их дружбы и искренность взаимоотношений.

«Большинство людей теперь, так или иначе, зарабатывают на жизнь туризмом, развивающимся после возникновения заповедника. Когда заповедник только начинался, многие люди были недовольны Уилфордом. Когда мы выступили на защиту леса, люди, которым нравилось охотиться или которые желали рубить деревья, были очень сильно не согласны с Вольфом. У него случались конфликты с некоторыми людьми, хотя не со всеми. И сегодня есть такие, кто не желает понимать и принимать идею сохранения, но большинство местных живут в мире с охраняемой территорией. Вольф и я отлично ладили вместе в лесу. Вот мы спокойно идем по тропе. Никто из нас не станет паниковать, если мы вдруг собьемся с пути. Вместо паники мы, бывало, просто сядем, и выпьем кофе.

Я очень уважаю Уилфорда во всех отношениях. Он никогда не старел духом. Физическая сила у него теперь уж не такая, как раньше, когда энергии его, казалось, не было предела. Он постоянно был в пути. В последние годы, когда мы были в походе, он часто повторял: «Знаешь, Эладио, я уже не тот. Я чувствую, что больше не могу ходить, и я ни на что не гожусь». А я ему в ответ: «Буэно Уилфорд, ты все еще делаешь много всего и даже слишком».

Я всегда говорил ему, что не надо ходить в одиночку. Всю свою жизнь он уходил в лес один, если никого не мог найти, кто бы с ним отправился. Сколько раз он уходил махать мачете на тропу по ночам. Он говорил, что у него проблемы со сном. И если он не может спать, то и остальным не заснуть. Так что он мог отправиться на работу и тихо покинуть дом, чтоб никого не потревожить. Но мне это никогда не нравилось, потому что это очень опасно. Поход ночью — это вам не дневной поход. Но он говорил: «Не надо волноваться». Уверял, что всегда ходит осторожно и вернется домой позже, чтобы лечь спать.

Многие из моих друзей ходили в поход с Уилфордом и со мной, и все они испытывали к нему большое уважение и восхищение. Едва ли вы найдете кого-то другого, кто мог бы действовать в том же духе на такой трудной и одинокой работе. Пару лет назад мы с Уилфордом и Лукасом Рамиресом прошли через Пеньяс. Лукас — сильный молодой человек из Сан-Луиса, и он, подобно Вольфу, активный защитника леса. Однако в том походе он слегка нервничал, как и всегда во всех походах с Вольфом, который был намного старше его. Даже тогда Вольф был все еще полон энергии и мог ходить гораздо больше, чем сейчас.

В этом походе мы стали лагерем. Утром, когда мы с Лукасом направились расчищать тропы, Уилфорд остался в лагере, чтобы все разобрать и упаковать. Собирались отправиться домой ближе к вечеру. Мы с Лукасом вернулись, чтоб отобедать, а потом собрались уходить, хотели пойти вперед и продолжать расчищать тропу. В общем, мы допустили ошибку, уйдя раньше Вольфа. Мы думали, что он наверняка догонит нас, как он это делал всегда. Однако, когда почти стемнело, Вольфа все еще не было.

Начался дождь, такой сильный, каких я почти никогда не видел, невероятный потоп. Тут мы совершили еще одну ошибку. Вместо того чтобы кто-то из нас остановился и разбил лагерь, а другой вернулся к Уилфорду, мы оба пошли назад, возможно, опасаясь того, что могли бы обнаружить. Он недалеко отошел от лагеря, где мы спали в предыдущую ночь. Мы наткнулись на нашего друга. Оказалось, что он куда-то положил чехол своего мачете и долго искал его, поэтому ушел недалеко. В общем, мы нашли чехол, а затем пошли с ним к тому месту, где оставили наши рюкзаки. Теперь вокруг нас была непроглядная темень, и по-прежнему лил дождь. Место для лагеря было не очень удачным, поскольку поблизости не было воды для приготовления пищи. Но у нас не было выбора, кроме как устроить лагерь там.

Мы начали готовить лагерь, и Уилфорд сказал, что пойдет и поищет воду, потому что хочет выпить кофе. У Лукаса был небольшой фонарик, у меня тоже, поэтому я отдал свой Уилфорду. Прошло некоторое время, а Вольфа нет и нет. Через час Лукас сказал, что он пойдет искать его. Он ушел со своим маленьким фонариком, и я остался в палатке без света, не в состоянии что-либо делать в кромешной тьме. Все это время дождь лил безостановочно, было темно. Прошло еще полчаса, и никто из них двоих не вернулся. Что я мог сделать? Наконец, где-то час спустя пришел Уилфорд, но Лукаса все нет. Уилфорд говорит: «Я пойду искать Лукаса», на что я ответил: «Нет, мы поставим воду на огонь, и уже потом пойдем искать Лукаса». Пока мы ставили воду на маленькую плитку, появился Лукас.

Уже ночью, когда мы улеглись и засыпали, Уилфорд спокойно сказал: «Ну вот, ошибочка вышла». Я ему ответил: «Успокойся, Уилфорд. Когда блуждаешь по джунглям, всякое может случиться. Это нормально». Он сказал: «Нет, я виноват. Вовсе не нужно было идти искать воду, когда она потоками льет с неба. Могли бы собрать достаточно воды с палатки».

Я ему говорю: «Нет тут твоей вины». А вот что случилось-то на самом деле. — Когда Вольф пошел за водой, он решил, что сейчас самое время подрасчистить тропку, ведущую к ручью. Он хотел расчистить поворот на боковую тропу, которая годами использовалась для доступа к хорошему источнику воды. Но теперь она полностью заросла. Эта расчистка и заняла у него много времени.

«Уилфорд всегда говорит, что не прочь умереть в джунглях, но я надеюсь, что этого не будет. Однажды он сказал мне: „Знаешь, старина Эладио, однажды ты пойдешь и найдешь меня в лесу, и это будет из-за того, что я мертв или что-нибудь там еще случилось со мной“. Я молюсь, чтоб такого не было».

В Монтеверде жизнь не стоит на месте, постоянно что-то меняется: община разрастается, люди стареют, происходят перемены в популяциях эндемичных видов, меняется и социальный, и естественный порядок, который связывает всех их вместе. Сам клан Гиндонов преобразуется, расширяется и сжимается, ибо каждая жизнь столь же подвижна, как вода, которая падает с неба. Питает влагой землю, а затем появляется, чтобы испариться и вернуться на небеса, чтобы там снова ждать следующего ливня. Несмотря на то, что многие годы Вольф работал в лесу и беспокоился о выживании окружающего леса, его сердце всегда на его ферме, окружено заботой его жены Лаки.

«Мы действительно должны ценить время, которое проводим вместе, как семья, потому что

годы мелькают, и все быстро меняется. Нас теперь объединяют наши семейные встречи и посиделки по воскресным вечерам. Нам не нужно никуда ходить или ехать, чтобы нормально общаться с нашими детьми и хорошо проводить время с нашими внуками. С возрастом для нас это становится все более значимым.

Дома тоже перемены. Бенито перестал заниматься молочным бизнесом. Он делал это с самого детства, изо всех сил старался справиться с дойкой и старался улучшить весь процесс. Таким образом, он находится на вершине тотемного столба, если отсчет начинать с меня. Но никто не знает, чем Бенито будет заниматься теперь. Он продал коров и сдал в аренду пастбище, хотя, когда я смотрю туда, то по-прежнему вижу пару коров и еще козлов. Я думаю, что он сейчас как в центрифуге, постоянно кружит, раздумывая, чем же заняться, хотя он, наверно, намного более решительный человек по сравнению со мной.

Мы считаем, что все это, конечно, здорово для него, но нам не хотелось бы, чтобы наша молочная ферма закрылась. Это был наш первый бизнес в этих краях, и она одна из последних молочных ферм в Монтеверде. Мы пока еще не провели семейный совет, где решим, как быть. О будущем нашей собственности мы принимаем решения всей семьей. Мы находимся в процессе установления сервитута на ту часть земель, которая покрыта лесом, чтобы защитить ее. Десять наших голосов — мой, Лаки и еще восьмерых детей — они говорят о чем-то.

Да, все меняется. Некоторые из браков наших детей не длились вечно, о чем они заверяли. У моего отца было такое высказывание: «Навсегда — это долго». Если вы скажете: «Я собираюсь вечно что-то делать», то я, скорее всего, напомню вам, что вечно — это навсегда. Вы можете поставить перед собой цель, а потом к ней можно стремиться, особенно если речь идет о браке. Но сколько же раз эта фраза используется опять и опять, хотя в действительности результат вы не можете предсказать.

Сейчас я пытаюсь записать некоторые из соображений, которые были где-то на задворках моего старого и сморщенного серого вещества. В этом возрасте вам нужно носить кепку на голове, а то люди будут думать, что вы на износе, что подшипники изношены, что в суставах непорядок. Они говорят: «Почему бы вам не прекратить ваши походы по тропам и не заниматься чем-то другим, например, заботится о внуках и, может быть, о жене?» Люди полагают, что вы подошли к тому возрасту, когда в путь отправляться опасно. Движения замедляются со старостью. Даже на своей максимальной скорости, давая все, что у вас есть, вы начинаете ценить больше то, что видите вокруг вас и что в эту минуту делаете, и этим можно оправдывать свое желание не торопиться.

С возрастом все становится только хуже. Сначала зрение, потом слух, а за этим ухудшается функционирование всего организма. Я не люблю принимать таблетки. Каждый прием пилюль — это борьба, которая случается ежедневно. Я принимаю лекарства не только из-за моего биполярного расстройства — это-то как раз уже не проблема. Я принимаю лекарства от диабета. Вот что является проблемой. Врачи в здешней клинике смогли выдать мне небольшую дозу лекарств, прием которых поддерживает баланс и предотвращает действительно серьезные симптомы диабета.

А потом — мои колени. Ну, от этого не умирают. Они несильно болят, но боль ощущается с каждым моим шагом. Врач мне сказал, что я не смогу пойти в поход по тропам после операции на колене, так что я захотел пройти еще раз по маршруту к вулкану на тот случай, если врач не врет. Поэтому я и пошел в поход по тропе тапира в сентябре 2004 года, за две недели до полной замены колена.

Мой сын Томас и его жена Гретхен, полагая, что это, может быть, не дай бог, моя последняя прогулка по тропе, приехали аж из Калифорнии, чтобы пройти через это испытание вместе

со мной. Я вышел из Монтеверде за день до их старта. Эладио Круз, Маурисио Рамирес и еще пара человек присоединились ко мне в моем неторопливом походе к вулкану. Нам потребовалось три дня на весь маршрут. Один из путешественников шел с нами, чтобы нести мой рюкзак, потому что мои колени не могли выдержать такой вес. Тропическая растительность подросла, так что некоторые из наших помощников должны были пойти вперед и заниматься расчисткой, пока мы шли.

Томас, Гретхен и мой сын Бенито вышли в путь днем позже и догнали нас. Я был рад возможности пойти в поход с Томасом, так как он никогда до этого не был на моей тропе тапира, и мы давно уже планировали совершить этот поход вместе. Бенито теперь уже несколько раз водил по этому маршруту группы туристов. Он, таким образом, доказал, что унаследовал мои качества, которые помогают ему быстро передвигаться по тропе.

Операцию по замене левого колена мне сделали через две недели после этого похода. Операция прошла успешно. Я мог бы сделать эту операцию в больнице системы социального обеспечения, которая полностью покрыла бы все расходы, но тогда пришлось бы ждать не меньше года. Поэтому соседи, друзья и члены нашей общины решили объявить сбор средств, чтобы помочь мне с расходами на операцию в частной клинике. Я бесконечно благодарен этим людям за их щедрость, что позволило мне пользоваться услугами лучшего врача и внимательного персонала.

Я давеча рассказал Лаки, что у меня всегда было такое чувство, что я умру молодым. В подростковом возрасте я в это особенно верил. Это был вовсе не страх, а осознание неизбежности того, что это произойдет. А потом — все эти годы в лесу, работа здесь, и я по-прежнему был уверен, что рано или поздно сделаю что-то не то. Ну, например, несчастный случай с бензопилой. Но я как-то всегда славился быстрой реакцией и вышел, что называется, сухим из воды, не получив серьезной травмы. Здесь, в Коста-Рике, да и в других частях мира, люди получали травмы и порой погибали на работе по защите дикой природы. В годы работы лесным охранником мне, наверно, угрожали, но никогда не было никакого реального насилия. Я всегда чувствовал, что что-то может случиться, но мне повезло, и ничего не случилось.

И вот — довольно неожиданно — я старею и становлюсь заурядным стариком, которых я повидал на своем веку. Если вы живете долгую жизнь, то постареете, но вы не знаете, как это будет выглядеть. Я никогда не думал о смерти плохо. Не секрет, что мы умрем, и современная медицинская наука до конца наших дней будет избавлять нас от страданий.

Но что бы ни случилось, я знаю, что хочу быть погребенным на нашей ферме. Я всегда думал о месте на краю леса, там, наверху, где оползень остановился напротив нашего дома. Оттуда красивый вид.

Когда я сказал об этом Лаки, она ответила: «Вот те раз, а я думала, ты захочешь быть похороненным в лесу».

А я говорю: «Нет, я бы хотел, чтобы меня похоронили на нашей ферме возле нашего дома». В долгосрочной перспективе это ни на что не влияет, но мне все равно нравится эта идея».

14. Живописные виды

«Мы сейчас идем по божественной стране. Я думаю, что если вы будете часто приезжать сюда на протяжении многих лет, то, в конце концов, вам повезет увидеть идеальный день. Сегодня действительно ясно, никакой облачности, только несколько дрейфующих облачков вон там, на горизонте. Сегодня тот день, когда можно кинуть взгляд далеко на север, за озеро Ареналь. Вы увидите холмы и хребты, которые тянутся от Гуанакасте до Никарагуа. Но самое интересное — увидеть озеро Никарагуа. Раньше я видел только кусочки на горизонте, а сегодня — первый раз, когда передо мной полный обзор красот. Уже только ради этого стоило пойти сюда. Ниже меня слегка курится вулкан Ареналь. Я думаю, что подожду извержения. В последнее время он довольно часто дымится. Во! Вы слышали это?»

Вольф на вершине хребта в верхнем Сан-Херардо

Никогда не устану восхищаться красотой канадской осени. Глядя на оранжевую, красную, золотую и темно-рыжую листву, словно спрятавшую в себе огонь уходящего лета, невольно думаешь, что это похоже на передвижной цирк с его яркими красками. В течение нескольких недель малиновая листва — ярчайшее шоу, длящееся до тех пор, пока, наконец, листья не начнут падать на землю. Вместе с последними цепкими листьями и с первыми хлопьями снега падает и температура. Именно в этот момент мой внутренний компас берет ориентир на юг, и я начинаю готовиться к возвращению в Коста-Рику. Несмотря на невероятные изменения, которые я вижу там в последние семнадцать лет — больше автомобилей, рост консьюмеризма, рост преступности — для меня эта страна остается раем в бушующем мире.

Красоты девственного леса в долине Пеньяс-Бланкас

То, что я вижу в Коста-Рике, происходит повсюду на планете. По мере развития страны огромное давление падает на ее природные ресурсы. Разрыв между богатыми и бедными растет. И с той же скоростью растет ощущение, что иностранцы диктуют стране, каким должно быть ее будущее. В последнее время страх, похоже, охватил нацию: страх быть

подвергнутым нападению или ограблению на улице, страх перед тем, что не удастся заработать достаточно денег, чтобы свести концы с концами, страх перед будущим в стране, где люди потеряли веру в свое правительство и в свою полицию.

В 2007 году Коста-Рика бурно обсуждает, следует ли ей подписывать противоречивое Соглашение о свободной торговле стран Центральной Америки, южную версию НАФТА, Североамериканского соглашения о свободной торговле, подписанного Канадой и Мексикой несколько лет назад с Соединенными Штатами. Сан-Хосе теперь изрисован граффити как за, так и против этого спорного договора. Группа, которая поддерживает его ратификацию, так как считает, что договор защитит рабочие места для тикос, называет себя Trabajo para los Costarricenses («Работа для костариканцев»), или TLC. Когда я еду по городу и вижу на стенах надписи NO TLC!!, то не могу удержаться от смеха. В Канаде это сокращение обычно используется для трех слов tender loving care — «нежная любящая забота». Хотя я по-прежнему не убеждена в том, что любое торговое соглашение с красно-бело-голубым слоном отвечает наилучшим интересам всех нас, я считаю, что Коста-Рика может использовать всю TLC, всю нежную любящую заботу, какую только она может получить.

К счастью, в Коста-Рике есть еще люди, которые гордятся своим зеленым и пацифистским национальным характером. В Монтеверде мне всегда придает силу та озабоченность, которая не иссякает у этого маленького сообщества — озабоченность будущим своего народа и всего мира. Один из лучших способов поддержания надежды о лучшем будущем, известных мне, — быть в окружении людей, которые стремятся к позитивным изменениям, будь то на марше мира в Оттаве или на квакерском собрании в Монтеверде. Прогулка по лесу вместо просмотра новостей CNN дарит мне время на созерцание чудес земли, что гораздо лучше, чем следить за глобальным безумием. Погружение в историю жизни Вольфа заставляет меня поверить в радость и в силу человеческого духа.

На церемонии награждения сотрудников нескольких заповедников Коста-Рики в 1998 году Вольф получил награду от Министерства энергетики и Национального учреждения по делам охраны природы и заповедников. Он был награжден за «выдающуюся работу в деле поддержки и объединения системы национальных ареалов сохранения дикой природы». В 1999 году заповедник туманного леса Монтеверде и Тропический научный центр открыли новую тропу и подвесной мост в честь Вольфа. Это он сам создал многокилометровую тропу, а ярко-красный мост ла гамак, который навис над оврагом посреди Треугольника, притягивает путешественников. Он ведет еще по одному маршруту, раскрывающему новые прелести тропического леса.

В ноябре 2003 года на презентации в зоопарке Сент-Луиса, Миссури, Вольф был награжден премией Международного центра тропической экологии в Сент-Луисе за сохранение природы. Он был номинирован Рэйчел Крэнделл, учителем и автором, которая практически жила между Миссури и Монтеверде. В течение многих лет Рэйчел и ее муж Дуайт активно работали с Лигой сохранения природы по теме сохранения тропических лесов и образования. Они основали Монтевердскую лигу сохранения США в 2002 году и собрали более 250 000 долларов США для поддержки работы Лиги. Она выдвинула Вольфа как «человека действия, ...полного историй и духа приключений». Эта награда дается «невоспетым героям», тем людям, которые особенно активны на переднем крае биологического сохранения природы. И Вольф был ее четвертым лауреатом. На мероприятии присутствовали его жена Лаки, двое сыновей, Томас и Бенито, внук Лерой и его добрый друг Фрэнк Джойс. Все они были там, чтобы отпраздновать вручение награды и признание вклада Вольфа.

Премия состояла из денежного приза и красивой стеклянно-металлической композиции, изображающей каплю дождя. Злая ирония этой истории проявилась позже, когда Вольф и Лаки уже получили чек. Мы помним, что эта пара покинула Соединенные Штаты более

пятидесяти лет назад, потому что они отказались поддерживать американский военный комплекс, а полученная премия, как выяснилось, сильно облагалась налогом американскими властями. Не секрет, что США тратят колоссальные суммы налоговых денег на военные операции по всему миру. Поэтому, несмотря на решительную оппозицию Вольфа войне, часть этой награды за достижения в его жизни пацифиста стала пожертвованием для американского милитаристского сундука. Об этой достойной сожалея контрибуции американской военщине Вольф поведал мне, сопровождая свой рассказ смехом. В глазах всех членов семьи Гиндонов сверкали слезы эмоций, то ли от радости, то ли от грусти. К такого рода реакции я давно привыкла, много общаясь с этим семейством.

Я тоже отправилась в Сент-Луис, чтобы увидеть, как Вольф получает свою награду. На обратном пути в Канаду мы вместе с моей подружкой Ширли Клемент остановились неподалеку от Барнсвилля, штат Огайо. Нам захотелось посмотреть на квакерскую школу Олни, где Вольф и Лаки познакомились. Так что мы направились к школьной площадке. Я думаю, что это место не сильно изменилось с той поры, когда молодой Уилфорд ухаживал за Люсиль в тени больших старинных кирпичных зданий.

Парковочная площадка возле школы тем морозным воскресным утром в ноябре была почти пустой. Кампус школы был очень тих. Мы пошли к тому зданию, сквозь окна которого виднелись силуэты людей. Когда мы подошли к двери, она открылась и из здания вышел седой человек. С дружеской улыбкой он спросил, не ищем ли мы кого-нибудь. Я объяснила, что мы знали нескольких бывших студентов, которые теперь живут в Коста-Рике, и нам было бы интересно посмотреть на то место, о котором я столько слышала. Он спросил: «Кто это такие?» Я ответила: «Вольф и Лаки Гиндон. Вы их часом не знали?»

Со знакомым мне смешком Клиффорд Гиндон протянул руку и сказал: «Вольф — мой брат». У меня не было никаких сомнений в ту же секунду, как только он это сказал. Он выглядел как типичный Гиндон. В двери показалась его жена Дотти, нас познакомили. Они прибыли в школу вместе с двоюродной сестрой, которая приехала лишь на один день, совсем ненадолго, чтобы навестить сына. В тот день в этом месте нас свела волшебная интуиция.

Тут подошел их сын Леонард, который преподает в Олни, и их двоюродная сестра Сью Рот. Они присоединились к разговору. Некоторое время мы сидели и болтали. Все хотели узнать, как прошла церемония награждения, и как идет написание книги, о которой они уже слышали от Вольфа. Мы поговорили о войне в Ираке и правительстве. Клифф, который в юности служил в лагерях альтернативной гражданской службы и был подопытным кроликом на Стейтен-Айленде, был все еще активен в антивоенной деятельности. Он выразил свое сильное опасение тем, что, если республиканцы будут переизбраны в 2004 году (что и случилось), то будет введена новая форма призыва в армию. Он качал головой, когда говорил, что даже на многоконфессиональных собраниях многие религиозные лидеры поддерживали войну и предлагали вернуть призыв на военную службу.

В 1973 году закончил свое действие закон о воинском призыве в Соединенных Штатах, но закон о выборочной службе был повторно введен в 1980 году президентом Картером после советского вторжения в Афганистан. С 1981 года в Америке не было призывников. Но молодые люди, достигшие определенного возраста, должны зарегистрироваться. Так что существует список новобранцев на случай чрезвычайной ситуации в стране. Многие штаты создают такие списки, ставя наличие у человека регистрации для выборочной службы условием для получения водительских прав. Со времени второго вторжения в Ирак в 2003 году национальным гвардейцам и армейским резервистам, которые подписали контракт на ограниченный период времени, было отказано в дембеле «приказами стоп-лосс», санкционированными президентом Джорджем Бушем. Это явление было названо «закулисный призыв». Вместо того, чтобы молодые люди призывались и шли на войну,

власти решили продлить контракт солдатам со стажем и резервистам.

Закулисный призыв нацелен на людей, которые уже служат, на тех, кто, скорее всего, не будет поднимать шум и не станет протестовать против продления их контракта. Военный призыв часто поддерживается теми, кто полагает, что он поможет ощутить реальность войны, что он распределяет бремя несения службы более широко и справедливо. Нет сомнений, что это может привести к публичному протесту. Дело в том что, если есть выбор, то слишком много людей откажутся от безумия, которое называется войной, и предпочтут остаться дома. Кроме того, призыв мог бы возродить движение за мир, если мешки с телами убитых, привезенные домой, будут мешками с телами детей законодателей и представителей высших классов. Война по-прежнему сильно сказывается на бедных.

Из-за переезда Вольфа и Лаки в Коста-Рику перед их сыновьями не стоял выбор в отношении воинской повинности, который встал перед Вольфом и его друзьями. Однако их внуки, имеющие американские паспорта или живущие в Соединенных Штатах, могут столкнуться с этой дилеммой. Хотя время, в котором мы сейчас живем, не очень похоже на «мирное время» 1948 года, квакеры вместе с другими пацифистами, защитниками окружающей среды и правозащитниками всего мира, будут и дальше искать позитивные решения тех проблем, которые подливают масла в огонь войны.

Нам известно, что мирной планете нужно быть здоровой планетой. Жизнь на планете поддерживают ее ресурсы. Поскольку запасы чистой воды, ископаемого топлива и плодородных земель становятся все более скудными, мир и здоровье также будут таять и исчезать. Нынешние войны за нефть покажутся пустяком по сравнению с теми войнами, которые будут вестись за воду. Некто вполне убедительно утверждает, что такова человеческая натура, что мы, в основном, испорченные существа с тенденцией к насилию. Но, если представители *Homo sapiens* считают себя самым умным видом — в качестве подтверждения этого приводятся полеты в космос, достижения медицины, другие технологические изобретения — разве мы не должны использовать весь свой интеллект, чтобы бросить вызов тем сторонам человеческой природы, которые могут привести к нашему саморазрушению? Пора перестать воспринимать жадность как проявление вполне оправданных желаний, а материальное благосостояние — как комфорт. Народы должны перестать верить, когда им говорят, что «вот такой путь — единственно правильный путь», если мы хотим достичь устойчивого и гармоничного будущего для этого сложного мира, который мы называем нашим общим домом.

Вольф начал защищать тропический лес задолго до того, как сохранение природы стало модным. Как только он осознал важность сохранения природных ресурсов, он стал лидером в своей области, стараясь подвигнуть и других на эту деятельность. Убежденность и неумный оптимизм держали его в постоянном движении, а мачете так и летало в его руках. Вольф отвечал за поддержание благосостояния на относительно небольшом участке тропических лесов. Но его преданность делу является ценным примером для других, примером того, чего можно добиться, когда ты на правильном пути.

«Я снова здесь, на тропе Сан-Луис. Интересно, что отсюда, с высоты птичьего полета, становятся очевидными преимущества ветроломов — лесозащитных полос. В тех местах, где были вырублены большие площади леса, ветер выдул плодородные слои почвы и подверг эрозии саму возможность зарабатывать на жизнь земледелием. На таких участках трава если и растет, то это разные сорняки, а хороших пастбищ здесь вообще осталось очень мало. Лига сохранения природы работает с фермерами, помогая им защитить лесные участки на их владениях и найти способы более эффективного использования земель. Поэтому сейчас сажают все больше и больше лесозащитных полос-ветроломов. Ветролом — это посадки в основном быстрорастущих деревьев сорных пород и других видов растений, которые могут

противостоять ветру. Это первый шаг к восстановлению леса. После того как лесозащитные полосы высажены, они будут обеспечивать защиту сельскохозяйственным культурам, а также медленно растущим растениям первичного леса.

Когда здесь был только первичный лес, то взобравшись на дерево, вы действительно не видели ничего, кроме верхушек крон деревьев — направо и налево было лишь море листвы. Мы сами были тому свидетелями, когда открывали нашу ферму. Каждый раз, когда мы прорубали новую тропу, у нас открывался новый вид под другим углом к заливу Никоя или вниз к долине Сан-Луис. Моя дочь Хелена теперь этим пользуется. У нее в студии есть такое место, откуда можно рисовать великолепные виды и закаты. Но важность расчисток заключается не только в том, чтобы обеспечить туристов эффектными видами или растить детей с пониманием того, что там творится за обрывом. Когда вырубки делаются выборочно, то это часть управления общей площадью. Вы оставляете много деревьев для защиты от ветра и для защиты источника воды. Если вы посмотрите на любое пастбище, где осталось дерево, то легко заметить, что там, где тень уменьшила интенсивность солнца, даже в сухие месяцы трава весело зеленеет.

Вид к западу от Монтеверде на обезлесенные вершины холмов и залив Никоя

И вот смотрю я на деревья, небо, закат и вспоминаю, что в большинстве случаев каждое дерево, которое я оставлял при вырубке, я оставлял осознанно. Тогда я сам решал, какие из них оставить и по какой причине. Некоторые из них оставались нетронутыми мной, потому что были молодыми. Через пару лет это дерево было бы отличным пиломатериалом. Теперь, через тридцать пять или сорок лет, некоторые из них вполне пригодны для получения хорошего сырья. Многие деревья, которые я оставил как потенциал для пиломатериалов на будущее, в течение прошедшего времени были источником пищи для птиц-звонарей и кетцалей. В то время я этого не знал. А сейчас я бы и не рубил их, поскольку для строительства у нас есть другие материалы.

Я считаю, что все, кто занимается вырубками, осознают свою ответственность за то, что

делают. Ну, может те, кто очищает от леса сотни гектар для крупных ферм при помощи машин и механизмов, может им это не приходит на ум. Они работают быстро, не задумываясь. Но в нашем регионе мои соседи-костариканцы и я — мы все осознавали. Вы можете превратить покрытые лесом земли в плантации бананов, в пастбища, а может растить на них людей. Но в любом случае вы уготовили земле новое использование. Если вы рубите все под корень, вы должны отдавать себе отчет, что полностью меняете назначение земли. Конечно, даже Сан-Хосе — это одна большая вырубка. Должно быть, это место было прекрасным, когда здесь кругом были леса. А теперь повсюду эти двуногие животные, которые везде прокладывают свои тропы.

Когда я и мои соседи расчищали землю и вырубали растительность, мы думали о том, сколько же лет потребовалось большим деревьям, чтобы вырасти. Если я вижу дерево высотой более 30 метров и намерен его свалить, то прекрасно понимаю, что дерево это появилось задолго до меня и не возродится даже за всю мою жизнь. Удивительно, что с бензопилой в руках вам понадобится меньше получаса на то, чтобы уничтожить лесного гиганта.

На нашем участке стоял большой старый дуб. Я его оставил, потому что если бы спилил, он стал бы для меня одной большой проблемой — уже лежащий на земле. Если бы я его свалил, то для посадки травы осталось бы меньше места, потому что упавшее дерево и его ветви закрыли ли бы большую площадь. Дубу потребовалось бы несколько лет на то, чтобы разложиться и превратиться в компост. Кроме того, он рос рядом с участком наших соседей Кэмпбеллов. Ну, вот я и подумал, что хорошо было бы его оставить. Этот старый дуб еще много лет стоял там как дозорный, и его было видно за много миль. Я, бывало, искал его взглядом с далеких хребтов, когда был в дозоре, и знал, что мне просто нужно вернуться к корням этого дерева, и я буду дома. Это большое дерево наконец-то упало само по себе — не так давно. И после падения мы обнаружили, что внутри оно было совершенно пустым — сплошное гигантское дупло.

Другой знаменитый старый дуб находится на тропе по пути к Эль-Валле. Когда я последний раз ходил к вулкану, он все еще был там. Я много раз сидел на бревне у основания этого большого старого дуба. Его защитные ребра, напоминающие стабилизаторы ракет, заботливо охватывали меня. Встреча с ним всегда напоминала мне что-то вроде похода к оракулу. Я часто приходил к этому дубу за советом.

Так что, мой старый дедушка-дуб, я полагаю, ты был простым желудем в те времена, когда Колумб ступил на берег этого континента. Но ты по-прежнему в полном порядке. Конечно, ты не будешь сердиться, если мы ошиблись касательно твоего возраста. Сто лет туда или сюда — какие мелочи! В любом случае, независимо от того, насколько мы ошиблись, ты пробыл тут, черт возьми, намного дольше, чем любой из нас. Пережив тысячи бурь и до сих пор оставаясь таким спокойным, красивым и собранным, ты теперь даешь мне силу и уверенность в том, что мне надо неустанно заботиться о моей тропе. И, как дед деду, я говорю тебе спасибо».

За все годы моих поездок Коста-Рику, я вижу изменения в общинах и поселениях, которые полностью изменили их первоначальную сущность. После того, как эта местность стала курортной, изменению подверглись, скажем, маленькие рыбацкие деревни, где все не только знали друг друга, но, вероятно, были родственниками. Эти деревушки теперь едва ли узнаешь. Когда группе иностранцев приходится по нраву какое-то место, и они начинают звать туда своих друзей, покупают землю, затевают свой бизнес, то в течение нескольких лет это поселение, возможно, будет процветать, но жизнь местных изменится в корне, раз и навсегда. Для кого-то, особенно для тех, у кого есть жилка предпринимательства, и для молодежи, перемены будут по нраву. Ведь теперь есть шансы заработать немного денег. Для

других же такие метаморфозы могут оказаться тяжелыми и не обязательно разумными.

Вольф около старого дуба

Вместе с туризмом приходит развитие. Наличие электричества — это улучшение жизни для большинства людей. Покрытие асфальтом некогда разбитой грунтовой дороги не только снижает уровень пыли и делает дорогу более приятной для поездки, но снижает еще и степень износа вновь приобретенных дорогих транспортных средств. Как только электричество и асфальтированная дорога доходят до поселения, там быстро появляются иностранцы, торговцы недвижимостью и туроператоры. Неуклонный рост числа туристов принес экономическое процветание в Монтеверде. Но теперь местные жители имеют дело с последствиями требований этой отрасли и с тем, что сделано для удовлетворения этих требований. Вверх по склону горы понастроены гостиницы. Огни и реклама сверкают всю ночь, а конкуренция за доллары туристов разделяет семьи и ссорит друзей.

Недавно возникший конфликт, накаливший страсти в общине, касался воды. С ростом туризма спрос на воду значительно возрос. Этому способствовал и рост местного населения. Недостаток воды в Монтеверде — вещь знакомая. Эта же проблема весьма характерна и для других частей Коста-Рики. Нехватка воды ощущается и во всем мире, чему способствует глобальное потепление, которое оказывает влияние на погоду и на осадки.

В 2004 году небольшая группа владельцев частных предприятий подала заявку на концессию по забору воды из местных рек и ручьев в объемах, вдвое превышающих потребление воды остальной частью общины. Многие люди в Монтеверде, Серро-Плано и Санта-Елене боялись последствий такого шага. Они беспокоились о том, как это может отразиться на хрупком биоразнообразии ручьев и рек, беспокоились о будущем водоснабжении в этом районе в

целом. Когда местные биологи и землевладельцы потребовали экологической оценки воздействия увеличенного забора воды, правительство отказалось провести такое исследование. Несмотря на интенсивную кампанию против концессии со стороны многих жителей района, бизнес-группа получила разрешение на укладку труб и начала качать воду. Затем, в 2006 году, министр окружающей среды аннулировал указ, и краны для концессионеров были перекрыты. Менее чем через год правительство заявило, что пересматривает вопрос о предоставлении разрешения на концессию. Конечный результат остается пока неопределенным.

В этой истории самое тревожное следующее. Как мы видим, если небольшая группа людей может взять под контроль такой драгоценный природный ресурс в Монтеверде — в сообществе, состоящем из добросовестных, образованных, заинтересованных людей, имеющих время и ресурсы для создания оппозиции — то какой же создается прецедент для будущего природных ресурсов в других частях страны?

«Монтеверде хорошо известно, и люди будут ехать сюда, невзирая на погоду. Они продолжают приезжать и селятся в нашей общине квакеров. Новые люди приезжают довольно часто — в основном из США и Канады — чтобы обосноваться здесь. И приезжие влияют на многое. Зачастую они создают совершенно другой круг общения. Изменения в обществе остановить невозможно. Я думаю, что с течением времени квакеры будут иметь меньшую значимость, и влияние их уменьшится. Все, что мы можем делать сегодня, — руководствоваться нашей собственной моралью и ценностями и надеяться на то, что мы окажем влияние на следующее поколение.

Изменения в Монтеверде происходили у меня на глазах. Шквал туризма и местного развития пришел с турами «Все включено» и с турагентами, ищущими мест для своих клиентов. Именно когда люди стали приезжать сюда, начались нарекания и жалобы на дорогу. Когда большие гостиницы привозят группы всего на два дня или круизные суда привозят своих пассажиров на срок менее одного дня, это меняет отношения с посетителями. Теперь туристические агентства говорят, что вместо Монтеверде они могут направлять свои туры в другие районы. Понятно, что уменьшение числа приезжающих организованных туристов может оказать хорошее воздействие на окружающую среду. Но, с другой-то стороны, если туризм сойдет на нет, то здешнее сообщество будет испытывать большие экономические проблемы. Вина властей в том, что они не вкладывают достаточно энергии в развитие других секторов, таких как экспорт продуктов сельского хозяйства или какие-то другие уже развитые отрасли хозяйства.

Основа доверия к туризму — устойчивость и надежность этого бизнеса. При хорошем раскладе туризм оказывает влияние, он меняет местную общину. Он заставляет хорошо продумывать планирование. Но окружающая среда будет подвержена изменениям даже при продуманном «зонировании», когда решено, где что построить, какую местность сохранить в естественной первозданной чистоте, а где не нужно тормозить коммерческое развитие. То, что придорожные знаки можно устанавливать в любом месте, где вам понравится, привело к заполнению обочин рекламой. Но даже туризм может умереть. Если вы потеряете то, что притягивает людей — слонов, львов, золотых жаб или кетцалей — вы сразу становитесь уязвимыми и на своей шкуре узнаете, что такое непостоянство туристической индустрии.

Производство продуктов питания всегда было и будет приоритетом. Есть много мест в мире, где людям хотелось бы питаться три раза в день. Но они рады, если им удастся поесть хоть раз. Здесь мы привыкли есть три раза в день, а гости из разных стран особенно нуждаются в большом разнообразии продуктов. Доставить большое количество продуктов питания на гору трудно и очень дорого. Однако мы можем выращивать свежие овощи, кофе и откармливать домашний скот для туристов и для удовлетворения потребностей нашей общины. Это

является хорошей вторичной отраслью, и мы надеемся, что продолжим этим привлекать внимание к нашему региону. С такими ценами на недвижимость, как сегодня, наша продукция может расти только на землях, уже находящихся в производстве, и только в том случае, если производители получают справедливую цену за свою продукцию. При хорошем управлении землей и экономных методах орошения, производство продуктов питания может быть устойчивым и стабильным. Истоки речек и ручьев в этой области очень капризные, и мы уже допускаем злоупотребления при использовании этого драгоценного ресурса.

Когда я иду по нашей ферме вдоль пограничной линии собственности, то вдали, за долиной Сан-Луис вижу лесные хребты континентального водораздела. Большая часть этого пейзажа находится под защитой либо Тропического научного центра, либо Монтевердской лиги сохранения. Эта картинка иллюстрирует новый контраст ценности земли. До недавнего времени земля ценилась, если могла вернуть вложенное в нее: платить за себя, давая урожай или обеспечивая пастбища. Теперь же цены взлетели настолько, что все покупаемые земли должны рассматриваться как стройплощадка или как приобретаемый потенциал для туристической индустрии. Это происходит в течение многих лет по всей Коста-Рике. Как только кто-то готов заплатить высокую цену, она становится новым стандартом. К сожалению, новые цены на землю делают покупку земли для многих людей экономически невозможной. Точно так же некоммерческие природоохранные организации не могут купить землю просто для того, чтобы обеспечить защиту этой земли. Нам остается только надеяться, что частные лица, у которых есть деньги на покупку земли, кроме денег еще имеют совесть и желание заботиться о будущем леса.

Большая часть земли, которую Лига хочет приобрести, чтобы взять под защиту, сильно отличается от участков, за которыми она охотилась в ранние годы. Мы приобретаем участки, которые являются небольшими фермами с дорогами и службами. И это стоит немало. Если мы собираемся платить высокие цены за землю, то должны уметь заверить доноров в том, что за свои деньги они получают самую хорошую землю. Наряду с этим мы должны понимать, что деньги не будут поступать частным заповедникам, как это было в прошлом. Возможно, правительство страны предоставит финансирование для защиты большой площади суши в северо-центральной части Коста-Рики, которая простирается до Никарагуа. Эта территория — сезонная среда обитания солдатского ары и звонарей. До сих пор эта часть страны относится к категории Zona Protectora, которая дает ей защиту, хотя на порядок ниже, чем национальный парк.

Я по-прежнему очень интересуюсь защитой лесов. Была такая организация, под названием SIPASA — Межведомственный комитет по защите зоны сохранения Ареналь. Он возник как результат той деятельности, у истоков которой стояли мы с Алексом Молиной в 1990-х годах. В то время мы вместе с Марией Хеленой Мора, администратором зоны сохранения Ареналь, работали над объединением групп, которые занимаются защитой региона «Ареналь-Монтеверде». Хотя SIPASA больше не существует, но именно он дал толчок для установления диалога между директорами различных организаций в вопросе улучшения защиты дикой природы в целом. Лесные охранники теперь участвуют в совместных патрулях. Охранники частных заповедников теперь носят идентификационные документы, в которых признаются их полицейские функции. Эти документы похожи на документы государственных охранников. Мне очень приятно видеть это, хотя я уже в этом не участвую.

Важно то, что на координацию патрулирования, транспорт и средства для охранников тратятся время и ресурсы. Все это, наконец, обретает реальные черты, и я думаю, что это здорово. Подтверждением интеграции наших систем защиты может быть то, что в День национальных парков 24 августа 2006 года Фрэнк Джойс, Эладио Круз, Херардо Сеспедес, Боб Лоу и я вместе с несколькими лесными охранниками национального парка получили грамоты почетных охранников парков.

Я всегда в выигрыше от периодической смены директоров заповедника. Недавно это случилось в десятый раз. Такая ротация дает мне возможность поделиться своим опытом и знаниями с новым коллегой. Вместе с новым директором в заповеднике появился новый администратор Тропического научного центра и новый директор Лиги сохранения природы. Все трое открыты к обсуждениям и хотят работать вместе. Мне это очень нравится, поэтому я не хочу оставаться в стороне. Что может быть лучше, чем общаться с людьми, у которых есть такая готовность к диалогу и доступность. Я призываю все организации и их директоров принять на себя ответственность и использовать возможность для совместной работы в позитивном ключе.

Сейчас я просто разговариваю с посетителями и стараюсь не особенно вмешиваться в дела заповедника. Несколько лет назад мы с Лаки начали выступать с рассказом о квакерах, об истории нашей общины — все это мы излагаем приехавшим в наши края туристам. Мы умеем это делать, и еще эти выступления приносят небольшой доход. Я бы не сказал, что нам это очень уж нравилось, но — пускай немного — мы выступали. То, что нам удалось проделать до сих пор, нас вполне устраивало.

Я в основном человек троп и лесных просек и на самом деле должен преимущественно продвигать развитие маршрутов. Я рассматриваю использование троп как средство защиты природы, а также как источник информации об этом районе. Тропа от Монтеверде до Поко-Сол остается не вполне разработанной. Из-за того что два «тягловых мула» — Лига и заповедник — бьются только за свои интересы, вместо того чтобы сотрудничать, эта тропа так никогда и не смогла набрать полного потенциала, никогда не использовалась, как я предлагал. Но с новой администрацией возникают и новые возможности».

Вольф в свои семьдесят семь, все еще выздоравливающий после операции на правом колене, откладывая решение об операции на левом, продолжает, тем не менее, строить планы на следующий поход по тропе тапира. Он снова член правления Лиги сохранения и несколько раз в неделю ездит в заповедник туманного леса «Монтеверде». Теперь Вольф, наверно, проводит меньше времени в лесу, но его желание видеть защищенный лес сильно, как и прежде. Сила духа Вольфа ведет каждого туриста, приехавшего, чтобы отважиться пойти прорубленными и расчищенными им тропами через лес, о котором он заботится. Вольф надеется и хочет верить, что число преданных делу людей не уменьшится, что они будут продолжать поддерживать консервацию и сохранение дикой природы любыми способами. Среди таких способов и написание писем властям, и сбор средств, и пожертвование денег, и совместная работа над решением проблем, и наметки путей для других. Мы надеемся, что рассказ о нем побудит разных людей к участию в деле, столь важном для Вольфа. Что люди примут участие в этом ради здоровья и благополучия здешних лесов или лесов вообще. Нам вместе нужно стремиться к устойчивому будущему нашей драгоценной планеты.

«Я доволен тем, что мне удалось участвовать в создании этого заповедника в Монтеверде. Он привлек невероятное количество биологов, которые внесли большой вклад в наше понимание, что такое этот лес, насколько он ценен. Как же мне было приятно видеть здесь, на тропе, своего сына, доктора Карлоса Гиндона, объясняющего важность этой среды обитания студентам, которые действительно интересуются этой темой и которым повезло услышать ученого человека, имеющего местный опыт.

Для достижения целей нужна целая команда. Никто из нас не сможет справиться в одиночку. Помощь должна идти от многих людей. Мы имеем в виду не только этот лес. Мы говорим о сохранившихся районах с дикой природой по всему миру. С хорошо устроенным менеджментом мы, надеюсь, сможем восстановить что-то из того, что уже потеряли. Из планеты, в основном покрытой лесом, мы превратились в планету, где леса изрядно вырублены; их осталось мало.

Чему мы должны посвятить свои жизни, так это получению максимальной производительности наиболее приспособленных для этого земель. Мы должны заботиться о защите наших рек и водоснабжении, о защите мест обитания многих видов флоры и фауны. Мы только начинаем по-настоящему ценить эту землю. Леса всех типов должны быть защищены, обеспечив таким образом уверенность в выживании большинства видов. Человеку надо понять и принять тот факт, что он всего лишь один вид из многих, населяющих землю. Мы должны найти способ управлять нашими природными ресурсами так, чтобы наше стремление к чистому воздуху, чистой воде и незагрязненной почве не осталось просто планом на будущее, а стало реальностью. Мы не можем продолжать разбрасываться ресурсами и загрязнять окружающую среду, тем более, что потребность в чистоте растет вместе с ростом населения Земли.

Сегодня у нас больше научных знаний и понимания по сравнению с тем временем, когда я начинал двигаться в этом направлении. В своей жизни я видел зарождение понимания важности здоровой экологии. Я был свидетелем роста серьезной озабоченности и приверженности позитивным изменениям, которые появились практически из пустоты. Такие термины, как экология, переработка и устойчивость, все они возникли, когда я еще бродил в этих тропических джунглях. Все это наполняет меня верой в то, что появятся умные и добросовестные лидеры, которые будут знать, что нужно делать, чтобы наша планета и дальше вращалась. Но это будет усложняться с каждым годом, и каждому последующему поколению придется проявлять ту же приверженность своим идеалам. К счастью, я уже сегодня вижу, что некоторые из моих детей и внуков работают на будущее, на выработку решения. Я буду доволен, если они продолжат идти по этому пути. И я радуюсь, что благодаря моим беседам с Кей, вошедшим в эту книгу, у меня была особенная возможность рассказать о моей роли в деле сохранения и поделиться своей любовью к тропическому лесу».

15. Через морщинистые хребты

В самом начале апреля 2007 года, в пасхальную неделю — *Semana Santa* по-испански — я снова шла за Вольфом по лесу. Вместе с небольшой, но полной энтузиазма группой туристов мы прошли великолепным маршрутом — тропой тапира — от самого входа в заповедник туманного леса до конца, до пастбищ у основания вулкана Ареналь. За четыре дня похода я, наконец, увидела своими глазами ту полосу препятствий, через которую Вольф смог прорубиться в этом невероятно сыром и грязном, но фантастически ярком лесу. На протяжении всех двадцати восьми или около того километров тропа вьется, проходя по верхушкам гребней, через топи болот, продираясь упорно к свету, манящему в конце этого зеленого туннеля. Тропа часто исчезала под огромными сплетениями ветвей, оторванных от деревьев сильным ветром. Благодаря усилиям сына Вольфа Бенито и его друзей, которые прошли по маршруту несколько дней назад, нам всегда удавалось обойти препятствия — деревья были срублены и убраны прочь с тропы. Нельзя было не восхититься работой предвидящего все Вольфа, который с самого начала тщательно продумал маршрут. И идти с ним было, конечно, одно удовольствие.

Мы провели нашу первую ночь в приюте в Эль-Валле, который можно было назвать роскошным отелем, если сравнивать с условиями двух последующих ночлегов. Вечером с небес посыпалась нежная морось, но внутри избушки нам было вполне удобно. Однако уже к концу второго дня мы напитались водой как губки, пробиваясь сквозь постоянный дождь. Казалось, влага поглощалась через каждую пору, и надежд на то, что удастся подсохнуть, не было никаких. У каждого в рюкзаке был небольшой пластиковый пакет, который мы

называли «горшочек с золотом». В нем хранилась сухая, чистая одежда, в которую мы могли переодеться ночью. Весь фокус был в том, что надо было надеть пижаму, не намочив ее, а после этого надо было заползти в палатку, не занеся в нее вездесущую черную грязь. Утром мы снова надевали холодную, мокрую и грязную одежду, потому что никто из нас не желал носить в своих рюкзаках шмоток больше, чем необходимо. Мы шли по морщинистым хребтам под грохотание небесного грома, под периодический аккомпанемент рокота вулкана, какофонии из трескотни насекомых, кваканья лягушек и криков птиц. Еще в эту симфонию вплетались различные мелодии дождя, часто менявшего ритм. И, конечно, с нами все время был несмолкаемый голос Вольфа.

В нашей группе был еще один канадец, назовем его Дж. Р., житель Монтеверде, который и раньше ходил с Вольфом по тропе тапира. Он очень серьезно относился к темпу нашего перехода и все подгонял нас после каждого привала, обеспокоенный тем, что с такой скоростью мы сможем добраться до конечного лагеря лишь впотымах. Он знал, что нам нужно добраться до лагеря, потому что площадка для палаток находилась поблизости от ручьев — источников питьевой воды. Мой юный друг из Сан-Карлоса Андрей был нашим маленьким шерпом, *шерпита*. Этот шестнадцатилетний юноша вызвался тащить на своей сильной спине самый тяжелый рюкзак. Для него этот поход и красота тропического леса были в новинку. Еще с нами шли три веселых девушки-тикос — Мерседес, Роуз Мари и Елена — которые знали, что им выпала честь участвовать в необычном приключении. Они были вознаграждены еще и неизменным хором похвал в свой адрес. Кроме того, нас сопровождала молодая японка по имени Такако, которая совсем недавно занялась экотуристическим бизнесом, привлекая своих соотечественников в Коста-Рику. В наш первый вечер мы с ней обсуждали природу экотуризма и обменивались историями наблюдений за гостями Коста-Рики, накопившимися у нас за многие годы, как положительными, так и отрицательными. В конце похода мы согласились, что это путешествие — погружение в лес со всеми прелестями и неудобствами — было образцом самого экологичного туризма.

И еще двое участников нашего похода были сотрудниками заповедника. В Пасху заповедник традиционно увеличивает число охранников по всему району в ожидании охотников и браконьеров, желающих срубить пальму. Они чаще всего появляются в лесу в пасхальное время. Даже те сотрудники, которые в иное время работают в сфере обслуживания заповедника, вступают на время в ряды охранников и проводят пасхальную неделю в патрулировании заповедника и его приграничных территорий. В поход с нами отправился Нано, сильный и скромный парень, который впервые был в походе на тропе тапира. Кроме него с нами был и Луис Анхель Обандо, зять Эладио Круза. В 1990 году я впервые прошла маршрутом через Пеньяс и отлично помнила Луиса. Он был одним из тех застенчивых молодых тикос, работавших тогда в заповеднике. Свой трудовой путь он начал в бригаде техобслуживания в 1988 году, когда ему был 21 год. В конце концов, он стал главой отдела технического обслуживания, а в 2002 году заступил на должность главы охраны. Идти по лесу вместе с Луисом было одно удовольствие. Его спокойная уверенность в себе и искрометные шутки всегда веселили нас и подбадривали. Эти люди, такие как Луис и Нано, не говоря уже о Вольфе, Эладио и других, подобных им — просто удивительные. Они бегают как олени по тропе, прыгая, как кролики через упавшие стволы деревьев, и при этом тащат на себе груз, который, казалось, способна утащить только лошадь. Я всегда чувствую себя спокойно в присутствии людей, которые все могут, и дикие джунгли для них — дом родной. Всякий раз, когда я вижу этих людей в лесу, мое уважение к ним растет, и я не перестаю восхищаться той работой, которую они делают.

Участники нашей группы отправились в поход по разным причинам, понимая, что для успешного прохождения маршрута потребуется физическая выносливость, по крайней мере,

на несколько дней. С другой стороны, охранники леса отправляются в джунгли регулярно, круглый год — и в ливневые дожди зимой, и жаркое влажное лето. Их постоянно терзают слепни, и они все время должны высматривать змей. В любой момент они могут оказаться в опасной ситуации, должны будут противостоять агрессивному охотнику или отправиться на поиски пропавшего туриста. И все же, несмотря на плохие условия и потенциальные опасности, охранники умудряются не терять чувство юмора. Взрывы смеха и болтовня не прекращаются, когда эти ребята в темноте готовят себе ужин. Они не обращают внимания на мокрую одежду и на усталость, они полны оптимизма и задора в этом диком лесу, пока семьи и удобные кровати ждут их где-то далеко.

Я помню, с какой гордостью за свою работу Луис рассказал мне о том, чем он занимается на посту начальника охраны. После нескольких лет работы в отделе техобслуживания, после расчистки и очистки троп для удобства туристов он обнаружил, что на посту охранника он заботится о большем — о благосостоянии флоры и фауны в диком лесу. Для него это было более привлекательным. Луис понимает, что в Монтеверде народ в основном неагрессивный, и что они в большинстве своем поддерживают идею заповедника. Поэтому он не чувствует необходимости носить оружие. В то же время он отлично понимает охранников, патрулирующих в тех районах, где отношение к заповеднику не столь однозначно. Легко догадаться, почему тамошние охранники предпочитают иметь при себе оружие.

Луис считает, что решение вечной проблемы охоты заключается в найме охотников в качестве охранников леса. Эта работа дала бы им средства к существованию, а также альтернативную причину для того, чтобы находиться в джунглях. На такой работе вчерашний браконьер узнает о преимуществах защиты дикой природы, при этом он поделится своими ценными знаниями о лесе с другими. Луис вырос в Сан-Луисе и был охотником всю свою жизнь, вплоть до того дня, когда начал работать в заповеднике. Он больше не ходит на охоту. Он благодарит Вольфа и Рикардо Родригеса, бывшего директора и начальника охраны в заповеднике, за то, что они научили его обращаться с нарушителями ненасильственными способами. «Сначала вы просите их положить на землю оружие или мачете, — говорит Луис. — Это снижает напряжение. Тогда вы можете говорить резонно, аргументированно и вместе двигаться к мирному решению». А еще он использует юмор, чтобы преодолеть серьезные ситуации, точно так же, как делал Вольф в свою бытность участником патрулирования.

На третий день пути буквально за час до заката мы вернулись в лагерь. Последняя часть тропы шла вниз по крутому склону и довольно прямо. Мы постоянно скользили по грязи. Дождь лил не переставая. Все были промокшие, грязные и усталые, что никак не отразилось на той эйфории, которую мы испытали, когда увидели синий тент, наш лагерь. Мы добрались-таки до нашего последнего бивуака, прежде чем на следующий день вернуться в цивилизацию.

Понимая, что под тентом для всех наших палаток места не хватит, мужчины под дождем мастерили дополнительные места, а женщины настраивали газовые плиты и приступали к завариванию кофе и приготовлению пищи. Вольф и Дж. Р. отправились на поиски деревьев, на которые они могли бы повесить свои гамаки под полиэтиленовой пленкой. Нано и Луис скосили влажную растительность на относительно плоском участке земли и положили там большие листья геликонии, чтобы уже на них поставить палатки.

Вольф повесил гамак и подошел к краю навеса, под которым мы готовили обед. Он опустился на влажное бревно. Тонкое пончо обтягивало его сгорбленные плечи, руки крепко держали теплую чашку кофе. Когда мы все собрались у очага для согрева, вдыхая чудесный запах *тамале* — лепешек из кукурузной муки, обернутых кукурузными листьями — шкворчащих на сковороде, Вольф тихо сказал: «Это супергруппа — то, что надо для моего последнего похода по этой тропе».

Горящие свечки мягко обозначили тени вокруг усталого человека. Мы переглянулись. «Слушай, Вольф, не хочется думать, что это может быть правдой», — первой отреагировала Мерседес.

Он продолжал, не глядя ни на кого из нас: «Знаете, мне кажется, что я потерял интерес ко всему этому. Я не очень-то здоров. И нет у меня уверенности, что я смогу пойти в такой поход еще раз».

Никто не сказал ни слова. Все чувствовали себя весьма неловко, что мешало полностью понять чувства Вольфа, хотя никто из нас не хотел поверить его словам.

Мы расселись, чтобы поужинать, кто где смог устроиться. Спустя несколько минут ко мне подошел Луис и сел рядышком. Над ним не было тента, но он оставался невозмутимым под морозящим дождем. Он перемешивал вилкой рис на своей тарелке, всем своим видом показывая, будто хочет что-то сказать. Наконец, он вымолвил: «Не могу поверить, что мы в походе».

«Почему ты так говоришь?» — спросила я, глядя на капли дождя, скользившие по его лицу.

«Я просто подумал о том времени, когда ты тут была в первый год. Как давно это было?»

«Семнадцать лет назад», — ответила я.

«Ага, я помню, что в последний раз, когда мы видели тебя в тот год, ты была такой худющей и слабой. Мы понимали, что что-то не так, — продолжил он. — Тогда Сусана Шик сказала, что у тебя рак. Она сказала, что ты можешь умереть».

В те дни Сузана давала уроки естественной истории сотрудникам заповедника. Мы с ней были друзьями и переписывались после того, как я покинула Монтеверде.

«Мы думали, что это было чудо, когда ты вернулась, вполне себе в теле и здоровая. Так что я поражен тем, что вижу тебя после такого трудного маршрута, сильную. Ну, я просто поражен».

Это правда. В свои 48 лет я выдержала эту проверку на выживание лучше, чем когда-либо. Жаловаться сейчас не на что, разве только на занозы в моих ладонях, оттого что я ухватилась не за те деревья, когда поскользнулась в грязи.

«Хорошо, Луис, — сказала я. — Я считаю, что это настоящий подарок — быть здесь, идти с тобой, Вольфом и всеми остальными, это роскошный подарок. Пусть у всех нас будет шанс повторить это снова».

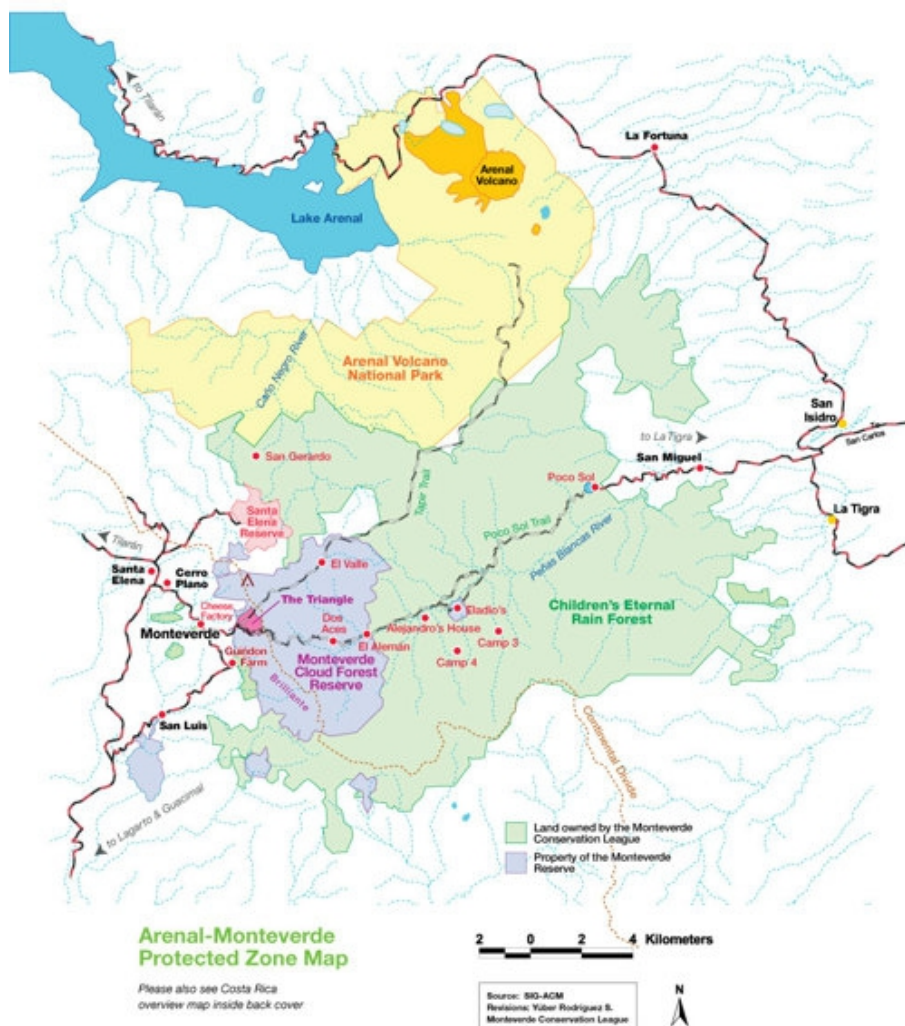
«Да, Кей, — сказал он. — Надеюсь на это».

Ночь прошла под аккомпанемент капель дождя, завывание ветра и редкие раскаты грома. Нам не давали уснуть глубокие голоса Луиса, Нано и Андрея. Они разговаривали и смеялись в своей палатке добрую половину ночи. Слишком много кофе. Наконец-то наступила тишина — но на короткий миг. Ее нарушили крики, щебет и верещание ранних утренних птиц. Сквозь палаточные швы просачивался утренний свет. Шум дождя утих, превратившись в вибрирующий звук капель. Я лежала в своем теплом спальном мешке, вытянув ноги, и размышляла о том, что нам предстоит идти еще часа три. Я задавалась вопросом, действительно ли дорога будет полегче. Луис и Вольф уверяли ведь, что теперь все под горку, под горку. Я уже поняла, что они частенько слегка искажают правду, сообщая путешественникам то, что те хотят услышать, просто чтобы люди довольные шагали себе по тропе.

«В дорогу! Подъем! — откуда-то из леса раздался знакомый голос. — Где кофе?»

Я быстро выползла из своего спального мешка, расстегнула полог палатки, в последний раз

натянула свои отвратительные носки и ботинки и пошла греть воду на газовой плите. Когда мягкая песня дрозда-отшельника пронзила туман и слилась с голосом Вольфа, я улыбнулась. Я знала, что до тех пор, пока Вольф в состоянии ходить, он продолжит свои походы, он по-прежнему будет прорубать себе путь через этот невероятный лес, который так любит. Месяц спустя, уже после того как я улетела домой в Канаду, Вольф снова вышел на тропу, на этот раз в сопровождении Бенито, Мелоди и шестерых своих внуков. Ну не замечательно ли это?

Зона сохранения «Ареналь-Монтеверде»

Благодарности со стороны Кей

Все те годы, что я готовила эту книгу, меня поддерживали и мне помогали столько людей, что я не смогу перечислить их всех по именам, но я никогда не забуду их доброту и поддержку, которые окружали этот проект с самого начала. Это свидетельство уважения и любви людей к Вольфу Гиндону.

Прежде всего я должна поблагодарить Марийку Михайлович и Арта Педерсена за помощь в развитии идеи сбора рассказов Вольфа, а также Налини Надкарни и Тери Мателсон за предоставление нам первого диктофона, самого первого из многих. За оказание технической помощи на протяжении многих лет, когда я со скрипом училась понимать, что такое компьютер, моя благодарность — моим техно-гуру Бобу Лоу, Майку Ярроу, Марлене Лейтон Кэмпбелл, Пабло Бренес, Сэму Хиксу, Шерил Тайсон, Джейми Гранту, Джону Баку и Дэвиду Уиллису.

Я очень благодарна моим хорошим друзьям, которые в разное время давали мне кров, а также добавляли мне оптимизма, пока я работала над проектом: Джо Муэтинг и Кейти Мартин, Джек и Мирель Лапойнты, Зулай Мартинез и Кейт Мейвс, Орасио Монтеро и Вилма Мартинес, и Патриша Мейнард. За их энтузиазм, который подпитывал мою энергию, когда задачи казались неподъемными, спасибо Джиму Криспу, Мэри Стаки Ньюсвангер, Деннису Ли, Полу Маккею, Фреду и Майку Коулам и особенно Джиму Оуку.

Энди Снинский и Инге Холчек, издатели из Good Times в Центральной Америке, и Горд Пуллар с радио CFMU в Гамильтоне публиковали «Прогулки с Вольфом» задолго до завершения книги — сердечная благодарность за ваши усилия. За помощь в деле проверки достоверности фактов я благодарна Патрише и Майклу Фогденам, Венди Роквелл, Карен Мастерс, Биллу Хаберу, Виллоу Зуховски и Туриду Форсайту. Бретт Коул, Вагнер Лопес, Джим Рихардс и Каролин Эйвери дали мне свои замечательные фотографии, и я искренне ценю их щедрость.

Тысяча благодарностей Юбер Родригес за то, что она изготовила карты; Луису Анхель Обандо за то, что поделился своими воспоминаниями; и я обнимаю Мерседес Диас Херейра в знак признательности за ее огромную помощь в установлении контакта с Вольфом.

Я должна поблагодарить директоров и сотрудников, служивших на протяжении многих лет в заповеднике туманного леса «Монтеверде», сказать спасибо Лиге сохранения Монтеверде и Институту Монтеверде, за то, что они предоставили мне доступ к их записям и объектам. Особая благодарность Карлосу Муносу из Лиги за то, что он позволил нам использовать отрывки из трудов Вольфа, которые были первоначально опубликованы в бюллетене Лиги «Следы тапира». Я благодарна Адриану Форсайту, Гэри Диллеру, Ферми Аргедуэсу, Биллу Бускирку, Эладио Крузу и Ричарду Бутгейту за время, потраченное на свои воспоминания, которые добавили столько личных черт нашему главному герою.

Всем, кто взял на себя труд прочесть рукопись и сделал неоценимый вклад — Кристин Карлтон, Джоанн Сноу, Ширли Клемент, Ал и Жан Баир, Линда Леман, Дин Хайк и Лиза Виртанен — моя глубокая благодарность вам. Кроме того, я глубоко признательна Марку Уэйнрайту, который отредактировал ранний черновик и избавил меня от противоречий в этом черновике (а еще он кормил меня бесчисленными вкусными блюдами). Позже наш редактор, Джейн Паванель, проштудировала рукопись, и с нежностью, благоговением и интеллигентностью помогла Вольфу и мне изложить наши истории более четко. Джейн, ты потрясающая.

Благодаря интернету я воссоединилась с моим другом Лори Холлис-Уокер, которая стала моим наставником в процессе планирования и помогла мне преобразить рукопись в эту

книгу. Мне также повезло познакомиться с Кеном Кроссером, который работал со мной, создавая обложку. Вы оба изобретательны, талантливы и вы — энтузиасты своего дела, благодаря вашему участию я смогла по-настоящему насладиться самой страшной частью процесса публикации. Спасибо также Брюсу Маклину, который завершил работу, а также сделал окончательные приготовления для того, чтобы отдать книгу в типографию.

Благодарности со стороны Вольфа

Эта книга является результатом преданности и решимости Кей Чорнук. В 1990 году она выдала мне диктофон для записи моих историй. Я наговаривал свои рассказы и на тропе, и за чашечкой кофе. Потом Кей вернулась в Канаду и переписала все с кассет, используя шестое чувство, которое она разработала для интерпретации моего способа описания того, что я вижу перед собой. Я продолжал наговаривать свои рассказы на диктофон до 2002 года, но Кей включила еще и материалы из наших бесед, происходивших до 2007 года. Теперь у нас есть письменная история этих событий, которая иначе бы просто испарилась.

Как только мы решили, что у нас есть материал для публикации, случились непростые события в собственной жизни Кей. Но они оказались лишь временными задержками перед реализацией грандиозного проекта. Вступление, которое она добавляла к каждой главе, и ее интервью с моей семьей, с друзьями, привлекли еще больше людей к проекту, и общими усилиями от рассказа о жизни человека мы перешли к истории целого сообщества.

Я присоединяюсь к Кей в ее посвящении книги своей матери, Ви Чорнук. Я заочно познакомился с Ви, когда она заинтересовалась моей мечтой о создании длинного маршрута из Монтеверде в Никарагуа. Она дала мне комплексный план тропы Брюса, документ, в котором подробно описывается, как этот 850-километровый туристический маршрут в южном Онтарио был спроектирован и как он поддерживается. Она интересовалась созданием этой книги, и я сожалею, что мы так никогда и не встретились.

Еще один важный человек, который внес свой вклад в наш проект, — моя супер-жена Лаки, на которой лежали обязанности нашей семьи и дома. Ее любовь и поддержка всегда сопровождали меня, когда я работал с утра до ночи в туманном лесу, и было не так важно, сколь далеко я уходил на просторы джунглей. Лаки и все наши дети тащили дом, взяв на себя дополнительные обязанности. Итак, Альберто, Томас, Хелена, Карлос, Бенито, Рикардо, Антонио и Мелоди, я благодарю каждого из вас.

Мы все благодарим Джорджа и Гарриет Пауэллов, которые дали толчок самой идее сохранения леса, и своими усилиями преодолели все препятствия, сделав все для того, чтобы создать заповедник и помочь ему расти. Это было не такой уж сложной задачей в 1971 году, когда развитие лесов было популярным движением. Я также благодарен Тропическому научному центру, который проголосовал за избрание меня в качестве члена ассоциации. Они были уверены в том, что я буду представлять их на многих должностях, буду делать все, начиная с административных работ и покупки земли и заканчивая вопросами охраны и связей с общественностью.

Я очень признателен тем людям, которые делились своим опытом со мной, как на тропе, так и за ее пределами, таким, как д-р Лесли Холдридж, д-р Джо Този, Гэри Хартсхорн, Гэри Стайлз, Альваро Угальде и Марио Боса, и это лишь некоторые из всех, кого надо было бы упомянуть здесь. Эти ученые очень помогли мне расширить мои знания в области тропической экологии. Я также хочу выразить благодарность и признательность учредителям и другим лицам, членам Монтевердской лиги сохранения, и биологам, членам сообщества, которые, объединившись, получили поддержку как здесь, так и в мировом масштабе: Билл

Хабер, Ричард Лаваль, Боб Лоу, Виллоу Зуховски, Алан Фундс, Патриша Фодген, Майкл Фогден, Джон Кэмпбелл, Синтия Эчеверрия, Джим Крисп, Джим Вулф, Боб Лоутон, Эладио Крус, Фрэнк Джойс, Адриан Форсайт и Джованни Белло. Это их забота и поддержка вдохновляли меня всё то время, когда я расхаживал по множеству маршрутов, описанных в этой книге.

Конечно, одним из величайших подарков судьбы является мое членство в сообществе Монтеверде. Это мой дом. Мы даем пример сохранения и бережного использования наших природных ресурсов от имени коллектива озабоченных этой проблемой семей. Мы фактически отгородили этот участок площадью 554 гектара для защиты нашего водоснабжения, и именно тогда, когда я защищал этот район, я впервые почувствовал любовь к изучению леса.

Я должен признать мое очарование этим небольшим, но динамичным лесом, чем я имел удовольствие поделиться с людьми со всего мира — он пронизан неизменно яркими солнечными лучами, укутан рассеянными облачным покровом и туманом... тут всегда есть что-то новое для наблюдения и наслаждения... а когда гаснет солнечный свет, что случается по крайней мере раз в день, вокруг появляется совершенно новый мир звука и жизни... видны острые силуэты и разнообразные узоры его теней... даже жизнь растений с их рутинными процессами, ведь некоторые цветы оживают ночью, в то время суток, когда другие закрываются. Добавьте к этой картине еще и Луну с ее постоянно меняющимися фазами, что привносит свой собственный ритм, который поддерживает пульс леса ночью. Поэтому я благодарю сие творение Божье, и я благодарен за то, что сыграл свою роль в защите этого чуда.

Уилфорд Ф. Гиндон Холл

Вольф Гиндон (1930–2016)

Послесловие к русскому изданию

Наш друг Вольф Гиндон, чья история жизни украшает страницы этой книги, скончался 25 апреля 2016 года в своем собственном доме, в окружении семьи и друзей, в любви и мире. Зная о том риске, которому он подвергался в глухих лесах Монтеверде на протяжении почти всей своей взрослой жизни, можно считать настоящим чудом, что он смог провести свои последние дни и часы, окруженный коллективной заботой тех, кто его любил. Всю свою жизнь его сыновья находились в ожидании того, что наступит момент, когда их позовут искать отца, раненого или пропавшего в какой-то глухомани. То, что такой необходимости не возникло, они восприняли с чувством облегчения.

Известность, нахлынувшая на Вольфа, когда мы в 2008 году издали английскую версию «Прогулок», подействовала на него омолаживающе. В последние годы жизни он получил множество знаков одобрения, благодарностей и слов признательности за вклад в охрану окружающей среды и деятельность в сообществе Монтеверде. Он встречался с автором книги Кей Чорнук в США и Коста-Рике и с удовольствием вел с ней разговоры. Всегда было радостно видеть, как студенты реагировали на его рассказы и юмор, как он встречался со старыми товарищами по лесным скитаниям — с лесничими, активистами и биологами — и знать, что издание книги добавило еще больше понимания и уважения к делу его жизни.

Его здоровье начало серьезно ухудшаться в 2010 году. Повлияли диабет, чрезмерное употребление лития от маниакальной депрессии и проблемы с сердцем. Вольф постоянно

жил с мыслью о том, что в округе еще полно троп, по которым он может прогуляться, а он «никуда не ходит».

В июле 2015 года вышел испанский перевод книги. *Caminando con Wolf* была совместным изданием Университета Коста-Рики и Тропического научного центра. Книга появилась вскоре после того, как Кей Чорнук в конце сезона как обычно вернулась в Канаду, и публикация была отпразднована в маленькой фермерской общине Сан-Луис, расположенной рядом с фермой Гиндонов, лишь в феврале следующего, 2016 года. На празднике присутствовало много соседей, друзей и коллег Вольфа.

К сожалению, это событие ознаменовало начало конца. Вольф совершил все, что мог, и прожил еще какое-то время. Он стал свидетелем того, как приняла книгу его община. Костариканцев переполняла радость, когда они читали описание своего опыта и истории, а также истории квакеров Монтеверде. Это было радостное время, но Вольф ощущал переутомление. Он устал от борьбы за свое здоровье. Он больше не мог ходить без посторонней помощи. Его речь была настолько нарушена, что даже его жена Лаки, сын Бенито и Кей едва могли понять его. Жизнь для него стала скорее обузой, чем радостью.

В течение недели за Днем Монтеверде, который отмечался 19 апреля 2016 года, Вольф перестал есть. На общинном пикнике, который каждый год проводится на свежем воздухе, как праздник основания сообщества (это была 65-я годовщина), Вольф вкусил свою последнюю пищу. С того дня он отказывался от еды, больше спал, делился своей любовью и юмором через глаза и улыбку и медленно, но неотвратимо, упокоился.

Множество людей всегда будут сильно скучать по нему. Однако Вольф Гиндон оставил наследие, которое растет и процветает на Монтеверде – Зеленой Горе – во благо всем: обезьянам, птицам, змеям, большим кошкам, тапирам и людям.

Кей Чорнук, 2018

Об издании

Издание подготовлено организацией «Дом Друзей в Москве» при поддержке благотворительного фонда The Joseph Rowntree Charitable Trust. Другие книги о квакерах и более подробную информацию о Религиозном обществе Друзей можно найти на сайте www.quakers.ru.

Переводчик: Сергей Никитин

Редактор: Лариса Никитенко

Корректор: Сергей Грушко